VISIT…

КЛАССИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Август МЮЛЛЕР

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов

Москва 2004

Серийное оформление *С. Власова*
Компьютерный дизайн *Ю. Герцевой*

Подписано в печать 20.11.2003. Формат 84x108/32
Гарнитура Гарамонд. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 47,04
Тираж 5 000 экз. Заказ № 175

Мюллер А.
М 98 История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов: Пер. с нем. / А. Мюллер. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 911, [1] с. — (Классическая мысль).
15ВК 5-17-022274-2 (ООО «Издательство АСТ») 15ВМ 5-271-08183-4 (ООО «Издательство Астрель»)
Настоящее издание представляет собой труд выдающегося немецкого ученого XIX века Августа Мюллера «История ислама», который охватывает период истории арабов с древности до XIX века. В данную кншу вошли 2 первых тома, изданные в русском переводе в 1895 году и анализирующие события начиная с доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов.

УДК 297 ББК 86.38

15ВК 5-17-022274-2 (ООО «Издательство АСТ»)

I5BN 5-271-08183-4 (ООО «Издательство Астрель»)
© ООО «Издательство Астрель», 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ 1 ТОМА

Август Мюллер. Биографический очерк. (Стр. 3—10)

КНИГА ПЕРВАЯ **Арабы и ислам**

ГЛАВА I. (Стр. 13-17) **До Мухаммеда**

Племенные распри арабов. — Зачатки образования государства. — Оденат и Зенобия. — Династии царей Хиры и Гассанидов. — Гассаниды. — Лахмиды в Хире. — Лахмиды и Киндиты. — Имрууль Кайс и Лахмиды. — Измаилиты и Иок-таниды. — Сабеи и Минеи. — Химьяры и переселения южных арабов. —

Владычество иноземцев в южной Аравии. — Хиджаз. — Мекка и ее святыня. — Курейшиты. — Предки пророка. — Иасриб. — Арабы как нация. — Поэзия арабов до Мухаммеда.

ГЛАВА II (Стр. 71-124) **Мухаммед-пророк**

Рождение и детство Мухаммеда. — Мухаммед в доме Ха-диджи. — Семейная жизнь Мухаммеда. — Положение религии в Аравии. — Призвание Мухаммеда как пророка. — Первые откровения. — Был ли Мухаммед пророком?. — Характер его пророческой деятельности. — Верующие и враги. — Коран. — Проповедь в Мекке и ее противники. — Выселение и неудачная попытка примирения. — Новые преследования; второе выселение. — Обращение Хамзы и Омара; учение о предопределении. — Рассказы из Ветхого завета; новые столкновения. — Гонения против родственников Мухаммеда; компромисс. — Смерть Хадиджи; новая женитьба. — Смерть Абу Талиба. Неудачная проповедь в Таифе. — Бегство из Таифа и возвращение в Мекку.

ГЛАВА III. (Стр. 125-204) **Хиджра. Мухаммед в Медине**

Обращение нескольких жителей Иасриба. — Дальнейшие успехи прозелитизма в Иасрибе. — Чудесное путешествие Мухаммеда; приготовления к бегству. — Официальная присяга жителей Иасриба. — Бегство Мухаммеда в Иасриб (Хиджра). — Мухаммед в Иасрибе; личность пророка. — Свадьба с Айшей; сближение с иудеями. — Договор с арабами и иудеями Иасриба. — Возрастающее влияние Мухаммеда, дальнейшая организация общины. — Состав новой общины. — Противники Мухаммеда в Иасрибе. — Пререкания с иудеями, национализирование ислама. — Позднейшие части Корана. — Война против мекканцев. — Внезапное нападение при Нахле. — «Священная война». — Сражение при Бедре. — Победа Мухаммеда над мекканцами. — Раздел добычи; последствия победы. — Казнь противников вероучения. — Гонения на иудеев. — Капитуляция иудеев племени Кейнока. — Нечаянное нападение Абу Суфья-на. — Новые убийства. Поход мекканцев против Медины. — Битва при горе Оход. — Поражение Мухаммеда. — Последствия битвы; столкновения с бедуинами. — Осада и капитуляция евреев племени Надир. Запрещение вина; коалиция внешних неприятелей. — Набеги Мухаммеда; приключение Айши. — Приближение войска союзников; война из-за окопов. — Снятие осады Медины; истребление в ней последних иудеев.

ГЛАВА IV. (Стр. 204—296)
Последние годы пророка и окончательная победа его религии. Система вероучения ислама

Небольшие набеги; паломничество в Мекку. — Переговоры перед Меккой; договор при Худейбии. — Последствия договора; поход против Хейбара. — Завоевание Хейбара; мирное паломничество в Мекку. — Первые попытки расширения влияния ислама за границы Аравии. — Поражение при Муте поход против Мекки. — Капитуляция Мекки. — Мухаммед в Мекке; война с племенем Хавазин. — Битва при Хунейне; неудачная осада Таифа. — Раздел добычи; неудовольствия, возникшие между мединцами и вновь обращенными. — Подчинение многочисленных арабских племен. — Дальнейшие обращения; поход в отмщение за Муту. — Поход на север. Смерть Ибн Убайи. — Меры против неверных; прощальное паломничество. — Новые приготовления против византийцев. — Кончина Мухаммеда. Его характер. — Возмущения в южной и центральной Аравии. — Медине угрожают бедуины. — Усмирение восстания; битва при Вузахе. — Жестокая расправа Халида с пленными темимитами. — Сад смерти; покорение востока полуострова. — Конец возмущения на юге. — Система вероучения ислама: понятие о Боге. — Система вероучения ислама: предопределение; свойства Бога. — Система вероучения ислама: пророчество, Коран, предания. — Система вероучения ислама: загробная жизнь. — Система вероучения ислама: религиозные обязанности. — Система вероучения ислама: молитва и богослужение. — Система вероучения ислама: посты, паломничество. — Система вероучения ислама: паломничество в Мекку. - Система вероучения ислама: подать в пользу бедных, священная война. — Система вероучения ислама: различные законы. — Заключение.

КНИГА ВТОРАЯ **Правоверные халифы**

ГЛАВА I. (Стр. 297-311) **Халифат**

Трудности установления престолонаследия. — Спор между беглецами и ансарами. — Халиф Абу Бекр; введение выборного начала. — Духовная и мирская власть халифа. — Правоверные халифы: Абу Бекр

и Омар.

ГЛАВА II. (Стр. 311—383) **Великие завоевания**

Завоевательная политика халифов. Омар. — Обзор первых завоеваний. — Причины побед ислама (), — Положение Персии и востока Римской империи; арабский способ ведения войн. — Мусанна и Халид против персов. Цепной бой. — Битвы Халида на равнине Евфрата. — Занятие Хиры. Халид откомандирован в Сирию. — Отступление Мусанны; битва у моста. — Сражение при Бувейб; основание Басры. — Смерть Мусанны, Са'д и Рустем при Кадесии. — Битва при Кадесии. — Поражение персов; завоевание Ктезифона. — Новое сопротивление персов: Джалула; Хурмузан. — Основание Куфы; битва при Ниха-венде. — Завоевание персидских провинций; смерть Йездегерда. — Выступление мусульманского войска в Сирию. — Немногочисленность сирийского войска; поход Халида через пустыню. — Завоевание Палестины; первая капитуляция Дамаска. — Приготовления Ираклия к войне; битва при Гиеромаксе. — Второе занятие Дамаска: кончина Халида. — Въезд Омара в Иерусалим. Чума в Эм-маусе. — Армения, Грузия, Кипр, Малая Азия. — Амр в Египте; занятие Вавилона. — Переговоры о Египте; заключение мира. — Барка и Триполис; неудачная попытка к восстанию Александрии.

ГЛАВА III. (Стр. 383—469)
Организация государства и междоусобная война

Законы о податях и другие предписания Омара для иноверцев. — Устройство войска и управление. — Наместник и судия. Особые меры (Об) Позднейшие изменения в организации Омара. — Отношение арабов к побежденным. — Общие последствия мусульманских завоеваний. — Смерть Омара. — Характер Омара. — Осман-халиф. — Обострение внутренних несогласий. — Население городов Куфы и Басры. — Начало неудовольствия. — Издание Корана Османом. — Подкопы под халифа. — Угрожающее поведение медин-цев; приближение мятежников. — Переговоры между Османом и бунтовщиками. — Халиф, осажденный в своем собственном доме. — Смерть Османа; Алий принимает халифат. — Му'авия отказывается присягнуть халифу. — Выступление Айши, Тальха и Зубейра в Басру. — Алий под Басрой; переговоры о мире. — Нарушение перемирия; верблюжья битва; смерть Тальхи и Зубейра. — Поход Алия против Му'авии. — Битва при Сиффине. — Победа Алия, уничтоженная коварством Амра. — Алий соглашается на выбор третейского суда. — Раскол в войске Алия: хариджи-ты и шииты. — Безрезультатность третейского суда. — Борьба Алия с хариджитами. — Потеря Египта. — Умерщвление Алия. Личность его.

Положения, принимаемые молящимися мусульманами. (К разделу «Система вероучения ислама». Книга первая, глава IV)

АВГУСТ МЮЛЛЕР*

Пользуясь обязательным разрешением академика бар. В. Р. Розена, приводим из его речи, читанной в Заседании Вост. Отд. И. Р. А. О. 29 сентября 1892 и напечатанной в Записках Вост. Отд. т. VII, 329—334, некоторые биографические данные об Августе Мюллере, а также оценку его научной деятельности. Жизнь А в г у с т а М ю л л е р а была небогата внешними событиями: он родился в 1848 г. в Штеттине, где и получил гимназическое образование; затем поступил в Лейп-цигский университет, в котором занимался классической филологией и восточными языками, принадлежа к самым прилежным и верным ученикам незабвенного и несравненного «шейха» Флейшера. В 1868 г. получил докторский диплом от университета в Галле, там же в 1870 г. пристроился приват-доцентом и в 1874 г. был произведен в экстраординарные профессоры. В 1882 г. он был переведен ординарным профессором в Кенигсберг и в 1889 г. в том же звании опять приглашен в Галле.

' Текст печатается по изданию: С.-Петербург, Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895 год. Орфография изменена на современную. Все примечания автора, переводчика и редактора первого издания. - *Примеч. ред. совр. изд.*

В ученой литературе А. М ю л л е р впервые выступил в 1869 г. со смелой попыткой критического — в строго-филологическом смысле — издания моаллаки Имрулькейса*. Этот первый опыт молодого ученого, помимо разбросанных в нем отдельных остроумных замечаний, заслуживает внимания тем, что в нем весьма ясно обрисовывается научный идеал, к которому А. М ю л л е р

стремился всю свою жизнь. Этот идеал — применение к арабской филологии строгого, точного метода, выработанного трудами Ф. А. В о л ь ф а , Ф. Г е р м а н а , К. Л а х м а н а , А. Б о к а и других, поднятие арабской филологии на высоту классической. К вопросам, касавшимся древнеарабской поэзии, он больше не возвращался, но своему идеалу он оставался верным и в той области арабской филологии, которой он посвятил лучшие свои силы.

В 1870 году на него было возложено редактирование примечаний и составление указателя к флюгелевскому изданию ал-Фихриста. Под влиянием ли этой работы или же вообще соображений о важности предмета у А. М ю л л е р а созрела мысль посвятить свои труды истории принятия и развития греческой науки арабами, т. е. именно такой области, в которой, несмотря на сравнительно большое число исследований, необходимость применения строгого метода давала себя чувствовать особенно сильно. Вместе с тем именно здесь, в силу самого свойства сохранившихся материалов, применение этого метода обещало весьма богатые и прочные результаты". На первом плане тут, естественно, должно было стоять критическое издание главнейших источников, т. е. биографических сборников Ибн-Аби Усейбии и ал-Киф-тия, и двух-трех менее важных авторов, как-то: Сайда То-ледского, Мубашшира-ибн-Фатика, ал-Шахразурия, ал-Бейхакия. И вот мы видим, что А. М ю л л е р многие годы

• Imruulkaisi Mu'allaka. Edidit Augustus Muller. Halis. G. E. Barthel CICI-CCCCLXIX. XXII + 31 p. 8.°
"Ср.ZDMG.34,165.

усидчивой, утомительной работы посвящает приготовлению этих изданий, и одно из них, по крайней мере, и при том самое объемистое и важное, ему удается довести до желанного конца. В 1884 г. появилось в трех томах Ibn Abi Useibia. Herausgegeben von August Müller. Königsberg i. Pr. Selbstverlag.. Внешние обстоятельства — стремление к возможному сокращению расходов печатания* — заставили издателя прибегнуть к услугам египетского типографщика, благодаря недобросовестности которого все издание вышло с *внешней* стороны довольно непривлекательным и неудобным для пользования. Но внутренняя ценность его, разумеется, нисколько не пострадала, и оно является классическим в своем роде образцом истинно научного, критического издания, каких мы имеем весьма небольшое число. Сборник биографий медиков Ибн-Аби Усейбии пользуется известностью в ученом мире уже около 200 лет; извлечения из него, ссылки на него делались весьма усердно, но только с появлением издания А. М ю л л е р а этот драгоценный памятник стал действительно достоянием науки. Только теперь мы имеем текст, установленный настолько твердо, насколько это вообще возможно при нынешнем состоянии науки и сохранившихся материалах. А. М ю л л е р работал над своей задачей так методически и так тщательно, пользовался сравнительным обилием рукописных материалов так удачно и умело, что критике остается только отмечать случайные, отдельные промахи — недочеты, неизбежные при любой человеческой работе. Всякий, кто знаком с положением арабской филологии, кто знает, как часто приходится нам опираться на совершенно необработанные и, так сказать, сырые тексты, другими словами, строить прямо на песке, вполне оценит заслугу А. М ю л л е р а . Если бы ему удалось таким же образом издать еще ал-Кифтия и Сайда Толедского, то мы для одной по крайней мере обла-

' Частного издателя не нашлось, а многочисленные ученые учреждения Германии, по-видимому, не сочли возможным оказать содействие этому крупному ученому предприятию.

сти истории арабской цивилизации получили бы твердый фундамент, на котором можно было бы продолжать строить без опасения катастрофы.

К сожалению, А. М ю л л е р , частью вследствие разных чисто внешних неблагоприятных обстоятельств, частью вследствие живости своего ума и разносторонности научных интересов, равно как и свойственной ему всегдашней готовности жертвовать своими интересами на пользу другим, был несколько отвлечен от этой специальной задачи. В 1881 г. он принял предложение составить для известной исторической серии Онкена «Историю ислама на Востоке и Западе», которая была окончена им в 1887 г.*. Приступая к этому труду, М ю л л е р нисколько не увлекался несбыточными мечтами о возможности вполне научного изложения истории ислама в столь короткий срок, при нынешнем состоянии науки и в тех рамках, которые ему были поставлены условиями всего издания. Он весьма ясно понял и определил свою задачу в предисловии к первому тому: «Ich will ein Handbuch darbieten, welches den sugenblicklichen Stand der Forschung möglichst zuverlässig zu einem hoffentlich lesbaren Ausdruck bringt; auch damit werde ich, wenn es gelingt, nichts Uberflüssiges gethan haben».

Мне кажется, что всякий неспециалист, читавший «Ислам», согласится, что эта книга написана с большим талантом и весьма «lesbar», а всякий специалист скажет, что в ней сделано все, что только возможно было, чтобы представить читателю верную картину достигнутых до сих пор наукой результатов. Если не все периоды освещены одинаково, не все стороны исторической жизни мусульманских народов выяснены равномерно, то виноват тут не автор, а настоящее положение науки. Вообще же говоря, «Ислам» А. М ю л л е р а является не только не «лишним», но даже в высшей степени полезным произведением, и я не знаю ни одного другого сочинения, которое давало

бы столь ясный, связный и осмысленный об-

' Der Islam im Morgen- und Abendland. Berlin. 1886—1887.

щий *обзор* преимущественно *внешней* истории мусульманского мира, не говоря уже о том, что и во многих частных вопросах оно дает веские и ценные указания и разъяснения, свидетельствующие как о добросовестности, с которой автор всюду проверял своих предшественников по доступным ему источникам, так и о самостоятельности его взглядов.

Легко понять, как много пользы такая работа должна была принести самому автору, какое ясное представление он должен был получить между прочим о важнейших пробелах в наших знаниях. Из его писем действительно выходит, что он носился с планом не одной исторической монографии. При его глубоком знании языка и созревшем историческом таланте эти монографии, несомненно, вышли бы образцовыми.

Рядом с этими трудами А. М ю л л е р находил время еще для множества работ меньшего объема, работ, частью стоявших в теснейшей связи с его главным трудом, частью вызванных потребностями преподавания или текущими интересами научной литературы. К первой категории принадлежат несколько замечательных статей в Ztschr.d.d. morgenl. Ges., ко второй — его грамматики арабского и турецкого языков и участие в составленной Н ё л ь д е к е хрестоматии древней арабской поэзии. Об арабской грамматике, весьма распространенной и известной далеко за пределами Германии, равно как о турецкой, были своевременно помещены отзывы в наших «Записках». Замечу только, что преждевременная кончина А. М ю л л е р а лишила нас плодов долголетних его изысканий в области истории арабского языка. Именно занятие Ибн-Аби Усейбией и родственными ему авторами должно было особенно укоренить в нем сознание в полной необходимости специального исследования языка разных периодов и разных отраслей средневековой арабской литературы для выяснения вопроса об отношениях его к языку грамматиков-теоретиков классического периода. Изыскания, направленные в эту сторону, обещали не только богатые результаты для истории арабской речи, для арабской исторической грамматики, но должны были иметь также и весьма важные практические последствия при будущих изданиях средневековых арабских текстов известных категорий. Если бы *А.* М ю л л е р у суждено было, например, довести до конца и опубликовать хотя бы только начатые им наблюдения над некоторыми несомненными автографами знаменитых арабских ученых, то издатели арабских средневековых текстов приобрели бы просто неоценимое пособие для решения, по крайней мере приблизительного, массы «мучительных» вопросов критики текста, которые теперь являются часто вполне неразрешимыми и ставят издателя в печальную необходимость довольствоваться заведомо неудовлетворительным состоянием текста.

Но самую широкую популярность, самое большое право на признательность уже не только арабистов, но ориенталистов всех специальностей, археологов, лингвистов, историков и филологов, сколько-нибудь заинтересованных развитием востоковедения — а кто ныне им не заинтересован? — приобрел себе А. М ю л л е р предпринятым им в 1887 г., по почину и с материальной поддержкой Германского общества ориенталистов, изданием «Orientalishe Bibliographie». Поистине неоценимые услуги, которые это с каждым годом все более и более улучшавшееся издание оказывало и оказывает науке вот уже 5 лет, слишком очевидны для каждого, чтобы нужно было о них распространяться. Но на одну характерную черту этого издания, резко выделяющую его из других подобных библиографических сборников, я должен указать: это *систематическая'* регистрация в нем русской литературы по востоковедению. Почин этого благого дела принадлежит всецело А. Мюллеру, и его заслуга нисколько не умаляется тем, что исполнение было ему значительно облегчено деятельным сотрудничеством

' Спорадически это делалось и раньше, хотя бы, например, в предшествовавшей мюллеровой библиографии — библиографии J.Klatt'a, приложенной к Litteraturblatt f. Or Philol. E. Kunn'a.

К. Г. З а л е м а н а. А. М ю л л е р был убежден — и при своем светлом уме и широком образовании должен был быть убежденным — в неизбежности и неминуемости развития и расширения научной литературы на разных языках, не вошедших еще, так сказать, в обиход западноевропейской образованности, и относился по крайней мере к одной такой литературе, т. е. к русской, с полным сочувствием, которое он доказал не на словах только, но и на деле. Ему, конечно, не были совсем чужды и те опасения, то чувство некоторого, вполне впрочем понятного, беспокойства, которое вызывает это явление в громадном большинстве западных ученых, предвидящих новое затруднение на достаточно уже трудном, тяжелом и заставленном всякими преградами пути паломников науки. Но его глубоко справедливая и вместе с тем деятельная, бодрая и в лучшем смысле практическая натура не могла успокоиться на бесплодных вздохах или примириться с бессмысленным глумлением: она заставляла его искать выход, могущий удовлетворить все стороны, и он нашел этот выход в остроумном предложении, чтобы всякий ориенталист, помимо общеизвестных трех-четырех главных европейских языков, изучал еще один из менее известных и затем от времени до времени давал по возможности подробный отчет об относящихся к его специальности трудах на данном языке. Соединяя слово с делом и проповедь с примером, он выбрал

себе русский язык, не потому только, как он сам говорит, что этот язык был ближайшим к нему географически", но и потому, что «русские ученые давно уже показали, что нельзя игнорировать их труды»**. Он принялся весьма ревностно за изучение русского языка и очень скоро уже был в состоянии напечатать первый отзыв и отчет свой о русских трудах по востоковедению. Этот отзыв посвящен Запискам Восточного Отделения И. Р. Арх. Общества, специально пер-

' Он тогда был профессором в Кенигсберге.
" См. его рецензию на первый том «Записок В. О.» в Goting Gel. Anz от 15.Sept 1889 № 19, стр. 762.

вому их тому. Постоянно возраставшее количество неотложных и буквально теснивших его со всех сторон работ мешало ему продолжать эти отчеты, но он неоднократно в письмах ко мне выражал надежду, что ему когда-нибудь удастся вернуться к этому делу и довести его до конца, по крайней мере по отношению к Запискам В. О.

Он умер 44 лет, 31 августа 1892 г.

ТОМ 1

Книга первая

АРАБЫ И ИСЛАМ

ГЛАВА I

ДО МУХАММЕДА

В исходе пятого столетия по Р. Х., сообразно арабским сказаниям, могущественнейшим человеком во всей Аравии считался К у л е и б, сын Р а б и й. Он был главой сильного племени Б е н у Т а г л и б, которое занимало тогда, вместе с родственным ему Б е н у Бекр, весь северо-восток полуострова, от сирийской пустыни до высочайшего кряжа гор Центральной Аравии. Оба племени в соединении с некоторыми соседними неоднократно и всегда успешно отражали нападения мелких правителей южной Аравии. Перед славой Кулейба, затмившей геройские подвиги всех остальных, даже А м р, сын Х у д ж р а, принужден был отодвинуться на второй план, невзирая на то что отец последнего незадолго перед тем сумел образовать из бедуинов Центральной Аравии сильную коалицию. Таким образом, род К и н д а, едва только достигший гегемонии, лишился ее опять на некоторое время, ибо большинство союзных племен согласились подчиниться верховенству Кулейба. Но попутно с могуществом героя, гласит предание, росла и его гордость. Самомнению его, казалось, не было пределов. В позднейшие столетия дети пустыни недаром говорили: «Он превосходит гордостью даже Кулейба В а'и л я». Так прозывали его благодаря общим предкам Бекр и Таглиб. Жена его Д ж е л и л а взята была им из родственного колена Бекр. Все братья ее со своими ближай- шими родственниками дружили с Кулейбом, и рядом с его палаткой поселился один из шуринов, Д ж е с с а с. Приехала раз в гости к последнему родная его тетка Б е с у с. Чуждая обоим коленам (Бекр и Таглиб), она могла рассчитывать только на покровительство своего племянника. Вслед за ней прибыл вскоре земляк ее, некто С а'д, и остановился на некоторое время тоже у Джессаса. Он привел с собою верблюдицу, кличкою С а р а б. Находясь под кровлей, а стало быть, и под защитой Джессаса, Са'д выпускал свою верблюдицу вместе с остальными верблюдами на пастбище, а ходили они вместе со стадом Кулейба. Раз как-то Кулейб обходил ограду выгона. Случайно взор его упал на жаворонка, сидевшего на яйцах. Птичка вскрикнула пронзительно и затрепетала крылышками. Кулейб был тогда в хорошем настроении и сказал: «Чего боишься, ты и твои яйца находятся под моим покровительством. Поверь, никто не посмеет тебя тронуть». А когда немного спустя проходил он опять тем же местом, заметил след верблюда, ему неизвестного, яйца же были растоптаны.

Вернулся домой сердитый. Когда на другой день вместе с Джессасом обходил он пастбище, снова вдруг увидел верблюдицу Са'да. Тотчас же догадался, что это она раздавила яйца, и крикнул Джессасу: «Смотри у меня! Я кое-что подозреваю. Если узнаю доподлинно, приму меры, чтобы эта верблюдица никогда более не ходила с моим стадом». Сильно не понравилась Джессасу резкость тона родственника, и он ответил: «Клянусь Создателем, она вернется сюда опять, как было и прежде...» Слово за слово, поднялась ссора. Кулейб стал грозить, что если он опять увидит верблюдицу, то пронзит ей стрелою вымя. На это ответил в запальчивости Джессас: «Попробуй только ранить ее в вымя, мое копье не замедлит пробить твой позвоночный столб». А сам между тем погнал верблюдицу прочь. И опять вернулся Кулейб мрачнее ночи домой. Жена его Джелила, родная сестра Джессаса, заметила сразу, что что-то не ладно. Стала его расспрашивать, допытываться. Наконец он произнес мрачно: «Знаешь ли ты такого, кто бы осмелился защищать любимца своего наперекор мне?» Она ответила, недолго думая: «Едва ли кто на это решится, разве вот брат мой Джессас». Кулейб не пожелал дать этому веры. С его уст сорвалась едкая эпиграмма по адресу шурина. Насмешка его не осталась без ответа. С обеих сторон посыпались грубые перекоры. Однажды Кулейб вышел опять поглядеть на верблюдов. Как раз в это время вели их на водопой, впереди, конечно, шли Кулейбовы. Сараб, верблюдица Са'да, находившаяся в стаде Джессаса, рванулась вперед и бросилась первая к водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при этом, что это животное принадлежит чужестранцу. Показалось гордому шейху, что так случилось нарочито. «Все это штуки Джессаса», - подумал он. Схватился за лук, натянул тетиву, и стрела прободала вымя верблюдицы. С криком понеслась она прямо в стойло, у самой палатки Джессаса. Бесус все это видела и вознегодовала, горько сетуя на нанесенный ущерб собственности ее родственника: «О позор! О поношение! Гостя моего обидели!» - голосила она в надежде, что Джессас отомстит за нанесенную ее гостю обиду. Напрасно старался Джессас успокоить ее обещанием богатого вознаграждения. День за днем не переставала она преследовать его и насмешками, и упреками, укоряя, что гость под кровлей его не может найти защиты, которую всякий честный человек обязан оказывать даже чужому, принятому в дом. Не выдержал Джессас и разразился проклятиями: «Замолчишь ли ты наконец, женщина?! Завтра будет убит один, и погибель его для Ва'иля (т. е. Бекра и Таглиба) обойдется дороже твоей верблюдицы!» Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейх подумал было, что дело идет о его любимце верблюде, и порешил в уме жестоко отомстить, если шурин осмелится это сделать. Но с этого момента Джессас стал подстерегать самого Кулейба. Однажды, когда шейх вышел без оружия, он бросился вслед за ним и крикнул ему: «Берегись, я убью тебя!» — «Иди же вперед, если ты не лжешь», - отвечал ему хладнокровно Кулейб — непомерная гордость не позволяла шейху даже обернуться. Джессас напал на него сзади и всадил ему копье в спину. Противник грохнулся наземь, а убийца бросился бежать. В это самое время отец убийцы, окруженный старейшинами колена Ш е и б а н, племени Бену Бекр, сидел возле своей палатки. Увидя стремительно прибежавшего сына, старик воскликнул: «О Боже, Джессас совершил, должно быть, что-то ужасное!» Затем обратился к нему с вопросом: «Что с тобой?» Сын прошептал: «Я убил Кулейба». Старец горячо запротестовал: «Так один ты и будешь в ответе, я тебя свяжу, чтобы домочадцам Кулейба дать возможность убить тебя! И все же — истинно говорю, - прибавил со вздохом старик, - никогда более Ва'иль (т. е. племена Бекр и Таглиб) не соединятся на хорошее дело благодаря предательской смерти Кулейба. Горе нам, что ты наделал, Джессас! Умертвил главу народа, разорвал узы единения, факел раздора бросил в средину племен!» Но Джессас не угомонился, он продолжал хвастаться тем, что совершил. Отец связал его и повел в палатку. Сюда же позваны были старейшины всех колен племени Бекр. Старик начал свою речь так: «Делайте что хотите с Джессасом. Он убил Кулейба. Я его связал. Нам остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщение и не потребуют выдачи его». Но представители рода не пожелали и слышать о выдаче убийцы. Прав он или виноват, честь рода требовала защищать его всеми средствами против преследователей. Так был порван тесный союз родственных племен и началась кровавая бойня. Иногда затихала, заключалось на некоторое время перемирие, даже образовывались временные союзы для поражения общего врага, но вражда не прекращалась продолжительное время, в течение 40 лет. Наконец обе стороны утомились и заключен был мир.

Хотя эта «война Бесусы» благодаря поводам и распространенности ее вошла, так сказать, в поговорку, но и другая братоубийственная распря между родственными племенами, возникшая несколько десятков лет спустя (приблизительно около 560 г.), не менее замечательна. И поводы к ней представляют также характеристические черты старинных нравов Аравии. В то время заселяли центр полуострова большие группы племен под общим названием Б е н у К а и с. Между ними самым выдающимся было поколение Б е н у Г а т а ф а н. В свою очередь, Б е н у А б с и Б е н у З у б ь я н, подразделения племени Гатафан, пользовались наибольшим почетом. Благодаря общему происхождению оба они жили в тесном единении. Старейшиной у Абс был К а и с, сын З у х е и р а. Обладал он знаменитым скакуном, носившим название Д а х и с. Раз как-то один из его двоюродных братьев посетил старейшин племени Зубьян. Ему показывали многих лошадей и стали в присутствии его чрезмерно восхвалять превосходные качества кобылицы Г а б р а. Гость стал доказывать, что не сравняться ей с Дахис. Возникли горячие споры, кончившиеся тем, что побились об заклад, которое из обоих животных обгонит другого. Решено было выставить с обеих сторон заклад по десяти верблюдов. Победившей стороне назначался в награду этот приз. Не особенно понравилось Кайсу, когда ему передали о случившемся. Он предчувствовал, что хорошего не много выйдет из спора. Знал он прекрасно, что за народ Зубьяниты. Старейшины этого племени славились насилием и несправедливостью. Боясь, однако, чтобы не вышло какого несчастия,

отправился сам на место стоянки соседей с твердым намерением отступиться от пари. Но владелец Габры, некто Хузейфа, и его брат Хамаль, оба старейшины, люди сильно заинтересованные в этом деле, наотрез отказали ему. Они стали доказывать, что, если шейх не желает пустить свою лошадь наперегонки, этим самым он сознается, что должен проиграть, стало быть, обязан выдать десять верблюдов. Эти безумные речи окончательно взорвали Кай-са. «Нет, никогда я и не думал, что могу проиграть, - заговорил он. - Но, по-моему, ежели уж биться об заклад, так по крайней мере на порядочное пари». После долгих переговоров и споров порешили на сотне верблюдов. Дистанцией назначили сто полетов стрелы (около 3 миль). Кайс и Хузейфа, каждый из них, передал на руки избранного ими сообща*, третьего лица по сотне верблюдов. Двое суток не поили (обеих) лошадей. Вырыли яму возле цели, куда должны были добежать скакуны, и наполнили ее водою. Та из лошадей, которая первая утолит свою жажду из водопоя, так согласились обе стороны, будет считаться победившей. В заранее определенный день большие толпы зрителей из обоих племен собрались на место ристалища. Гораздо более, разумеется, было Зубьянитов, так как место состязания назначили на их территории. По данному знаку пустили лошадей одновременно. Обе сразу ринулись с быстротой ветра, так что Кайс и Хузейфа, следовавшие верхами за ними вдоль ристалища, не поспевали за скакунами и чем далее, все более и более теряли их из виду. Вначале, пока Габра бежала по заранее утрамбованному Хузейфом, нарочито для своей лошади, пути, она шла несколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла в песчаную, Дахис стал заметно выказывать большую резвость и выдвинулся на значительное расстояние вперед. Давно уже обе лошади скрылись из глаз своих владельцев. Приближались они уже к цели, Дахис далеко впереди, как вдруг из подготовленной коварным Хама-лем засады выскочила парочка Зубьянитов. Сильными ударами по ноздрям заставляют они шарахнуться лошадь в сторону и дают этим полную возможность прибежать Габра первой к водопою. Но в числе зрителей нашлись такие, которые присутствовали при этой недостойной сцене, и когда несколько спустя подъехали Кайс рядом с Хузейфом, потерпевшему тотчас же передано было, каким образом помешали его скакуну одержать неоспоримую победу. Он сумел, однако, подавить свой гнев — Абсов было немного — и обратился, по-видимому, хладнокровно к Хузейфу и Хамалю с следующею речью: «Дети Багида, — так звали общего прародителя обоих племен, — несправедливость —ужаснейшее зло между братьями. Советую вам, возвратите нам то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же по крайней мере ту часть верблюдов, которая нам принадлежит». — «Никогда этого не будет». — «По крайней мере дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнивших водою водопой». — «Одного или сотню — это все равно. Этим самым мы признаем вас за победителей. А этого от нас не дождетесь. Мы не считаем себя побежденными». Напрасно пробовал один из среды Зубьянитов, благомыслящий человек, устранить угрожавший разрыв предложением взаимных уступок Все его старания не привели ни к чему. Кайс удалился со своими, глубоко убежденный в том, что его самым постыдным образом провели. Пылая местью к обманувшим его, умерщвляет он, пользуясь первым благоприятным случаем, одного из братьев Хузейфа. Возгорается тотчас же братоубийственная война между обоими племенами. И ей арабские рассказчики отводят период в сорок лет. Издавна на Востоке число 40 неизменно фигурирует в летописях. Невелика важность, рассуждают местные летописцы, продолжалось ли событие лет на десять более или менее. В нескончаемой резне падают под рукой самого Кайса, один за другим, двое из братьев Хузейфа и сам Хамаль, но пали многие и из числа знатнейших племени Абс. Наконец обе стороны истомлены продолжительной враждой, а рои теней убитых не дают им все покоя. Кровь смывается у арабов одною кровью, и неумолимый закон пустыни гласит: око за око, зуб за зуб. Среди племени Зубьян отыскались, однако, двое мужей возвышенного сердца — Харис Ибн* Ауф и Харим Ибн Синан, решившиеся добиться во что бы ни стало примирения родственных племен с помощью великой личной жертвы. Они занялись подсчетом павших с обеих сторон и пришли к заключению, что остается известное число, кровь которых еще не отомщена. Дело в том, что кодекс чести у арабов до-

* Т. е. сын Ауфа. У арабов не в обычае фамилии, а число существующих собственных имен крайне ограничено. Поэтому вошло во всеобщее употребление отличать каждого особыми приставками. Так, например, говоря о ком либо, прибавляют — сын (ibn) такого-то, или отец (Abu) того-то, либо из племени N. или из города А. В позднейшую эпоху появляются обыкновенно еще и прозвища, чаще всего в соединении с din (религия). Так, например *Саладдин* (более точно Salah-ad-din «чистота религии») и т. п. Таким образом, по-старинному говорили так: Abu`lkassim Mohammed ibn Abdallah El-Hashimi, что, собственно, значит «Отец Аль Касима, Мухаммед, сын Абдаллы, из рода Хашим». Нередко для более точного индивидуализирования присоединяют особые характерные прозвища, обозначающие либо род ремесла (например, El-Hariri — «торговец шелком», El-Tachan — «мельник»), либо телесную примету (Ed-Darir - «слепой», El-A`aradsch - «хромой», ср. у римлян Cicero, Nasica). По большей части одно только из всех этих имен принадлежит, собственно, лицу, о котором говорится. Встречающееся в некоторых именах el, а перед гласными 'l, есть арабский член. Перед согласными d, n, r, t, s, z он ассимилируется со звуком следующей согласной, например Ed-Darir.

пускает, во всяком случае, выкуп крови убийц в пользу родственников и домочадцев убитого. Конечно, в редких весьма случаях и неохотно соглашаются дети пустыни на подобную сделку. Но теперь все ощущали потребность помириться, и каждый охотно согласился на предложение вышепоименованных лиц — уплатить, по соглашению, известную сумму родственникам в форме соответствующего числа верблюжьих голов (о золоте и серебре имеют весьма слабое понятие в пустыне). 3000 лучших животных пришлось миротворцам раздать, чтобы достичь предполагаемой ими цели. В глазах жадных арабов это было поразительным актом великодушия и щедрости, даже со стороны самых зажиточных из них. Таким

образом можно было наконец добиться замирения, хотя до самого последнего момента разные эпизоды угрожали ежеминутно возобновить снова жесточайшую резню. Один только, по глубокому убеждению, уклонился от мира. Это был старец Кайс Ибн Зухейр, из-за злосчастного жеребца которого возникла вся эта распря. Не то чтобы он в душе не одобрял мира. Из первых, старик убеждал членов своего племени согласиться на предложение обоих благородных Зубьянитов. Но и для него даже, истого бедуина, эта война стала страшилищем. «Я не в состоянии выносить взгляда ни одной из Зубьяниток, -признавался он. - Нет почти ни одной меж ними, у которой бы я не убил кого-нибудь: отца, брата, мужа или сына». Поэтому со своими ближайшими родственниками он удалился за Евфрат, к племени Бену Намир, родственному Ва'илю, кочевавшему среди поселений месопотамских христиан. Там, как говорит предание, перешел он в христианство и кончил мирно жизнь монахом в далеком Омане (на юго-востоке Аравии).

И другие бесчисленные, возникавшие часто междоусобные распри воспеваются в арабских стихотворениях, посвященных описанию подвигов любимых народных героев. Подобно провансальским трубадурам, у всех арабских племен вошло в обычай прославлять меч и песню и сплетать им один и тот же лавровый венок. Спустя тринадцать столетий немецкий поэт Рюккерт перевел большинство их на родной язык*. Также и великодушие обоих вышеупомянутых миротворцев было воспето величайшим поэтом того времени Зухейр Ибн Аби Сульмой в большом стихотворении, попавшем в знаменитый сборник Му'аллакат. Рюккерт перевел и это произведение (Hamasa I, 147).

Если эта старинные песни отмечают отдельные исторические моменты в виде устных рассказов домухамме-данского периода, то, с другой стороны, существует немало указаний, что вечно живой источник образования легенд заставляет нас взглянуть на целое в освещении чего-то слишком отдаленного, чрезвычайно своеобразно оттененного. Приходится волей-неволей придти к заключению, что основания и перипетии этих бесконечных раздоров между отдельными племенами все одни и те же. Постоянно они оказываются почти тождественными с тем, что сообщено было выше о двух наиболее типичных историях. Поэтому не следует глядеть на них как на факты первостепенной исторической важности, а только как на почти исчерпывающую предмет характеристику бедуинов, на самый сильный, побудительный, преимущественно пред всяким другим, элемент всей арабской национальности. Нетрудно наполнить целые тома подобными сообщениями, но нам кажется достаточным ограничиться только что рассказанным, дающим более ясное представление о духе самого бедуинства, о диком его упорстве и храбрости, беззаветном и крайне щекотливом чувстве чести и вытекающем непосредственно отсюда порыве великодушия, а рядом жадности и коварстве обитающих в степи арабов, чем длинные рассуждения о душевных качествах народов. Прежде всего развертываются перед нами во всей своей широте две характеристические черты этого замечательного народа, которые везде, куда только успели проникнуть бедуины, издавна препятствовали им установить прочный государственный порядок Я говорю о необузданной страстности и

* Hamäsa oder die ältesten arabischen Volkslieder, gesammelt von Abu Temmäm, übersetzt und erläutert von Freiedrich Rücken. 2 Th. Stuttgart. 1846.

чрезмерной самооценке индивидуальной силы, приводящих их вечно к резкому партикуляризму. Эти два самые неискоренимые недостатка сделали невозможным самое существование кельтов, а итальянцев держали целые столетия в невыносимом для национального чувства гнете.

В самой природе вещей лежит, конечно, почему эти пороки достигли кульминационного пункта. Это случилось благодаря постоянной жизни в пустыне. Она предъявляла настойчиво наивысшие требования к личным качествам каждой особи и даровала успех лишь избранникам своим. И опять-таки свойства самой пустыни препятствуют не только переходу из жизни номадов в оседлую, но даже к мало-мальски сносной государственной организации, ко всякому мирному сожительству народных групп. Там, где разделение на провинции и округа — вещь немыслимая, где вся топография, так сказать, начертана на спине верблюдов — управление становится невозможным. Случайная неудача в сборе и без того скудной жатвы вынуждает к грабежу у соседа; какой же после того может быть покой. Так было испокон веков, 13 столетий тому назад. И доселе бедуин изображает из себя одну из бесчисленных волн моря. Каждый ветерок бросает его из стороны в сторону, и никогда-то он не успокаивается, то налетает на соседей и сливается с ними, то все опять разлетается на все четыре стороны и как бы исчезает.

Но бедуинство не захватывает целой области громадного, равняющегося по пространству почти четверти Европы полуострова. Великая сирийская пустыня, отделяющая к северу Аравию и обширное, прорезанное горнымиххребта-ми центральное плоскогорье, обрывающееся снова на востоке и юге в пустыню, а на западе ограниченное довольно дикими, крутыми горными отрогами, есть собственно классическая почва неподдельной арабской национальности. Этот Недж (ан-неджд, плоскогорье), как его называют арабы, при почти совершенном отсутствии расчленения почвы в совершенстве замкнут своими естественными границами. Поэтому со всем остальным миром и его историей только дважды приходит он в действительное столкновение в течение долгой своей жизни, а именно: вскоре после Мухаммеда и в середине XVIII столетия, когда революция Ваххабитов заставила еще раз на мгновение вылиться избыток народонаселения, клокотавший лишь внутри котла, наружу, но по окраинам, обнимающим это средоточие, животворное влияние моря и соседство других наций могли

воздействовать далеко свободнее. Вот почему задолго еще до Мухаммеда встречаемся мы с некоторыми попытками устройства подобия государственной организации. Положим, это были только опыты, и, за исключением одного случая, имели все они нечто в себе по продолжительности бедуинское, т. е. неопределенное и изменчивое. Соседство двух громадных мировых империй — Персии и Византии — на севере производило на пограничные арабские племена как бы воздействие магнитного притяжения и способствовало образованию даже двух подобий «царств». Конечно, если продолжить прежнее сравнение, они походили скорее на громадную бесформенную кучу железных опилок, чем на благоустроенную государственную машину. Но, так или иначе, царства эти просуществовали некоторое время. Большая сирийская пустыня или, лучше сказать, немногочисленные ее оазисы, дававшие номадам возможность существовать, находились в руках бедуинов. К ним примыкали с обеих сторон треугольника, в виде которого клином врезывались они между Сирией и Месопотамией, страны издревле культурные и богатые. Бедуинам, лишенным самых элементарных потребностей культуры, казались они почти баснословными явлениями, следовательно, служили непрестанно предметом возбужденного подстрекательства их неутомимой жажды к добыче. Поэтому нет ничего удивительного, что все властители Персии и Сирии попеременно напрягали силы, дабы положить предел хищническим набегам многочисленных племен пустыни. Борьба с внезапно появлявшимися подвижными полчищами арабов представляла громадные трудности. По совершении набега и грабежа с быстротою молнии уплывали они на «кораблях пустыни» в свое море песка. Преследовать их было почти невозможно, чему лучшим примером может служить поход римлянина К р а с с а против парфян, совершенный им при подобных же неблагоприятных условиях. Приходилось поэтому прибегнуть к единственно возможному средству, которым и поныне пользуются турки в этих самых местностях: учредить на границах пустыни хорошо укрепленные военные поселения, которые представляли бы для государственной власти надежный оплот. Необходимо было привлечь на свою сторону массы варваров различными заманчивыми обещаниями. Постоянной платой и приманкой богатой добычи во внешних войнах удалось наконец склонить некоторые беспокойные племена к переходу под знамена постоянных пограничных армий. При их помощи стало значительно легче отражать вторжения других племен и даже быстрым натиском за набег и разорение отплачивать немедленно тем же. Таким образом, некоторые племена арабов очутились в новой роли пограничной стражи против других детей пустыни, а равно и соседних неприятельских государств, особенно с тех пор, как возгорелись бесконечные войны между римлянами и персами, необходимым следствием которых было движение всемирных завоевателей за Евфрат. За триста лет уже до рождения Мухаммеда один арабский старейшина* успел сразу возвыситься из положения одного из обыкновенных пограничных римских сторожей в П а л ь м и р е до фактического поста властителя большей части государства. Это был У з е и н а, называемый римлянами О д е н а т. В самые беспокойные времена римской истории, когда из-за обладания троном веласьх ожесточенная междоусобная война, он сумел не только оградить государство от нападений персидских Хозроев; но и внушить снова панический страх к римскому оружию, проникнув в самое сердце Персии и покорив в 265 г. по Р. Х. даже столицу ее, К т е з и ф о н. Но недолго носил он королевский титул, преподнесенный ему благодарным

' Хотя я очень хорошо знаю, что арабское происхождение С е п т и м и е в не доказано вполне, но, основываясь на выводах Б л а у, считаю возможным придерживаться предположения о некоторой достоверности этого события.

Г а л л и е н о м. Под конец 266 г. благодаря козням римской национальной партии его умертвили. Подозрительным римлянам показалось слишком опасным могущество этого варвара. Злодейство это не принесло, однако, предполагаемых плодов. Супруге убитого, Б а т-С е б и н е, или, как называли ее римляне, З е н о б и и, чуть не удалось образовать обширную греко-восточную империю, вроде того как этого же некогда добивалась Клеопатра. В 271 г. она заставила признать сына своего В а х б а л л а т а повелителем (Саезаг Аидшшз) Египта и Малой Азии. Но благоденствие новой империи продолжалось недолго. Уже в 273 г. пала она под тяжкими ударами А в р е л и а н а. Пальмира превратилась снова в незначительное, пограничное с пустыней местечко. Но из памяти арабов великие деяния этой женщины не совершенно изгладились. Существуют легенды о том, что здесь в первый раз один из сыновей народа и, что еще более удивительно, одаренная мужеством жена крови арабской вывели их нацию на арену всемирной истории. В основной арабской легенде причудливо перевились с историческим событием удивительные подробности, так часто повторяющиеся и у многих других народностей как отголоски так называемой легенды о З о п и р е. Все это до такой степени поразительно, что я позволю себе вкратце привести содержание этой легенды.

В середине третьего столетия по Р. Х. предание гласит: некто Д ж а з и м а был королем Т е н у х и т о в. Это был союз нескольких арабских племен, кочевавших по обоим берегам нижнего Евфрата, вдоль сирийской пустыни, на территории, составляющей часть персидской провинции И р а к Были они вассалами А р д е ш и р а, сына П а п а к а, первого царя из с а с с а н и д с к о й династии. По соседству жило тут же племя под главенством А м р а, праправнука Узейны, перекочевавшее с северного Евфрата ближе к пустыне. Между обоими соседними князьями вскоре возгорелась война, в которой пал Амр. Противник завладел частью его земель. Но против него восстала вдова убитого по имени С е б б а — одни

считали ее дочерью месопотамского короля и супругой убитого Амра, другие — римлянкой, но говорившей по-араб- ски. По более же распространенному мнению, она была дочерью павшего в бою князя, следовательно, тоже из дома Узейны. Арабские историки почитают ее не только за красивейшую и умнейшую, но также сильнейшую, храбрейшую изо всех женщин целого света. Сокровища свои употребила она на наем римских войск. С помощью их напала на Джази-му и прогнала его из покоренной им провинции. Для охранения же своих новых владений от внезапных нападений построила она две крепости, одну против другой, по обоим берегам Евфрата, соединив их между собой подземным ходом, проходящим под руслом реки. Окруженная своими войсками, задумала она здесь проводить зиму. В одной крепости поселилась сама, в другой командовала сестра ее З е и н а б. Летом уезжала она в Пальмиру. Восстановив свое владычество, она решилась отомстить Джазиму за умерщвление Амра. С этою целью послала к нему посольство, извещая, что рука женщины слишком слаба для управления браздами государства. Не зная другого князя, более достойного, предлагает ему свою руку, а с нею соединение их владений. Если он согласен, пусть прибудет лично для переговоров о подробностях. Ослепленный таким блестящим предложением, князь не слушает предостережений мудрого своего советника К а с и р а и отправляется в путь в сопровождении немногочисленной свиты. Уже показалась вдали громадная толпа всадников и впереди их Себба. Снова Касир предостерегает властителя: «Если эти всадники приблизятся в сомкнутых рядах, знай — это будет почетной встречей. А если рассыпятся и станут огибать с обоих флангов, берегись. Это будет обозначать, что они хотят обойти и поймать тебя. Не медля вскакивай на твою кобылицу А л ь-А с а и беги», Аль-Аса считалась быстрейшей во всем мире лошадью. Между тем Джазима и тут не обратил никакого внимания на мудрый совет, допустил себя окружить. Его сорвали с седла и быстро умчали в плен. Касир успел вовремя вскочить на Аль-Аса. Целый день без передышки мчался он, и ни один из преследующих не мог его догнать. Лошадь доскакала вместе с всадником до лагеря Джазимы и пала, бездыханная, у входа. Между тем пленного короля привели к Себба. «Какою смертью желаешь умереть?» — спросила она. Ответ был: «Королевской». Посадили его за стол, уставленный яствами и питиями. Когда же он заметно опьянел, посадили его прислуживавшие девушки на ковер и открыли жилы. Вещуны объявили Себбе, что если хоть одна капля крови не попадет под поставленные чаши, смерть Джазима будет отомщена. Вдруг умирающий князь пошевельнул рукой, и струя крови обагрила одну из мраморных колонн залы. Предсказание исполнилось в точности. Племянник, усыновленный Джазимой, А м р, сын Адия, поклялся отомстить Себбе. Управление арабами Ирака перешло по прямому наследству к нему, и он поселился в городе Х и р е. «Но как совершить задуманное?» — ломал он себе голову, ведь оно, подобно орлу в поднебесье, недостижимо. Касир предлагает ему принести себя в жертву. Он приказал отрезать себе нос и в таком ужасном виде предстал пред Себбой. «Вот как искалечил меня новый князь, — сказал он ей. — Он обвинил меня, что это я выдал Джазиму в руки неприятелей». Королеву поразила очевидность, и она поверила. А когда он успел оказать услуги в различных ее мирных предприятиях, принесших большие выгоды, этот хитрец овладел ею окончательно и стал ближайшим доверенным лицом. Он узнал о существовании подземного хода и решился воспользоваться этой тайной. Раз подходит караван в 1000 верблюдов, медленно подвигается он к самой крепости; глядела на него сверху из-за зубцов Себба, изумленная тяжестью вьюков. На каждом животном было по два огромных мешка. Когда последний верблюд миновал входные ворота, тогда только заметила стража, что из мешков стали выскакивать вооруженные люди. Но было уже поздно. Амр со своими успел высвободиться из скрывавшей их оболочки и завладел главными пунктами. Себба бежит по подземному ходу, но Касир успел уже ее предупредить и пресек ей путь дальше. Она возвращается назад и видит у входа воинов Амра. Тогда с криком: «Так не дамся же я живою Амру!» — решительная женщина проглатывает сильный яд, который всегда имела при себе в кольце. Амр едва успел ударом меча сократить последние мгновения ее жизни.

В этом полуфантастическом рассказе легко подметить существенные черты истории Зенобии. Но они сильно изменены и применены к воззрениям бедуинов. Сама Зено-бия — несомненно Зейнаб, одно и то же имя в арабском пересказе, - отходит на второй план, а в Себба легко усмотреть ее сирийского генерала С а б д а и. Эта личность, как известно, наводила больший страх$_x$, чем она сама, на всех пограничных арабов. Вот почему в легенде одно имя заменено другим. Смерть Одената на пиршестве перенесена на врага Себбы. Подземный ход соответствует той лазейке в стене, через которую пыталась Зенобия ускользнуть от Аврелиана. Одно только в этом бедуинизированном рассказе непреложная истина - это старинное соперничество римско-сирийских арабов с их одноплеменниками, служившими в Ираке персам. А что римские войска состояли под предводительством арабской принцессы, этого арабская национальная гордость не могла, конечно, никогда забыть, ибо обыкновенно было наоборот. Так или иначе, все дошедшие до нас известия о судьбах Сирии за позднейшее время владычествования здесь римлян и византийцев единогласно подтверждают, что арабские, пограничные с пустыней, племена служили постоянно наемниками у правителей этой области. Но так как свободолюбивые бедуины не выносили чужеземных военачальников, они поставлены были под команду соплеменных князей, ф и л а р х о в, как их называют греческие историки. Совершенно такой же кордон был и у персов из иракских арабов, тянувшийся вдоль Евфрата и организованный под управлением царей Х и р ы. Оба лена сильно отличались по внутреннему управлению от порядков, существовавших в племенах, обитавших внутри Аравии. В то время как у независимых бедуинов власть шейха' в племени основывалась на добровольном подчинении всех членов и никогда не давала права на преемство власти по наследию, у филархов и королей Хи-ры мы видим совсем другое. Власть переходила

здесь от отца к сыну либо брату. Каждое из этих ленных государств

• Значит собственно старец, пожилой, отсюда старший, старейшина.

имело свою династию: в Хире управляли Лахмиды, потомки Амр Ибн Адия, победителя Себбы— Зенобии, а в Сирии — Гассаниды, фамилия южно-арабского происхождения. По общераспространенным известиям, задолго до времени управления Зенобии появилась эта семья в Сирии и при ней играла уже видную роль. Но насколько эти предания близки к правде — сказать трудно. Раньше уже мы видели, как сказания арабов часто опережают историческую эпоху; контролировать все эти сказания возможно только при помощи случайных заметок византийских историков или же равно случайных совпадений их с моментами истории восточной других народностей, хорошо известных. Лишь в редких случаях можно применять этот прием к Гассанидам. Приходится поэтому принимать с большою осторожностью данные хронологии позднейших арабских историков. Они ввели и в историю Хиры такие рассчитанно комбинизованные впоследствии синхронизмы, что не раз одной какой-нибудь мелкой, но достоверной заметкой можно их легко сразу опрокинуть.

Одинаковые условия, при которых обе династии управляли, имели следствием некоторое сходство их судеб. Относительную же твердость их власти над беспокойными толпами бедуинов следует искать вовсе не в уважении к ним лично, которое они могли только отчасти внушить при нормальном положении вещей, опираясь на постороннее могущество суверенного великого государства, но в непрерывных, постоянно возобновляющихся римско-персидских войнах и в вечно манивших при этом варваров набегах, так хорошо оплачиваемых добычей. Вот что приковывало к знаменам этих династий самых неукротимых сынов пустыни. Таким образом, положение их было постоянно довольно независимое, по крайней мере каждый раз, когда обе великие державы нуждались в их помощи и не были в состоянии тотчас же строго обуздать нередкое своевольство с их стороны. Но при первой возможности и персидские цари, и византийские наместники умели принимать суровые меры, смещали непокорного начальника и даже отстраняли на некоторое время самих членов динас- тии. В конце концов, однако, наступало снова соглашение, ибо ни арабы на своей узкой песчаной полосе не могли просуществовать в полной независимости от их могучих соседей, ни обе великие державы — без их помощи. Но вот чего, вероятно, не предвидели последние. Их постепенный упадок благодаря гибельным для обеих сторон войнам, их возрастающую слабость зоркий глаз бедуинов-союзников подмечал отчетливо. В своих бесчисленных, иногда глубоко внутрь неприятельской стороны проникающих хищнических набегах они все более и более свыкались с мыслью, что римляне и персы могут сделаться со временем легкой и выгодной добычей арабских полчищ всадников. Лишь в недавнее только время признано всеми историками за неопровержимый факт, что сама политика Византии и Ктезифона послужила раскрытию глаз арабам. Даже те из них, которые кочевали далее, по ту сторону сирийской пустыни, благодаря доходившим до них со всех сторон слухам о походах их земляков постепенно теряли страх перед могуществом великих держав. А прежде влияние это было велико и распространялось далеко вглубь Аравии, хотя и теперь еще державы, так или иначе, силились поддерживать свой давний престиж.

Та же самая неопределенность власти замечается и в отношениях обеих династий к своим подданным. Коротко и метко формулируются они одним из персидских царей (по всей вероятности, Гормизд о м IV, около 580 г.). Перед инвеститурой в королевский сан он спросил Хирийца Нуманна V: «Сумеешь ли ты держать в повиновении и порядке арабов?» Конечно, это было нелегко даже в Сирии, всей унизанной по границам крепостями, тем паче на открытой равнине Евфрата. Поэтому если вообще князья обеих династий не отличались особенной кротостью, то про Лахмидов в Хире прямо можно сказать, что они все без исключения отличались необычайною жестокостью. Это были люди поистине варварской расы. Прозвание Имруулькайса II (до 400 г.) было Ал-Мухаррик, что значит собственно «сожигатель». Он предпочитал всем наказаниям сожжение живьем. Про Аль-Мунзира III (505—554) рассказывают, что он часто пленных приносил в жертву идолам. Так поступил он раз со взятыми им 400 христианскими монахинями. Несколько мягче, кажется, были Гассаниды. Издавна они приняли христианство (как большинство христиан Передней Азии были монофизита-ми) и находились в постоянных сношениях с цивилизованными греками.

По своему положению в качестве форпостов враждующих великих держав обе династии стали, естественно, друг к другу во враждебные отношения. В больших сражениях, рядом с главными действующими армиями держав, Гассаниды и Хирийцы резались друг с другом в кровопролитных стычках. Никакой надобности нет следить за всеми этими отдельными схватками и хищническими набегами шаг за шагом. Достаточно упомянуть лишь о некоторых главнейших фактах истории династий, характерных либо самих по себе, либо по отношению к великим державам и важных для дальнейшего понимания развития истории арабов.

Самым знаменитейшим из Гассанидов был Харис V (Аретас, по византийским летописям), прозванный Аль-А'раджж — «хромой» (530—570). Дабы противопоставить арабским вассалам Персии равно сильный, однородный пограничный оплот, император Юстиниан соединил доселе разрозненное

командование арабскими ордами в одних руках и даровал избранному лицу титул короля (обаятельный в глазах арабов) и Патрикиос (согласно византийскому этикету). Вначале, впрочем, ничего из этого не вышло хорошего для византийцев. Харис а неоднократно побивали. Было слишком очевидно, что он вовсе не заботился одерживать победы в пользу византийцев, жаждал, скорее, одной добычи. Его имя, кроме того, опозорено на скрижалях летописей арабских жестокой расправой с одним евреем по имени Самуил, сыном Адия. Этому человеку Киндит Имрууль Кайс, величайший из поэтов арабских, перед отъездом своим в Константинополь отдал на сохранение весь свой скарб, между прочим пять драгоценных кольчуг редкостных качеств. Самуил торжественно обещал ему не отдавать их никому, пока тот не вернется назад. По пути в Византию Имруууль Кайс должен был проезжать чрез владения Хариса и совершил этот проезд под охраною отряда его войск. Об отношениях его к Самуилу стало поэтому вскоре известно филарху. Между тем вскоре Имрууль Кайс на возвратном пути умер, а Харис случайно, во время одного из своих набегов, приблизился к местечку Аблак, местопребыванию Самуила (поблизости Теима, в северо-западном углу Аравии). Принц потребовал от Самуила немедленной выдачи кольчуг. Добросовестный еврей отказался наотрез исполнить приказание. Тем временем Харис успел захватить сына Самуилова, уже взрослого юношу. Попал он ему в руки случайно, на возвратном пути с охоты. Деспот стал грозить отцу смертью сына на его же глазах, если станет упорствовать. Самуил непоколебимо стоял на своем — пусть лучше погибает сын, думал он. И сына умертвили, а Харис должен был удалиться ни с чем. Такой пример героизма и неуклонного исполнения взятого на себя обязательства изумил даже арабов, так чрезмерно чутких в делах чести. И память этого мужественного человека они почитают и поныне под именем S a m a u`a l –e l – w a f a «верный Самуил».

Под старость только удалось Харису одержать блестящую военную победу. В *554* г. вздумал старый Мунзир III, сын Ма-ас-семы, король Хиры, побеждавший не раз Хариса, двинуться снова к сирийским границам. Умудренный вечными неудачами, решился на этот раз Харис прибегнуть к хитрости. Он выбрал из всего своего войска сотню самых отчаянных головорезов. Чтобы еще более разжечь их пыл, приказал красавице дочери своей Халиме умастить голову каждого воина «халуком», любимейшими у арабов духами. Один из храбрецов не выдержал и сорвал при этом поцелуй с чела прелестной. Глубоко уязвленное чувство чести арабской девушки вылилось в звонкой пощечине дерзкому. Но старый король посмотрел на дело необыкновенно снисходительно и посоветовал девушке не обращать никакого внимания на такие пустяки. Сотня же удальцов немедленно отправилась в лагерь Мунзира и явилась к нему как перебежчики. На этот раз, совершенно случайно, старого степного волка покинула обычная его осторожность. Он принял их дружелюбно. Предводитель кучки храбрецов пользуется первым моментом оплошности, бросается на короля и закалывает его. Во время происшедшего общего смятения Харис со всем войском производит нападение на неприятельский лагерь и наносит своим противникам полное поражение. Эта победа носит у арабов название «побоища Халимы». И в глазах византийцев с этого времени филарх стал пользоваться особым уважением. Вскоре после этого *(566* г.) понадобилось ему по политическим делам отправиться в Константинополь. Появление этого дикого полуварвара произвело сильное впечатление на весь двор. Долгое время спустя слабоумного императора Юстина II стращали им как пугалом. По смерти Хариса соединенная в руках его власть, как кажется, распалась снова на несколько княжеств. Сыну его, Аль-Мунзиру, удалось, однако, в 570 г. разбить наголову короля Хиры Кабуса, ив летописях упоминается, кроме того, целый ряд властителей Гассанидов, между прочим: Амр IV, Нуман VI и Харис VII. Все они покровительствовали выдающимся поэтам, но политического значения древнего Хариса никто из них не имел. Вероятно, старый филарх показался византийцам слишком опасным, и они предпочли снова в каждой пограничной провинции поставить особого независимого филарха. Об одном из них мы еще услышим в эпоху Мухаммеда. В сражении при Гиеромаксе мы встретимся с последним из Гассанидов — Джабала VI, сыном Аихама. При вторжении мусульман он принял начальство над всеми арабами Сирии.

О династии Лахмидов в Хире мы имеем более сведений, чем о предыдущей. Приблизительно к эпохе Зенобии, т. е. после 252г., следует, по всей вероятности, отнести возникновение этого пограничного государства. Традиция соединяет рассматриваемое событие с именем Амр Ибн Адия. По сказаниям арабов, князь получил королевский титул от царя персидского Шапура I (241—272), т. е. право на управление арабами в Ираке; резиденцией его и наследников его стала Хира*, около 10 миль на юг от развалин Вавилона, в трех милях от позднейшей Куфы, между Евфратом и пустыней. Весьма естественно, что авторитет династии распространялся и усиливался между иракскими арабами постепенно. Так, например, до нас дошли известия о жестоких репрессалиях многочисленных бедуинских племен, которые, пользуясь малодет-ством короля, произвели опустошительные хищнические набеги на Месопотамию и Вавилонию по повелению Ша-пура II (309—379), причем князю Хиры не было предоставлено никакой роли. Вскоре затем (около 380 г.) династия Лахмидов совершенно прерывается. На трон возводятся чуждые ей князья. Но около 400 г. династия Лахмидов снова появляется у кормила правления. Так, мы видим, что около 420 г. управляет страной Нуман I Одноглазый (el-a'awar). Он прославился постройкой замка Хаварнак, который ему воздвиг у Хиры один византийский архитектор — тогдашние арабы, и даже гораздо позднее, ничего не смыслили в

мирных искусствах — по имени С и н и м а р". Согласно легенде, король по окончании постройки замка вместо награды велел сбросить строителя с вершины стены за то будто бы, что он хвастался выстроить, если захочет, еще более красивый, а как говорят другие — за то, что он объявил, будто знает местечко в фундаменте, и стоит лишь его сдвинуть, как все здание рушится. Всем известно хорошо, что подобного рода истории тесно связаны обыкновенно с постройкой многих других громадных сооружений. Из всего этого достоверно одно только, что имя Ну'мана как владетеля Хаварнака вошло в поговорку с 600 г. Наивысшего могущества достиг дом Лахмидов при сыне Ну'мана, А и ь-М у н з и р е, который стал управлять, как известно

' Слово сирийское, значит «военный лагерь». Таким образом, оказывается, что город получил свое имя не от арабов, а от оседлого местного населения долины Евфрата, которое говорило на сирийском наречии.

" Очевидно, это имя переделано на арабский с греческого.

достоверно, до 420 г. И византийцы называют его «А л а м у н д а р о с, король сарацинов»', т. е. доблестный, воинственный муж. Надо полагать, что он со своими арабами вмешивался в вечные споры о троне С а с с а н и д о в и, без сомнения, посодействовал воцарению в Персии в 420 г. Б а х р а м а V Г о р а, которого он знал раньше, во время продолжительного, может быть, и принужденного пребывания его в Хире. Но в возгоревшейся вскоре затем войне с византийцами (420—422), после страшного опустошения Месопотамии, королю нанесено было чувствительное поражение. При его преемниках продолжалась и далее без перерыва, с переменным счастием, борьба против византийцев и Гассанидов. Но в то время, когда обе династии стояли друг против друга с оружием в руках, выросла внезапно между ними третья держава, которая на короткое время отодвинула совершенно Лахмидов на задний план. Этот эпизод можно считать замечательною прелюдией, как бы возвещающей будущие мировые завоевания арабов. В таком истинном свете представлено событие лишь недавно, новейшими историками.

Было это в начале второй половины пятого столетия, когда племя К и н д а стало проявлять свое влияние в центре Аравии. Хотя по происхождению с юга Аравии оно отличалось нетерпимостью ко всем остальным обитателям полуострова, ему удалось, находясь в центре юга Н е д ж д а, образовать коалицию из больших племен Ва'иль Бекр и Таглиб, а также некоторого числа и других для похода в первый раз к северным границам пустыни. Не подлежит никакому сомнению, что уже издавна распространялись слухи по центральной Аравии о больших добычах, собираемых в своих походах сирийскими и иракскими родственными племенами, предводимыми Гассанидами и Лахмида-ми; они глубоко врезывались в Месопотамию и Сирию, каждый раз, когда возгоралась снова и снова вечная война между персами и византийцами. Главе Кинда, А л ь-

" Настоящее происхождение имени сарацинов и по сие время еще **не** найдено.

Х у д ж р у, по прозванию А к и л ь-а л ь-М у р а р *, посчастливилось соблазнить арабов приманкою удовлетворения страсти их к грабежу и увлечь за собою вышепоименованные племена. Уже в 480 г. находим мы власть союза Кинда распростиравшеюся до границ Хиры, а влияние последней на соседних арабов — чрезвычайно ослабленным. По смерти Худжра новооснованный союз, по-видимому, на некоторое время снова распался: сыну его, Амру, не удалось удержать в связи племена, и вскоре он должен был ограничиться владениями на юге центральной Аравии, в то время как на севере принял начальство Кулейб, смерть которого, как мы выше описали, произвела жаркие раздоры между братскими племенами Бекр и Таглиб. Мы видели также выше, как продолжалась, почти без перерыва, знаменитая сорокалетняя война, но в момент, когда обоим племенам опротивели ссоры, Харису, сыну А м р а, К и н д и т у, удалось на некоторое время водворить между ними мир и одновременно возобновить коалицию племен центральной Аравии. Х а р и с был личностью замечательной. Необыкновенно деятельный, он обладал к тому же способностью даже из непостоянных элементов образовывать грозную силу. К 496 г. силы его возросли настолько, что он мог броситься снова между Хирой и Сирией, наводняя Палестину и прилежащие страны громадными полчищами. Оба его сына во главе многочисленного войска произвели страшнейшие опустошения. В конце концов наместнику византийскому Р о м а н у удалось прогнать дерзкие орды разбойников и даже взять в плен одного из начальников. Но около 500 г. снова возобновились набеги, и византийцы вынуждены были во избежание опасных диверсий во фланг, при вновь начинающейся войне с Персией, вступить в переговоры с Х а р и с о м . Посланный, дед историка Н о н н о з у с а — он же это сам и рассказывает, — прибыл

• «Пожиратель горькой травы» — Мурар — значит горькое растение, при жевании его губы и рот стягиваются. О происхождении этого названия существует целая история, которая, как это часто бывает в подобных случаях, очевидно, придумана позднее и доказывает одно только: что арабы сами ничего положительного об этом не знают.

в 503 г. ко главе Киндитов. По заключенному условию, император Анастасий должен был выплатить громадные суммы, дабы обезопасить свои сирийские провинции; выговорено было также, что воинственный князь бедуинов свои беспокойные полчища направит против вассалов Персии, арабов

Хиры. Король их Н у'м а н III, сын А с в а д а, как раз в это время со своими лучшими войсками сражался под знаменами персов в Месопотамии против византийцев. Поэтому всадники К и н д и т ы наводнили беспрепятственно плохо оберегаемое пограничное королевство и овладели им. Когда Ну'ман в сентябре 503 г. вследствие ранее им полученной раны умер под стенами Э д е с с ы, вся его страна, за исключением Хиры, была уже в руках неприятеля. Между тем новый завоеватель не мог долго продержаться в том блестящем положении, на которое вознесли его изумительная деятельность и искусное пользование обстоятельствами. В 506 г. византийцы заключили с персами мир, а еще ранее, в 505 г., появился в Хире князь не менее энергичный, чем Х а р и с, но еще более необузданный; это был М у н з и р III,сын И м р у у л ь К а й с а III и Ма-ас-се-мы", дочери великого племени Р а б и'а, женщины замечательной красоты, которую король в одном из набегов на восточную Аравию захватил и взял в жены. В память ее звали обыкновенно и сына Мунзир ибн Ма-ас-сема. Он был поистине чистейшим типом варвара, хотя существует, впрочем маловероятное, предание о принятии им в преклонных летах христианства. Но нельзя от него отнять, что он был дельным властелином и во многом не уступал своему предку, носившему первым то же самое имя. К и н д и т потерпел вскоре ряд неудач. Бедуины таяли в его руках, как рассыпается во все стороны песок в пустыне, лишь только они приметили, что вместо легких хищнических набегов дело теперь идет о горячих, упорных битвах. Племя за племенем уходили на свои старинные пепелища; наконец Мунзир напал на самого Хариса и на оставшееся ему вер-

' Что значит «Небесная вода», что-то вроде росинки. Намекает ли имя на красоту или чистоту души — неизвестно.

ным маленькое войско. Разбитый наголову, потеряв все свои сокровища, с большим трудом ускользнул он лично от преследователей. Сорок плененных, все члены семьи А к и л ь-а л ь-М у р а р а, по приказанию Лахмида были обезглавлены. После долгих лет скитальчества, в 529 г., попал и он сам в руки Мунзира и был казнен, несмотря на то что дочь его Хинда, плененная, вероятно, в одном из прежних походов, стала женой победителя. Эта женщина была набожной христианкой, в Харе основала она монастырь, церковь которого, по свидетельству одного мухаммедан-ского писателя, сохраняла долго надпись, свидетельствующую об имени строительницы. Братья ее, сыновья Хариса, провели всю жизнь в бесплодных стараниях собрать снова воедино отпадшие племена. Один из них, Х у д ж р, навлекший ненависть А с а д и т о в, был ими умерщвлен. После него остался сын И м р у у л ь К а й с, «поэт и король». Так зовет его Рюккерт, воздвигший ему долговечный памятник переводом его стихотворений на немецкий язык*. Вся жизнь его протекала в блужданиях от одного племени к другому. Страстно желая отомстить за смерть отца и ища возрождения величия своего дома, он метался, не находя ни мира, ни успокоения, а цели удовлетворения честолюбия не мог достигнуть: так, по крайней мере, свидетельствуют его стихотворения, рисуя в действительности царственного мужа, преследуемого неотступно несчастием, но не преклоняющегося ни пред людьми, ни пред судьбою. После каждого поражения снова принимается он за безнадежную борьбу с бесчисленными своими неприятелями. Его неисчерпаемая жизненная сила даже на краю опасности дает ему способность внезапно увлекаться придорожным цветком, а иногда даже сорвать мимолетное удовольствие, прежде чем броситься снова в водоворот отчаянной борьбы. Арабы называют его «блуждающим королем» и признают за своего величайшего поэта. Подобно его борь-

' Amrilkais der Dichter und König. Sein Leben dargestellt in seinen Liedern. Aus dem Arabischen übertragen von Friedrich Rücken. Stuttgart und Tübingen. 1843.

бе и любовным похождениям, романтичен был и конец его жизни. Когда император Юстиниан около 530 г. задумал снова подготовить персам всюду ущерб и вред, пришло ему в голову попробовать восстановить Киндийское государство, которое уже раз принесло пользу византийцам. Снова посланы были агенты для переговоров с « Ф и л а р х о м К а и з о с». Был он рекомендован эфиопским наместникам Южной Аравии, находившимся в дружественных отношениях с Византией. Но когда оказалась очевидной неисполнимость планов варвара, пригласил его император в конце концов в Константинополь, чтобы дать ему убежище внутри Византийского государства и предложить какую-нибудь почетную должность. Имрууль Кайс не отклонил зова. Оставив на попечение Самуила И б н А д и я весь свой скарб, пересек Сирию и Малую Азию и прибыл в столицу. Прием был чрезвычайно радушный; после продолжительного пребывания он был назначен филархом Палестины. Но по дороге к своему новому посту застигла его внезапная смерть в Малой Азии, в Ангоре; по арабскому сказанию, и довольно вероятному, он был умерщвлен по приказанию самого Юстиниана. Говорят, император был оскорблен лично этим высоко симпатичным, но легкомысленным героем, успевшим соблазнить одну из принцесс. Этот рыцарский облик, который и поныне овеян чудно поэтической дымкой, отличался поистине необузданной страстностью и дикой отвагой Дон Жуана.

Никем не тревожимый, страшный М у н з и р мог между тем утверждать снова в Хире владычество своей династии и со своими ордами бедуинов, всюду немилосердно грабящими, стать страхом и бичом византийских пограничных провинций. О том, как наконец умер он от руки Гассанида Х а р и с а, уже было рассказано. Сын его Амр (554—568 или 569) под влиянием матери своей, Х и н д ы, стал

христианином, хотя это сведение не вполне достоверно. Так или иначе, это ему нисколько не мешало подражать отцу в его жестокостях. Царствование его памятно арабам, так как в эту эпоху родился в Мекке Мухаммед. Он и его брат-преемник К а б у с (569—573) продолжали, ра- зумеется, вести упорную войну с Гассанидами. Последнему, впрочем, в 570 г. они подготовили весьма неприятную ловушку. Мунзиру IV (тоже сыну Хинды) наследовал последний Лахмид, сын его Ну'ман V. Сказание передает, что из всех двенадцати сыновей Мунзира он один был уродлив и мал ростом, лицо его было покрыто красными пятнами и струпьями, притом это был человек неуживчивый, хотя имел большую склонность к женщинам и поэтам и обладал тонким чувством ко всему изящному. Когда царь персидский* стал переспрашивать одного за другим братьев: можешь ли ты держать арабов в повиновении, получал один и тот же ответ: да, всех, кроме Ну'мана. Один только Ну'ман ответил просто «да». А когда король спросил его дальше: а братьев твоих? Он ответил сухо: если уж с ними не справлюсь, то с другими, конечно, и подавно. Таким образом, власть была вручена ему, и он управлял страной приблизительно в 580—602. Немного принес он пользы персам и выказал при этом в равных случаях полное неповиновение, так что Хосрой II принужден был его устранить. Заманили его хитростью в Ктезифон, где он погиб; одни говорят — в тюрьме, другие — растоптанный слонами. Арабами считается он одним из самых выдающихся королей Хиры за его любовь к поэзии и поэтам, но рассказывают разное о его обхождении с ними. Более других снискал его милость знаменитый поэт Набига из племени Зубьян. Хотя все-таки однажды произошла между ними серьезная размолвка, когда ревнивому королю показалось, что влюбленный поэт в обращении с его супругой перешел границы, допускаемые этикетом. Набига должен был бежать и удалился к Гассаниду Амру. Но королю тяжело было оставаться долго без своего любимца, а Набите как доброму арабу с действительно замечательным талантом, привыкшему к легкому срыванию с дерева золотых, плодов, показался Гассанид немного скуповатым. Оба, они вскоре помирились.

' Х о с р о й II, П а р в и з по прозванию. Но, согласно хронологии, это был, должно быть, Х о р м и з д IV.

Вместе с Ну'маном пресекся гордый род Лахмидов. Дочь его, Хинда, ушедшая после его смерти в монастырь, пережила не только падение персидского царства, но и первую междоусобную войну мусульман. Она умерла в 660 г. Гораздо ранее, а именно в 633 г., пал последний мужской отпрыск династии, находясь во главе восставших арабских орд, незадолго до вторжения мусульман.

Становится теперь понятным, каким это образом византийцы и цари персидские пришли одновременно к одной и той же мысли — ограничивать или совсем отстранять сделавшихся слишком могущественными начальников арабских племен. Все же раздробление сирийских ленных владений, а еще более уничтожение династии Хиры были непростительно грубые ошибки, за которые последовало вскоре жестокое возмездие. Мало-помалу между пограничными арабами, привыкшими к грабежу и опустошениям, окончательно исчезло уважение к внешней силе великих государств. А тут еще, как назло, расторгнуты были единственные, хотя и мало их сдерживающие узы. Персидские наместники и арабские фигуранты, отныне поселившиеся в Хире, теряют окончательно почву под ногами; они не в силах держать в повиновении арабов Ирака и не могут вдохнуть никакого уважения соседним бедуинам полуострова. И вот, спустя несколько лет после низложения Ну'мана, вторгаются Бену Бекр, жившие за последние десятилетия в тесной дружбе с Лахмидами, в область Хиры. Затем наносят чувствительное поражение соединенным силам персов и арабов племени Таглиб, переселившегося по окончании сорокалетней борьбы на правый берег Евфрата, неподалеку от города З у-К а р, и несут опустошение далеко вглубь страны (между 604 и 610 гг.). Нет ничего поэтому удивительного, что 25 лет спустя первые великие халифы и военачальники мусульман не находят рискованным повторить нападение еще более серьезное, но предпринятое ими с значительно более громадными силами конных бедуинов. Поход этот мог изумлять только историков Запада.

В то время как мы замечаем, что в начале VII столетия весь север Аравии кипел брожением и пограничные племе- на стремились нахлынуть на соседние великие державы, бывшие доселе с ними в близких отношениях, на южных окраинах великого полуострова история как бы расплывается в песке. А некогда и там существовали могущественные государства, противоставлявшие элементам севера, силившимся распространиться, непреоборимое сопротивление. Искони, насколько известно, между обеими родственными расами, населявшими Аравию, существовало глухое соперничество. Уже в Ветхом Завете отмечено глубокое различие между детьми и з м а и л и т о в, беспокойными бедуинами севера, и более оседлыми, приобвыкшими издавна к государственному порядку людьми С а б а, населявшими юг. Почти поперек всей страны лежит непроходимая граница, отделяющая обе народности, это великая, южная песчаная степь (именуемая ныне Р о б а'а л ь Х а л и). Если по северной границе ее протянуть к западу линию, то она достигает Аравийского залива на один градус приблизительно южнее Мекки. Черта эта обозначает раздел, хотя и не совсем точно, отодвигаемых часто границ того пространства, где кончается естественная, положенная природою перегородка. Библия ведет происхождение Саба от И о к т а н а (Кн. Бытия, Моисей 10, 29) и называет поэтому южных арабов И о к т а н и д а м и, а северных - И з м а и л и т а м и. В частностях этнографические особенности не выступают совершенно ясно. Но в стране, заселенной измаилитами, находившейся издавна в связи с Сирией и Месопотамией, поселялись, например, по самой сути вещей, в большом количестве евреи, и

потому первоначальная народность не могла остаться во всей чистоте благодаря разного рода примесям чуждых элементов. Поэтому в населении Саба, естественно, сохранился более чистым настоящий тип арабский. Ко времени наступления настоящей исторической эпохи происходило, конечно, наоборот: измаилиты поэтому чувствуют и по сие время, что они именно истые представители арабской культуры, но древнейшие следы истории указывают в действительности на то, что задолго до измаилитов иоктаниды достигли уже достойного внимания культурного развития. До самых позднейших времен сведения о королеве Саба, из Священного писания и еще несколько в подобном роде мелких мест, так же как и некоторые указания греческих и римских историков и географов, описывавших народы и страны «счастливой Аравии», бросали лишь слабый свет на существовавшие там порядки; несколько прояснились взгляды историков благодаря исследованиям европейских путешественников, хотя изредка и с большой опасностью начавших проникать вглубь страны с конца XVIII столетия. Они оставили нам описания величественных развалин, древних храмов и дворцов, которые далеко кругом покрывали страну и свидетельствовали о давно минувшем великолепии. Но только теперь, лет сорок тому назад, постепенно удалось дешифрировать малопонятные письмена, высеченные на памятниках, которые там и сям найдены были в целости на развалинах. В большинстве случаев они были разобраны и признаны за арабское наречие, близкое к языку севера. Хотя в них, как и следовало предполагать, найдено было большое количество имен королей и иные разнообразные исторические указания, но, к сожалению, без обозначения времени, к которому следовало их отнести. Для устранения и этого затруднения весьма недавно подыскана более твердая почва. В одной ассирийской клинообразной надписи, относимой к 715 г. до Р. Х., царь Саргон Ниневийский говорит: «Я получил подать... от Исамара, сабейца, — золото, травы востока (т. е. благовония и пряности), рабов, лошадей и верблюдов». Этот же самый Иса-мара, сабеец, попадается в надписях южноарабских и назван князем Саба «Иа с а'м а р». Из этого можно заключить, что не только в восьмом столетии до Р. Х. царство Сабеев процветало, как об этом свидетельствует Библия, но что и сохранившиеся памятники южной Аравии в большинстве случаев можно отнести к этой древней эпохе. По сие время найденный материал в надписях, конечно, недостаточен, чтобы проследить историю страны в отдельных ее подробностях, но достигнутыми уже результатами возможно установить главнейшие моменты; более существенные из них предлагаются здесь вкратце.

Арабы иоктаниды издавна населяли, на юге полуострова, страну Йемен*. И до сих пор неизвестно время поселения их там, но несомненно, что это случилось много столетий до Р. Х. и что они же заняли соседнюю гористую африканскую Абиссинию. Проникнуть туда через Баб-аль-Мандебский пролив было не трудно. Не подлежит сомнению, что колонии семитов мало-помалу смешались тут с местными африканскими элементами, так что обыкновенно обозначаемых жителями Абиссинии эфиопов исторических времен следует считать за чистых арабов. Во всяком случае оба соседние народа двух материков скоро стали чужды друг другу, и во втором столетии нашего летосчисления эфиопские короли уже ведут войну с жителями противолежащего арабского берега, а в памяти как эфиопов, так и арабов не остается более ни следа прежнего их общего происхождения. В южной Аравии, между тем, возникает множество больших и маленьких независимых государств. В противоположение измаилитам-номадам из городской их жизни возникает стремление к торговле, к тому же на востоке, собственно в Хадрамауте, находилась местность, из которой получался высокочтимый всем древним миром ладан, а на юго-западе в давние времена добывалось в большом количестве и золото. Кроме того, между гаванями Восточной Аравии и Индией издавна существовало сообщение морем. Индийские продукты, в особенности пряности и редкие животные, «обезьяны и павлины», привозились к берегам Омана. Отсюда шли транспорты, как кажется, еще с десятого столетия до Р. Х., сухопутьем к Аравийскому заливу; здесь грузили товары на корабли и отправляли в Египет, ко двору фараонов и его вельмож Здесь

' Слово Йемен обозначает, собственно, «правую сторону» или же «справа», между тем страна справа, если обратиться на восток, была бы именно юг. Таким образом, обозначение места получило свое название от северных соседей. А так как у арабов правая рука считается приносящею счастье и многие от этого корня происходящие выражения употребляются со значением «счастливый, благословенный», то и этому названию по недоразумению дано было значение АгаЬIа ГеНх, «Счастливая Аравия», как бы происходящему от этой части полуострова.

именно, в этом юго-восточном углу упомянутого моря, следует искать страну Офир, с которой Соломон завел на короткое время прямые торговые сношения, при помощи Хирама тирского. Благодаря трудностям плавания по Красному морю в те времена, приблизительно в восьмом столетии, предпочитали сообщение сухим путем из Йемена в Сирию. Из Сабота (так в древности назывался арабский Шабват), главного города Хатрамотитов (Хадрамаут), проходил караванный путь в Мариаб у (Ма'риб), в стране Сабеев, а затем через центр Аравии направлялся на Макорабу (позднее Мекка), через страну Мидианитов и, пересекая полуостров Синай, достигал Петры и Газы, лежащих на Средиземном море. Здесь и был главный складочный пункт торговли между Востоком и Западом. Соответственно этому встречаем мы между страной ладана, Хадрамаутом, и Красным морем два довольно большие владения: к востоку Минеев, заимствовавших свое название от главного города Ма'ин (от него одно время зависела непосредственно страна ладана), а на западе

примыкающие к нему владения Саба с резиденцией М а' р и б. Вокруг них группировался целый ряд маленьких княжеств, которые более или менее находились от них в зависимости. В особенности влияние Сабы распространялось далеко на север. Жизненные интересы страны требовали, чтобы путь караванов до самой земли М и д и а н и т о в был свободен и безопасен для перевоза по нему дорогих продуктов. И если мы замечаем в стиле многих построек, а равно и в мифологии сабеев ясные следы непосредственного влияния ассирийско-вавилонской культуры, то этого нельзя иначе объяснить, как следствием многоразличного, достаточно непосредственного и тесного взаимного общения. Несомненно, что ассирийцы держали в повиновении не только всю Сирию, но и бедуинов северо-аравийских степей, а потому и арабы юга должны были волей-неволей еще перед восьмым столетием для ограждения спокойствия торговли обратиться к ним же. В течение целых столетий государства Саба и Ма'ин, если и не всегда безусловно успешно, то во всяком случае старались соблюдать, как это и подобает торговым нациям, взаимную политику мира. И в 25 г. до Р. Х., по свидетельству римлянина Э л и я Г а л л а, арабы западного берега до самого полуострова Синая оставались торговцами мало воинственными; так продолжалось еще некоторое время и по Р. Х. Но тут отношения сразу изменились. Хотя поход, предпринятый Элием Галлом в Аравию по приказанию императора Августа, и не удался — изменнические проводники направляли войска через труднопроходимые местности, а осада после невыразимо трудных переходов достигнутого наконец римлянами Ма'риба не удалась, так как римский полководец по недостатку воды должен был ее снять, — но во всяком случае торговые предприятия Востока не могли уже более избегнуть подавляющего влияния Римской всемирной империи. Направление торгового пути сразу изменилось, корабли поплыли прямо из Индии и от берега ладана через пролив Б а б-а л ь-М а н д е б с к и й направились в М и о с-г о р м о с, египетскую гавань у Красного моря. Таким образом обойдены были все внутренние складочные места торговли. Мало-помалу гордые дворцы Сабы обезлюдели, искусственные водоснабжения, при посредстве которых пески пустыни превращались в плодоносные поля и сады, стали приходить постепенно в упадок.

Арабская легенда, видимо, старается сжать длинный исторический процесс, обнимающий более столетия, в один конкретный факт. По этому сказанию, процветание Ма'риба и всего Йемена всецело зависело будто бы от гигантской плотины, считавшейся чудом света, назначение которой было защищать город и его окрестности от вод горных потоков. Вот эта самая плотина (событие приурочивает легенду к середине второго столетия по Р. Х.) вдруг прорвалась, воды хлынули, затопляя город и окрестности. Катастрофа произвела ужаснейшее опустошение, последствия которого никто не сумел устранить. Большая часть населения вынуждена была выселиться и искать пристанища на севере и далее в Сирии. Так объясняют арабские историки появление в этих странах большего числа племен южноарабского происхождения.

Плотина Ма'риб частью сохранилась и поныне, виднеются и теперь громадные каменные столбы, между которыми, вероятно, находились ворота шлюза. Очень возможно, что подобного рода катастрофа действительно имела место. Но если предположить, что город и страна, хотя до известной степени, находились тогда в цветущем положении, было бы, конечно, нетрудно восстановить прорвавшуюся плотину и снова обратить поля, засыпанные песком, в плодородные. Поэтому надо полагать, что упадок государства и его резиденции предшествовал наводнению, и причину его главным образом следует искать в прекращении движения караванов по старинному торговому пути. Отклонение торговли по морскому пути — вот объяснение вполне удовлетворительное. Хотя в первом столетии по Р. Х. еще упоминается о царстве Сабеев, но только в связи с г о м е р и т а м и и, как их называли древние, х и м ь я р а м и по арабскому произношению, т. е. береговыми племенами, обитавшими между с а б е й ц а м и и морем. Уже тогда резиденцией союзного королевства был не Ма'риб, а З а ф а р, лежащий ближе к морю. Позднее о сабейцах более нет и помину, говорится только о химьярах. Так что древнее королевство южной Аравии, так еще недавно процветавшее, равно как и его памятники, считается уже принадлежностью химьяров. Несмотря, однако, на перенесение центра тяжести южноаравийской цивилизации теперь ближе к морю, царство Химьяров никогда не могло достигнуть степени процветания древней Сабы; при сложившихся новых обстоятельствах оно очутилось в виде промежуточной станции для индийской торговли. Собственные продукты Йемена — между которыми золото постепенно отступает на задний план, а позднее, в шестом столетии, выдвигается кожа — недостаточны были для того, чтобы страна удержала свое прежнее первенствующее положение. Но вплоть до самой эпохи ислама живой обмен местных продуктов с таковыми же Сирии все еще продолжается по старинному караванному пути, пролегающему через Мекку, а из гавани Красного моря ведется торговля с Абиссинией, откуда с давнего времени получались слоновая кость, пряности и другие продукты. При этом вся торговля стала более, чем прежде, когда центр могущества лежал глубоко внутри страны, подчиняться влиянию иноземному и различного рода нападениям. И в старину никогда особенно не заботились о содержании военных сил в достаточном количестве, теперь же, со времени перемены направления торгового пути, охрана значительно ослабла. Итак, почти не остается никакого сомнения, что переселение большинства южноарабских племен на север, происшедшее, по свидетельству арабских историков, вследствие прорыва плотины Ма'риб, обусловилось по меньшей мере упадком сабейской торговли: отняты были у значительной части народонаселения средства к существованию, а потому они были вынуждены, по необходимости, покинуть населенную с избытком родину. Было бы неосновательно поэтому сомневаться в факте массового переселения, имевшего место

во втором столетии нашего летосчисления. Если даже отнестись критически к таблицам племен, изготовленным генеалогами мухаммеданской эпохи для всей Аравии, то, во всяком случае, останется несомненным, что большое число племен, населявших северо-запад Аравии и Сирии, ведут свое происхождение из Йемена; это легко проследить до самых позднейших времен средневековой истории. Между ними и жителями средней и северной Аравии, считающими себя измаилитами, существует постоянная, смертельная расовая ненависть, которую даже ислам не мог скоро сломить. Очень естественно, что переселенцы не могли и думать продолжать свои занятия мирных купцов; им пришлось десятки лет и даже столетия биться с бедуинами, измаилитами и тогда только променять оседлую жизнь на кочевую. А когда наконец они проникли частью в Сирию, то успели уже совершенно бедуинизировать-ся, подобно своим землякам, которым по пути прийшось осесть в северной Аравии. Сама природа страны требовала этого неуклонно. Если так просто объясняется присутствие многочисленных йеменских племен в северной Аравии, то становится само собой понятным, что потеря таких значительных и, конечно, наиболее деятельных народных элементов должна была в высокой степени ослабить могущество химьяров. Хотя по дошедшим до нас известиям, достигающим шестого столетия, южные аравитяне, особенно же те из них, которые оставались в обезлюденных главных пунктах древнего Сабейского государства, мало-помалу тоже бедуинизировавшихся, неоднократно пробовали подчинить своей власти соседних центральных арабов — самое племя Кинда, успевшее на некоторое время распространить свое верховенство на некоторые из ближайших племен, считало себя происхождения Йеменского, — но эти случайные попытки нисколько не изменяют факта. Мало-помалу большинство жителей Йемена подпадает под власть иноземную. Нападение эфиопов во II столетии на аравийские берега повторяется снова и все с более возрастающим успехом. Египетские миссионеры, успевшие ввести христианство в Эфиопию, появляются уже в IV столетии в столице химьяров, а в Адене построены были даже церкви. Несколько позднее король Аксума, столицы Эфиопии, носит уже титул короля Аксумитов и Гомеритов. Очень может быть, что он только по обычаю восточных властителей и пользуясь счастливым походом внес имя неприятельской страны в свой официальный титул. Во всяком случае это значит, что, хотя бы ненадолго, он владел югом Аравии. И действительно, в VI столетии императоры византийские Юстин I (518—527) и Юстиниан I (527—565), желая так или иначе защитить себя от персов, пускались на всевозможные хитрости по отношению к их вассалам в Хире, дабы противоставить им сыновей пустыни. Для этого самого они обратились к королю Аксума, прося его, чтобы он укрепился в Йемене и оттуда действовал на племена центральной Аравии. Возник целый ряд войн между эфиопами и химьярами. История их в подробностях мало разъяснена; известно достоверно одно, что не раз являлись в южной Аравии эфиопские наместники и не раз снова были прогоняемы туземными князьями. Также весьма знаменателен факт, что некоторые из них, для про-тивоставления христианам эфиопам, пытались ввести иудейство в Йемене. Меж ними особенно выдался один, кото- рого Арабы называют 3 у-Нуваас. Он возбудил даже кровавое преследование христиан, давно уже укоренившихся в местности Неджран. Существует затем известие об одном эфиопском наместнике в Йемене, по имени Авраам, по арабской же транскрипции Абрах а; он предпринял даже походы против Мекки с целью завоевать город и ввести в него христианство, но неожиданно должен был вернуться, как кажется потому, что в его войске, подобно как у Санхериба, под Иерусалимом, распространилась заразная болезнь (вероятно, оспа). Этот поход особенно памятен арабам, потому что за войском тянулись слоны, надо полагать, привезенные из Африки. Аравитяне прозвали поэтому Абраха «слоновьим человеком», а как все историки утверждают единогласно, что в этом самом году родился Мухаммед, то поход «слоновьего человека» следует отнести к 570 г. Ничего более достоверного, впрочем, об этом событии неизвестно. Во всяком случае персы нашли необходимым серьезно противостать эфиопским вторжениям в Аравию, опасаясь, что рано или поздно они будут в состоянии произвести значительную диверсию во фланг королей Хиры. Они успели ловко воспользоваться отвращением йеменского народонаселения к эфиопскому владычеству. Сейф, сын 3 у-Иезена, потомок старинного королевского рода химьяров, отправился, как говорят, в Ктезифон, чтобы побудить короля персидского Хосроя Анушарвана идти походом в южную Аравию. Во всяком случае достоверно то, что Хосрой послал флот с десантом под предводительством Вахриза, и он прибыл через Персидский залив в Аден. При помощи возбужденных Сейфом к восстанию арабов ему удалось прогнать эфиопов. Персы посадили на трон преданного им Сейфа, а сами удалились: но когда тот стал жестоко гнать живших в стране эфиопов, его вскоре умертвили, а страна быта по-рабощена снова. Вахриз вернулся с еще более сильным войском уничтожить окончательно врага африканского и остался в стране в качестве персидского наместника. С этих пор Йемен стал подвластен персам, но они благоразумно довольствовались умеренной податью и общим наблюдением. Вице-король персидский поселился в главном городе Сан'а, меж тем как управление предоставлено было, собственно говоря, самостоятельным отдельным князьям, выбираемым из старинного королевского рода. Страна успокоилась и была довольна, а о развитии особенной внешнеполитической деятельности на этом столь отдаленном посте персидскому наместнику нельзя было, конечно, и думать. Поэтому нет ничего удивительного, что Йемен не сыграл никакой роли в наступавшем вскоре всемирном событии.

Займемся же теперь ближайшим топографическим описанием местности, выступающей на политическую арену всемирной истории. Между плоскогорьем Неджд, которое ограничено по

направлению к Красному морю довольно непроходимым пограничным хребтом, и берегом лежит страна Х и д ж а з (пограничная провинция). Эти горы во многих местах подходят близко к самому морю — остается узкая береговая полоса, страшно знойная и нездоровая, с двумя маленькими гаванями. Зовут ее Т и х а м а (низменная земля). Собственно Хиджаз — страна гористая, состоящая главным образом из двух параллельных отрогов гор. Одна из цепей идет вдоль моря, а другая - по направлению к Неджд. Между ними помещается что-то вроде плоскогорья, или так называемой седловины. Оно тоже искрещено вдоль и поперек множеством неправильных горных кряжей. Эта седловина, понятно, есть тот путь караванов, который вел из Йемена в Палестину и к Синайскому полуострову. Здесь задолго до Р. Х. шел торговый путь из Сабы через М а к о р а б у и Я т р и п п у к П е т р е. Древняя Макораба была не что иное, как Мекка. Ятриппа — очевидно И а с р и б, как называли до Мухаммеда Медину. Оба города были станциями караванного пути и до рождения Иисуса Христа имели известное значение. Об их тогдашних жителях ничего точного, впрочем, неизвестно. Насколько [1] можно судить по сбивчивым сказаниям позднейших времен, первоначально его жители состояли из разнообразнейших элементов вперемежку с людьми, проникнувшими с севера. В эпоху Мухаммеда по всему северу Хиджаза разбросаны были многочисленные поселения иудеев. Если принять к тому же во внимание, что задолго до выступления пророка самое основание святыни Мекки приписывается обыкновенно Аврааму, если далее оказывается, что ни одного названия лиц и местностей, о которых пойдет речь, нельзя объяснить арабскими словами, то весьма естественно сделать заключение, что переселения с сирийских границ имели место издавна. Нет надобности доказывать, да едва ли и было бы это вероятным, что первыми переселенцами оказывались иудеи. Нельзя также предполагать, что это были Э д о м и т ы или А м а л е к и т ы. Мы слишком мало знаем вообще об этнографии сирийско-арабских пограничных округов в древности, чтобы предложить подобные определенные предположения. Но во всяком случае можно сказать утвердительно, что задолго до Р. Х. население состояло из разнообразнейших смешанных элементов, постепенно и окончательно арабизировавшихся. Это народонаселение имело своим средоточием Мекку, а здесь издавна находилось святилище совершенно не арабского характера, Ка'ба. В начале нашего летосчисления грек Дио-дор видел ее собственными глазами и описал как место, в высокой степени почитаемое арабами. Да позволено будет из позднейших сведений об отношениях, существовавших между арабскими племенами, вывести некоторые умозаключения, и в таком случае основание и род этого почитания легко станут понятными. Мекка лежит довольно близко от границ старинного Сабейского государства, так сказать средоточия бедуинства. Обезопасить себя от хищнических поползновений сынов пустыни, которые ежеминутно и легко могли спуститься с гор на торговый путь с целью напасть на тянущиеся к северу караваны, было главнейшей заботой жителей Мекки и ее окрестностей. Все помышления их устремлены были, чтобы поставить торговлю под покровительство чуждого вначале для I коренного бедуина и страшного, а потому и внушающего ^лубокое уважение храма. Вот и основало купеческое сословие союз племен Хиджаза, который имел своим религиозным средоточием пункт всеобщего почитания Ка'бу. Союзу этому удалось постепенно неверующих вначале, но суеверных бедуинов держать в субординации и даровать им вместе с тем возможность вступления в члены союза. Ежегодно праздновался с большим торжеством, внутри и в окрестностях Мекки, праздник весны, как это встречается у большинства семитов. Обычай этот перенесен сюда с севера древнейшими переселенцами. На празднества приглашались и остальные племена. Дабы привлечь их, устраивались вместе с религиозными церемониями большие ярмарки, которые открывались во многих местностях, по соседству с Меккой, до и после периода празднеств. Здесь же сыны пустыни обменивали выделанные кожи возращенных ими же вьючных животных и вообще все то, что в течение года получалось от их загородьями обнесенных пастбищ, на разноге рода продукты цивилизации: драгоценные ткани Сирии, разные украшения, выделываемые в большом количестве искусными иудеями северного Хиджаза и многое другое, что считалось между полуварварскими номадами редкостью и предметом вожделений. Поэтому нет ничего удивительного, что даже бедуины поняли, в какой мере подобного рода отношения требуют с обеих сторон миролюбия и прекращения, хотя бы на срок ярмарок, излюбленных ими хищнических набегов. И еще за некоторое время до Мухаммеда удалось горожанам установить, чтобы в течение 4 месяцев в году царствовал мир не только в области торговой конфедерации Мекки, но и почти повсеместно по всей Аравии. В это спокойное время отдельные племена могли посылать своих делегатов в Мекку для устройства дел. Ворочались они назад, никем не обижаемые. А при замечательных церемониях торжественного служения богу и приношения ему жертв могли присутствовать и посторонние. Иноземцы не могли не замечать, что подобная образцовая набожность жителей Мекки даровала им благословение свыше, благоденствие и успех. Поэтому многие стали вскоре обдумывать, как бы и себе самим доставить такие же осязательные выгоды. Мало-помалу начали участвовать и посторонние в религиозных обрядах, необычность пышной церемонии которых должна была сперво- началу производить сильное впечатление на людей простых. Доселе лишь изредка, когда им уж очень плохо приходилось, обращались они со своим безыскусственным личным молением к какому-нибудь грубому идолу, метеориту или священному дереву, чуждые понятий религиозной общины и ее правильного богослужения. Умные купцы Мекки все были готовы сделать, лишь бы облегчить им приступ к их выработанным обычаям. Они охотно ставили и внутри, и возле Ка'бы кроме своих собственных также и изображения идолов чуждых им племен. Таким образом, мало-помалу они достигли того, что всякий

араб, не слишком далеко живший от них, признавал в храме Мекки и свою святыню. Божество Ка'бы, хотя бы он и редко прибегал к нему, становилось в конце концов его собственным, ибо над сонмом идолов, даже в Аравии, предчувствовали все высившегося «неведомого бога», всюду царил древний бог семитов: Иль, или И л я х, как звали его арабы севера. Вероятно, благодаря влиянию иудейскому он был нечто вроде в с е о т ц а богов предков, почитаемый не непосредственной молитвой и богослужением, но пребывающий в сознании народном, как бы невидимо присутствовавший в качестве властителя Ка'бы. Так зачалось богопочитание, после того как могущество древних Сабеев оказалось недостаточным для поддержания безопасности караванного пути, идущего на север. Так постепенно, хотя и в весьма ограниченных размерах, зерно гражданских порядков Мекки сделало ее первенствующим городом не только Хиджа-за, но и отчасти большинства арабских племен.

К середине периода этого гражданского развития, надо полагать, следует отнести время отклонения торгового пути и переселения йеменских племен ближе к северу, что произвело также и в Мекке большие перемены. Толпы южных арабов вторгнулись в Хиджаз. Одни здесь осели, между тем как большинство потянулись далее на север. Около Мекки и в самых стенах ее поселилось племя Б е н у Х у з а'а, предводительствуемое именуемым впоследствии А м р Ибн Лухай. Про него именно мусульмане говорят, что вместо чистого богопочитания, которое господствовало доселе в Мекке, он ввел идолопоклонство. Понятно, на это следует смотреть только как на теологическое препирательство. Но тем не менее весьма вероятно, что южные арабы, смешавшись с прежними горожанами Мекки, позаботились прежде всего поместить в Ка'бе и своего племенного божка. Приблизительно еще ранее V столетия новые переселенцы захватили в свои руки власть в Мекке и оттеснили на задний план племя Б е н у К у р е й ш — так звали прежних распорядителей в городе. В упомянутое время, как рассказывают, проживала в Мекке Ф а т и м а, вдова К и л а б а, одного из наиболее уважаемых всеми К у р е й ш и т о в, со своими двумя сыновьями З у х р а и З е и д. Когда первый из них был уже юношей, а другой еще ребенком, вышла она замуж за одного человека из южноарабского племени У з р а*, который жил в то время к северу от Иатриба, позднейшей Медины. За ним последовала и она на его родину и подарила ему сына Р и з а х. Вместе с ним воспитывался и Зейд, а Зухра оставался в Мекке. Так как Зейд вырос вдали от отчего города, получил он прозвище К у с а и". Когда он возмужал и узнал о своем происхождении, вернулся назад в Мекку. К тому времени Ка'ба перешла окончательно в руки х у з а'и т о в, старейшина которых Х у л е и л ь стоял во главе управления святыней. Кусаю удалось снискать его благоволение, так что он отдал ему в жены дочь свою Х у б б у. Когда Хулейль состарился и одряхлел, его заступал часто на службе в Ка'бе зять. Неоднократно приставала к старику Хубба, улещая его назначить ее мужа своим преемником, но Хулейль предпочел ему

' Это и есть гейневский А с р а. Б е н у У з р а, говорит один арабский ученый, славились своей страстностью в любви. Однажды спросили бедуина: из какого он племени? Он отвечал: я принадлежу к тем, которые умирают, если полюбят. Тогда произнесла одна молодая девушка, прислушивавшаяся внимательно к разговору: это у з р и т, клянусь всемогущим богом!

" В переводе — что-то вроде «бедняжечка», а по форме — уменьшительное слово от ка551, значит «отделенный», «удаленный»; но предание, по-видимому, как это часто случается, нарочито придумало все это для объяснения малопонятного имени.

А б у Г у б ш а н а, приятеля из своего же племени, и пред смертью вручил ему ключи от храма. Но Кусай заблаговременно задумал вернуть обратно своим одноплеменникам, курейшитам, первенство в городе и в Ка'бе. Он опоил Абу Губшана, за глоток вина выторговал, пользуясь его бессознательным состоянием, ключи от Ка'бы. И по сию пору сохранилась у арабов поговорка: «Абу Губшана покупка». Круглого дурака клеймят также прозванием: «глупее Абу Губшана». Но Кусай очень хорошо понимал, что хуза'иты не допустят безнаказанно отстранения их от владения Ка'бой, поэтому он распорядился заранее призвать к себе на помощь сводного своего брата Р и з а х а с большой толпой У з р и т о в. В соединении с ними и курейшитами удалось ему после упорной борьбы прогнать из Мекки племя Хуза'а. Сызнова переделал он все управление в городе и самую службу при Ка'бе. Многие из курейшитов, до того времени рассеянные и жившие промеж соседних племен, были им собраны снова в Мекку. Каждой отдельной семье отведен был особый квартал. В городе воздвигнут был «Дом собрания», куда сходились на совещание старейшины племени под председательством самого Кусая, тут же сохранялось и военное знамя Л и в а. Он понудил курейшитов обложить самих себя данью. Сумма эта предназначалась на прокормление беднейших чужеземцев, которые ежегодно приходили на поклонение и принимали участие в больших религиозных празднествах Мекки. Распоряжение этими доходами, названными Р и ф а д а (вспомоществование), также как председательство в совете и охранение знамени, сделались по его инициативе почетнейшею должностью. Таковыми же стали: предводительствование на войне (Кияда — ведение); заведование колодцами и распределение воды между горожанами, также и во время церемоний паломникам из чужестранцев — столь важное в стране с климатом сухим, почти лишенным дождя (Сикая — поение); н^блю-дение за Ка'бой (Хиджаба — «должность надзирателя») и, наконец, руководительство и окончательный роспудк пилигримов во время процессии в городе и окрестностях (Иджаза — дозволение, отпуск). Большинство этих должностей Кусай впоследствии закрепил по наследству за главнейшими родами города, а именно: «Сикая» и «Рифада» в роде А б д-М е н а ф, специально в семье Х а ш и м — «Хиджаба» вместе с председательствованием в совете, и «Лива» — в роде

Абд-ад-Дар.

Вся эта легенда о Кусае, которую и до сих пор некоторые новые историки принимают за чистую монету, опять-таки не что иное, как попытка найти для отношений и учреждений времен Мухаммеда твердое историческое обоснование. В народном предании оно и могло только вылиться сведением всего к одной определенной личности. Кусай такой же, вероятно, в действительности исторический образ, как и Гелле н, Эол или Дор. Хотя и фигурирует он в арабских генеалогиях не особенно далеко, а именно — как пятый прадед Мухаммеда, но в настоящее время уже доказано, что эта родословная построена искусственно, позднее, в период мухаммеданский, на основании неверных устных преданий. Совершенно невероятно, чтобы все эти семьи, которые связаны тут с именем Кусай, были бы действительными потомками единственного лица. Скорее, в следующем генеалогическом дереве* следует искать условного выражения того факта, что Мухаммед был сыном Абдуллы, сына Абд-аль-Муттадиба из семьи Хашим, а Абу Суфьян - сыном Харба, сына Омеия из фамилии Абд Шемс. Затем обе семьи принадлежали к основной группе Абд Менаф, которая, с не-

которыми другими группами, как например: Абд-ад-Дар и Абд-аль-Узза, принадлежит к отделу Кусай, племени Бену Курейш. Можно принять поэтому с некоторою достоверностью, что едва ли более трех последних членов этого генеалогического дерева можно считать за отдельные исторические личности. Таким образом, вероятнее всего Хашим уже не отец, а приблизительно прадед Абд-аль-Мутталиба. Абд Менаф же не есть, собственно, историческая личность, а только идеальный представитель факта, что членов семей Абд Шемс и Хашим, живших во времена Мухаммеда, следует считать за дальних родственников, независимо от того, были ли они родственники по крови, или же по местному соседству, случайным бракам, либо, наконец, стали в близкие отношения по каким-либо иным причинам. При этих обстоятельствах, естественно, очень трудно из подобного втиснутого в генеалогическую таблицу сказания выводить какое-либо заключение о действительности событий. Итак, из всей этой истории Кусая можно усмотреть только некоторые исторические факты; надо полагать, что около 400 г. — могло быть и раньше — переселившиеся в Мекку южные арабы успели, как это часто случалось, ассимилироваться с местными жителями (женитьба Кусая на девушке из племени Хуза'а). Такое сплотившееся вместе с южными арабами из племени Узра народонаселение предприняло союзную войну против жившихвне города и с ними не смешавшихся Хуза'итов. Причины этого столкновения были, может быть, требования их пользования сообща Ка'бой или что-нибудь подобное, что показалось жителям Мекки несправедливым. Сказание же о войне, для городских купцов весьма необычное явление, твердо запало в их память. Это и могло стать той рубежной эпохой, к которой мало-помалу они приурочивали начало всех элементарных порядков, уже существовавших в Мекке ко времени появления пророка. В конце концов эта самая эпоха по известной манере образования мифов была олицетворена в образе Кусая.

Вполне естественно поэтому, что эти отдельные черты легенды в сопоставлении с действительными фактами далеко не могут быть доведены до совершенно ясного их понимания. Но и в остальном пред появлением Мухаммеда, хотя мало-помалу история выступает на более твердую почву определенных и ближе контролирующих друг друга сказаний, едва ли не труднее будет разобраться. Здесь именно мы натыкаемся на известия, окрашенные сознательным или бессознательным стремлением придать «посланнику божьему» и его семье во всем первую роль, что почти всюду извращает события, а отчасти пахнет прямой подделкой. Следуя этим сказаниям, Хашим, внук Кусая и прадед пророка, был во всех отношениях первым человеком в Мекке. По этим преданиям, он не только исполнял должность кормителя пилигримов, поистине с княжеской щедростью, благодаря будто бы своему громадному состоянию, но и во время голода в Мекке питал все народонаселение, устроив большие подвозы хлеба из Сирии и разделяя между жителями мясо большими порциями. Говорят про него также, что он далеко за пределами Аравии заботился, с большим искусством и успешно, об интересах своего народа. Так, например, передают, что он заключил договор с Византией и Гассанидами касательно беспрепятственной торговли, которую Мекка издавна вела с этими странами. Другим договором с бедуинами обезопасил он будто бы, путь караванов, меж тем как брат его заключил мирные условия с христианским королем Эфиопии, химь-ярами и персами. Наконец, говорят, он организовал торговлю

жителей Мекки в той высокой степени, в какой ее вели и позже; так что каждую зиму отправлялся большой караван в южную Аравию, а каждое лето — в Сирию. Такое влиятельное положение, какое занял он, не могло не возбуждать зависти, но напрасно стремились соперничать с этим всеми уважаемым человеком, в особенности честолюбивый его племянник О м е и я. По смерти Хашима перешли все его титулы сначала на одного из его братьев, а **затем** на его сына А б д-а л ь-М у т т а л и б а. Сему последнему посчастливилось открыть колодец З е м з е м, вблизи Ка'бы, богатый источник великой цены, особенно во время священных празднеств, для снабжения пилигримов. Благо- даря этому он занял если не столь блестящее, как его отец, то не менее всеми уважаемое положение, так что попытка Х а р б а, сына Омейи, затмить его славу кончилась равно неудачно, как и соперничество отца его с Хашимом.

На самом же деле было далеко не так. Доказательством этого могут служить отношения Мухаммеда к своим землякам, что очень ясно выступает даже из многочисленных мест Корана. Оказывается, что ближайшие предки пророка были людьми среднего класса. Сравнивать их с высшей степени почтенной и зажиточной семьей Омейи никоим образом невозможно. Абд-аль-Мутталиб, например, столь нежно любивший своего внука, маленького Мухаммеда, не оставил ему такого наследства, которое хотя бы в некоторой степени могло оградить его от нужды. Что же касается А б у Т а л и б а, дяди пророка, защищавшего его все время, пока он был жив, и с величайшим самопожертвованием, как известно достоверно, он со всей своей многочисленной семьей терпел крайний недостаток. Поэтому равным образом весьма сомнительно, чтобы должность Сикая, распределения воды пилигримам, была настолько почетна, будучи соединена с правом владения колодцем, которым пользовалась семья Хашим. Во времена ежегодного прилива паломников доставляла она, конечно, впрочем не особенно большую, выгоду. Но несколько позднее, на основании тех же маловероятных преданий, должность эта возросла до равного будто бы значения с председательствованием в совете курейшитов и командованием войсками. В особенности подозрительно то, что величие дома Хашим, по свидетельству самого сказания, постепенно до Мухаммеда приходит в упадок Так, например, мы видим, что состояние отца его, Абдуллы, даже традиция не решается слишком преувеличивать; по сравнению с ним Абд-аль-Мутталиб значительно в большем почете, а мифическому Хашиму приписываются в качестве тогдашнего жителя Мекки невероятные подвиги. В особенности предание р заключенных формальных союзах с персами и византийцами прямо-таки смешно. Сказание о роде Омейи дышит непосредственной наивностью. Члены его искони все были богаты и могущественны, им предоставлено было право командования на войне, о чем упоминается и в истории Мухаммеда, отрицать этот факт не было никакой возможности. Поэтому, естественно, понадобилось семью Хашим поставить еще выше — отсюда вытекает поразительная и не раз повторяющаяся бессмыслица во всех подробностях рассказа о попытках Омейи и Харба соперничать с предками пророка. Одно только можно вывести из вышеприведенных известий, что действительно не без некоторых препятствий в течение последних двух столетий стало наследственным руководящее влияние в Мекке семьи Омейи, и, понятно, в самом ограниченном смысле, в котором оно только было возможно между свободолюбивыми арабами. Городские жители Аравии нисколько не уступали бедуинам в этом отношении; семья, отдел племени, распоряжалась в своем квартале свободно и самостоятельно, как бедуины в своих лагерях в палатках, ни от кого не принимая приказаний. Но мирное занятие торговлей, которое более или менее отстраняло внутренние раздоры между семейными группами города, налагало некоторое смягчение чрезмерной впечатлительности чувства чести, так сильно развитого у бедуинов; с другой стороны, влияние богатства и почета имело перевес над всем остальным у слишком расчетливых жителей Мекки. Не то мы видим в пустыне, где эти *имущественные преимущества* подвергались более быстрым колебаниям и нередко подчинялись личной геройской деятельности. Поэтому в доме собрания большею частью мнение немногочисленных богатых брало перевес, и людям незначительным трудно было бороться с могущественными. К этой-то группе людей малозначащих принадлежали, несомненно, и члены семьи Хашим.

Подобного рода управление как ни мало заслуживало названия государственной власти в значении современном, тем не менее заключало в себе, сообразно существовавшим в Мекке общественным отношениям, некоторые зародыши ее. По крайней мере во всей Аравии мы не встречаем ничего подобного, даже в других городах Хиджаза, которые по сравнению с Меккой все же имели некоторое значение, так, например, в Иасрибе, позднейшей Медине. Это место, как и большая часть севера Хиджаза, по дошедшим до нас сведениям, находилось в руках иудеев. Когда и откуда колонизировали они страну — неизвестно. Вероятнее всего, пробились они в аравийские степи, подобно тому, как и в остальные части света, во время возникших между римлянами и иудеями войн, в первое столетие нашего летосчисления; едва ли возможно предположить, что это переселение случилось еще ранее. Иудеи арабские сильно отличаются от своих единоверцев, поселившихся в других странах, почти во всем. Что же касается повседневной жизни, во время войны и мира, и между ними замечается полное отсутствие государственной организации благодаря разобщенности отдельных племен, ничем не связанных друг с другом. Одним словом, все их мировоззрение совершенно арабизировалось, удержали они только свою религию и несколько особенностей, сохранившихся, несмотря на долгую жизнь в течение многих столетий среди арабов; меж тем как во всем остальном они приноровились к нравам, господствующим на полуострове. Вот те главные черты, по которым их легко было отличить от коренных арабов. Всего чаще живут они в укрепленных городских кварталах, или замках, что, по крайней мере на севере Аравии, считается неслыханной вещью; занимаются, попутно с торговлей, и возделыванием финиковых пальм,

также и ремеслом: в Медине, например, жили иудеи Бену Кеинока, славившиеся по всей Аравии как искусные ювелиры; говорили между собой на особенном жаргоне, помеси иудейского с арабским. Главные города, ими населяемые, были Хеибар и Иасриб; но только в первом из них они жили особняком, никем не тревожимые. Вследствие южноаравийских переселений перекочевали в Иасриб племена Бену Аус и Бену Хазрадж, отделы йеменского племени Бену Азд. Они вытеснили иудеев из собственного города и принудили их поселиться в новых кварталах, вне; при этом, понятно, отняты были лучшее поля и сады пальм, на чем, собственно, основывалось тогда существование лежавшего в плодоносной стране Иасриба, подобно тому как существование Мекки, окруженной голыми массами скал, зависело от торговли. Недолго продолжался покой между обоими племенами, вскоре возгорелись новые распри. Арабы слишком тесно разместились в узком, по их понятиям, городе. Война сменялась миром, а с 583 г. возгорелась нескончаемая распря, продолжавшаяся почти без перерыва до прибытия Мухаммеда в Медину. На этот раз втянуты были в борьбу отчасти и иудеи. С их помощью удалось более слабейшему племени Аус одержать блестящую победу в 615 г., над Хазраджами, в знаменитом сражении у Бо'аса (в часе расстояния к северо-востоку от Медины). Все же племя Хазрадж было еще настолько сильно, что не покинуло города. Мы встретимся с ним несколько позднее.

Несмотря на всю кажущуюся разрозненность, на нескончаемые распри между сотнями племен, нельзя не признать в арабах нации и даже задолго до появления пророка, когда он, хотя на некоторое время, сумел и по наружному виду сплотить их. Подобно грекам, арабы тоже чувствуют свою общность в противоположении всем остальным, говорящим на другом языке. И они так же смотрят на тех, кто не говорит по-арабски, как на чужеземную собаку, подозрительную и противную, презренную даже. Такое тщеславие чистотой своего собственного происхождения, с которым встречаемся мы и поныне у всех бедуинов, с древнейших времен одушевляло как отдельные личности, племя, так и весь народ. К этому побуждал и сам язык арабский, один из богатейших, выразительнейших и изящнейших, если не благозвучнейших во всем свете. Национальная гордость обрела в нем классическое выражение единства народа, из всех самого своеобразного. Это было совершеннейшее орудие для арабской поэзии, которая сплачивала племя с племенем даже в самое злейшее время внешней разрозненности. Поэтому каждый араб считает язык свой и поэзию не только проистекающими из сердца, но и лучшею его частицею, нет другого на свете народа, кроме арабов, который бы придавал такое несоразмерно высокое значение чистоте и изяществу выражений, даже в обыденном применении к жизни. Поэтому нигде, за исключением разве, может быть, времени высшего процветания Афин, не находилась поэзия даже приблизительно в таком почете у целого народа, возбуждая всеобщий интерес, составляя главное дело. Каждое событие, хотя бы некоторого значения, отражается, как в зеркале, в этой поэзии; равно и происшествия повседневной жизни дают ей ежеминутно повод предоставить выражение свободному человеку, его наблюдению и образу мыслей, его, наконец, страсти. А там, где каждый в состоянии импровизировать, всякий может оценить и понять смысл творения другого. Песнь служит не только украшением, но, в некотором роде, прямым содержанием народной жизни. Рядом с героем стоит и поэт; во мнении племени, даже чуждом, он вознесен высоко, его песни доставляют его семье не меньшее право на почет и уважение, как и деяния могущественных воинов. А если оба достоинства соединяются в одном и том же лице, то он может смело гордиться, что достиг наивысшего, что только дано человеку в удел.

О характере и сущности арабской поэзии здесь не место входить в дальнейшие подробности. Мы позволим себе только остановиться на рассмотрении широко распространенного заблуждения, которое приносит существенный вред и мешает понять характер, а вместе с ним и самую историю этого замечательного народа. Кто не занимался специально изучением восточных литератур, легко может смешать древнеарабскую поэзию с персидскою и произведениями позднейших придворных поэтов аббасидского периода, очевидно, находившихся под персидским влиянием. Для одного только персианина имеет особое значение так называемая огненная фантазия, а с другой стороны — «восточная высокопарность» поэтов туземных. У арабов, в нашем смысле, продуктивности фантазии, положим, весьма мало. Он, по своему характеру, слишком воздержан, скептичен для этого. Расчетливый даже в мелочах, склонен и способен он к более точному наблюдению окружающей его природы, благодаря также изощренности чувств, развитых в постоянном общении со степью. Поэтому его душе ближе описание, в красивой, сжатой, наполненной восхитительными эпизодами речи, быстроногого верблюда, благородного коня, охотничьих экскурсий либо бури, а также изображения прелестей возлюбленной или схваченных на лету глубоких размышлений, почерпнутых из опытности житейской. Но для араба совершенно непонятно расплываться в лирической сентиментальности, рисовать тончайшие чувства, передавать движения глубоких внутренних волнений. Драма и эпос на его почве не произрастают, как и вообще ни у одного народа семитского происхождения*. Его песни, в лучшем значении слова, приурочены все к известному случаю. Но арабскому стиху как-то не поддается могучее построение обширной стихотворной композиции. Его поэтам недостает глубины, возвышенности искусственной и преисполненных фантазий воззрений. Этот путь, по-видимому, заказан всем семитам.

Естественно, что повседневная жизнь араба пустыни нам чужда, поэтому самому и древняя его поэзия, в которой она отражается, нам непонятна. Тот, кто глядит на верблюда с интересом посетителя зверинцев, чего доброго, заснет над чтением целых страниц, посвященных описанию особо идеального

экземпляра этого рода животных. Но тот, для кого «корабль пустыни» представляет не только единственную возможность всего его существования, но также, слишком часто, храброго спутника в опасных передвижениях по пустыне, верного сподвижника, спасавшего его из многих передряг, при описании изящества его форм и быстроты его лядвей весьма легко воспламеняется. На него нисходит то воодушевление, какое, хотя и в иных чарующих образах, охватывает лириков Запада при виде локона своей возлюбленной. Но встречаются и такие отдельные области, в которых и мы, вместе с арабским поэтом, в состоянии восторгаться, не имея нужды в усилиях предварительного искусственного размышления, чтобы перейти на его точку зрения,

' Ассирийский эпос — древневавилонского происхождения. Что касается попыток представить в виде драмы книгу Иова, Песнь песней Соломона, то на это следует смотреть только как на остроумную прихоть

а именно: когда в его песне заслышится пафос страсти, любви, высокомерия, ненависти, или же когда великий мастер издевки, семит, разразится тонко заостренной эпиграммой, иногда довольно скабрезной, но чаще всего пропитанной действительно остроумной злобой.

В дополнение к этим кратким заметкам рекомендую обратиться к переводу Хамазы Рюккертом, но считаю своим долгом сказать несколько слов о самых знаменитых поэтах доисламского периода, которые и поныне составляют гордость маленькой образованной кучки знатоков арабского языка, а в свое время живописали величие народа, не обладавшего еще тогда истинной историей. С тремя из них мы уже встречались: с царственным Имруулъ-Каисом, многоопытным Зухейром ивсемудрым Набитой. Рядом с ними шестое столетие выдвигает еще большее число богато одаренных поэтов. Большинство из них владели одинаково искусно копьем и мечом, как и стихом, рифмой и искусственной речью. Между древнейшими поэтами встречаем мы несколько полумифических фигур. Это были так называемые «скороходы» (асМа'ип) — Шанфара и Те'аббата Шарран — необычные исполины, ведшие на свой собственный страх одинокую жизнь в пустыне, «дикие люди, рука их не сжимала ничьей и ничья их». Они хвалились общением с волками и ночными привидениями. Всем ведь известна великолепная песнь мести Те'аббата, которую Гёте поместил в заметках к своему «Westostlicher Divan». Но и позднее, во время великих войн между Бекр и Таглиб и между Абс и Зубьян, встречаются поэты в изобилии; требовалось воспевать славу племени и его превосходства или же, по понесенном поражении, побуждать к мести. Так, например, встречаем мы в собрании Му'аллакат два большие стихотворения Хариса, сына Хиллизы, из племени Бекр, и Амр Ибн-Кулсума, таглибита, которые изображают горечь бесконечно долгой распри, а также высокое самомнение обоих племен; на это последнее чувство Амр имел особые права. Раз как-то, находясь в палатке короля Хиры Амра, сына Хинды, в гостях, услышал поэт, гневный возглас своей матери Лейлы, которую королева в соседнем покое встретила недружелюбно. Недолго думая, бросился он на короля и убил его тут же, на месте. Отсюда между арабами вошло в поговорку: «Он быстрее на руку, чем Амр Ибн-Кулсум». Ему удалось, при помощи своих, пробиться из середины лагеря Хиры и уйти безнаказанно. С другими сынами племени Бекр, Муталаммис иТарафа, случилось много хуже при дворе неукротимо свирепого короля Лахмидов. Первый был дядя, второй — племянник, оба знаменитые поэты. В особенности юношу привлекла в резиденцию Аира надежда на богатые милости; гениальный и легкомысленный, он увлекался слишком вином, женщинами и песней, но стеснительный этикет придворной жизни скоро надоел Тарафе. Никогда он не умел держать язык на привязи; раз как-то сочинил он едкую эпиграмму. Дошло это до сведения короля. Разгневанный властитель задумал коварное отмщение; с притворным дружелюбием поручил он обоим поэтам отправиться с посольством к союзному князю в Бахрейн, местность, лежавшую на запад от Персидского залива. Каждый из них получил письмо, подобно как поступил с Беллерофоном Проетос. В них предписывалось немедленно казнить посланного. Отправились они в путь. Муталаммису это поручение не понравилось. Оба, дядя и племянник:

Как слагали они и певали

Сладкозвучные, дивные песни

Да и сказывать сказки занятные,

Любо слушать какие умели...

И доныне сказанья их живы, —

А читать да писать не умели.

Поэтому дядя обратился к одному молодому человеку в Хире, который, как и большинство месопотамских христиан, силен был в сокровенном искусстве письмен. Он разобрал им Уриево послание. Муталаммис бросил в реку страшное письмо, посоветовал Тарафе последовать его примеру и вместе с ним вернуться на родину*.

• См. Rückert. Sieben Bücher morgenländischer Sagen und Geschichten. Erstes bis viertes Buch. Stuttgart. 1837, стр. 136.

Малодушному тут в нетерпенье
Тарафа смелый молвил в ответ:

Хорошо знать писанье и чтенье, —
Ведь искусства полезнее нет...
Вздор! Письму не погибнуть в потоке,
Где за волнами волны бегут,
Пусть его сокровенные строки
В поученье потомкам живут;
И Тарафовы песни простые
В письменах прочитают опять...
За успехи искусства такие
И во славу уменья писать, —
Я отправлюсь в Бахрейн и хоть сгину —
А доставлю письмо властелину!

Так и сделал юноша и погиб не сполна двадцати лет от роду. Но искусство поэзии широко отблагодарило его за выказанный им возвышенный образ мышления. И по сие время песни его читаются и переписываются; а один немецкий ученый недавно отпечатал их в Англии, о стране и обычаях которой дорогой арабский вертопрах VI столетия, наверное, не мог и мечтать...

Сказания передают немало романтических приключений с поэтами, но для историка интересны только те, в которых отражается характеристика народа. Поэтому мы упомянем, и то лишь мимоходом, об огненном А л к а м а из племени Т е м и м, который осмелился, и по справедливости, соперничать с королем поэтов И м р у у л ь-К а и с о м; о мудром Л е б и д е, составителе одной Му'ал-лаки, пережившем триумф Мухаммеда и принявшем ислам. О т а й и т е Х а т и м е. Щедрость его вошла даже в поговорку; по великодушию никогда не допускал он возможности отклонить просьбу. Однажды преследуемый им неприятель воскликнул, озаренный счастливой мыслью: «О Хаим, подари мне свою пику!» И тот не решился отказать неприятелю в этом подарке, а противник, получив просимое, удалился невредим. Нельзя также забыть и многоопытного Одиссея поэтов А л ь-А ш а из племени Бекр, «кимвалиста арабов». Свои песни он переносил лично из племени в племя. Раз, на ярмарке в У к а з е*, сочинил он стихотворение в честь одного своего приятеля, человека малоимущего, но имевшего множество дочерей. Не успел он прочесть своего произведения, как люди, все из лучших фамилий, разобрали мигом молодых девушек. Но ни один изо всех героев поэтов, даже царственный Имруль-Кайс, которого не любивший поэтов пророк почитал «знаменоносцем у стихотворцев, но, увы, по дороге в ад», не живет так ярко в воспоминаниях народа, как А н т а р а, сын Ш е д д а д а, а б с и т а. Происхождения был он низкого, от матери черной рабыни. По суровым законам древних арабов его следовало обратить в рабство, если только отец не выразит прямого желания освободить его; он не захотел и принудил пылкого юношу к позорной бездеятельности — пасти верблюдов. Однажды напали Зубьяниты на лагерь Абсов, слабо защищаемый: «Помогай, Антара», — крикнул отец. Сын ответил: «Раб не умеет сражаться, он знает одно — доить верблюдов и подвязывать им вымя»". — «Помоги! Я тебе говорю, ты свободен!» При этих словах Антара бросился на неприятеля. Храбрость его воодушевила немногочисленную кучку земляков, и далеко превосходивший силами неприятель был отброшен. С этих пор Антара становится одним из доблестнейших героев в долгой распре Дахиса, а когда один из спесивых бедуинов, гордившийся чистотой своего происхождения, позволил себе посмеяться над его рождением, то он мог по всей справедливости сказать:

Клянусь, я — благородной крови Абсов,
Ее ведь каждый почитает.
А примесь горькую раба
Покроет ратный, верный меч.

Воспоминание об этом рыцарском образе сохранилось и по сие время между арабами всех стран; вокруг его личности парит целый цикл саг, подобно тому как вокруг героев Круглого стола короля Артура. Рассказы о его деяниях образуют излюбленное содержание народных романов,

' Недалеко от Мекки.
" Когда молодого верблюда хотят отнять от матери, перевязывают ей вымя, чтобы молодое животное не было в состоянии сосать.

обходящих все страны, где только арабский язык в употреблении. Искусные декламаторы произносят их пред толпой внимательных слушателей кофеен, и это составляет наилучшее препровождение времени на Востоке.

Некоторые из его песен сохранились и поныне. Ибо два столетия спустя после смерти Мухаммеда арабские филологи занялись, с большим старанием, собиранием всех памятников чистого старинного языка. Прежде всего, конечно, записаны были песни поэтов доисламского периода, которые жили еще в устах народа. Все они были тщательно переписаны, с присоединением объяснений обстоятельств их происхождения и разнообразных пояснений. Соединялись тоже все стихотворения одного и того же писателя, каковое собрание называется Диван*. Бывало, так собирались песни различных авторов в виде сборника

или, так сказать, хрестоматии. Самый известный из последних сборников называется М у'а л л а к а т". Он заключает в себе 7 наиболее длинных стихотворений Имрууль-Кайса, Тарафа, Лебида, Зухейра, АмрИбн-Кулсума,Хариса И б н Х и л л и з ы и А н т а р ы — другие причисляют сюда же песни Аша и Набиги. О характеристике Му"аллакат можно многое почерпнуть также в при-

* Слово персидское, перешедшее в арабский язык. Значит собственно список. Обыкновенно же обозначает счетные книги и тому подобное. Поэтому выражение это, с одной стороны, относится к управлению общественным распорядком, а с другой — служит для обозначения письменных сборников различного рода сказаний, чаще всего в стихотворной форме.

" Слово это объясняется различным образом. Самое распростра-неннейшее между арабскими учеными мнение то, что это суть призовые песни, а именно такие, которые были признаны наилучшими из всех стихотворений, прочитываемых лучшими поэтами на ярмарках вокруг Мекки, а особенно в У к а з е , перед собранием уполномоченных всех племен. Эти стихотворения переписаны были золотыми буквами и подвешены в Ка'бе. Поэтому они известны как «подвешенные». Последний термин действительно соответствует значению слова то'аПакаС; но это объяснение противоречит во многом, что нам известно об обычаях арабов до ислама. Вероятно, как и многое другое, придумано нарочито позднее. Кажется, будет правдоподобнее, если сравнить подобные сборники с нитками нанизанных рядами жемчужин. Итак, «подвешенные» значат собственно стихотворные жемчужины, соединенные в одну диадему.

мечаниях к «Westostlicher Divan» Гёте, заимствованных им у ученого Д ж о н с а . Перевод же Имрууль-Кайса, Зухейра и Антары дает Рюккерт в «Атп1ка15» и «Натазза», а всех семи можно найти у Ф. Вольфа (Ко(:глуеН, 1857). Рядом с Му"аллакат можно поставить Х а м а с у, антологию особенно красивых мест и старинных песен, распределенных по их содержанию на различные главы, писателем А б у Т е м м а м о м , поэта времен аббасидов.

Этим самым собраниям обязаны мы знанием жизни арабов в период до Мухаммеда. В них и поныне продолжает биться пульс древней Аравии, а так как эту жизнь воспроизвели величайшие поэты, то и стоит перед нами эта страна как живая, на пороге своего возрождения.

Глава II
МУХАММЕД ПРОРОК

У А б д у л л ы в Мекке, приблизительно около 570 г. по нашему летосчислению* родился сын Мухаммед. Легенда гласит, что в ночь его рождения дворец Хосроя А н у ш а р в а н а , короля сассанидского, в Ктезифоне заколебался в основаниях и священный огонь персов, горевший без перерыва в тече-

* Принято считать 20 апреля 571 г. Год события, видимо, намеренно подсчитан арабскими хронологами, как и некоторые синхронизмы (например, 42-й год царствования Хосроя А н у ш а р в а н а или 9-го короля Хиры А м р-И б н-Х и н д а и т. п.), приводимые старательно позднейшими историками, согласно древнейшим традициям. Рождение пророка, как уверяют, совпадает также с годом «слоновьего человека», но и это не вполне достоверно. Если вычесть 53 года, время его пребывания в Мекке, из года его бегства в Медину (622), получается действительно приблизительно 570. Конечно, не следует при этом забывать, что на Востоке 40 употребляется для заокругления десятков, как 7 — единиц. Впрочем все известные факты семейной жизни пророка, равно как и официальная его деятельность, согласуются с этим числом.

ние 1000 лет, потух. В Мекке, во всяком случае, об этих предзнаменованиях наступавших событий, готовых п о т р я с т и весь мир, никто и не подозревал. Одни ближайшие родственники знали, что А м и н а , дочь В а х б а, из семьи З у х р а, произвела на свет ребенка, мальчика. Бедная женщина находилась в очень плачевном положении. Незадолго перед этим вышла она замуж за Абдуллу, сына Абд-аль-Мутталиба, из семьи Х а ш и м, незначительного купца, который вскоре после свадьбы должен был отправиться с караваном в город сирийский Газу. Заболев на возвратном пути, он принужден был остаться в Иасрибе, где и умер до рождения своего ребенка. Незначительного имущества, оставшегося после него — 5 верблюдов, козье стадо и рабыня по имени У м м-А и м а н, — едва хватало на самое необходимое. Поэтому едва ли вероятно, что мать отдала своего ребенка на воспитание бедуинке, жившей за городом, дабы он окреп, вдыхая свежий воздух, как это практиковалось позднее знатными горожанками. А между тем предание, сообщая об этом факте, добавляет, что когда Мухаммед победил впоследствии племя, к которому принадлежала его кормилица, то оказал ради нее по отношению к побежденным необычайную кротость. Здесь впервые мы встречаемся со стремлением представить маленького Мухаммеда как потомка знатной семьи. Очень понятно также, что существуют всевозможные легенды и чудесные истории, которые рождение и юность будущего пророка стараются обставить сверхъестественными явлениями. Достаточно привести хотя бы одно сказание в виде примера, чтобы показать невозможную бессмыслицу традиции, силящейся создать миф. Пророк, так говорится в ней, играл однажды с другими детьми. Вдруг является ангел Гавриил, схватывает его, распарывает тело, вырывает изнутри дымящийся кровью кусок и отбрасывает на сторону, говоря при этом: эта часть диавола. Затем орошает внутренности водою З е м з е м, находившеюся при нем в золотой чаше, и закрывает вновь рану. Дети убежали к его воспитательнице с криком: Мухаммеда убили! Она бросается к месту происшествия и видит его, распростертого на земле, бледного как смерть. Повествователь прибавляет от себя: мы сами видели на его груди глубокий шрам. Вся эта чудесная история повествователя и очевидца, само собой, вложена ему в уста кем-то посторонним. В данном случае мы можем даже указать на повод. В Коране (сура 94,1) Мухаммед з а с т а в л я е т Б о г а обратиться к нему со следующими словами утешения: разве я не раскрыл тебе грудь? Это значит (ведь и у араба боязнь и забота давят иногда грудь):

разве я не освободил тебя от нужды и печали. Позднее стали понимать этот стих буквально, стали доискиваться поводов к нему во внешних, возможных обстоятельствах и дошли до идеи, что грудь могла быть раскрыта для удаления первородного греха. И это совершилось по особому соизволению Бога, а чтобы дать понять, что очищение совершилось основательно и, понятно, не кем иным, как только специальным ангелом Мухаммеда Гавриилом, необходимо, стало быть, омовение, которое, несомненно, могло быть совершено лишь с помощью воды из священного колодца З е м з е м. Остается только удивляться действительной скромности повествования — для этого понадобилась золотая, а не бриллиантовая чаша.

Более вероятно, чем эта сказка, известие о путешествии, предпринятом Аминой со своим шестилетним сыном в Иа-сриб. По общепринятой у арабов генеалогии, оттуда происходила родом мать умершего отца пророка; кроме того могло явиться личное желание у Амины посетить гроб умершего мужа, прежде чем настигнет ее смерть. Очень возможно, что болезненная женщина предчувствовала приближение конца жизни; с месяц прожила она там с мальчиком. Сорок семь лет спустя, когда пророк переселился на постоянное жительство в Иасриб, он признал места детских игр. И Амина тоже не вернулась из своего путешествия на родину. Совсем больная прибыла она в А б в а", местность между Иасрибом и Меккой. Здесь она скончалась. Когда позднее Мухаммед предпринял в 628 г. палом ничество в Ка'бу, дорога пролегала мимо могильного хол-

' В позднейших сказаниях говорится разно: одни считают это место за деревню, другие за гору, не существует также топографических указаний.

ма его матери; он оросил его обильными слезами. Круглого сироту отвезла на родину рабыня У м м-А и м а н прямо к его деду А б д-а л ь-М у т т а л и б у. Хотя этот старец достиг уже 80-летнего возраста, он принял искреннее участие в судьбе внука. Охотнр взяв к себе в дом ребенка, он держал его постоянно возле себя и всячески баловал. Часто, рассказывает биограф пророка, когда расстилался ковер в тени Ка'бы для Абд-аль-Мутталиба, сыновья его сидели вокруг. Никто из них не осмеливался присесть на ковер, пока не придет отец. Но Мухаммед — он был тогда еще маленьким ребенком — нисколько не церемонился и садился прямо на ковер. Дяди обыкновенно хватали его и силились стащить с ковра. Если Абд-аль-Мутталиб замечал, то он имел привычку говорить: оставьте в покое моего мальчика, он имеет на то право*. При этом усаживал рядом с собою на ковер ребенка, трепал ласково рукою по спине и с удовольствием глядел на все, что он ни проделывал. Но недолго пришлось маленькому Мухаммеду пользоваться нежностью деда. Два года спустя умер старый Абд-аль-Мутталиб. Заботу о внуке передал он одному из сыновей с в о и х А б д М е н а ф у, или же А б у Т а л и б у, по предпочитаемому им самим прозвищу**. К покойному отцу пророка этот дядя стоял особенно близко. А б у Т а л и б был благородного, возвышенного характера; свои обязанности по отношению к осиротелому племяннику исполнял с редким самоотвержением. Но он был беден и обременен многочисленной семьей — как передает сказание, имел двух жен и десяток детей, — поэтому ребенку пришлось самому заботиться о приискании средств к существованию; он пас стада овец*** у зажиточных жителей Мекки и собирал за городом плоды и ягоды. Впоследствии сопровождал он дядю

* Буквально: это его дело! Т. е. здесь пред вами великая будущность, которая дает ему верховенство над вами. Понятно, что это, как и выше упоминание о Ка'бе, — теологическая бахрома данного рассказа.

** Абд Менаф значит раб Менафа. Но Менаф — прозвание одного из языческих божеств; поэтому имя это позднее неохотно упоминается.

*** Этим занимались рабы или совершенно бедные люди. Если известие дошло до нас без всяких прикрас, то это потому что сам Мухаммед позднее находил нужным непосредственное соединение звания пастуха овец с его призванием пророка. Несомненно, он пользуется этим как бы для указания на юность Давида. Но во всяком случае из этого факта ясно видно, насколько стеснительно было положение не только сироты, но и его родственников. На это указывает также и Коран (Сура 93,6. 8). Бог обращается к Мухаммеду: разве не призрел Он тебя сироту? и даровал кров... разве не обрел Он тебя бедным? и соделал богатым.

в походе против жителей соседнего города Т а и ф, а затем во многих путешествиях в Сирию, которые тот предпринимал в качестве купца. Как передает предание, в это самое время встретился с нам монах-христианин, отличивший его сразу в толпе сопровождавших и признавший его за будущего пророка. Он умолял спутников охранять его от иудеев, которые станут преследовать его всю жизнь. Все это, очевидно, скрашено убогим аппаратом чудесного. Едва ли можно сомневаться, что не только последнее событие, но и самое путешествие с Абу Талибом обязаны своим существованием позднейшим соображениям и вымыслам. С а м о е название монаха Б а х и р а возбуждает сильное подозрение. Это неоспоримо сирийское слово означает «испытанный», «надежный», «верный».

С первым более или менее достоверным фактом в жизни Мухаммеда встречаемся мы, когда ему было 24 года от роду. В это время по недостатку личных средств он не мог вести самостоятельных занятий и находился на службе у одной богатой купеческой вдовы, по имени Х а д и д ж а. В доисламский период положение женщин в Аравии было далеко не так ограничено, как впоследствии и как обрисовалось, в настоящее время, на востоке у мухаммедан. Тогда еще не был в ходу обычай постоянного закутывания женщин, равным образом и нравственная самостоятельность ее существенно признавалась всеми. Отцовская власть едва ли тяготела сильнее на дочерях, чем на сыновьях. В некоторых

случаях жена имела одинаковое право с мужем «опрокинуть палатку», т. е. запретить ему вход в супружеское жилище, развестись с ним. В особенности для вдов с некоторым состоянием, дозволявшим жить им, не будучи в тягость родственникам, допускалась возможность тотчас же заключить новые сердечные узы. Они могли довольно свободно распоряжаться собой. Честь прочно охраняла свободу аравитянок того времени, даже действительней, чем современные евнухи, так любезно принявшие на себя эту обязанность ныне. Вот и Хадиджа, хотя отец ее Хувейлид еще был в живых, продолжала в своем собственном доме вести дела обоих покойных мужей своих, которых она не так давно потеряла. Только необходимые дальние поездки предоставляла она своему управляющему; от времени до времени должен был он совершать их с ее вьючными верблюдами, примыкая к караванам Мекки, отправлявшимся в южную Аравию или в Сирию. Как кажется, Мухаммед не сразу занял этот почетный пост; вначале он довольствовался должностью погонщика верблюдов. Так или иначе, на службе у вдовы ездил он на юг, может быть, также ив Бостру, главную крепость византийскую в стране восточного Иордана. Это место было значительным пунктом торговли хлебом и часто посещалось арабскими купцами. Но вскоре отношения его к хозяйке совершенно изменились. Хадидже было тогда 39 лет. Имела она трех детей от своих покойных двух мужей. О них далее ничего не известно. По-видимому, не прочь была молодая вдова выйти снова замуж; как гласит предание, у ней не было недостатка в женихах. И ничего мудреного: была она женщина состоятельная и, невзирая на свои годы, достаточно привлекательная по наружности. Но непреоборимое влечение тянуло ее к Мухаммеду. 24 лет, он поражал ее, и не раз, своими своеобразными дарованиями. Одним словом, как говорит один остроумный писатель, это был весьма «интересный молодой человек». Как известно, влечение женщин зрелых лет к несравненно более молодым мужчинам не редкость. Поэтому можно не без основания предположить, что Мухаммеду сделано было предложение влюбленной Хадиджей через посредничество третьего лица, и он его принял скорее из корыстолюбия; хотя следует при этом заметить, что каждый настоящий араб, того времени, по крайней мере, едва ли находил в этом что-либо несообразное. Как бы там ни было, последующее сожитие доказало, что этот своеобразный брак с обеих сторон, даже с точки зрения новейших христиан, не лишен был нравственной серьезности. Вначале, конечно, возникли сразу препятствия со стороны ближайших родственников Хадиджи, в особенности ее отца, согласие которого требовалось, ради приличия и существовавшего обычая. Понадобилось напоить старика, чтобы выманить у него это согласие. Но когда он пришел в сознание, понятно, озлобился, негодуя на то, что его так ловко провели. Остальные члены семьи, из колена БенуАсад, еще пуще негодовали. Их родственница своим браком с молодым человеком, не имевшим ни имущества, ни положения, окончательно их одурачила. Между ними и родственниками Мухаммеда, которые, естественно, считали себя обязанными постоять за него, чуть не дошло до открытой схватки. Но Хувейлид побоялся скандала, и вскоре наступило общее соглашение. Для Мухаммеда настали счастливые дни. Невзирая на годы Хадиджи, брак благословен был рождением шести детей: двух сыновей, Аль-Касима и Абд-Менафа, названного так, вероятно, в память дяди, и четырех дочерей: Зейнаб, Рукайя, Умм-Кулсум и Фатимы. Порождении первого сына он стал называться Абу'ль Касим. С болью в сердце потерял он их обоих младенцами. Но дочери росли, и старшая уже была замужем, когда он выступил открыто как пророк. Конечно, потеря сыновей была для него очень тяжелой. По смерти мальчиков он оставался лишенным мужского наследника. Лишь одно это доставляло отцу семейства почет и сохраняло за ним всеобщее уважение, между тем как девушки, ничего не доставлявшие роду и не могшие позаботиться о стареющем отце, были, обыкновенно, более чем нелюбимы в семье. В стране со скудным пропитанием такие отношения слишком понятны. Но у арабов доходило даже до крайностей. Существовал варварский обычай — новорожденных дочерей, питание которых могло сделаться затруднительным для родителей, просто-напросто зарывать живыми, лишь бы как-нибудь от них избавиться. Поэтому позже случалось не раз слышать Мухаммеду от неприятелей его проповедей, что дом его лишен наследников. Тем не менее никогда нельзя было упрекнуть пророка ни в чем по отношению исполнения им обязанностей к жене и к дочерям. Все время, пока жила Ха-диджа, он ни разу не подумал взять себе вторую жену, рядом со стареющей первой. И это было вовсе не потому, что он находился в зависимости от ее состояния. Мы знаем, наконец, что до последних минут ее жизни он относился к ней с величайшею любовью и уважением. Любимая жена его под старость, Аиша, недаром же говорила, что ни к одной из многих проживавших с нею жен она не ревновала так, как к давно умершей покойнице. За верность и уважение она отплачивала нежною заботливостью, которая позднее, когда он выступил на широкую арену пророка, неоднократно спасала его от гибели.

К этой, в общем, счастливой семейной жизни присоединились и благоприятные внешние обстоятельства, которые вдвойне сделали жизнь Мухаммеда счастливой после стольких испытанных им в юности лишений. Следует прежде всего упомянуть, что по-прежнему продолжал он заведовать делами своей жены. Проходили годы и наружно не приносили ему никаких особенно выдающихся испытаний. Но внутри этого человека назревало что-то великое, чего все окружающие даже и не подозревали.

Нет никакой, конечно, надобности приводить доказательства, что прежде чем он стал пророком нового учения, разделял религиозные воззрения своих земляков. Слишком достаточно вспомнить имя его сына Абд-Менафа, сохраненное традицией по счастливому недосмотру'. Следует само собой, при этом заметить, что эти так называемые религиозные воззрения едва ли заслуживают столь претен-

циозного титула. Немного вообще знаем мы о религии арабов до ислама. Но то немногое указывает слишком ясно,

' Большинство сказаний заменило это *имя* другими: Абдулла (раб Аллаха), Ат-тайин (добрый), Ат-тахир (чистый). Понятно, все эти эвфемизмы употреблены вместо настоящего имени, упоминаемого одним только писателем.

что понятия их о божественном и в старину были довольно скудны, а ко времени появления пророка почти совершенно изгладились. Это была смесь тотемизма*, фетишизма и идолопоклонства, к которому примешивались, по крайней мере в южной Аравии и Хиджазе, нежные воспоминания о представлениях и наименованиях божеств древневавилонских, а может быть и древнеизраильтянских. Кроме того, у каждого племени существовал свой собственный идол, а рядом с ним также и фетиш, или же святая местность (дерево, родник или что-либо подобное), что мало-помалу становилось само по себе предметом почитания. В некоторых местностях, прежде всего в Мекке, доходило до самого гнусного синкретизма". По разным поводам охотно присоединяли они к своим собственным идолов соседних племен, даже и совершенно чуждых. При этом внутреннее содержание, которое первоначально приписывали почитатели отдельным божествам, большею частью исчезало. Единственно из одной привязанности к наследственной привычке отцов продолжают они культ древних предметов почитания. О религиозном же содержании богослужения почти нигде более не остается ни малейшей догадки. Поэтому нет ничего удивительного, что значение там и сям сохранившихся обрядов, в особенности великих празднеств весенних в Мекке, ко времени Мухаммеда почти совершенно кануло в лету забвения. До нас дошли они в образе тех разнообразно измененных форм, которые им придал к концу своей жизни пророк. Несомненно одно, что эти изменения церемониала не коснулись их основных черт, так как объяснения мухаммедан-ских теологов совершенно устарели; обряды, во многих по крайней мере частностях, стали непонятны, и это потому, что сами язычники-арабы позднейших времен едва ли многое в них показали. Интерес жителей Мекки так крепко держаться их зависел главным образом от купеческой точ-

* Поклонение животному, предполагаемому родоначальнику или покровителю данного племени, рода или лица. " Смешение разнородных понятий.

ки зрения, о чем было упомянуто выше. Во всем же остальном касающемся культа придерживались древних божеств вместе с дружественными племенами бедуинов лишь из консерватизма, опиравшегося, понятно, не на религиозное чувство, а на кичливое самомнение гордящегося своим происхождением народа. Самая история ислама указывает ясно на то, что только у некоторых из племен бедуинов сохранялись, в скрытой, неразвитой форме, религиозные начала. И мы поневоле должны отказать массе этой трезвой, скептической и расчетливой расы в определенном богопо-читании. Даже и по сие время араб пустыни, за исключением немногих местностей внутри страны, только по наружному облику мусульманин.

Иначе обстояло дело в некоторых пограничных полосах и в части южной Аравии. Среди древнего сабейского населения страны, по крайней мере насколько можно судить по найденным на храмах и дворцах надписям, существовал живой и могучий интерес религиозный. Выражение его, конечно, вылилось в довольно стереотипной форме, ибо среди потянувшихся к северу племен понятие культа, как кажется, довольно быстро испарилось. Иметь об этом более определенное понятие мы не в состоянии и теперь. Во всяком случае, остается неопровержимым фактом, что еще за сотню лет пред Мухаммедом заметно было течение сильного религиозного потока, переносимого древнейшими жителями на соседние страны. Успехи, которые одержало иудейство в Йемене и Сан'а, нельзя же объяснять одним только отвращением арабов к чужеземному владычеству эфиопских христиан. Одновременно встречаемся мы снова, в другой части страны, Неджране, с христианским народонаселением, которое с большой цепкостью держится за свою религию и не желает отказаться от нее даже после Мухаммеда. Доходит до того, что при халифе Омаре они вынуждены из-за религии выселиться. Подобно этим христианам ведут себя и поселившиеся издавна в северном Хиджазе иудеи, рассеянные среди арабов, изма-ильтян, и несомненно, смешиваясь с ними то там, то здесь, они, вероятно, много способствовали прививке среди окрестных жителей понятий религии откровения благодаря неуклонности своей в исповедании веры предков. Возле них, в этих же северных странах, до самого Евфрата, встречались, положим, весьма разбросанными группами и христиане", почти все принадлежавшие к неопределенным сектам, по преимуществу гностикам, а по недавним, довольно правдоподобным изысканиям — к толку эбионитов. В этих-то странах, где издревле встречались друг с другом, влияли взаимно и перекрещивались всевозможные отпрыски наций и вероучений, должны были, несомненно, покоиться некоторые зародыши религиозного развития, хотя опыты желательного, определенного произрастания их до некоторой поры все как-то не удавались.

Поэтому тот, кто в качестве купца Мекки был в состоянии отправляться то на юг, к границам Йемена, отстоявшим миль на 50, то в города Сирии, втрое отдаленнее, не мог не обратить внимания на нравы и обычаи, равно как и на некоторые учреждения и воззрения иноземцев. Большего впечатления не могли, конечно, подобные мимолетные наблюдения произвести в общем на равнодушного купца. Поныне житель Востока неохотно отправляется в путь, даже европеец подмечает в чуждых ему странах прежде всего темные стороны. Поэтому ничего нет удивительного, если обыкновенный житель Мекки покачивал

сомнительно головой при виде этих до смешного странных, по его понятиям, людей, которые в угоду своему божеству вовсе не так, как благоразумные паломники в Мекке, лишь для виду, а сплошь обрезали кругом всей головы волосы — эту гордость свободного человека, либо закупоривались десятками, а то и в одиночку в дома и даже в пещеры, высеченные в скалах, устраняя от себя всякую возможность приличного заработка денег и самомалейших приятностей жизни. Когда именно совершал Мухаммед свои большие путешествия, до или после своей женитьбы, до сих пор не вполне разъяснено, но известия о них так многочисленны, что не подлежат никакому сомнению. Если же на самом деле он посещал известные страны,

' Христиане с примесью иудейских и даже языческих верований.

то не могли же они не возбудить пытливости его ума по отношению того, что видел или слышал там про христиан. Иначе трудно бы было объяснить, каким образом оказался он вдруг совершенно иных воззрений, чем большинство его единоплеменников. Все же и в этом отношении осталось и по сие время многое невыясненным. По некоторым более или менее основательным предположениям, Мухаммеду в самой Мекке представлялось достаточно побуждений к размышлению о религиозных предметах.

Упадок старинной национальной религии становился очевидным фактом; по крайней мере некоторые прозорливые люди были этим поражены. Пророк не был из первых. Искали и до него некоторые выхода к лучшему. В Мекке проживали, положим н е п о с т о я н н о , по разным торговым обстоятельствам, иудеи, появлялись также временами христианские сектанты и анахореты, издавна рассеянные по северной части Аравии, бродили они же по всему полуострову в виде рабов, христиан из Эфиопии. Все они обладали большею частью слишком поверхностным знанием собственной своей религии, а в течение долголетней жизни среди язычников многое перезабыли, но все же, как-никак, должно было у них остаться хотя бы элементарное противоположение между монотеизмом и многобожием. П о л о ж и м , даже твердо знающему свой катехизис христианину почти невозможно передать на арабский греческие, сирийские или эфиопские слова, составляющие основные понятия догматики — язык этот даже для Мухаммеда в этом отношении не всегда оказывался послушным, — все же одна эта трудность не составляла непреоборимого препятствия там, где приходилось формулировать разницу, скажем, между одной и девятью. Поэтому кто уже дошел до убеждения, что ничего не поделаешь с глухими и немыми идолами, мог даже и не выходя из Мекки подловить как-никак идею монотеизма. Весьма правдоподобно, что были и вблизи Мухаммеда люди, распростившиеся навсегда с языческими богами. Много подобных лиц называют даже поименно. Наиболее достоверно то, что рассказывают про З е и д а, сына А м р а из дома А б д-а л ь-У з з а, и про Б а р а к а И б н Н а у ф а л я , двоюродного брата Хадиджи. Оба они положительно отстранялись от язычества. Но Зейд не нашел никакого удовлетворения в том, что успел повыспросить у иудеев и христиан; как кажется, он успокоился на отвлеченном деизме. Между тем Барака известен, действительно, за последователя христианства с некоторым оттенком э б и о н и з м а* . Обращение с этими людьми могло, может быть, оживить и даже усилить те сомнения, которые питал Мухаммед к истинам древних языческих воззрений. Но этим, конечно, нисколько не умаляются заслуги пророка, который совершеннее сумел проложить новый путь, он не удовольствовался, по примеру тех, одним самоличным отречением от старых предрассудков, а выступил смело на поприще бесстрастного просветителя народа. Долгое время бродили в голове Мухаммеда тяжкие думы и воспылали наконец пламенем, угрожавшим одно время испепелить самого его, пока наконец человек этот, по природе такой застенчивый, опасливый, не обрел в себе силы выступить пред целым народом со свидетельством истины и зачал нескончаемую войну с косностью и предрассудками.

До сорокалетнего возраста ничего особенного, что могло бы нарушить внутренний покой, с ним не происходило. Он уже успел выдать замуж одну из старших дочерей, вторую — красавицу Рукайю — за одного из двоюродных братьев ее. Общественные отношения его становились все благоприятнее, и он занял между своими согражданами положение довольно почтенное. Предание даже гласит, что ему предоставлена была лет за пять до его выступления в качестве пророка довольно выдающаяся

' Арабы называли подобных людей х а н и ф а м и . Это насмешливое прозвище обозначает на еврейском и сирийском диалектах безбожника или еретика. Надо полагать, что в этом значении оно применяется правоверными к христианам, заразившимся гностицизмом и эбионизмом. Рядом с этим названием встречаемся мы также с выражением С а б и е ц, т. е. «обмыватель». Под этим прозванием подразумеваются известные секты гностиков, расселившихся по нижнему Евфрату, у которых важную роль играли различного рода омовения.

роль при возобновлении потерпевшего от горных ключей здания Ка'бы. Без сомнения, следует это считать за лишенную всякого основания легенду. Но он уже был в состоянии, ради успокоения своей собственной совести, дабы хоть чем-нибудь вознаградить заботы дяди А б у-Т а л и б а, покровителя его юности, усыновить сына его Алия. Не нужно ему было также много раздумывать, чтобы дать свободу и усыновить З е и д-И б н-Х а р и с а, раба христианина, служившего у него уже давно, которым он привык особенно дорожить. Однако, несмотря на все, расположение его духа постепенно все более и более омрачалось, он не чувствовал себя счастливым. Природное меланхолическое настроение принимало мало-помалу зловещий мрачный оттенок. Зачастую

углублялся он надолго в пустынный лабиринт скал, окружавший родной город со всех сторон. По целым дням пропадал там. Из позднейших его проповедей, в том виде, как они сохранились в Коране, мы можем отчасти догадываться, какие мысли роились тогда в его голове и бременили его сердце. О том, что поклонение единоземцев идолам есть и заблуждение, и грех пред единым истинным Богом, знал он уже давно. Но какова задача, ему предстоявшая? Страшный суд, о котором рассказывали ему христианские его друзья, должен был, конечно, пожрать этих безбожников. Что же предстояло ему самому, дабы уклониться от подобной судьбы? Со страхом вопрошал он: «Господи, что же мне делать, дабы спастись?» Этот вопрос для человека поверхностного либо по характеру гибкого не представлял никаких затруднений, но для его жаждущей истины души потрясение было слишком глубоко и тем еще глубже, что некоторые религиозные понятия, которые он успел выпытать от своих друзей, стояли в его уме особняком, без всякой связи. Сам же он, по нашим нынешним понятиям, был человек совершенно необразованный, вполне неспособный к логическому обоснованию ряда отвлеченных идей. У него почти отсутствовала всякая возможность доработаться до ясного понимания всего этого даже для себя лично.

Обуреваемый подобными сомнениями, блуждал он, так рассказывают, однажды в месяце Рамадане', по своему обыкновению, к северу от Мекки, в пересеченной отрогами гор местности. В центре ландшафта воздымалась гора Хира, а у ее подножия зияла пещера, любимое местечко искони страстного мечтателя. Терзаемый неотступными мыслями, впадает он наконец в беспокойную дрему. «Тогда охватило меня во сне, — рассказывал он позже, — смутное ощущение, будто некто приблизился ко мне и сказал: читай! Я же ему ответил: нет, не могу. Затем тот же некто сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил снова: читай. И опять я отказался. И снова меня сдавило, и я услышал явственно: читай. Во имя Господа твоего, творящего — сотворившего человека из кровяного комочка, — читай. Господь твой ведь всемилосерд. Он даровал знание посредством пишущей тростинки — Он научил человека тому, чего он не знал. Тогда я прочел сие... И затем видение исчезло. И я проснулся. И было мне, как бы слова сии были начертаны на моем сердце»**.

Видение это произвело на Мухаммеда действие поражающее, можно сказать, уничтожающее. Словно одержимый,

* Год события спорный. Это должно было быть в 610 или 612 г.

** Если сравнить и сопоставить тексты различных преданий об этом видении, то получится в главных чертах вышеприведенное. Позднее оно было изукрашено на разные лады и обставлено дальнейшими штрихами. Так, например, рассказывают, что ангел Гавриил — фигура эта во всяком случае стала появляться пророку лишь долго спустя — держал перед ним и требовал от него прочесть по книге, обернутой в шелк (или, как иные говорят, это был кусок шелковой материи, на которой были начертаны письмена) и др. Через эти добавления мало-помалу настоящее значение сна и слов затемнены и поныне возбуждают множество сомнений. Мне же кажется, если принять в соображение тогдашнее значение слов, вошедших в Коран, напоминание о тростнике для письма и наконец взвесить заключительное замечание пророка, что смысл совершенно ясен и должен быть следующий: читай — т. е. прими с верой — то, что Господь своей небесной тростинкой для письма начертал как истину, а ныне восхотел начертать также на сердце твоем. Речь идет о чтении и письме. Ибо Мухаммед даже и во сне прежде всего, хотя и в несколько измененном виде, заботился о том, что наяву составляло предмет его смутных опасений, мечтаний, и он никак не мог представить себе иначе, тогда и позже, откровение, как только в образе письма, так как он очень хорошо знал, что и иудеи, и христиане обладали подобными письменными откровениями. Подобное представление сохранилось незыблемо, так что и ныне му-хаммедане считают, будто первоначальная рукопись Корана начертана на небе и там заботливо сохраняется. Вот это-то, совершившееся по вечному Господнему завету, стало быть картинно изображенное и начертанное в небе и там пребывающее, откровение обязан он читать, т. е. воспринять, дабы мог впоследствии передать другим. Слова «тогда я прочел сие» обозначают — тогда я это запомнил (а также — тогда я повторил). Затем, что касается фигурального выражения, то оно весьма поразительно напоминает о проглоченной книге у пророка Иезекииля (гл. III, ст. 2), а также в Откровении Иоанна (гл. 10, ст. 9)? и признается за несомнен-ный символ божественного откровения.

появился он пред Хадиджей, в наивысшем возбуждении. Как умела, успокаивала она его, а тем временем послала за Бараком, с которым и прежде муж ее не раз беседовал о различных высоких предметах. Когда передала она о случившемся, приглашенный произнес: «если это так, о Хадиджа, дух святой* снизошел на него, тот самый, которому благоугодно было явиться Моисею; стало быть, он пророк народа нашего». На время Мухаммед успокоился. Но следовало ждать повторения явлений, чрез некоторый промежуток времени**, и опять вернулись сомнения с двойной, устрашающей силой, приводя несчастного чуть не в отчаяние. И зашагал он без перерыва снова и снова по окружающим горам. Часто приходила ему на ум мысль: как бы хорошо броситься вниз с этих крутых скал и отрешиться раз навсегда от ужаса, который заволакивал его мозг. И вот в одну из этих минут осветила его небесная ясность. Явление свыше — без слов, но всеподавляющее! Оно исполнило его сердце давно желанным сознанием. Но одновременно он почувствовал головокружение. Потрясаемый как бы лихорадочною дрожью, спешит он домой. «Заверните меня!» - взывает он к своим. Свершилось. И, охваченный сильным нервным потрясением, ему

' По-арабски поставлено «великий Намус;» это не что иное, как греч. vomoz. Употребление слова в данном случае и соответствующее значение могут быть объяснены лишь в эбионитском смысле (H. I. Bestmann, Die Anfänge des katholischen Christenthums und des Islams. Nördlingen, 1884, стр. 101). Поэтому история доказывает, что Ва-рака принадлежал действительно к этой секте христианской.

" Согласно сказаниям, через два года. Как кажется, этот промежуток искусственно придуман позднее; на самом деле

прошло не более нескольких недель.

чудится, что он слышит следующие слова (сура 74,1): О ты, закутанный, встань! Зову тебя, истинно так! Господа своего, да славь его! Одежды твои, да очисть их. От нечистоты да беги. Не будь добр ради корыстных целей. И Господа твоего чти неизменно!*. С этих самых пор, передает традиция, шли откровения одно за другим, постоянно, и так было именно потому, что отныне он был уверен в своем деле и не ждал более дальнейших сверхъестественных явлений; он принимал без дальних околичностей за божественную истину все вырабатывающиеся в его голове представления, появлявшиеся в состоянии непрестанного внутреннего возбуждения.

Нет никакого сомнения, что известия эти во всем существенном основывались на глубокой психической истине. Небесные явления, которые окончательно вдохнули в него сознание божественности его послания, повторялись и позднее. А между тем за пересказ их жители Мекки укоряли его во лжи. Он сам описывает это следующим образом (сура 53, 4): «...не иное что было это, как небесное откровение. Оно даровано ему (вашему земляку) силою сил — Всемогущим. И вознесся Он, будучи в высшей сфере небес. Затем стал приближаться и опускался — пока не остановился в отдалении двойного полета стрелы, или еще несколько ближе. И Он открыл своему рабу божественное о т к р о в е н и е . Не солгало сердце, что видело. Разве вы осмелитесь оспаривать хотя что-либо из того, что он видел? И вот еще раз видел он его спускающегося — до древа Сидра окраины", при котором сад пребывания. Как вдруг дерево покрылось прикрытием — это не было обманом

' При переводе мы старались подражать отрывистой форме оригинала. Очищение одежд и избегание нечистот, понятно, надо понимать как призвание избегать идолопоклонства. «Не будь добр ради корыстных целей» — значит не одаряй с намерением получить обратно еще более. Заповедь, увы, нынешними жителями Востока совершенно забытая!

" Это значит — остановившегося на самой окраине предполагаемой известной местности. «Сад пребывания», вероятнее всего, может быть объясняем парком местным при загородном доме одного из зажиточных жителей Мекки. Мусульмане понимают под этим «рай» и переносят всю сцену на небо. С и д р а есть, собственно, дерево Христов терн (Zizyphus spina Christi L.), другие же принимают его за лотос (Rhamnus Lotus L).

глаз, и оно не ускользнуло от его зрения. Истинно говорю вам, тогда он узрел из чудес Господних величайшее!» Если бы Мухаммед был обманщиком, каким вначале хотели представить его земляки, а ныне за ними повторяют весьма многие писатели, он бы не преминул вдаться в подробное описание небожителя, наделив его множеством крыльев и т. п. Слишком ощутительно его убеждение, хотя и тщетно силится обнять словами впечатление небесного явления. Поэтому не остается никакого сомнения, что он его действительно глазами видел. Сверх того, получается благоприятное предубеждение в его пользу и по всему остальному, о чем мы передавали выше, сообразуясь с преданием. Чувствуется во всем путеводная нить, внутренняя связь событий. Таким образом является некоторая возможность решить слишком часто разбираемый вопрос — был ли Мухаммед действительно пророком либо нет.

Конечно, разрешение научным путем этого вопроса допустимо лишь в том направлении, в коем один из выдающихся биографов Мухаммеда его характеризирует. Он говорит: «У нас, в Германии, слово «пророк» лишили всякого значения и затем утверждают, что Мухаммед был именно пророком; если подвергнуть тому же самому процессу слова «дом» или «гора», говорит он, можно сказать в одинаковой мере основательно, что Мухаммед был домом и горой». Если же для кого-либо имя пророка имеет значение не в чисто историческом смысле, а в смысле какой-нибудь теологической системы, то над значением вовсе не приходится голову ломать при постановке в таком духе вопроса. Ибо его догматика сразу же выступит на первый план и ответит: мухаммеданину — утвердительно, а правоверному иудею либо христианину — в отрицательном смысле. Нам же предстоит иметь дело с историческим понятием и искать ответа в самой истории. Итак, насколько нам известно, пророки появлялись только среди семитов, а специально, если мы забудем на время Мухаммеда, только среди иудеев. Постепенное развитие пророчеств у израильтян не подлежит, конечно, нашему исследованию. Можем только отметить, что в наивысшем смысле явление это, исторически совершенно ясное, вовсе не двусмысленное и вполне определимое. Пророком у израильтян считался человек, глубоко охваченный религиозной идеей, находящийся в исключительном служении ей. Единственной задачей своей жизни поставляет он следить за всеми разветвлениями в мире чувств этого основного понятия, а так как, с другой стороны, считает охватившую его идею за проявление божеской воли, которой одной и приписывает все переполняющее его абсолютное самосознание, то и то, и другое постепенно сливаются воедино. В конце концов одушевляющую его идею принимает он за божественную истину. Рассматривая слово в таком именно смысле, трудно отказать Мухаммеду в имени пророка. Нельзя же в самом деле отрицать, что вследствие необычайно чувствительной своей конституции, подверженный всевозможного рода нервным припадкам, которые иногда, как, например, при обоих вышеприведенных случаях, доходили до галлюцинаций*, у него, по его природе, выступало тогда религиозное внутреннее возбуждение, достигавшее иногда кульминационного пункта. Поэтому понятным становится, что, согласно не расходящимся друг с другом и, несомненно, достоверным преданиям, эти откровения, по крайней мере в большинстве случаев, совпадали с подобными припадками. Но попутно следует отметить самым положительным образом, что в подобном состоянии он оставался, и в полной мере, человеком

совершенно вменяемым. Потому нельзя давать веру тем поверхностным воззрениям, согласно которым все его учение построено было лишь на галлюцинациях и бессвязных, непроизвольных речах. По крайней мере все время,

* Какого рода эти припадки были и какой медицинский термин могли они носить, до сих пор не установлено. Но по всей справедливости, как это дознано лишь недавно, они не могли быть никоим образом эпилептического свойства. Вероятнее всего, что они подходили к известным болезням нравов, которыми страдают лица, подверженные религиозным экстазам. Даже Лютер, и тому показалось раз, что он своими телесными глазами увидел черта. Мухаммеда следует, вероятно, рассматривать как промежуточное звено между крепкой натурой, которая случайно, и то лишь мимоходом подвергалась подобного рода чувственным обманам, и состоянием экстаза у стигматизированных девиц.

пока он пребывал в Мекке, даже и в нормальном состоянии, дело его представлялось ему во всей полноте и ясности, нисколько не меньших, чем в случаях необычайного нервного напряжения. Чего только ни наговорили на него ненавистники: и сумасшедший-то, и фантаст, и обманщик, — но последовательная уверенность всех его поступков, общность его направления ни разу, однако, его не изобличили и выступают даже и поныне слишком ярко в Коране. Самые слабости логически не вышколенного мышления недостаточны, дабы свидетельствовать о психическом расстройстве. Таким образом, принимая во внимание все эти обстоятельства, на откровение Мухаммеда нельзя глядеть как на простое порождение расстроенного болезненного мозга или бред глупого мечтателя. Тем более не подлежит никакому сомнению, что по крайней мере в период пребывания своего в Мекке он поступал искренно и честно; стоит только вспомнить тот священный ужас, который предшествовал решительным видениям, ту достойную действительно глубокого удивления выдержку, с которою он, человек вовсе не храбрый, более десяти лет, несмотря на страшнейшие преследования, а наконец и угрозы, сыпавшиеся отовсюду, лишить его жизни и не предвидя ни малейшей надежды на успех в будущем, продолжал все-таки свою проповедь. Разве все это недостаточные доказательства того, что, подозрительная вначале, далее и для него подавляющая сила идей, охватившая и доведшая независимо от воли к твердому убеждению, что эти понятия, напиравшие отовсюду на его мышление, естественно, стали для него откровением, исходившим от самого Бога. Вот тот облик истинного пророка, который мы пытались начертать по нашему крайнему разумению. В имени этом отказать Мухаммеду вправе, конечно, каждый, кто полагает себя посвященным в таинства божественного руководительства народами и вполне убежден, что в такой-то период времени появление пророка невозможно. Подобное догматическое ограничение приговора обыкновенно покоится на самых уважительных мотивах, и не без некоторого основания можно также сказать, что и в истории не встречается вообще абсолютно бездоказательным. Но все же не следует забывать, что существует один только универсальный способ воззрений при недостаточности человеческих познаний, и это — отнестись более или менее беспристрастно к вере и образу мышления чуждых народностей.

Поверьте, не из легковерия и вовсе не с целью иронизировать слегка озаглавлена была эта глава — Мухаммед пророк. Но, с другой стороны, считаю своим долгом отклонить всякое подозрение в преувеличенной окраске, и потому спешу прежде всего формулировать две оговорки, обоснования которых, само собой, вытекают из дальнейшей истории Мухаммеда.

Во-первых, даже самое поверхностное сравнение Корана с писаниями пророков израильских дает сразу понять, что религиозные идеи аравитянина были незначительного сравнительно достоинства. И этому нечего удивляться. Длинным путем проходили пророки от Саула, пока не достигли второго Исайи. Мухаммед же был в одно и то же время и последний, и первый пророк своего народа. Ничего мудреного поэтому, что он охватил лишь одну сторону божественной сущности: понятие о святости от него совершенно ускользнуло, а также основы какого-либо более глубокого этического порядка жизни. Но то, что представлялось необходимым даже его несовершенным воззрениям на нравственные законы, становится по отношению к столь многообразно возмутительному нравственному равнодушию его современников уже значительным шагом вперед. Конечно, трудно безусловно обвинять его за то, что весьма часто не решался переступить границы своей национальности, в позднейшие же годы даже находил нужным делать еще дальнейшие уступки. Так что в конце концов на его учение легла резкая печать неустранимого никоим образом партикуляризма. Но это постоянное опасение, как бы не переступить границ национализма, повело постепенно к еще более худшему, что и составляет сущность второй моей оговорки.

Будучи арабом, Мухаммед никак не мог понять, чтобы истина не могла восторжествовать на этом свете еще при его жизни. Еще менее допускал он понятия свободы совести, отделения государства от церкви и т. п. Припомните, даже на Западе не далее как в XVI столетии было признаваемо всеми, что еретик в равной мере и государственный преступник, а потому с ним следует поступать соответственно. Тем менее мог житель Востока, и к тому же в VII столетии, видеть в неверующем что-либо иное, как не изверга, и едва ли пророк подумал о том, что Господь в своем первом откровении говорит о тростинке для писания, а не о мече. Нечему удивляться поэтому, что у Мухаммеда по отношению к своим врагам нет и не могло быть никакого нравственного смягчающего чувства. Пока проживал он в Мекке, вечно теснимый, эта темная сторона его существа и не могла развиться; религиозная идея была единственным его побуждением, никакие мирские веяния не могли ее потревожить. И это начало ислама напоминает состояние христианства в I столетии. Но как это последнее при Константине уже уклонилось от изречения

Господнего «Мое царствие не от мира сего», так же точно наступило искажение учения ислама еще при жизни основателя. Не лишено поэтому справедливости указание, что для памяти арабского пророка было бы благом, если бы жизненный путь его пресекся одновременно с бегством из Мекки. Но далеко не самое безотрадное представляет собой неукротимая беспощадность, с какою часто выступал он для уничтожения врагов своих; это была древняя черта арабской суровости. К тому же можно привести в пользу его много случаев, где проявлял он необыкновенную кротость. Более же всего возмущают его коварство и систематическая лживость, которые все сильнее и сильнее стали проявляться со времени переселения его в Медину. И в Мекке, даже несколько позднее, осыпаемый насмешками и уликами противников, пророк пробовал иногда выставлять своеобразные аргументы и пользоваться довольно сомнительными увертками, чтобы как-нибудь выпутаться из сети противоречий, опутывавших его учение, что более или менее объяснялось отсутствием навыка логического мышления. Но в Медине сознательная лживость и вероломство становятся вскоре как бы внутренним убеждением. Положим, это тоже наследственные народные черты, но в соединении с официальным благочестием, вовсе не требовавшим лицемерия, становятся они для нас невыразимо противными. В его руках с тех пор религия стала орудием политики, и не одной только церковной. Вначале, может быть, слегка, затем наполовину, а наконец совершенно сознательно пользуется пророк ложью для того, чтобы провести во что бы то ни стало истину. Насколько было в этом личной инициативы, насколько неизбежной закваски арабской крови, вопрос излишний. Если бы кто вздумал заняться разрешением его обстоятельно и разобрать со всех сторон, едва ли бы мог, думается нам, исключить как одно, так и другое.

Само собой, что Бог мог сделать Мухаммеда лишь своим доверенным лицом, дабы сообщать волю Свою народу. На это указывают достаточно определенно слова второго откровения: «Встань! Зову тебя, истинно так!» Влияние личности пророка благодаря последнему видению возросло необычайно и немедленно отразилось на окружающих его. Вся семья, один из ближайших его друзей тотчас же уверовали в божественность посланничесгва и подчинились духовному руководству его. Кроме жены и дочерей были это оба им усыновленные Алий и Зейд. Первый из них, положим, был еще слишком мал; что же касается Варака, то к этому времени, как кажется, он уже не был в живых. Присоединился также А л ь-А т и к, известный более под прозванием А б у Б е к р', зажиточный, всеми почитаемый купец из семьи Б е н у-Т е и м, многие годы находившийся с Мухаммедом в тесной дружбе. Как рассказывают, был он двумя годами моложе пророка, человек спокойный и умный, при этом прямой и надежный, кроткий и добродушный, но когда требовалось обстоятельствами — неуклонно твердый. Это была как раз подходящая личность, чтобы стоять

' Это значит отец Бекра. Имя Бекр у арабов часто встречается; перевод же этого имени — «отец девицы» — совершенно неудачная выдумка одного во многих отношениях высокочтимого ученого. Увы, встречающиеся у него зачастую промахи подхватывались другими и распространялись во многих популярных изданиях.

возле Мухаммеда, нравом меланхоличного, легко воспламеняющегося, но так же приходящего в уныние. А потому зачастую в делах житейских пророк выказывал всю неустойчивость натуры своей. Ему нужен был такой помощник — он предохранял его от преждевременного падения, помогал ему в осуществлении трудной задачи. Дружба эта в высокой степени возвысила нравственный облик Мухаммеда в глазах всех. Этот человек к тому же беззаветно верил в учителя. Не связанный никакими интересами, ни родственными отношениями, в течение всей с ним своей жизни ни разу не усомнился в чистоте его побуждений, неуклонно верил в истину божественного его посланничест-ва и даже тогда, когда ближайшие родственники приходили иногда в недоумение, он повиновался безусловно. По-средничество Абу Бекра доставило Мухаммеду еще нескольких верующих, которые в истории ислама заняли немаловажную роль, таковы: С а'д-И б н-А б у-В а к к а с, позднейший завоеватель П е р с и и; З у б е й р-И б н-А л ь-Аввам и Тальха, сын У б е й д у л л ы, все трое дальние родственники пророка или его друга. Но, по-видимому, все они были тогда почти дети, а предание впоследствии утверждает, понятно устами потомков, что эти предки их принадлежали к первым последователям пророка. По тогдашним понятиям арабским, Мухаммед счел своей обязанностью обратиться прежде всего к своей собственной семье, в самом широком смысле, т. е. к своим дядям и двоюродным братьям и вообще ко всем родственникам рода Х а ш и м. Поэтому собрал он всех их и изложил перед ними свое учение. Но в их глазах он был такой же, как и всякий другой член семьи. Иначе курейшиты и не могли рассуждать. Дядя его А б у-Л а х а б, ожидавший сообщений о каком-нибудь серьезном купеческом предприятии, даже вспылил и крикнул сердито: «Черт бы тебя побрал! Неужели затем только нас и позвал?» С явными знаками неудовольствия разошлась семья. Если свои же ему не поверили, понятно, слаба была надежда убедить чужих. Ничего поэтому нет удивительного, что возбуждение момента вдохнуло Мухаммеду несколько желчью облитых" строф Корана. В них он действительно отправил к черту недружелюбного дядю и заставляет его там гореть в геенне огненной, а его же собственная жена с веревкой на шее должна подкладывать под костер поленья. Эта малородственная, резкая выходка страшно возмутила Абу-Лахаба. Предполагаемое обручение сына его с дочерью Мухаммеда Рукайей сразу расстроилось. Произошел полнейший разрыв со всей семьей. Во всяком случае и по-видимому, вскоре красота дочери дала отцу другого зятя, а пророку нового последователя: О с м а н а, сына А ф ф а н а, из высокочтимой семьи Омейи. Но это одинокое обращение не возымело никакого влияния на большинство курейшитов, тем более что Осман, хотя и

зажиточный и красивый, не обладал энергией и считался всеми за заурядного человека. Можно присоединить и еще несколько лиц к этим новообращенным; в общем, число первых последователей доходило, как говорят, до 43. При этом следует заметить, что большая часть маленькой общины состояла из бедняков и рабов. Понятно, они более других прислушивались к проповеди «о гневе Божием на их меккских господ и о воздаянии на том свете», зажиточным же было очень хорошо и здесь. Это обстоятельство сделало еще более несимпатичным все движение в глазах почтенного сословия; а когда продолжающееся равнодушие к новому учению разожгло пророка заговорить более страстным языком, то дошло наконец до открытой вражды. О том, что какой-то незначительный человечек в разных потайных собраниях толкует про запутанные материи, которыми сам заразился от разных христианских сектантов, для крупных купцов было решительно безразлично. Но он осмеливался поносить местных богов, унаследованных от предков, без которых нельзя было никак обойтись, ибо паломничество в Мекку стало бы делом невозможным, а это так необходимо для благосостояния города, всего торгового союза и ярмарок. Долее терпеть было невозможно. Что же это такое наконец: одурачивает рабов, вбивает им в голову, что они лучше своих господ! Положим, неудобного фантазера не так-то легко было попросту устранить — все еще стоял он под покровительством своего дяди Абу Талиба, хоть и бедного, но всеми уважаемого человека. А тот жизнь был готов положить, чтобы защитить Мухаммеда от всякого нападения. Да и сцепиться-то с Абу Талибом не так-то ловко. Вся семья Хашим как один взбунтуется, хотя и слышать не хотела про дурачества Мухаммеда, но за каждое оскорбление чести семьи ответит, понятно, междоусобной войной. То же самое можно было ожидать и от остальных семей, имевших последователей в новой партии. Поэтому приходилось волей-неволей не задирать свободных людей, в особенности же таких, которые в материальном отношении не находились в зависимости от своих более богатых свойственников. Пока довольствовались одной руганью да насмешками из-за угла, а то при случае затевалась и легкая драка. Но рабам, состоявшим по отношению к своим господам в положении бесправых, пришлось плохо; с ними стали обходиться не только скверно, но и нередко подвергали мучительным истязаниям, в случае когда они упорно отказывались поносить Мухаммеда или же порывались открыто не признавать старых богов. Абу Бекр, по собственному побуждению, употребил часть своего имущества на выкуп некоторого числа особенно угнетаемых. Другим рабам внушил пророк, дабы они, сохраняя в душе истинное верование, исполняли наружно предъявляемые их господами требования во избежание дальнейших мук. В числе выкупленных был один эфиоп, по имени Билаль. Позднее благодаря своему зычному голосу он был сделан первым призывником на молитву (муэдзином) правоверных.

Малозначительность успеха не помешала Мухаммеду ревностно продолжать свою проповедь. То в отдельной беседе искал он случая согреть веру того либо другого, то громко возвещал откровения, ему преподанные, более широкому кругу своих слушателей. Большинство этих вдохновенных речей, если не все, дошли до нас; они образуют единственные, действительно подлинные свидетельства первых начал ислама. Все, что случалось с ним в течение дня, составляло естественное содержание ночных его размышлений. Ревностно выстаивая на молитве и усердно бодрствуя, он быстро переходил от полной истомы и упадка сил к наивысшей степени возбуждения, воспринимая попутно одно за другим все впечатления пережитого и борьбы. То чудятся ему небесные звуки, несущие ему утешение в претерпенных им неудачах и поражениях, вознаграждавшие его сторицей за те насмешки и ругательства, коими осыпали его постоянно курейшиты, то начинает он цитировать, разнообразя все новыми и новыми оборотами короткие периоды, составляющие содержание истинного учения, то грозит своим противникам гибелью мира и Страшным судом, а рядом умоляет верующих выдержать стойко, чтобы со временем обрести высокую награду за свою верность, то снова настойчиво советует им благодарить за те дары, которыми ежедневно оделяется человечество свыше. Себя самого как пророка он нисколько не щадит, лишь только заметит, что заслужил порицание или чего-либо не предусмотрел: в короткой суре 80 строго порицает он себя за то, что однажды грубо отстранил одного бедняка-слепца, который помешал, имея потребность в духовной беседе, его разговору с богатым и гордым Валид Ибн Мугирой, главой знатной семьи Махзум, — еще одно доказательство, как честно относился Мухаммед тогда к истине, ради ее не щадя даже самого себя.

Соответственно содержимому в первом откровении назвали его «чтением», по-арабски куран, что, кроме того, понимается как громкое чтение пред общиной, также точно передача, декламация. Слово это перенесено потом, как известно, и на весь сборник, содержащий все чтения в совокупности, и под словом аль-куран, «чтение» (отсюда алькоран), принимается теперь безусловно последнее значение. В том виде, в каком сохранились и по сие время, собраны они были по приказанию третьего халифа Османа. О редакции будет еще речь впереди. Теперь мы скажем только, что в этом сборнике помещены были, несомненно, подлинные речи пророка, которые считал он за божественные откровения. Переданы они с величайшею точностью. Но при сведении в одно часто очень коротень- ких отдельных коранов не было обращено никакого внимания на порядки хронологические и предметные, так что редкий из них остался нетронутым сам по себе, без смешения с другими. Даже в самую раннюю эпоху имели обыкновение соединять в одно целое многие кораны, в особенности одинакового стихосложения, хотя бы первоначально они ничего не имели общего друг с другом. В конце концов получилось нечто целое, состоящее из сур (т. е. «отделов»), соответствующих главам нашего Священного писания. Все они,

если не принимать в расчет первой, предназначаемой для ежедневной молитвы мухаммедан, распределены чисто по внешнему виду, по длине их. Таким образом, Коран представляется нам в виде хаотической кучи отрывков, не имеющих связи, так что почти невозможно толком прочесть подряд хотя бы одну страницу. К тому же благодаря извращенному распределению порядка сур по их длине почти две трети целого загромождены вначале исключительно только скучными действительно декламациями против иудеев, а также подробностями ритуала и политических предписаний закона, хотя и очень ценных с научной исторической точки зрения. Между тем короткие, действительно прекрасные и во всяком случае патетические суры, относящиеся к древнейшей эпохе мекканской, стоят совершенно особняком в конце. Редкому читателю Запада удается до них пробиться. К сожалению, в Германии все еще нет действительно хорошего перевода Корана. Положим, работа эта во многих отношениях представляет величайшие трудности. Но для историка все это представляет большое неудобство, ибо нельзя же ему вставлять в свое сочинение длинные выдержки из этой замечательной книги, а между тем они должны быть основой всего дальнейшего развития и с содержанием их, хотя в некоторой степени, необходимо познакомить читателей. Приведенные выше коротенькие места могли дать, хотя приблизительное, понятие о своеобразной, почти иероглифической краткости древнейших откровений. Дабы познакомить и с внешней стороной, позволю себе передать, не совсем, может быть, искусно, содержание 93-й суры:

Клянуся пышным дня сиянием*. — И тихой ночи обаянием. — Господь тебя ведь не оставил. — И милости своей Он не убавил. — Поистине конец. — Всему началу венец. — Он благом одарит обильным. — Навеки сделает довольным. — Не сиротой ли горькой приютил? — Взыскал тебя бездомного, на верный путь поставил. — Не бедным ли обрел? — И обогатил. — И ты сирот не притесняй. — Просящему немедленно подай. — А благость Божью прославляй**.

Непривычная, быть может, для нас рифмованная проза, которою написан весь Коран, употреблялась Мухаммедом не первым. Хотя у арабов в древние времена не существовало правильного богослужения, но у всех племен встречались люди, исполнявшие нечто вроде обязанностей жреца. Называли их к а х и н, словом, позаимствованным от иудеев. Они, собственно, не исполняли должностей пастырей душ; скорее походили на лекарей индийских. По брошенной наудачу стреле или же полету птиц предвещали они суеверным бедуинам в туманных присказках, при этом пользовались коротенькими, в виде стихов, но не строго размеренных, связными периодами, подобными приведенным выше. Мухаммед не обладал столь широко распространенной между арабами способностью импровизировать стихами, поэтому его непосредственные короткие вдохновения, естественно, выливались в виде рифмованной прозы оракула. Сначала происходило это как бы без его ведома, далее продолжал он подделываться под этот тон намеренно. Входили затем постепенно некоторые видоизменения, которые в конце концов исказили форму до неузнаваемого. Заметное ослабление фантазии, постоянно увеличивающаяся сухость содержания повлияли главным образом на удлинение отдельных периодов. Размер стиха чувствовался все слабее и слабее. Дошло до того, что едва было можно подметить ритм, и проповеди его позднейшие почти пере-

* Древнейшие суры начинаются обыкновенно такого рода обращениями. Как бы сама природа призывается в свидетели истины следующего затем божественного изречения.

** Стихосложение этого перевода не совсем точно соответствует оригиналу, но может дать близкое понятие о роде его.

стали отличаться от обыкновенной прозы. Вот самая существенная разница между сурами мединскими и старейшими — мекканскими.

Догматическое содержание древнейших частей Корана весьма несложное. Существует одно Божество, А л л а х , Господь*. Он сотворил мир и его поддерживает. Ему одному подобает поклоняться, следует отречься от всякого идоло-почитания. Мухаммед - его пророк**, ему поручено предостеречь людей и возвестить им, что наступит восстание из мертвых и Страшный суд, на котором каждому воздается по заслугам. Кроме исповедания истинной веры, главнейшие обязанности человека: молитвы в определенные сроки, честное отношение к ближнему и милостыня бедным. Ужасный обычай арабов — закапывать живыми новорожденных дочерей — горячо также осуждается. Очевидно, что эти основные законы, не принимая в расчет божественного посланничества Мухаммеда, признаются как иудеями, так и христианами. Поэтому он не заявляет никакой претензии, что вносит нечто новое; он только напоминатель, дабы обратились снова к старой, забытой истине, и в те времена не чувствует еще себя ни в чем отделенным от остальных, исповедывавших монотеизм. Лишь позднее, когда успел познакомиться ближе с христианским, а в особенности иудейским учением, он приметил, что у них не встречается решительно никакого намека на божественность его посланничества. Тогда только он вступил в открытую с ними борьбу.

Пока же ему приходилось иметь дело только с неверующими жителями Мекки. В первых рядах его противников стояли: А л ь-В а л и д И б н М у г и р а и А б у л ь-Х а к а м А м р И б н Хишам, обыкновенно называемый придуман-

* Арабское А л л а х слово, сложенное из al — iläh— «Бог».

** Rassulu 'llahi — «посланник божий». Отсюда произошла официальная формула вероучения: la ilaha illa 'llahu wa Mohammed rassulu 'llähi. «Нет Бога кроме Бога» — т. е. «кроме Аллаха» — а Мохаммед - посланник Аллаха. — Отсюда

произошло испорченное: « А л л а-И л ь-А л л а». Все эти переиначения арабских периодов и слов произошли, понятно, во время турецких войн.

ным Мухаммедом насмешливым прозвищем А б у-д ж а х л ь — «отец* глупостей». Оба они принадлежали к известному роду М а х з у м и т о в . Таковым же был А б у С у ф ь я н из рода Омейи; позже выступает он главным врагом пророка. Кроме всевозможного вреда, какой только можно было нанести членам маленькой общины, не ставя ребром вопроса о внешней их безопасности, старались мекканские аристократы всячески дискредитировать самого пророка. Все кричали, что учение его — не то бред пустой фантазии, малоискусного поэта, не то, пожалуй, и лжеца. Другие притязанию на божественность его посланничества противопоставляли утверждение, что все им излагаемое не новость — чего он, впрочем, никогда и не оспаривал. Все это в совокупности ставило его в безвыходное положение. От него требовали чудес как доказательств его божественной миссии. В беспрестанной борьбе с врагами речь его становится все горячее, он заносится. Описывает в ярких красках ужасы Страшного суда, рисует муки ада, которые ждут ненавистников Бога, и живописует утехи «сада»**, ждущие верующих. Картины его становятся все подробнее и, понятно, чем далее — все чувственно грубее***. А когда противники насмешливо допрашивают его: когда же наконец наступит так часто возвещаемый ужасный «час» Страшного суда — Мухаммед в первое время предполагал скорое его наступление. Он поневоле отсылал их к Богу, которому одному известна сия тайна. На требования чудес и на сомнения, высказываемые некоторыми о возможности телесного восстания, предлагал он доказательства вели-

* Обозначение родства: отец, мать, брат, сестра, сын, дочь — арабы употребляют часто в характеристических выражениях свойств или отношений лиц или предметов. Так, например, лисица у них — «отец маленькой крепости», гиена — «мать гробов», надежный человек — «брат верности», храбрый человек — «сын войны», вино — «дочь виноградной лозы» и т. п. Стало быть «отец глупостей» есть тот, кто говорит и делает одни глупости.

** AI — dschannatu (еврейск. gan) — сад эдема, рай.

*** Избранные гурии — прелестные девы, предназначенные для наслаждений верующим, появляются довольно рано. Слово это арабское — Аль-Хур, множественное от Аль-Хаура — «волоокая».

чия Божия почерпать в чудном строении природы, в особенности же таинственного возникновения человека. Понятно, все это делу его немного помогало. Утеснения продолжались своим чередом. А то обстоятельство, что Мухаммед собирал своих приближенных в доме Аркама, одного из первых им обращенных, где сходились они в определенное время на общую молитву*, а еще более его страстная охота затевать религиозные прения со всяким встречным, им же чаще всего завлеченным, выводило из терпения неверующих и подавало повод ко многим бесчинствам. Поэтому медленное возрастание маленькой общины мало-помалу совсем прекратилось. Некоторые не вполне твердые в вере отпали снова от Мухаммеда, убоявшись насмешек земляков или не желая раздражать недовольство сильных. Новое учение действительно не могло иметь последователями полуубежденных или же равнодушных. С самого начала ясно обозначились в откровениях Мухаммеда требования, чтобы человек безусловно, телом и душой, предался и следовал заветам Бога. Отбросив в сторону всякую заботу о своих собственных интересах или самостоятельной воле, должен правоверный отдаться исполнению велений Всевышнего. Точное определение понятия, с которым араб связывает значение слова «ислам», есть преданность, безусловная покорность. По всей справедливости поэтому ислам носит название веры, которая требует, более чем всякая другая, беззаветной преданности человека Богу. Такой верующий, исповедующий подобную преданность, получает почетное название М у с л и м а", «предавшегося». В несколько более глубоком смысле те же воззрения и у христиан, отличием будет только недостаточность внутренних, субъективных убеждений араба. Воля Божия возвещается ему не по собственному побуждению, а ис-

* Молитва с самого начала возникновения ислама составляла главную сущность богослужения. При разборе мухаммеданского учения будут перечислены и их роды.

" С особым придаточным прилагательным окончанием по-персидски слово это произносится Musliman, более неправильно выговариваемое Musulman или, как произносят турки, Müsülman.

ключительно согласно предписаниям пророка, подобно тому как солдат исполняет волю своего военачальника чрез посредство командных слов ближайшего командира своего. В этом отношении выказывается некоторого рода родство ислама с известными течениями католицизма.

Подобное воззрение стояло на самом деле вразрез с природою араба; издавна привык он не обращать никакого внимания ни на чью волю, кроме своей. Опасность для маленькой кучки верующих тем более становилась грозной, что начиналось уже распадение общины. Следует обратить внимание, что в первой стадии развития ислама особенно заметно христианское влияние, и Мухаммед явно искал поддержку и у них. Выше мы уже видели, как назад тому около ста лет старались христиане-эфиопы утвердить в южной Аравии свою политику и религию. Был момент, когда предполагалось, что и Мекка не избежит последствий этой борьбы. Но с тех пор прошло *45* лет, давно уже возобновились снова дружеские сношения между Абиссинией и арабским главным торговым городом. Отсюда можно было в несколько дней чрез Ш у 'е и б у (невдалеке от позднейшей Д ж е д д ы) чрез Красное море достигнуть страны, Н а д ш а ш и*, управляемой эфиопским царем. Так как Мухаммед держался еще того понятия, что откровения его по содержанию совершенно сходны с теми, которые Бог преподал людям чрез посредство Моисея и Христа, а ныне для

р а с п р о с т р а н е н и я их среди арабов призван он, поэтому он смотрел собственно на абиссинцев как на своих единоверцев. Вот почему полагал он возможным отправить туда тех из своих приверженцев, которых желательно было избавить от притеснений аристократов Мекки. И вот, по общеупотребляемой хронологии, *в 615 г. было* предпринято первое переселение правоверных в Эфиопию. Вначале, вероятно, для того, чтобы лучше разузнать порядки чуждой страны, отправилась маленькая группа из одиннадцати человек

' Так выговаривается по-арабски слово нагаши, которое по древне-эфиопскому наречию и по ныне употребляемому в Абиссинии означает Негус - «царь».

Одновременно, однако, глубоко страдавшему пророку и в этом тяжелом положении находящемуся в сильном возбужденном состоянии пришло в голову, нельзя ли попытаться прийти к какому-либо соглашению с земляками, прежде чем окончательно решиться на такое рискованное ослабление общины, как выселение большими толпами правоверных. Ему показалось возможным признать туземных богов по отношению к Аллаху, господину Ка'бы, за ангелов — за некоторый род промежуточной инстанции между Творцом и людьми. По его позднейшим соображениям, мысль эту вдохнул ему сатана, сильно встревоженный, понятно, его проповедью и давно высматривавший случай подготовить посланнику Божию западню. Ему удалось действительно обмануть пророка: нашептывания злого духа он принял было за подлинные слова Божий. Господь допустил, вероятно, в наказание за его маловерие, благодаря которому пророк с некоторого времени стал думать о примирении с неверующими. Случилось это так Однажды Мухаммед перед Ка'бой, находившейся невдалеке от дома Аркама, возвестил, в связи с одним из его коранов: «Хорошо ли вы поразмыслили о Л а т е и У з з е и третьей между ними М а н а т е? Да, они подобны благородным лебедям*, и действительно на их заступничество можно надеяться!» Присутствующие при этом курейшиты, искавшие, по своему обыкновению, всякого случая высмеять и опорочить пророка, услышав подобный оборот, были изумлены, понятно, и вместе с тем обрадованы. Когда оратор заключил дальнейшую свою проповедь словами: «Падите же ниц перед Аллахом и

' Арабское слово обозначает л е б е д и или ж у р а в л и , а фигурально употребляется иногда, говоря о стройных и красивых юношах. Место это довольно темное, настоящий смысл его и до сих пор не определен точно. Может быть, и сам Мухаммед не подразумевал здесь ничего прямо определенного. Притом известно, что он часто старается уснащать стиль своих коранов разного рода чужестранныли словами и неясными оборотами, дабы придать им поражающий оттенок. Три поименованные выше женские божества, Лат, Узза и Манат, принадлежат, собственно, соседним племенам, они позаимствованы от них жителями Мекки.

служите ему!», все собрание, как один человек, повиновалось приказанию. Но едва успел Мухаммед вернуться домой, как появился пред ним ангел Гавриил и преподал резкий выговор за его легкомыслие, благодаря которому он впал в сети, расставленные сатаной. Глубоко потрясенный пророк, не откладывая, созвал на следующий же день новое собрание. Снова прочел он на нем тот же самый коран, но уже в истинном изложении: «Правильно ли вы размышляете о Лате, Уззе и Манате, третьей между ними? Неужели же когда у вас дети мужеского пола, у Него — женского?* Ведь это же невозможное распределение». Услыша это, мекканцы, естественно, разозлились еще пуще и отвернулись окончательно от него. Преследование правоверных началось снова, но еще более жестокое, чем прежде.

Мухаммед мог спокойно сознаваться в заблуждениях, в которые иногда впадал, ибо в продолжение всей своей жизни он никогда не заявлял притязания на непогрешимость, равно как и на безошибочность, за исключением случаев, когда говорил сознательно о делах веры. Меж тем мусульманские теологи силятся навязать ему, более или менее, оба эти свойства, поэтому замалчивают большинство историй, для них почему-либо щекотливых. Но рассказанное нами добыто из старинного и хорошего источника и, несомненно, опирается, в сущности, на правду. Но и здесь мы встречаемся с намеренным затемнением факта. Объясняя по-своему «отклонение пророка в язычество», предание насильно втискивает целое длинное развитие в отдельный маленький факт. А между тем мы можем представить сколько угодно доказательств из дальнейших дошедших до нас известий, что выселившиеся, по первому слуху о происшедшем примирении, собрались назад на родину после двухмесячной побывки своей в Абиссинии и вскоре прибыли в Мекку. Если первоначальное признание Мухаммеда было бы им взято назад так скоро, как это изображается в рассказе, то известие об этом должно же было дойти до

' Это значит, если у жителей Мекки почитается одно мужское поколение, разве Бог может довольствоваться этими дочерями.

ушей возвращавшихся, ну хоть где-нибудь в дороге, и понудило бы их остановиться. Скорее всего можно предположить, что мимолетное признание древних богов произошло в виде некоторого рода попытки войти в соглашение с аристократами Мекки. Этой уступкой, рассчитывал он, влияние его сильно возрастет. И тогда при помощи постоянного и твердого напоминания об Аллахе, надеялся он, постепенно уйдет на задний план греховное почитание идолов. С другой стороны, противникам его хотелось остановить дерзкие нападки на освященные традицией предания общественной жизни. Взамен,

быть может, готовы были они, вместе с разными другими отдельными божествами, оказывать и Аллаху платоническое богопочитание, в известных случаях. По их понятиям, они немного уступали, соглашаясь принять новую веру пророка, лишь бы он всенародно возвестил свою готовность вернуться к вере отцов в какой угодно форме. Никоим образом не приходило им в голову, что потребуется отказаться от равнодушия ко всякой живой вере, а тем более не рассчитывали они подчиняться требованиям, от которых не мог отказаться посланник Божий, по отношению к истинным последователям Аллаха. Ясное представление полной невозможности соглашения должно было в самое короткое время проявиться. Мухаммед вынужден был сознаться, что обманчивую, а по его воззрениям, самим сатаной внушенную надежду следовало оставить. Открытое сознание в сделанной им ошибке приносит ему, конечно, много чести, но положение его все-таки, понятно, значительно ухудшилось. Стало ясным как день, что его притязания на роль провозвестника Божеской истины были неосновательны. Неприятели неустанно изобличали его в противоречиях, которые удавалось им находить в его страстных речах. Озлобленные неудачей соглашения и продолжавшимся непреклонным упрямством того, которого почитали уличенным обманщиком, принялись они с удвоенной энергией гнать последователей ислама. Только что вернувшиеся из Абиссинии должны были снова потянуться в обратный путь. За ними последовали мало-помалу маленькими группами и многие другие, особенно когда узнали, что Н а д ш а ш и оказывает благорасположение к арабским почитателям Аллаха. В общем бежали туда 101 человек, между ними мужчин 83. В числе их был и О с м а н , уехавший с дочерью пророка, Ру-кайей, и один из братьев А л и я. Меньшинство вернулось сравнительно в короткое время обратно в Мекку. Какая была причина? Трудно сказать. Или они были обмануты тем, что ждало их на чужбине, или же их мучила совесть, что они покинули своих товарищей одних в неравной борьбе. Даже слабохарактерный Осман, которому помимо того, как члену семьи Омейя, менее других следовало опасаться, скоро вернулся к своему тестю,

А он нуждался сильно в помощи. Все упорнее напирали аристократы на его маленькую общину. Одно мгновение казалось, что и Абу Талиб, единственный личный защитник его в минуту опасности, готов был отступиться от Мухаммеда. Курейшиты неотступно наседали на благородного человека. Угрозы и внушения наконец подействовали. Неверовавший в учение своего племянника, защищавший Мухаммеда ради семейных только принципов, завещанных Абд-аль-Мутталибом, Абу Талиб позвал его к себе, предложил искать примирения со своим народом и не обременять его далее слишком тяжелым для него долгом. Мухаммед сразу почувствовал, что бывший его защитник хочет от него отделаться. Племянник ответил горячо: «Если б вы дали мне в правую руку солнце, а в левую — месяц под тем условием, чтоб я оставил начатое мною дело, прежде чем Господу угодно будет довести его до конца, если бы даже должен был при этом погибнуть, знайте же — все-таки не оставлю его». При этом слезы полились из его глаз, и он быстро повернулся к выходу. Но великодушный дядя вернул его назад и произнес: «Ступай *с* миром, сын моего брата, и продолжай говорить, что тебе угодно будет. Ни в каком случае я тебя не выдам».

Тем не менее положение становилось все более и более грозным. Но преследователи зашли слишком далеко, и дело начинало принимать оборот далеко не в их пользу. Раз сидел Мухаммед невдалеке от Ка'бы. Подошел Абу-Джахль и стал осыпать его самыми отборными проклятиями. Пророк не отвечал ни слова. Тут же стоявшая невдалеке рабыня, присматривавшаяся к сцене, поторопилась передать кругом стоявшим все слышанный ею оскорбительные выражения. Как раз в это время подошел Х а м з а, брат Абдуллы, отца Мухаммеда. Он возвращался с охоты, с луком на плече, и слышал ругательства. Закипела в нем горячая арабская кровь. Как мог кто-то осмелиться столь жестоко оскорбить сына его брата?

Быстрее стрелы кинулся он к Ка'бе, подбегает к сидящему Абу-Джахлю, ударяет его в присутствии всех луком по лицу. Брызнула кровь, а обидчик злой приговаривает: «Как смел ты его поносить, я его единоверец и признаю то, что он признает. Отплати мне тем же, если посмеешь!» Хамза был мужчина громадного роста, сильный. Того, другого, тоже взяло раскаяние. Поэтому он сам стал защищать Хамзу от сбежавшихся к нему на помощь. «Оставьте в покое Абу-Омару*, — заговорил обиженный, — ибо, ей же ей, я обругал неприлично сына его брата». Но Хамза и не думал отрекаться от раз им сказанных слов. С этих пор примкнул он к исламу. Впоследствии из первых пал он, защищая дело правоверных.

Еще знаменательнее, чем это неожиданное обращение такого близкого и почитаемого всеми родственника, было принятие ислама другой личностью, относящееся приблизительно к тому же времени (около 615 или 616 г.). Омар, сын Х а т т а б а, из дома Адий, до сей поры был одним из самых злейших преследователей новой веры. Серьезный по натуре, он не мог обойтись без того, чтобы не подвергнуть исследованию оспариваемого. Мало-помалу дошел он до убеждения, что справедливость была на стороне Мухаммеда. Открытое обращение было непосредственным следствием приобретенного им сознания. Ближайшие подробности этого события передаются преданием в форме неопределенной и часто противоречивой. Во всяком случае,

' Омара, сын Хамзы, отсюда и прозвание — Абу Омара. Высшей гордостью араба считается быть отцом. Поэтому в виде почета, обращаясь к нему, зовут его прозвищем сына.

признание новой религии подобной личностью имело весьма важные последствия. Многие, конечно, идут слишком далеко в данном случае, желая видеть в нем настоящего основателя ислама — было бы это, без сомнения, равносильно произвольному искажению фактов, тем не менее заслуги Омара слишком велики. Он известен как могучий и интеллигентный организатор, впоследствии, совокупности всего

мухаммеданского мира; не будь его, по всем веро-ятиям, халифат, возникший из ничего и достигший мирового значения, быстро снова бы распался; это был человек решительных действий. С того самого момента, как уверовал, становится он настоящим побуждающим элементом в среде окружающих пророка. Если спокойная твердость Абу Бекра придавала нравственную выдержку более глубокому, но непостоянному и ограниченному, в особенности в делах внешней жизни, уму Мухаммеда, то Омар умел увлекать за собой пророка, побуждая его к решительным, бесповоротным действиям. А без них в данных обстоятельствах, как это впоследствии выяснилось отчетливо, нельзя было и думать о дальнейшем распространении вероучения. Омару было не более 26 лет, когда он примкнул к правоверным. По наружному виду гигант, на голову возвышавшийся над толпой современников, он отличался редкими качествами духа: смелость и решительность действий сопровождались у Омара в необычайной степени прозорливостью и мудростью соображений. Подобные свойства, невзирая на то что он не выдавался ни происхождением, ни состоянием, упрочили за ним почти с юных лет если не влияние, то уважение. Весь его характер и направление обнаружились сразу при первом вступлении в лоно правоверных. Он настоял на том, чтобы прекращены были раз навсегда богослужения тайком в доме Аркама. С этого самого времени стали правоверные открыто собираться у Ка'бы, устраивали тут общие молитвы в виду всех и совершали торжественные процессии вокруг святого дома. Обычай этот прежнего времени не возбуждал ни в ком сомнений, им продолжали пользоваться, но исключительно для прославления имени Аллаха.

Открытое выступление правоверных произвело поражающее впечатление на аристократов. С Хамзой и Омаром было не до шуток, на каждую насмешку отвечали они ударом, а открытой войны зажиточные купцы избегали как огня: они рисковали всем, Мухаммед же ничего не терял. Он мог взбунтовать рабов и во всяком случае нанес бы большой вред торговле Мекки. По-прежнему положение дел было невыносимое. Последние успехи пропаганды заметно ободряюще повлияли на пророка. С другой стороны, неприятные и компрометирующие воспоминания попыток к примирению подстрекали его вдвойне к бесповоротному осуждению поклонения идолам. Поэтому более чем когда-либо начала обнаруживаться страстность его натуры. И прежде находили на него сомнения; Господь всемогущ, думалось пророку: если только пожелает, может проявить волю свою в войне с человеческим неверием. Все сильнее и сильнее овладевала его мозгом мысль, что если мекканцы станут продолжать оказывать упорное сопротивление истине, если взаимное ожесточение в конце концов дойдет до крайних пределов, то сам Господь пожелает уже не обращения, а истребления грешников, предоставляя лишь особым избранникам возможность приобщиться к истинной вере. Все чаще и чаще слетают с уст его слова: «Бог руководит теми лишь, коих избрал, и оставляет в заблуждении остальных, коих не пожелал». Страшный догмат абсолютного предопределения, в самой нечеловеческой форме, стал понемногу выступать на сцену. Согласно этому учению, возвещение истины не имело целью помочь всему человечеству, скорее наоборот, лишало неверующих всякого оправдания, так как воля Божия отнимала от них самую возможность выработки собственными силами доступа к вере. Эти воззрения, мало заметные в Коране сначала, чем далее тем более стали выступать все ярче и ярче, пока не преобразовались в догматике ислама постепенно в безусловный фатализм. Нерасторжимые узы его сковали ныне всю духовную жизнь мусульманского востока. В этом отношении сам Мухаммед не поступал с неуклонной последовательностью. Строгий логический путь был ему незнаком. Но все же нельзя не заметить, что и он первоначальную тему своей проповеди «если вы не обратитесь, пожраны будете геенной» стал формулировать совершенно иначе. В его проповеди начинали слышаться грозные тоны. Вы не хотите и не можете обратиться, говорит он, знайте же, что уготован вам ад. Понятно, даже курейшиты должны были усмотреть в этом новое обострение нападений. С своей стороны и они постарались напомнить о том грубом противоречии, в которое он впал при фатальной попытке к примирению, обзывая его лгуном не без некоторого основания. Под давлением этого обвинения пророк вынужден был выискивать новые доказательства для подтверждения проповедуемой им истины. Придать доводам силу внутреннего глубокого убеждения и логического обоснования он не мог — не хватало ему высшего духовного образования; быть может, еще более служила препятствием ограниченность продуктивности духа, сила которого заключалась у него в страстности понимания, а не в начале вырабатывающего из себя творчества. Воспользоваться тем, что слышал от друзей своих христиан, он не мог: крестная смерть, костер — все это для поверхностного понимания грубого народа представлялось лишь знаком слабости. А между тем в голове его продолжали бродить воспоминания, почерпнутые из прежних его отношений с иудеями. Он не мог забыть, что тем, которые выказывали неприязненные отношения к древним патриархам и пророкам, как, например, Аврааму и Моисею, приходилось в конце концов плохо. С жадностью продолжает он выведывать от живших и посещающих Мекку евреев о ближайших подробностях этих событий. И с этого времени начинают выступать в коранах, вместо нескончаемо повторяемых беспрестанно вариаций на одну и ту же тему доказательств всемогущества Божия, почерпаемых из чудес природы, рассказы из библейской истории Ветхого завета, в особенности те, в которых говорится о наказаниях, которым во все времена подвергались лжецы правды и противники древних пророков. Конечно, в изображаемом им Св. Писание несколько искажалось. Он уснащал библейские события разного рода прибавлениями и арабесками, которыми хаг- гада, талмудическое предание, иногда красиво и остроумно, но чаще всего до карикатуры и не в меру оплетало широкими лентами ствол первоначальных преданий. Добродушные жители Мекки, впрочем, едва ли что-либо и слыхали прежде про это. Но если араб сам мало способен к

изобретению легенд, тем не менее прислушивается охотно к ним. Склонность эта сохранилась в нем и поныне. Ничего поэтому нет удивительного, что многие посторонние стали внимательно следить за тем, что говорит пророк, чего прежде как-то не замечалось, но подобное воздействие новой формы откровения продолжалось, во всяком случае, недолго. Находился тогда в Мекке один человек, по имени А д-Н а д р, сын Хариса, видавший свет; между прочим, побывал он и довольно долго прожил в Хире. Там удалось слышать ему увлекательные сказания о древних персидских царях и их богатырях П е х л е в а н а х. К сожалению, как это часто встречается у так называемых полуобразованных, он был самым отчаянным вольнодумцем и с самого начала презрительно и насмешливо относился к божественному откровению, проповедываемому Мухаммедом. Раз в присутствии его пророк начал рассказывать о благочестивом Моисее и злом фараоне. Дав докончить пророку, он воскликнул: «О люди Курейша, я знаю более занятные истории, чем этот человек. Прислушайтесь только, я расскажу вам одну премиленькую историю, много почище его рассказов. И стал он рассказывать о царях Персии, о мощном Рустеме, о красавце юноше И с ф е н д и я р е*. Толпу это очень заняло и отклонило ее внимание от серьезных предметов.

Насколько сильный вред принесла пророку подобного рода конкуренция, можно судить по тому, что бедный Надр

' Это имя в национальных легендах персов играет такую же роль, как Зигфрид или Ахиллес. Рекомендую прекрасную книгу графа Адольфа Фридриха von Schach, «Heldensagen von Firdusi. In deutscher Nachbildung nebst einer Einleitung über das Iranische Epos. Berlin 1865». В ней заключается, кроме поименованного в заглавии, целый ряд лучших героических пересказов, заимствованных из обширного персидского эпоса- в мастерской обработке чудная поэзия этих легенд дает наглядное представление о несравненной прелести нового, чуждого европейцу мира.

поплатился позднее за это головой, хотя Мухаммед вообще, воюя с земляками, проявлял постоянно замечательную, до поразительного, кротость. Особенно глубоко оскорбляло пророка, что подобный анекдотический хлам могли ставить наряду со спасительными, предостерегающими примерами его поучений, а он такую великую надежду возлагал на них. Все чаще и чаще прорывается у него негодование по поводу того, что многие стали в шутку называть его пророческие легенды «старинными сказочками». Несмотря на сознание, что они позаимствованы им от иудеев, пророк настаивает упорно, что они были новым откровением, исходящим непосредственно от самого Бога. И он не лгал: отвлеченные идеи скорее всплывали в его мозгу, чем сознательно им вырабатывались. Неподвижному уму пророка между тем представлялось постоянно, что это было, как говорят христиане, «наитием Святого духа».

Для жителей Мекки были весьма неприятны вообще возникшие снова распри и все более и более выступающее сознательное движение правоверных; тем серьезнее следовало им отнестись к мусульманской колонии, продолжавшей по-прежнему гостить в эфиопском царстве. Трудно было забыть про прежние эфиопско-арабские войны. Приходилось поневоле от бесполезных, а в настоящее время даже опасных личных оскорблений и придирок перейти к настоящим политическим мерам. Мекканцы отправили посольство к Надшаши с просьбою удалить из страны переселенцев. Король решительно отклонил их требование, и это еще более усилило заботы горожан. С своей стороны Абу Талиб продолжал упорно отказывать в просьбах отступиться от своего племянника. Поэтому в 617 г. все семьи Мекки порешили заключить торжественный договор, по которому решено было прервать всякие сношения с семьями Хашим и Мутталиб. Запрещено было что-либо покупать и продавать их членам, прекращены были всякие с ними сношения.

Подобное решение, само собой, замыкало хашимитам доступ в остальные городские кварталы, поневоле должны были они ограничиться своим только собственным. Как кажется, они не в силах были удержаться даже и здесь. По крайней мере все дошедшие до нас известия единогласно утверждают, что обе семьи вкупе удалились в одну часть; лепилась она по боковому ущелью восточного горного хребта А б у-К у б е и с, врезывавшегося вплотную в город. По находящемуся здесь дому Абу Талиба это место носило название квартала или, вернее, ущелья Абу Талиба*. С остальным городом соединялось оно воротами с фронта, а с обоих боков отделялось от ближайших кварталов громадой нависших скал или наружными стенами домов. И ныне в городах Востока всякий квартал так замкнут, что может быть защищаем каждый особо. Эта большая выгода надежной защиты против постоянно угрожавшего внезапного нападения побудила, вероятно, скорее всего хашимитов к добровольному помещению в более тесном пространстве; но оно еще более становилось недостаточным, потому что пришлось принять порядочное число последователей пророка и из других семей, равно подлежащих исключительным мерам. Независимо от тяжелой стеснительности внешнего ограничения гонение это оказалось для жителей скалистой долины вначале почти невыносимым. Проводимое в резкой и строгой форме, оно доходило до того, что преследуемым нельзя было ничего купить; скот их не находил корма на голой почве, а о самостоятельной торговле нечего было и думать, так как большинство было народ бедный. Вскоре поэтому община стала испытывать всевозможную нужду и лишения. Небольшое число зажиточных людей, как Абу Бекр, едва успевали устранять самое худшее, а дела Мухаммеда, или скорее Хадиджи, находились в сильном расстройстве начиная с самого начала пророческой его деятельности. Через горы не проложено было ни дорог, ни стезей. Долина была

кругом замкнута. Приходилось поэтому добывать издалека и с величайшим трудом самые необходимые жизненные припасы. Частенько для этой скученной толпы людской наступал голод, грозили и другие бедствия. Лишь в течение четырех священных месяцев

'По Буркхардту — ущелье Алия (сына Абу Талиба).

могли изгнанники странствовать по крайней мере спокойно, вне округа Мекки, закупать на ярмарках самое необходимое и заключать союзы с остальными племенами. Но на последнее они не смели даже рассчитывать — никто не доверял людям, от которых даже свои собственные земляки отвернулись. Все проповеди Мухаммеда, с которыми пробовал он обращаться к различным племенам, чаще всего на ярмарках в Указе, Мине и других местах, оказались безуспешными. Много также вредили новообращенным личные усилия Абу-Лахаба, враждебного пророку дяди, раз навсегда отделившегося от семьи и примкнувшего к аристократам. Предание указывает особенно на него как на человека, поносившего всюду пророка и отпугивавшего от него всех. Выдержка, с которой хашимиты выносили от двух до трех лет подряд подобное исключительное положение, может каждому незнакомому с условиями нерасторжимости у арабов семейных уз показаться прямо-таки невероятной. Надо сказать, что большинство хашимитов, а во главе их сам Абу Талиб, решительно не верили в посланничество Мухаммеда; но он принадлежал к их семье, и это их всех обязывало при каких бы то ни было обстоятельствах защищать его от неприятелей и выносить все последствия, отсюда проистекающие. Здесь в первый раз встречаемся мы с фактом, который повторяется впоследствии не раз. Ему главным образом ислам обязан своим быстрым успехом. Хотя Мухаммед и его приверженцы не хотели признавать ничего, кроме повелений Божьих, и не считали себя более связанными со старинными обычаями арабских нравов, они могли все-таки продолжать пользоваться преимуществами, проистекавшими из связи их с единоплеменниками. Пророк мог на основании обычаев своих же врагов ожидать от них и даже требовать того именно, в чем на основании своих собственных принципов он им отказывал. Таким образом, пока хашимиты вследствие семейных связей держались крепко за него, те же самые семейные связи мало-помалу подтачивали исключительный договор курей-шитов. Не один идолопоклонник имел в квартале Абу Талиба близкого себе родственника и, стало быть, должен был краснеть, зная, как он страдает от нужды. Одно время, в самом начале, влияние и угрозы аристократов препятствовали свободному развитию деятельности подобной тайной симпатии; только иногда в тиши ночи мог пробраться по дороге в ущелье навьюченный жизненными припасами верблюд. Но мало-помалу недовольство на неудобство для обеих сторон исключительных мер в высокой степени усилилось, тем более что их бесполезность благодаря непоколебимой выдержке изгнанников стала очевидной для всех. Таким образом, в то время как одни крепко держались в единодушии, между курейшитами возникали постепенно сначала открытое разномыслие, а потом даже ссоры. Образовалась целая партия, громко требовавшая снятия запрещения. В конце концов движение это сломило упрямую волю знатных. В течение 619 г. договор между семьями мек-канскими был так или иначе отменен*, хашимиты вместе с правоверными избавились наконец от стесняющего их изолированного положения. Весьма вероятно, что это произошло на основании тайного соглашения, по которому Мухаммед отказался продолжать открыто свою проповедь в самой Мекке, прежним порядком. Нельзя же, в самом деле, не допустить, что старейшины Мекки, во всяком случае, позаботились за отмену исключительных мер вырвать от пророка какую-нибудь уступку. И действительно, с этих пор, как оказывается, в городе сразу как-то прекращается прозелитизм, а в то же время между обеими неприязненными сторонами прекращаются совсем распри и ссоры. Трудно поэтому не допустить, что это необычайное спокойствие наступило вследствие взаимного соглашения. Очень возможно также, что хашимиты вместе с Абу Тали-бом обязались позаботиться удержать Мухаммеда от дальнейшей проповеди во избежание возникновения новых раздоров в городе. Но предание в данном случае сохраняет глубокое молчание, а потому приходится ограничиться од-

* Понятно, тут помогло, по верованиям мусульман, какое-то чудо, которое дало возможность курейшитам нарушить так торжественно заключенный ими договор без особенного самоунижения.

ними догадками. Во всяком случае, принято всеми, что после снятия запрещения Мухаммед сам прекратил дальнейшие попытки обращения своих земляков. Опыты последних годов убедили его, вероятно, что в этих ожесточенных сердцах не проторить ему дороги к истине. Ничего поэтому не оставалось ему делать, как возобновить прежние попытки и снова завязать сношения с дальними племенами; начало этому было уже положено во времена запрещения. Задуманный им план был, применяясь к арабским воззрениям, столь необычен, даже чудовищен, что нам в настоящее время, при наших исторически сложившихся обстоятельствах, трудно даже приблизительно понять всю громадность его значения. Бывало, правда, и во времена язычества, хотя довольно редко, что кто-либо, совершивший примерно тяжкое преступление, чувствовал невозможность оставаться на родине и бежал к другому племени, прося принять его в свою среду. Но чтобы кто-нибудь без каких-либо в высшей степени побудительных причин вздумал разорвать родственные, семейные узы племени и притом еще из-за религиозных мотивов, было возможно разве среди христиан и иудеев тогдашней

Аравии. А между тем неслыханное дело, не принимая даже в расчет временное стеснительное положение пророка, должно было неизбежно свершиться. Иначе исламу немыслимо бы было перескочить границы Мекки. Предположим, если бы случилось так, что целый город по доброй воле подчинился верховенству Мухаммеда, мировой порядок нисколько не был бы нарушен. Новая вера стала бы тогда исключительным достоянием племени курейшитов. Гальваническая цепь, так сказать, замкнулась бы по отношению ко всем остальным племенам Аравии. Удалось ли бы и тогда мудрой политике мусульманской победить сопротивляющихся по одиночке, одних за другими, — вот вопрос трудноразрешимый, а в настоящее время, пожалуй, и излишний. Но так, как сложились обстоятельства, приходится сознаться, что упорство курейшитов было необходимо, чтобы дать возможность бежать Мухаммеду из узкого кружка родного города и допустить созреть в его голове вовсе не арабской мысли — а именно, что не принадлежность к племени, но общность религии должны послужить основанием для образования общины правоверных. Едва ли он сам сознавал вначале все последствия, к которым повело приведение в исполнение этой роковой мысли. Еще менее сознательно поступали мекканцы, мешая ему изо всех сил и всеми возможными способами распространять свое учение в городе; этим самым они развязали ему руки для его дальнейшей деятельности извне. Известный аргумент: что он поделает, если свои же, лучше всякого другого знающие его, об исламе не хотят и слышать — казался для всякого араба слишком очевидным. И действительно, вначале рассуждение это оправдывалось блестящим образом. Но курейшиты не знали, что и тогда в стране было такое местечко, где может внезапно вспыхнуть пожар. Пока, конечно, не было и подобия того, чтобы положение ислама могло в скором времени улучшиться. Наоборот, основатель его именно теперь переживал самые печальные и безнадежные дни всего его жизненного существования. Вскоре после восстановления сношений с неверующими потерял он, считая по обыкновенной хронологии, в конце 619 г., Хадиджу, а пять недель спустя — своего постоянного и надежного заступника Абу Талиба. Скорбь пророка о кончине первой была безгранично сильна, хотя благодаря его в высшей степени впечатлительному и подвижному темпераменту продолжалась она не очень долго; но смерть последнего угрожала дальнейшему его существованию.

Супружество его с Хадиджей продолжалось 24 года. Дожившая до 65-летнего возраста, она уже давно была для него лишь подругой, с материнской заботой пекущейся о нем. Именно подобные отношения необходимы были для этого нервного человека, к тому же часто прихварывающего, легко воспламеняющегося, переходящего от высшей экзальтации в религиозном пафосе к полной прострации под давлением внешних обстоятельств: ему была нужнее, чем всякому другому, семейная опора. Согласно всем дошедшим до нас известиям, эта женщина неослабно заботилась обо всем, касавшемся дел внешней его жизни, от которой в то время пророк совершенно отвернулся. С кротким утешением, исключительною принадлежностью разумных женщин, часто укрепляла она его опечаленное сердце и старалась поднять его внутреннее убеждение, никогда сама не колебавшаяся в вере в божеское посланничество мужа. К потере всего этого сразу он должен был по необходимости привыкнуть, и когда же: в то время, когда виды на действительный успех проповеди все умалялись и казалось, что вскоре исчезнут последние надежды. Сверх того, искони он имел сильное влечение к женскому обществу, без него не мог обойтись. Легко поэтому станет понятно, что и двух месяцев не прошло по смерти Хадиджи, как он снова женится на С а у д е, вдове недавно умершего правоверного. Мало того, так как ради Хадиджи приносил он большую жертву и все время, пока она жила, не вводил в дом новой жены, пророк вздумал одновременно воспользоваться нравственной своей свободой. В этом отношении и до ислама, по арабским обычаям, дозволялся широкий простор. Почти одновременно обручается он с дочерью друга своего и одного из вернейших сподвижников А б у Б е к р а. О самой свадьбе пока нельзя было и думать. А и ш е, так звали девочку, было всего 6 или 7 лет; даже в этом южном климате считалось невозможным вступление в брак ранее одиннадцатого года. Ежели теперь уже наступило формальное обручение, то это потому, что оба друга ощущали потребность связать наружно близкие свои отношения заключением родственных уз. Кроме того, этим высказывалось желание Мухаммеда выразить фактически свою признательность за великие жертвы, принесенные его другом общему делу. Обручением он как бы обязывался взять на свою ответственность будущность его дочери, а в то же время, в кругу правоверных, отличить особенно Абу Бекра. Хотя пророк, по-видимому, старался утешиться после потери верной своей подруги, но он не переставал думать о ней и до самого конца своей жизни вспоминал о покойной жене с признательностью и любовью. Не следует также забывать, для полной характеристики Мухаммеда, что то нежное чувство, которое мы выказываем в супружеских отно- шениях и, надо надеяться, обыкновенно питаем, было чуждо арабам современной ему эпохи.

Еще тяжелее, чем отсутствие Хадиджи, была для Мухаммеда смерть Абу Талиба. Надо полагать, что пророк был предан и признателен этому верному, почти до самозабвения, защитнику. Недаром же дядя пекся о нем не только во времена его юности, но и за последние десять лет; не колеблясь, жертвуя всяким личным интересом и охотно перенося разнообразные неприятности, он охранял его против неверующих и был верным до конца исполнителем семейного обета, возложенного на него еще отцом его, Абд-аль-Мутталибом. Положим, Абу Талиб не мог никак себя принудить принять учение племянника, не потому, конечно, что считал его, подобно другим язычникам, за обманщика. Но он никак не мог решиться отвернуться от богов своих предков. Так стоял он непоколебимо между обеими партиями, в

безусловно нейтральном положении. Этот прямой, надежный человек не чувствовал в душе призвания ломать голову над задачами теологии, но ничто не могло совратить его с пути права и чести, как он их понимал, хотя бы на йоту. Мухаммед терял в нем не только превосходнейшего человека: угас его защитник, тот, которому он был слишком много обязан, а на место его приходилось звать, по естественному праву преемства, брата его Абу-Ла-хаба. О нем упоминали мы выше как о злейшем враге своего племянника. Тем менее мог надеяться на него пророк, так как он был не только единственным из хашимитов, не пожелавшим переселиться в квартал Абу Талиба, когда подвергся весь род запрещению, но даже примкнул к аристократам.. Теперь, однако, слишком громко звал голос чести: Абу-Лахаб не посмел уклониться. Он отправился прямо к Мухаммеду, не решавшемуся покидать своего жилища по смерти Абу Талиба, и сказал ему: «Поступай так, как ты привык делать до сих пор, пока над тобой бодрствовал Абу Талиб. Клянусь Латой, никто не осмелится обидеть тебя, пока я жив!» Эти естественные родственные отношения не могли, однако, продолжаться долго. Хотя общественное мнение одобрило поведение Абу-Лахаба, но главы аристократии поторопились посеять снова раздор между дядей и племянником. Они научили первого спросить пророка — где находятся со времени своей смерти Абд-аль-Мутталиб, отец его и дед Мухаммеда. «В аду» - было ответом, неизбежным по неумолимой догматике как ислама, так и всякой другой веры. Со злобой в душе уходил Абу-Лахаб и воскликнул на прощанье: «Теперь и я твой враг навеки».

К этому моменту из всех членов семьи оставался на стороне Мухаммеда один только дядя его Хамза.

Все родные отшатнулись от него. Конечно, приближенные пророка готовы были защищать его в случае открытого нападения до последней капли крови. Поэтому неприятели медлили начинать атаку, но горячая арабская кровь при первом же случае могла увлечь кого-либо из обеих партий к необдуманному слову или поступку, что повело бы, несомненно, к открытию неприязненных действий. Судьба небольшой кучки правоверных была бы тогда бесповоротно решена. Вот причины, заставившие пророка отныне окончательно отвернуться от своих земляков и начать прежние, случайные попытки — не найдется ли где место у чужеземцев для насаждения истинной веры.

Первый опыт был не из счастливых. В милях пятнадцати на запад от Мекки находится Т а и ф. Город этот известен и ныне как место изгнания и смерти Мидхата паши и остальных заговорщиков против султана Абду'л Азиза. В то же время был он одним из немногочисленных городов средней Аравии, одной из станций, расположенных на древнем торговом пути караванов, между Йеменом и Сирией, подобно Мекке. В торговле он уступал далеко последнему, но, как и поныне, отличался плодородием окрестностей, своими виноградниками и садами. Жители его принадлежали к клану Б е н у С а к и ф широко распространенного племени Хавазин; будучи по происхождению северо-арабами, они благодаря близости к границам Йемена, как кажется, кое-что переняли от своих южных соседей. Так, например, город был отчасти укреплен, что на севере встречается только в иудейских колониях. Между отделом Сакифов и Меккой никогда не прекращались живые торговые сношения, вследствие которых установилась взаимная приязнь, завязывались даже родственные отношения при помощи взаимных браков. Богатые мекканцы устраивали себе загородные дома в тенистых садах Таифа. В знойное лето жизнь здесь была много приятнее, чем в узкой долине Мекки, окруженной со всех сторон голыми отвесными скалами. Вот почему Мухаммед обратил внимание на Таиф. Хотя, с другой стороны, трудно представить, чтобы он мог питать серьезные надежды склонить на свою сторону народонаселение, так тесно связанное с его противниками. Но в его распоряжении выбор был невелик, а наконец надежда на помощь Аллаха не покидала его. Тайком, сопровождаемый одним только отважным приемным сыном своим Зейдом, опасаясь, как бы не разнюхали ку-рейшиты и не напали на него беззащитного по дороге, отправился он вскоре после смерти Абу Талиба в это путешествие. Предприятие было действительно довольно рискованное, даже для воина, привыкшего ко всевозможного рода опасностям, а для мирного проповедника почти безрассудное. Внутреннее побуждение, которое он счел было за повеление Господне, придавало ему необычайную бодрость. Что-то простое, величественное проглядывает в этой решимости — одному вступить в чужой город. Ни одна рука не подымется, не заслонит его от нападения первого встречного. А между тем умерщвление его, несомненно, доставило бы удовольствие сильным Мекки, а убийце сулило богатую награду. В первые дни пребывания в городе охраняло его возбужденное любопытство. Толпа с интересом присматривалась к знаменитому революционеру Мекки, ловила с жадностью его речи. Даже знатнейшие из жителей, то тот, то другой, подходили к нему, завязывали разговор. Но более глубокого впечатления он не произвел. Вскоре народное настроение, весьма вероятно — подстрекаемое дружественными, родственными курейшитам людьми, повернуло вспять. Посыпались оскорбления на него и верного его Зейда, то словом, то действием; стали швырять в них каменьями, наконец пришлось спасать жизнь и бежать спешно из города. Преследуемые чернью, покрытые ранами, из которых обильно струилась кровь, добрели они, еле живые, до лежащих в полумиле от города садов и в одном из них успели укрыться. Случайно сад прилегал к загородному дому двух братьев из Мекки — У т б ы и Ш е и б ы, сыновей Р а б и й из знатного рода А б д Ш е м с. Это были люди самые богатые между курей-шитами, с тех пор как умер недавно А л ь-В а л и д И б н М у г и р а, исконный враг Мухаммеда. И они тоже, конечно, слышать не хотели про пророка, но были рассудительнее и менее выказывали слепую страстность, чем большинство других аристократов. Может быть, также заговорило в них племенное чувство, когда они увидели хорошо знакомые фигуры бегущих, преследуемые яростным сбродом из чужого города. Они не

открыли толпе убежища гонимых, даже послали к ним раба-христианина с блюдом, наложенным доверху виноградными гроздьями, для освежения выбившихся из сил, дрожавших от страха и напряжения. Но долго им здесь оставаться не приходилось, надо было спешить, чтобы как можно скорее покинуть окрестности негостеприимного города. На возвратном пути остановились они в Н а х л а, местности, находившейся почти посредине между Таифом и Меккой. Здесь, как рассказывают, Мухаммед видел сон или видение, в котором ему, столь недавно презренному и отверженному людьми, посланники царства духов, гении воздали почтение* и стра-

' Имя арабское Д ж и н н, несомненно, происходит от латинского слова депшз. По обыкновенному толкованию, эти существа представляют собою нечто среднее между ангелами и людьми. Общее с первыми у них — необычайная сила, а с последними — склонность к вере и неверию, к добродетели и грехам. В злых джиннах, которые, очень понятно, играют главную роль в народных предрассудках, арабы доисламского периода почитают особенно привидения — ночные и пустыни. Видов их бесчисленное множество, особенно упоминается о них много в сказках Тысячи и одной ночи, но эти легенды большей частью взяты из индийской и персидской мифологии. Случилось ли упоминаемое видение именно в это время, кажется весьма сомнительным. Представленная весьма недавно остроумная попытка объяснить весь этот феномен встречей с людьми «плоти и крови» падает сама собой при сравнении с текстом 72 суры.

сгно пожелали услышать из уст его слова божественного откровения. Высокая нравственная утеха, дарованная ему подобным великим успехом его проповеди в среде бесплотных духов, не могла, однако, заслонить тех земных препон, которые предстояли в дальнейших его действиях. Он не решился поэтому войти снова в Мекку прежде, чем не заручится покровительством одного из знатных города. Как и недавно, во время гонений, укрылся он в ущельях горы Х и р а. Между тем послал одного человека из нейтрального племени Б е н у-Х у з а'а, кочевавшего на пастбищах прилегающих окрестностей Мекки. Он дал ему поручение завязать дружественные переговоры и просить содействия у одного из сильных. После нескольких неудачных попыток согласился наконец на это А л ь-М у т'и м, сын А д и я, из дома Н а у ф а л ь. Семья его была в близких, родственных отношениях с хашимитами, и он был из первых, благодаря заступничеству которых последовало отменение запрещения. Вооруженный и окруженный своими, посредник отправился к Ка'бе. Там объявил он всенародно, что берет под свою защиту Мухаммеда. Пророк осмелился теперь только вступить в город. Никем не тревожимый, обошел он семь раз святой дом, а затем вернулся к себе в жилище, которое со смерти Хадиджи находилось в квартале Абу Талиба. Там проживал он скромно даже после свадьбы своей с Саудой. Была ли это боязнь лишиться защиты Мут'има по поводу какой-нибудь новой передряги или следствие взятого на себя обязательства, когда отменено было запрещение, — трудно сказать. Страстно поджидал пророк приближение времени великого праздника паломников в этом году (629). Он рассчитывал на возможность снова обратиться к толпам пилигримов различных племен Аравии и попытаться снова, не найдутся ли наконец для его проповеди открытыми некоторые благочестивые сердца.

ГЛАВА III

ХИДЖРА. МУХАММЕД В МЕДИНЕ

Шел март 620 г. Как и всегда, многочисленные толпы иноземцев из различных местностей страны потянулись к Мекке, чтобы присутствовать на празднествах пилигримов. За торжественными процессиями вокруг Ка'бы следовала, по старинному обычаю, общая перекочевка к священной горе А р а ф а т, лежащей милях в трех на запад от Мекки, вдоль дороги в Таиф. Оттуда паломники на другой день переходили обыкновенно в долину М и н а; за милю от Мекки врезывается в нее горный путь. Здесь приносились жертвы, закалывали животных и тем заканчивалась серия религиозных церемоний. Как и ныне, не сразу прекращалось пестрое движение возвращающихся в город Хаджиев. Между маленькими и большими группами, двигавшимися там и сям по долине, появлялся иногда и Мухаммед, зорко подстерегавший всякий подходящий случай, чтобы затеять беседу. Предание гласит так: «Пророк едва достиг А к а б ы*, как очутился неожиданно пред группой людей из племени .Х а з р а д ж**, которых Господь вознамерился просветить. Увидя их, посланник Божий обратился к ним, вопрошая: «Кто вы?» Они ответили: «Люди из племени Хазрадж». — «Не соседи ли иудеев?» - промолвил он. Они сказали: «Да». Тогда пророк предложил: «Не сесть ли нам? Побеседуем». Они согласились, говоря: «Хорошо». И подсели иноземцы к нему. А он стал проповедывать им об истинном Боге, и возвестил им ислам, и преподал Коран. Господу Богу угодно было совершить чудесное по отношению к исламу, ибо, хотя в стране их жили иудеи, вла-

* Слово обозначает узкую горную тропу между скалами, подымающуюся по склону. В данном случае называют и поныне так узкий проход, пересекающий долину Мина с востока на запад и ведущий в Мекку.

** Из Иасриба. О числе их говорят разно: было их от двух до восьми.

девшие писанием и знанием*, они сами пребывали упорно в язычестве и идолопоклонстве. Случалось нередко хазрад-житам одолевать в своем округе иудеев; но те каждый раз, когда начиналась новая распря, не переставали твердить все одно и то же: погодите, вскоре проснется пророк, время его близится, за ним мы последуем и с помощью его победим вас, как разбиты были Ад и Ирам" когда-то. Меж тем как посланник Божий говорил так с теми людьми, провозвещая им истинного Бога, стали они промеж собой тихонько переговариваться: «Что скажете, о мужи! Ей-же-ей, это и есть тот самый пророк, на которого указывали нам иудеи. А в самом деле, не предупредить ли нам их?» С верою прислушивались они к тому, о чем он проповедывал им, приняли ислам, который он им возвещал, и сказали ему: «Между нашими земляками вечные неприязни да ссоры, все нас оставили. Через посредничество твое истинный Бог, быть может, нас соединит. Дело твое поэтому мы охотно представим нашим землякам, станем проповедовать и объявим им эту самую веру, нами от тебя принятую. И если истинному Богу угодно будет привести их к тебе не разрозненных, не будет тогда более могущественного человека во всей стране, кроме тебя». Затем оставили они посланника Божьего и вернулись в свой округ, исполненные веры и сознательного рвения». Этот безыскусственный наивный лепет старинной легенды, по-видимому, удачно и верно передает тот исторический момент, когда так долго бесполезная проповедь Мухаммеда наконец обрела более благоприятную почву и предвещала неожиданный успех. Подобно иудеям всех времен, и израильские племена Иас-

' Т. е. Ветхий Завет и развиваемая в талмуде иудейская теология. «Владеющие письменами» — это иудеи и христиане в качестве имевших ранее божественное откровение. Слово же «знание» означает полное или частное познание божественной истины в противоположение «не знанию» идолопоклонников.

" Баснословные народы арабские доисторического времени. В Коране упоминается о них часто в виде примера бренности всего земного и божеского наказания безбожников. Имена эти были известны арабам еще до Мухаммеда.

риба, вытесненные из лучших кварталов хищниками арабами, ждали, конечно, спасения от Мессии. Весьма возможно также, что скорым появлением его могли они не раз пугать неудобных своих соседей. Со своей стороны и арабы в промежутках дружественных отношений могли лучше, чем где-либо в другом месте, познакомиться ближе с религией их невольных городских соседей. Поэтому надо полагать, что не только отдельные рассказы из Ветхого завета, но и связанные с ними главные основы иудейской религии, а также соответствующие понятия божеского откровения чрез пророчества были им более или менее известны.

Влияние религиозного характера могло проложить себе путь среди жителей Иасриба и иными воздействиями. Ранее было упоминаемо вскользь о последователях некоторых христианских сект. Переселяясь из Сирии, а еще более из Месопотамии, проникали они чрез северные области и быстро распространялись по всей Аравии, хотя и довольно разбросанными группами. Следы их встречаются за последние годы жизни Мухаммеда и в пограничных областях. Ранее, без сомнения, они были значительно многочисленнее. Очень возможно, что Ханифы и Сабеи, как они назывались по-арабски, встречались нередко и в самом Иасрибе, и в окрестностях. И так становится само собой понятным, почему большая часть хазраджей и аусов выказали такую восприимчивость к новой вере, о чем по отношению к мекканцам не могло быть даже и речи. Но эта восприимчивость выступает вскоре слишком ярко, сохраняется в течение всего дальнейшего развития в такой неизменно высокой степени, что невольно рождается предположение, что жители Иасриба должны были обладать особыми качествами духа, диаметрально противоположными господствующему равнодушию среди остальных тогдашних арабов. Но при скудости известий о времени домухам-меданском трудно сказать что-нибудь положительное. Поэтому труд напрасный — доискиваться, насколько связано это обстоятельство с южноарабским происхождением обоих племен. Во всяком случае, можно считать за достоверный факт, что еще до 620 г. Иасриб волновали религи- озные вопросы. Многие начинали уже сомневаться в действительности идолопоклонства и святости наиболее здесь почитаемой Манаты; они заметно клонились к более чистым представлениям, и число таких было значительно более, чем в Мекке.

Так или иначе, до нас почти ничего не дошло, каким образом эти первые, самые ранние последователи Мухаммеда действовали в позднейшей столице ислама, дабы выполнить обещания, данные ими при расставании. Их деятельность в качестве миссионеров встретила, конечно, сильное сопротивление благодаря старинным непрекращающимся раздорам между аусами и хазраджами. Мысль покончить вечные ссоры присоединением огулом к посланному самим Богом руководителю могла, однако, в течение года, найти отголосок у некоторых из них. Тем более что оба племени давно уже тяготились распрями, продолжением коих легко могли воспользоваться когда-нибудь иудеи, чтобы попытаться еще раз прогнать непрошеных гостей. Но непосредственное общее соглашение оказалось пока невозможным. По крайней мере в следующий праздник пилигримов, весною 621 г., появилось в Мекке лишь 12 человек из Иасри-ба, принявших ислам, — 10 хазраджей и 2 ауса. На той же уединенной стезе Акаба встречаются они с пророком, там же, где происходила прошлогодняя беседа. Здесь обязывает он новых прозелитов торжественно исполнять главные заповеди новой веры: не давать Богу никого в товарищи', не воровать, не нарушать брака, не убивать своих собственных детей, не выдумывать и не распространять никакой

клеветы, повиноваться во всем, что ведет к добрым целям, пророку. Если все это исполните, добавил он, заслужите рай, если же кто-нибудь из того, что я сказал, опустит, то наказать или простить его будет зависеть от Бога. В то же время дал он им одного из испытаннейших приверженцев своих, М у с'а б а И б н У м е й р у, хорошего знатока откровений, с тем чтобы сопровождал он их в Иасриб, объяснял Коран, руководил ими в познании ислама и открыл им понимание веры.

' Обыкновенное выражение в Коране, говоря о многобожии.

Так поступил он также во избежание новых раздоров между аус и хазрадж Предоставляя честь заступления пророка мекканцу, Мухаммед не обижал приверженцев обоих племен. Наконец было условлено, что новое свидание наступит в следующем году, выжидая пока, какой оборот примет развитие дела, и откладывая на будущее принятие определенного окончательного решения.

Год минул, как и прежний. Наружное спокойствие и мир не были нарушены между Мухаммедом и неверующими его земляками. Оно и понятно: он покинул совершенно проповеди всенародные и прежние открытые нападки свои против идолослужений и язычников. Но в ближайшей среде правоверных по-прежнему продолжал он громить и пророчествовать. Только к изъявлениям недовольства, которые составляют основной тон и этих коранов последнего мекканского времени, стало примешиваться все чаще и чаще неслыханное дотоле выражение уверенности в скорой победе справедливого дела. Не одни верующие из среды ау-сов и хазраджей казались близкими пророку. По его понятиям, и иудеи, письмена откровений которых, полагал он, по их содержанию тождественны с его учением, должны были примкнуть к нему, лишь только обстоятельства позволят переселиться ему самому в Иасриб; пророк задумал это дело с первого же момента переговоров с новообращенными. Долее оставаться в Мекке он не мог, так как уже стали мало-помалу распространяться слухи, что он заключил союз с людьми, принадлежащими к чуждым племенам, и тем самым нарушал верность своей родине. Но мекканских приверженцев нельзя же было покинуть на произвол судьбы, а потому переселение становилось только тогда возможным, когда произойдет там, на новой родине, обращение большего количества семей, в среде которых найдут беглецы место для пристанища и надежную опору против покушений остальных жителей Иасриба. Но дело обращения, о котором, конечно, пророк неоднократно получал тайком сведения, подвигалось сверх чаяния быстро. Понятно поэтому, что все помыслы Мухаммеда и ночные его грезы витали на чужбине, то в Иасрибе, то в Иерусалиме, в святом граде иудеев. На содействие их он питал в то время большие надежды; недаром же пророк видел замечательный сон, относимый к этому времени, ближайшие подробности которого, конечно, таятся под целой грудой традиций, скопившихся, очень понятно, именно над этой легендой благодаря страстности разъяснителей. Рассказ этот носит название «ночной поездки» и «посещения неба посланником Божьим». Над ним изощряли фантазию и персы, и турки, наконец, он был любимою темой поэтической литературы, повторялся без конца, разукрашивался все новыми и более чудесными подробностями. Вся эта история, в сущности, довольно слабое творческое произведение, но знаменательна как послужившая канвой для образования цельного мифа на почве исламизма. Передаю ее в том виде, в каком она появилась лет 200 спустя.

Раз ночью, так гласит предание, появился пророку во сне ангел Гавриил. С превеликим трудом разбудил Мухаммеда небожитель и вывел из дому. Перед дверьми стояло чудное животное А л ь Б у р а к*. В одно мгновение ока пророк очутился в Иерусалиме, возле самого дальнего храма", куда вступил, окруженный толпой других пророков: Авраамом, Моисеем и Христом. В сонме их он молится, затем видит стоящие перед ним три сосуда, наполненные водой, вином и молоком. И раздался глас: если он возьмет с водой, то потонет вместе со своей общиной; если возьмет наполненный вином, то заблудится вместе со своей общиной; а если возьмет с молоком, то будет ведом по истинной стезе, вместе со своей общиной. Понятно, он выпивает молоко. При этом Гавриил определенно настаивает на том, что

' Что значит сверкающий. По мнению филологов, назван он так по блеску окраски или быстроте своих движений.

" «Аль-месджид-аль-акса» называется и поныне стоящая мечеть возле так называемого храма Скалы. Ее соорудил Омар из базилики Юстиниана, посвященной пресвятой Деве, лежавшей на горе Мориа. «Самый дальний» значит просто самый северный; о нем знал понаслышке Мухаммед, а может быть, в данном случае употреблена превосходная сте -пень вместо положительной. В таком случае просто дальний — противоположение Мекке. Сура 17,1.

предсказание это исполнится. Тем и кончается «ночное путешествие». За сим следует «посещение неба», по лестнице, виденной Иаковом во сне. Пророк в одно мгновение достигает небесных врат. Ангел Гавриил представляет его привратнику; тотчас же впускает он его на первое небо. Его встречают большие толпы ангелов, дружелюбно улыбаются ему, только один из них глядит на него серьезно. Это М а л и к, надсмотрщик над адским пламенем, отвечают ему на сделанный им вопрос. Когда, по его просьбе, показали ему самый огонь, пророк приходит в ужас, и Гавриил должен был просить ангела поскорей закрыть геенну. Мухаммед успел только увидеть здесь, как Адам пропускает мимо себя души своих потомков; одних приветствует он похвалой, других приводит в ужас возгласом: тьфу! Далее мелькнуло пред его глазами несколько образчиков адских мук: угнетателей вдов, нарушителей брака и т. п. На

втором небе, куда он вступил, встретил он Иисуса и Иоанна Крестителя; на третьем — Иосифа Прекрасного, красовавшегося подобно полной луне; на четвертом — патриарха Еноха, на пятом — Аарона, на шестом — Моисея, на седьмом — Авраама в виде красивого старца; мимо него проходят ежедневно, через дверь, 70000 ангелов, и ни один из них до самого Страшного суда не вернется сюда снова ни разу. Наконец ведут пророка через весь рай пред лик Господень. Он налагает на него обязанность читать ежедневно 50 молитв за себя и общину. Когда Мухаммед вернулся к Моисею с этим повелением, тот выразил сомнение: «Тяжело моление, а народ твой слаб; проси Господа об облегчении». Так и сделал посланник Божий, и ему было отпущено 10 молитв. Затем та же история, на манер просьб Авраама о праведных Содома, повторяется до тех пор, пока ему не удается испросить для ислама только 5 канонических молений. Затем оставляет пророк небо и возвращается тем же путем, каким пришел, назад в Мекку. Позже к этому рассказу делались различные добавления и приукрашивания. Приведем из них самое выдающееся: пророк на небе имел с Богом 70000 разговоров, и, несмотря на то, все путешествие совершилось так быстро, что при возвращении пророка кровать его *была* еще тепла, а вода из кружки, которую он, торопясь, опрокинул ногой, не успела еще вытечь. Не было, казалось, никакой надобности в подобного рода невероятных преувеличениях, способных изумить даже таких правоверных, которые привыкли принимать все слова пророка с благоговением и верой. Поэтому не без достаточного основания можно предположить, что все это путешествие на небо придумано после смерти Мухаммеда усердными набожными, которых жажда к чудесному не удовлетворялась одним путешествием в Иерусалим. И этого оказалось мало, впоследствии прибавлены были новые украшения. Словно хотели нарочито возбудить в толпе сомнения и внушить, что в делах веры не может иметь места спокойное рассуждение. Немудрено после этого, что многие пришли в смущение из тех, которые до этого крепко держались общины правоверных, а другие покачивали сомнительно головой. Один только Абу Бекр оставался по-прежнему непреклонно убежден в непогрешимости Мухаммеда и неизменно повторял тем, коих раздражал этот рассказ: если он сказал, стало быть правда. Так укреплял он снова в вере более слабые души, за что получил от пророка почетное прозвание А с-С и д д и к — «свидетель правды».

Подошло наконец снова время великого праздника. Было заранее условлено, что большинство правоверных Иас-риба, все те, которые в состоянии будут уйти незаметно и не возбуждая особенного внимания, должны примкнуть к паломникам Мекки. Весной 622 г. двинулись в путь жители Иасриба значительной толпой, под предводительством старейшиныхазраджей А б д у л л ы И б н У б а й и. Весьма понятно, и предводитель, и спутники его знали уже, что в прошлом году некоторые из племени, а также многие ау-ситы приняли веру мекканца. Но в Иасрибе привыкли относиться снисходительно к разным религиозным воззрениям, считали веру частным делом всякого; племя в это не вмешивалось. О том же, что шли попутно тайные переговоры с чужеземцем, которые при некоторых обстоятельствах могли довести до открытой борьбы с курейшитами, никто и не догадывался, правоверные хранили глубокое молчание. Торжества пилигримов прошли обыкновенным порядком, ничто не указывало на то, что подготовляется необычайное событие. Бесшумно скользил Мус'аб между группами правоверных, среди окружающих пророка шли тайные подготовления отрясти с ног прах безбожного города и переселиться на благословенную почву, уже принесшую вере такую богатую жатву. На второй день из тех трех, которые проводят пилигримы по окончании церемоний празднеств в М и н е, все было готово.

Ближайшая связь, соединявшая пророка, хотя отчасти только, с его родом до кончины Абу Талиба, сильно ослабла, особенно с тех пор, как первоначальное намерение Абу Лахаба принять на себя обязанность семейного защитника после умершего брата кончилось новым разрывом. Но если обязательства семьи с этих пор как бы прекращались по отношению к неудобному ее члену, то это еще не значило, что они были окончательно порваны. Существовала еще зависимость «этого одного» от своих родственников. Поэтому, чтобы сделать будущее положение Мухаммеда в Иасрибе, по арабским понятиям, не совсем неправильным — и не ради одних только тамошних жителей, большинство которых не было еще обращено, — следовало еще расторгнуть его связь со своими. Тогда только мог он быть принятым в союз семей Иасриба, и под тем только условием могли они его признать своим. Для этой цели, понятно, было необходимо, чтобы один из старейшин хашимитов снял с него мирным путем обязанности по отношению к племени. На это и согласился один из дядей Мухаммеда, брат его покойного отца и Абу Лахаба. А л ь-А б б а с, так звали его, принадлежал к людям, не обладающим ни особенно сильным характером, ни твердыми убеждениями. Взамен природа одарила его способностями в трудные времена скользить невредимо между противоположными партиями, а в спокойные - делать понемногу карьеру. Когда же наступала опасность, находил он таких простаков и храбрецов, которые загребали для него своими собственными руками жар. И при всех обстоятельствах ухитрялся он всплывать наверх. Полезные свои способности передал он и своим потомкам. И сам сумел пробиться, и дети его, и внуки в качестве родственников пророка проложили себе дорогу. Наконец, позднейшие аббасиды заставили потомков Алия, наследовавших также от своего предка ограниченную способность достигать земных благ, во время междоусобной войны добывать для них же из огня каштаны халифата. Во всяком случае Аббас был человек проницательный, он прозревал гораздо далее, чем остальные его земляки. Упрямство, с которым проводил неуклонно его племянник свое дело, казавшееся многим химерой, но которое сгруппировало вокруг Мухаммеда большое число далеко недюжинных личностей, поколебало дядю. И он начал понемногу верить, что это замечательное

движение в конце концов может иметь будущность. Но виды на это никоим образом не были пока достаточно осязательны, чтобы побудить такого предусмотрительного человека примкнуть тотчас же к новой вере. По-прежнему остался он на той стороне, на которой были сила и общественное уважение, но при этом не отказывался быть полезным и другой, как бы невзначай оказывая ей услугу. Вот и явился он вместе с Мухаммедом в заранее определенный день, поздно вечером, на условленное свидание у Акабы с правоверными Иасриба. В одиночку, маленькими группами подходили они к укромному местечку, дабы не обратить на себя ничьего внимания. Собралось в общем 75 человек, в том числе две женщины. Когда оказались все налицо, проговорил Аббас несколько слов. Он выразил, что Мухаммед до сих пор находил в своем роде должную защиту и может ею пользоваться и в будущем. Теперь же он предпочитает искать убежища у людей Иасриба, поэтому желательно бы знать, готовы ли они оказать ему свое покровительство. Слушатели, изъявляя свою радость криками согласия, стали просить Мухаммеда открыть им свою волю. Пророк начал снова проповедовать об истинном Боге, об исламе и закончил словами: «Итак, я заключаю с вами союз, вы должны защищать меня от всего того, от чего вы обязаны защищать ваших жен и детей». Тогда А л ь-Б ара, из племени хазрадж, схватил его за руку и обещал ему. За ним поочередно подтвердил условие каждый из присутствующих. Мухаммеда приветствовали в качестве главы, по обычаю арабов, легким прикосновением правой руки к правой же пророка. По заключении союза выбрал Мухаммед в силу своего нового полномочия 12 мужей — трех из аусов и девятерых из хаз-раджей — как будущих руководителей общины в Иасрибе. Затем закрыто было заседание — вторая Акаба, как оно будет отныне называться, — и все поспешно разошлись.

Как тщательно ни было сохраняемо в секрете заседание, вскоре, однако, стали распространяться неопределенные слухи о случившемся и курейшиты сразу поняли всю громадность опасности, им угрожавшей. Союз Мухаммеда с внешними племенами и такого значения, как аус и хазрадж, людьми, опытными в войне, мог со временем легко стать страшным для мирных купцов Мекки. И это показалось им тем более грозным, что они менее всего ожидали от презренного человека способность разыграть такую серьезную роль. Прежде всего нужно было, конечно, разузнать об истинных намерениях людей Иасриба. Лагерь паломников после третьего дня празднеств еще не был снят. Туда поспешили главы курейшитов и стали громко жаловаться на действия некоторых, которые пользуются днями всеобщего мира, чтобы возбуждать ненависть в рядах дружественного племени, завязывают связи с неспокойными и подозрительными людьми и, по всему тому, что слышно, стараются довести до войны. Непосвященные в тайные переговоры громко протестовали против подобных подозрений, а участники остерегались раскрыть рот. Абдулла Ибн Убай стал заверять, что подобного рода вещи немыслимы, что никто из его людей не осмелится сделать такой шаг, не предупредив его. Но ему скоро пришлось узнать, как мало признавали его авторитет люди, увлеченные проповедью пророка. Временно мекканцы удовольствовались этим, но лишь только снят был лагерь чужеземцев и караван Иасриба двинулся в путь, как в городе стало уже все известно. Спешно бросились аристократы преследовать уходивших, но успели захватить только двух отставших. Один из них был новообращенный хазрадж по имени С а'д И б н У б а д а. Его забрали в плен, избили и потащили в Мекку. На его счастье, нашлись там родственники, многим ему обязанные; они выхлопотали его освобождение. Тем ярче вспыхнуло негодование аристократов против оставшихся — пророка и окружающих его. Прямые неприязненные действия наступили, однако, не сразу, но все давало повод предполагать, что ждать их остается недолго. Решение покинуть город и бежать в Иасриб было задумано Мухаммедом уже несколько месяцев тому назад, надо было поторопиться привести его в исполнение. Бесшумно, по приказанию предводителей, покидали правоверные свои жилища и украдкой выбирались из города, захватив с собой все, что можно было без труда унести; остальное бросали. Помешать им не было никакой возможности, большинство их были люди вольные. Никто не имел права запретить им свободу передвижения. Даже родственники их, неверующие, заступились бы в таком случае за них, если бы последовало насилие со стороны зажиточных. Были отдельные попытки, особенно со стороны некоторых ревностных противников пророка, кое-кого остановить, посадить под замок, кто брата, кто находящегося в прямой от него зависимости. Но это удалось лишь в двух отдельных случаях. Исключение составляли, конечно, рабы, которые не успели еще откупиться. Преобладающее же большинство мусульман успели, в течение лета 622 г., никем не тронутые, уйти в Иасриб; там приняли их в домах единоверцев с распростертыми объятиями.

Вместе с Абу Бекром и Алием Мухаммед оставался еще в Мекке, выжидая, пока все его приверженцы не покинут города. Причина этого замедления не совсем ясна; надо полагать, он рассуждал так: отъезд его приверженцев не может возбудить больших затруднений, если он сам остается в Мекке и своим присутствием дает курейшитам некоторого рода уверенность, что пока еще не предстоит никакой опасности. Эта уверенность исчезала, понятно, моментально, как только он покинет город, и он имел полное основание ждать от своих неприятелей самого худшего. И действительно, предание сообщает, что курейшиты на одном собрании, на котором присутствовал сам сатана в образе старика, закутанного в мантию, прибывшего из Неджда лично, по совету этого исконного неприятеля пророка порешили его умертвить. Для этой цели выбраны были будто бы 11 человек, которые ночной порой должны были напасть на него в кровати и убить. В то самое время, как они уже его подстерегали, удалось посланнику Божьему, предуведомленному, понятно, обо всем через посредство ангела Гавриила, избегнуть гибели. Достоверность этого злого умысла оспаривается не без основания, ибо из Корана, в котором опи-

сываются подробности последних дней пребывания в Мекке, ничего другого нельзя вывести, как то, что Мухаммед подозревал курейшитов в злых намерениях. Если бы доходило дело до начала исполнения их, он заговорил бы, конечно, совсем иначе. К тому же имена одиннадцати не что иное, как перечисление злейших противников пророка. В данном случае являются они здесь не более как козлища отпущения. Во всяком случае Мухаммед понимал, так как он не скрывал намерения своего уехать, что надо быть готовым на все, даже на насилие. Вот почему и решено было бежать тайком. Верный Абу Бекр давно уже втихомолку закупил двух быстроногих верблюдов и вверил их одному знающему путь вожаку из соседнего племени. Невдалеке от города поджидал он беглецов. Чтобы сбить с толку курейшитов и заставить их предполагать, что Мухаммед не покидал дома, остался в жилище его Алий с женой и двумя дочерьми пророка, накинув на себя красную его мантию. Тем временем Мухаммед вместе с Абу Бекром выскочили в сумерки из заднего окна и достигли, никем не замеченные, горы С а у р, лежащей в миле к югу от города по пути в Йемен. У вершины ее находилась пещера. И по сие время показывают ее как место убежища обоих беглецов. Там пробыли они три дня, укрываясь; родственники Абу Бекра доставляли им пищу и сообщали обо всем происходившем. Наконец пыл преследования, затеянного было тотчас же курейшитами непосредственно после бегства, мало-помалу остыл. Можно было попытаться продолжать путь. Вожатый с обоими верблюдами находился неподалеку от убежища. Мухаммед сел на самого быстрого из них, носившего кличку А л ь К а е в а. Абу Бекр поместился на другого. Дабы избегнуть опасных встреч, направились они, обогнув большую дугу, на юг от Мекки и так проследовали до самого берега; затем продолжали путь вдоль прибрежья, пока не решились перейти на торный путь между Меккой и Мединой. Пересекши его благополучно, поспешили далее, по боковым тропинкам. Спустя 8 дней после того, как беглецы покинули пещеру Саур, по всем вероятиям было это 20 сентября 622 г.', достиг Мухаммед, цел и невредим, Кубы, предместья Иасриба", лежащего в полумиле на юг от города.

Вот как произошло, по рассказам современников, знаменитое бегство пророка из Мекки в Иасриб (Медину); Хиджра*" и есть то событие, которое отделяет эпоху ислама, истинной веры, от язычества — Д ж а х и л и й а"". В 637 г. халиф Омар признал по всей справедливости этот момент за исходный пункт всей эпохи; и поныне ведется счет времени всеми мухаммеданами с этого знаменательного дня. И действительно, с переселением пророка тесно связаны и характер ислама, и его распространение, в особенности в Аравии. В Мекке Мухаммед был только духовным главой преследуемого и гонимого меньшинства. Отныне же явля-

' Число это не вполне достоверно, как и вся хронология этой эпохи ислама. Окончательное распределение разделения года наступило почти 10 лет спустя по особому предписанию пророка. Поэтому, чтобы составить хотя бы приблизительное понятие об известных событиях, приходится прибегать к разного рода комбинациям и некоторым случайным соображениям, применительно к языческому летосчислению, существовавшему у арабов. Так что если даже принять довольно гадательное число 12 КаЫ 1-го года хиджры за действительное, то и тогда верное определение времени события возможно в промежутки от 28 июня до 20 сентября 622 г.

" Очень понятно, что время путешествия изобилует необычайными приключениями и чудесами. Для характеристики достаточно привести, что герой одной из этих историй был Сурака, обращенный Мухаммедом лишь после покорения Мекки, а до этого не упоминалось о нем ни слова.

'" E 1-h i d s c h r a t u, по позднейшему произношению elhidschra или elhedschra; французы произвели отсюда свое hegire.

****El-dschahilija, глупость, незнание — в противоположение i l m e 1- j a k i n, верное знание, принесенное исламом.

ется он главным распорядителем в судьбе не только общины, заполонившей вскоре большинство жителей Иасриба, но и государственного устройства, в которое преобразилась эта община.

Из всего предыдущего изложения мы достаточно ознакомились с недостаточностью государственной организации во всей Аравии доисламского периода. Мы видели также, что главная побудительная причина удач и распространения веры зависела от господства между правоверными единства и миролюбия. Необходимо было тем или иным путем исправить царивший доселе беспорядок, заменить войну каждого против всех гражданским, государственным порядком. Если бы продолжалось так и далее, если бы вследствие ежедневно возникавших ссор один по-прежнему убивал другого, а при этом, естественно, возгоралась бы братоубийственная резня между двумя родственными племенами, то не было бы никакой возможности сохранить связь в общине. Из самой природы вещей поэтому вытекала потребность превратить церковное законоположение, действовавшее при обращении многих сотен людей разнородного происхождения, в государственное. То обстоятельство, что мусульмане сами пока ничего не понимали, что такое государство и государственное устройство, даже не имели соответственных терминов на своем языке, не имело, конечно, большого значения. Раз церковь увидела себя вынужденной упорядочить отношения, которые мы привыкли подчинять ведению государства, этим самым становилась она равноправной с государством. Силы ее к тому же сконцентрировались тем более, что исполнение государственных законов вменяемо было обязанностями религиозными. Но эта спайка духовного со светским имела, конечно, необходимым последствием принижение и фальсификацию содержимого идеальной веры; эта государственная религия и вместе духовное государство в самый момент своего возникновения содержали уже в себе зародыш порчи. Зато царство нового мира, которое воздвиг пророк, благодаря тому, что оно сначала настолько же опиралось на дурные, как и на благородные человеческие побуждения, в непродолжительный весьма срок достигло такого объема и блеска, какого ни один из одаренных политическим смыслом народов древности не мог выработать для своего государства ранее нескольких

столетий кровавых усилий.

Итак, был это чреватый событиями день, когда Мухаммед после четырехдневной остановки в Куба, где его шумно приветствовали толпы правоверных, переговорив предварительно с старейшинами племен, совершал торжественный въезд в город. Вокруг его верблюда теснилась толпа сотен новообращенных жителей. То там, то здесь, ликуя от радости, приветствовали пророка бежавшие из Мекки сподвижники; тут же глазели массы любопытных из числа язычников и иудеев; напряженно вглядывались они в чужестранца, выдававшего себя за пророка, подобного Моисею. Узрели они мужа, тихо проезжавшего на своей Касва, среднего роста, стройного по фигуре, с грудью широкой и крепкой, костистого по сложению; на туловище сидела больших размеров голова с высоким открытым лбом. Роскошные, слегка завивавшиеся волосы, длинная окладистая борода черного как смоль цвета, что нередко встречается у жителей юга, обрамляли худое лицо оттенка более светлого, чем это обыкновенно бывает у арабов, и покрытого здоровым, ярким румянцем. Из-под черных, дугою сросшихся бровей, из-под длинных ресниц сверкали нестерпимым блеском большие черные очи. Выразительность, которую они придавали всему лицу, усиливалась еще более продолговатым, слегка изогнутым носом. Когда он сошел со своего верблюда и стал подходить к дому, назначенному временным местопребыванием для гостя, всех близстоящих поразила его смелая, тяжелая поступь (которая позже изменилась в легкое припадание на одну ногу). Но самою величайшею особенностью его тела — быть может, это известие принесли с собою беглецы из Мекки — было пятно, или же нарост, между лопатками, что почиталось всеми правоверными за «печать пророчества». В личном обращении — и это изумляло приятно каждого — он соблюдал любезность и снисходительность. Некоторого рода благого- вение, которое внушало вначале всякому его появление, превратилось впоследствии, после частых с ним встреч, в любовь и почитание. Так описывает биограф первое впечатление, произведенное пророком на жителей Иасриба. Если и можно заподозрить его в некоторой доли пристрастия, нельзя во всяком случае отрицать, что во всем существе Мухаммеда было нечто глубоко симпатичное. Достаточно, впрочем, одного неоспоримого факта горячей личной привязанности, которую питали к нему в течение всей его жизни люди, подобные Абу Бекру и Алию.

Заботливо обсуждал Мухаммед со своими приближенными каждый шаг, делаемый им на чужбине. Чтобы не дать новой пищи старинному соперничеству между аус и хаз-радж, предоставил он «божескому руководительству» решить, в чьем доме должен он будет временно остановиться. Пророк опустил поводья. Когда Касва, по своему собственному побуждению, остановилась перед жилищем хазрад-жита А б у-Э и ю б а, честь приютить посланника божьего предоставлена была ему. Вскоре затем прибыла и жена пророка, Сауда*, вместе с двумя его дочерьми Умм Кулсум и Фатимой, сопровождаемая Зейдом, усыновленным его сыном. Старшая дочь, Зейнаб, еще в Мекке вышедшая замуж за одного из неверующих, осталась при муже, а Рукайя вместе со своим супругом Османом прибыла на новую родину еще ранее Мухаммеда с толпой переселенцев. Курейшиты не воспрепятствовали переселению родных его и Абу Бек-ра, точно так же отпустили и Алия. Они продолжали по-прежнему соблюдать свято древние арабские понятия о чести. В течение 11 месяцев пользовался Мухаммед гостеприимством Абу Эйюба. Меж тем на часть довольно больших денежных сумм, которые успел захватить с собою во время бегства Абу Бекр, куплена была близлежащая пустошь, и на ней строились два маленькие домика: один для Сауды, другой для Айши к предстоящему ее бракосочетанию. Впоследствии, когда число жен стало быстро возрастать, для

' Слог «ау» произносится в этом имени как немецкое «аи» в слове «Bauer«.

каждой из них строился новый дом возле построенных прежде; всех их насчитывалось 9, в них проживал и он — то в одном, то в другом. И ближайшие его родные, Осман и Алий, построили жилища непосредственно вблизи; другие же пришельцы строились где попало, внутри и вне города, там, где удавалось им найти место; так, например, Абу Бекр поселился в отдаленном на полмили предместье С у н х. Немедленно после переселения в свой собственный дом отпраздновал пророк бракосочетание свое с Айшей, воспользовавшись в первый раз свободой арабских нравов, допускавшей многоженство, и этим, конечно, одновременно отметил начинающееся отчуждение от христианства, к которому до сей поры относился одинаково дружелюбно, как и к иудейству.

К этому отчуждению увидел он себя вынужденным тем обстоятельством, что отношения в Медине указывали ему настоятельно на возможность сближения с иудеями. Надо было решиться на выбор, ибо он вскоре разочаровался в прежних своих иллюзиях, что все, поклоняющиеся единому Богу, имеют в сущности одинаковое откровение, нисколько не противоречащее его учению. Хотя иудеи Иас-риба не слыли за особых начетчиков Священного писания, но и здесь, несомненно, выступала резкая разница между ними и христианами, и потому Мухаммед, прилагавший все старания, на первых порах после бегства, привлечь на свою сторону иудеев, должен был волей-неволей отвернуться от христиан. С свойственным ему упрямством продолжал он неизменно держаться своего взгляда на тождество откровений; но христиане, учил он, подделали свои священные книги и самовольно внесли богохульные положения, что Бог — «единый в трех лицах», что он поставил рядом с собой божественность Иисуса и его Матери. По приведенному месту легко заметить, откуда черпал пророк свои сведения. Следует при

этом по справедливости указать на выдающуюся черту всех действий пророка; в своей ревности набирать как можно более последователей и благодаря неточно усвоенным религиозным представлениям был он всегда готов применяться, насколько возможно, к тем , которых обращение было в данную минуту всего желательнее. Поэтому, стремясь страстно залучить евреев если не в круг своей общины, то хотя бы в сферу своего влияния, он искал во что бы то ни стало случая прийти с ними в соглашение. Вот та побудительная причина, заставившая его явно и резко отвернуться от христиан. Меж тем еще недавно его влекло к ним если не истинное сходство обоих учений, то во всяком случае личная симпатия. Когда же позже он оттолкнул и иудеев, было слишком поздно завязывать сношения с христианами; путь ислама далеко разошелся с направлением древнейших религий, от которых он позаимствовал в главных чертах идейное содержание своего вероучения.

Ранее было уже упоминаемо о положении, которое занимали иудейские племена в Иасрибе. В недавней войне между аус и хазрадж они принимали деятельное участие. Помогая первым, презираемые последними и на том же основании дружившие с первыми, они представляли из себя силу. Приходилось во всяком случае считаться с нею, так как Мухаммеду вместе со своими нужно было сразу стать на твердую почву. И действительно, вскоре заботы об уравнении по возможности вышеупомянутых противоположений поглощают всецело внимание пророка. Необходимо было подготовить союз всех жителей Иасриба под его верховенством.

От одного из древнейших биографов Мухаммеда дошел до нас текст этого замечательного документа — результата успешного применения новой политической системы, первый опыт дать арабскому народонаселению правильное государственное устройство. Документ этот представляется в виде протокола, исчислены по порядку договорные пункты, по которым соглашаются различные группы жителей Иасриба на условия, ведущие к более покойным отношениям внутри и ко взаимной самообороне извне. Главные пункты этого соглашения следующие.

Правоверные курейшиты и жители Иасриба, равно как и все к ним примкнувшие, образуют отдельный народ по отношению ко всем остальным арабам.

Отношения правоверных выходцев из Мекки к аус и хазрадж определяются так мекканские переселенцы, равно как и отделы племен аус и хазрадж, решают самостоятельно свои собственные дела, главным образом уплату цены крови (виру), выкуп пленных, помощь обедневшим — воспрещается правоверным нанесение ущерба друг другу и возбуждение несогласий. Правоверный не имеет права убивать правоверного; если же он убил одного из неверующих, его родственник, правоверный, не может помогать неверующим против правоверного. Правоверные защищают друг друга против всех остальных; если к ним примкнут иудеи, они защищают и их и не должны никому помогать против них. Мир и война равно обязательны для всех правоверных, все они обязаны сражаться и мстить за кровь тех, которые пали в войне за дело Божье. Ни один из язычников, жителей Иасриба, не имеет права взять под свою защиту имущество и родственников языческих курейшитов. Кто убьет правоверного, подвергается кровной мести, если не удовлетворит родственников убитого уплатою цены крови. Ни один правоверный не смеет защищать или укрывать преступника. Всякая распря, возникающая между правоверными, представляется на суд Божий и Мухаммеда.

Пункты договора между правоверными и иудеями были следующие: иудеи вместе с правоверными облагаются равномерно налогом на расходы по общей войне. Союзники кланов племен аус и хазрадж во всех правах и обязанностях сообразуются с установлениями, существующими соответственно этих племен, но сохраняют свой культ наравне с мусульманами. Исключаются совершившие преступление, лишающее их прав как недостойных. Далее иудеи не имеют права предпринимать походов без согласия Мухаммеда. Только кровную месть могут они выполнять по собственному усмотрению. Свои общественные расходы иудеи, как и мусульмане, берут всякий на себя, но если угрожает нападение извне, то обе стороны обязаны нести военные издержки взаимопомощи по раскладке: обязаны общими силами защищать Иасриб. При раздорах, возникающих между иудеями и мусульманами, предоставляется решение Богу и Мухаммеду. Иудеи не имеют права защищать языческих курейшитов и их союзников. В случае ведения войны обязаны иудеи заключить мир, если этого пожелают мусульмане, и обратно. Исключаются войны, ведомые за религию.

Некоторые пункты договора действительно оказываются несколько подозрительными, они давали Мухаммеду особые, довольно широкие права. Но во всяком случае за первое время своего пребывания в Иасрибе пророк едва ли мог выказывать на них притязания. Конечно, иудеи, с того самого момента, когда старые недоразумения между аус и хазрадж окончательно были устранены, потеряли свое решающее положение. Все же число их и значение в городе были еще велики. Едва ли можно допустить, чтобы они добровольно отказались от права вести самостоятельную военную политику извне, которую Мухаммед «в делах религии» так определенно оставлял за собой; тем более невероятно, чтобы они сразу предоставили решения всех споров ему одному, в глазах их, во всяком случае, был он пока не более как человек партии. Между тем, по отношению отдельных подробностей договора чрезвычайно мало известно, почти ничего нельзя сказать определенного. Но об этих мелочах здесь не приходится и говорить, в общем же договор представляется таким, каким до нас дошел. Древний арабский партикуляризм был пощажен настолько, насколько каждому племени можно было предоставить заботу о своих собственных делах. Только оборонительное положение, к которому обязаны были примкнуть все на основании условий, исключало категорически язычников-курейшитов. И это было весьма есте-

ственно, так как Мухаммед и его сподвижники были приняты в Иасриб с согласия обоих племен, аус и хазрадж, то союзникам было неловко оспаривать этот пункт. Нет ничего поэтому удивительного, что и речи не было далее о необращенных еще членах обоих племен, также о возможности дружественных отношений их к мекканцам. Установившееся на государственных, так сказать, основах соглашение покоилось на признании более наружно и продолжающейся самостоятельности отдельных частей племени. А что в данном случае все должно вскоре измениться силой обстоятельств, язычники никаким образом не могли предвидеть. Трудно было им действительно подметить поистине революционный характер пунктов договора, определяющих отношения между собой правоверных. Для нас же, конечно, совершенно ясно без дальнейших объяснений все глубокое значение стремлений Мухаммеда: стоит только вспомнить, как радикально разделался он со своею подчиненностью племени. Отныне соединяет правоверных воедино понятие не племени, а религиозной общины. Обязанности, предоставляемые прежде семейным союзам, равно как и права их на кро-вомщение, взаимная защита, союз против всех чужестранцев — всем этим отныне ведает союз правоверных. Подобно тому, как некоторые раздоры между правоверными, не совсем еще заглаженные по старинным счетам, тотчас же прекратились, так же и наоборот, лишь правоверный с правоверным были связаны неразрывными узами, и возникало полное отчуждение к членам семьи, оставшимся неверующими. Союз, связывавший доселе родственников отдельных групп племени, одним ударом был порван. Все понятия солидарности членов племени по отношению к имуществу, чести и жизни перевернуты были вверх ногами. Во всяком случае Мухаммед поостерегся доводить свой принцип до крайних пределов, в особенности когда дело касалось достояния (имущества). Но и в этом отношении, желая оставаться последовательным, пророк в самом еще начале сделал одну попытку: он повелел побрататься 50 беглецам из Мекки со столькими же правоверными Иасриба. Отношения эти становились выше всякого родства, переживающий в каждой паре должен был наследовать умершему. Но он заметил вскоре, что из этого распоряжения могут возникнуть всевозможного рода замешательства и неудовольствия, и спустя год вынужден был сам отменить это нововведение. Самый факт, однако, что пророку возможно было, и так легко, потребовать от жителей Иасриба серьезной жертвы — отказаться немедленно и бесповоротно от глубоко укоренившихся в течение столетий арабских обычаев — не служит ли наилучшим доводом того, какое глубокое впечатление произвела его проповедь здесь, а с другой стороны — насколько восприимчивы были умы новообращенных по сравнению с полным равнодушием к делам религии мекканцев и остальных бедуинов. Положим, что пророк позаботился с самого же начала проводить с крайней строгостью предписания нового учения; но этого, без сомнения, он не мог бы совершить, опираясь только на полторы сотни беглецов, если бы не опирался еще на содействие большинства вновь обращенных. Необходимым последствием этого было, что так называемая «самостоятельность» племен числилась вскоре лишь на бумаге. В тех случаях, когда старейшины племен оставались еще в язычестве, правоверные обращались по делам своим не к их авторитету, а к авторитету пророка; отчуждение их от прежних соплеменников становилось все глубже, так что эти последние склонялись к более близким отношениям к посторонним неверующим. Поэтому вскоре возникли резко обозначенные прозвания мусульманина и язычника, и уже не было речи о каких-то Бену Ауф, Наджжар или Ка'б. Наступало наконец время, когда всякий правоверный считал своей обязанностью обращаться к Мухаммеду во всех своих недоразумениях. Не только по религиозным и государственным вопросам, но и по всем частным тяжбам нормой стало служить решение, произносимое во имя Бога Его посланником.

Таким образом, власть пророка становилась постепенно почти неограниченной по отношению к его общине. Впоследствии, по естественному ходу вещей, начала производить она сильное давление также и на остальных, необращенных жителей Иасриба. С удивлением и неудовольствием замечали они, как все более и более приходилось уступать этому пролазу их законное право на дела собственной своей родины благодаря непростительному недомыслию некоторых членов племени, предоставивших ему первоначально одно только гостеприимство и руководительство в предметах религиозных. Беспрерывные раздо- ры, возникшие из этого источника, на целый ряд лет отодвинули дальнейшее историческое развитие ислама.

Первое время, конечно, предстояло Мухаммеду и без того много хлопот. Надо было прежде всего постараться укрепиться прочно при новой обстановке: приходилось принимать меры, дабы теснее сплотить правоверных и насколько возможно, с помощью более тесного единения с иудеями, даровать своему учению окончательный перевес над языческими тенденциями. И действительно, он сумел обе эти задачи выполнить замечательно мудро. А если справедливость не всегда была на его стороне, избегнуть этого он не мог.

Орудием послужил наружный ритуал богослужения, который он почитал весьма плодотворным для своих целей. В Иасрибе, как и во всех почти городах полуострова, за исключением Мекки, не было храма. Совершать общее моление в каком-нибудь частном доме было неудобно для значительно разросшейся общины мусульман. Поэтому становилось настоятельною необходимостью позаботиться о постоянном месте богослужения: средоточие это потребно было как внешняя санкция внутренней сплоченности общины. Вот почему в тесной связи с постройкой домов для пророка и его родных решились одновременно воздвигнуть храм. Начертание его было квадратное, по другим свидетельствам — прямоугольное. В длину имел он 100 локтей, а в ширину, если не столько же, то от 60 до 70. Капитальные

стены, на 3 локтя от земли, выведены были из бутового камня; далее шла кирпичная кладка. Внутри поставлены были стволы пальм, поддерживавшие крышу из пальмовых ветвей. Из желания польстить иудеям Мухаммед предписал обращаться при молитве по направлению к Иерусалиму, т. е. к северу. Поэтому фасад строения тянулся с востока на запад. Главные двери выходили на юг, северная же стена была сплошная; в остальных двух пробиты были боковые двери, из которых восточная примыкала к жилищу пророка и предназначалась исключительно для его личного пользования. Пятикратно в день — при солнечном восходе, в полдень, пополудни, при закате солнца и перед отходом ко сну — можно было его видеть здесь, совершавшего предписываемые моления; в них участвовали и те правоверные, которым случалось быть поблизости. В полдень, в пятницу, собиралась по возможности вся община на особое богослужение: сверх читаемых обыкновенно молитв произносилась в заключение назидательная речь. Но и в другое время «место поклонения» (аль-месджид, отсюда — мечеть) было любимым местопребыванием Мухаммеда и его ближайших сподвижников. Здесь часто беседовали с ним местные жители и чужестранцы, здесь же решал он вопросы религии и права и возвещал откровения, ему ниспосылаемые. Если вникнуть хорошенько в роль, которую играют богослужебные обряды в исламе, и обратить внимание на то впечатление, которое они производят на толпу каждою из бесчисленных своих частностей, соблюдаемых молящимися с необычайным рвением, легко усмотреть, что весь этот сложный ритуал был делом тончайшего и в высшей степени удачного расчета. Я не могу себе даже представить, можно ли было идти дальше в этом направлении. И во всяком случае этот, по нашим понятиям, может быть, крайне утомительный, обрядовый формализм близко, по-видимому, подходил к арабским понятиям. Да иначе и быть не могло, так как араб же его и придумал. Сознательное намерение пророка, конечно, не шло далее простого указания, что богопочитание должно стать делом серьезным, вплетенным непрерывною нитью в повседневную жизнь каждого правоверного, дабы все существо человека преисполнялось исламом. Мухаммед не обладал большим даром изобретательности, поэтому собрал он воедино из разных систем все, что было ему известно. Чем менее был он в состоянии обнять «беззаветное почитание Бога», равно как и акт внутреннего обновления воли, тем в большей мере постарался он нагромоздить духовных формул и внешних знаков почитания, посредством которых правоверный мог бы ежечасно выражать удовлетворительно обязательное свое благочестие. Если оно и не было делом большой заслуги перед Богом как opus operatum, во всяком случае било прямо в цель, ставши сразу общепонятным для масс актом. К производимым ежедневно пятикратным, довольно сложного ритуала, молениям* присоединена была здесь, в Иасрибе, обрядность омовения, которая, весьма возможно, практиковалась неофициально уже издавна. При всех многочисленных, дающих повод к нечистоплотности в обыденной жизни случаях обязан был правоверный совершать эту операцию, в особенности перед каждой молитвой, как это было в употреблении отчасти у евреев и среди некоторых христианских сект. От евреев же перенял пророк, кроме киблы, обращения лицом при молитве к Иерусалиму, также и пост перед праздником «умилостивления» (10. Тишри). Если он не принял иудейской субботы, а назначил с самого начала пятницу днем всенародного богослужения, это произошло вовсе не из желания перечить иудейским тенденциям, а имело одно основание, чтобы иудеи, с которыми в субботу нельзя было ничего поделать, имели возможность также присмотреться к обычаям правоверных и, как он вначале надеялся, постепенно принимать в них участие.

Если он обманулся в этом, то все остальное предписываемое им долгое время исправно исполнялось, и успех превзошел питаемые им надежды. Предстояли лишь временные затруднения насчет поддержки и пропитания бегле-

* Еще не вполне исследовано, не были ли эти различные телодвижения, поклоны и т. п., связанные с молитвой, лишь агломератом различных обрядностей, заимствованных у других религиозных общин. Подобная же тенденция к беспрестанному повторению коротеньких религиозных возгласов и составляет тот набожный жаргон, введение которого или по крайней мере образование можно отнести к тому же самому времени; он сохранился и поныне. Вместо «доброго утра» стали говорить «мир с тобой», при каждом воспоминании о Боге прибавлялось постоянно «святой или высочайший», каждое намерение сопровождалось прибавлением «если так Богу угодно» и т. д. Страсть к библейским оборотам прежних святош (пуритан), говоривших на так называемом ханаанском наречии, еще в большей степени свойственна мусульманам: слово «Господь» они готовы бы, кажется, писать большими буквами, если бы только это допускал арабский шрифт. Очень тонко передают французы словом salamalek (salam-alewk - «мир с тобою») всю чрезмерную преувеличенность, все уродливое гримасничанье приторной вежливости.

цов, переселившихся вместе с ним в Иасриб и обедневших вконец. Даже зажиточные из числа окружающих Мухаммеда потеряли большую часть своего состояния в долгие годы преследований. Так, например, Абу Бекр привез с собой лишь 5000 из 40 000 дирхем", которыми он прежде располагал. Несмотря на всю готовность новообращенных к пожертвованиям, все же было весьма трудно содержать более или менее сносно всех неимущих. Все они, очень естественно, ждали помощи от пророка и расположились поэтому лагерем возле самого его дома, под некоторого рода верандой, вблизи мечети; поэтому их и называют людьми «веранды»". Зависимые во всем от Мухаммеда и все же, вероятно, недовольные, эти пролетарии составляли наименее почтенный элемент общины, но зато оказывались способными на всякого рода службу янычарскую. Надо было позаботиться о них и других нуждающихся, потребовалось обложить правоверных постоянной податью. Таким образом, призрение бедных стало навсегда обязанностью ислама. Милостыня (зекят) преобразилась постепенно в формальный налог, сбор которого обращался впоследствии и на другие насущные предметы «путей господних» и стал наконец

главным источником исламской государственной казны. Почетнейшие мужи из числа м у х а д ж и р, бежавших с пророком вместе'", много испытанные, надежные Абу Бекр, Омар, Хамза, Зейд, Алий и иные, с которыми по-

' Слово dirhem греческое, dracmh «драхма». До Мухаммеда и некоторое время спустя арабы не имели собственной монеты; деньги вообще были между ними величайшею редкостью, если же и встречались, то византийская и персидская монеты. Вот почему и названия заимствованные: dinar (т. е. золотой динар аигеиз) и dirhem. Первый был стоимостью приблизительно в 5 р. зол., а последний равнялся 25 к. сер. Но при колеблющейся относительной стоимости золота и серебра (последнее на Востоке стояло вообще весьма высоко), при полном нашем незнании номинальной стоимости их в тогдашней Аравии трудно даже приблизительно подсчитать цену их сравнительно с нынешними нашими.

" По-арабски Ахль-ас-суффа. От слова суффа происходит наше слово софа, собственно мебель на ножках, подобно веранде на столбах.

*" По-арабски аль-мухаджирун «бежавший из родины», в сокращении — -'беглецы».

сланник Божий ежедневно совещался, считались истинными столпами веры. Чудное дело, приходилось как-то всегда так, что тот или другой из них высказывал мнение, совершенно совпадающее с божьим решением, передаваемом в виде откровения, почти одновременно, ангелом Гавриилом, всегда готовым к услугам. К этой маленькой группе, переросшей всех остальных по личному значению и доверию Мухаммеда, все быстрее и быстрее стали присоединяться *люди* Иасриба, принимавшие охотно ислам. Позднее они получили почетное название А л ь-А н с а р — «помощники», «союзники». И между ними также встречались люди почетные, так, например, С а'д И б н У б а д а, глава Б е н у С а'д а, отдела племени хазрадж. Чаще же всего были это люди молодые, пыл воодушевления которых не простыл еще. Они-то всего более увлекали примером своим и других, вскоре и таких, которые не выказывали особенного влечения к делу мекканца и примыкали к исламу притворно, имея в виду личные интересы. Таким образом, в непродолжительном времени образовалась довольно значительная община, в нее, по-видимому, вошло большинство аусов и хазраджей. Открытое идолопоклонение вскоре совершенно прекратилось в городе. А вместе с ним улетучивались также и некоторые элементы, лишь с виду стоявшие ближе к новой вере.

Кому кому, а у ж А б у А м и р у следовало, казалось, приветствовать с горячей симпатией прибытие пророка. Принадлежа к племени аус, он, как говорят, познакомился с христианским учением благодаря своим частым поездкам в Сирию и отвернулся от языческих богов. Его считали за ханифа, приверженца одной из христианских сект с оттенком некоторого рода монашеского аскетизма. Маленькую общину, которую втихомолку собрал вокруг себя Абу Амир, неприятно поразило шумное выступление Мухаммеда, окруженного толпой жаждущих прозелитизма правоверных юношей, хотя пророк в своих «божественных откровениях» не преминул похвалить ханифов и, по своему обычаю, постарался отождествить *с* ними свое собственное учение. Как мог, в самом деле, суровый аскет преклониться перед тем, что казалось ему лишь искажением чистого дела, которому посвятил всю свою жизнь. С 20 единомышленниками, которых ранее склонил на свою сторону, оставил Абу Амир родину и ушел к мекканцам, уподобляясь в этом своему противнику, — он предпочел порвать с племенем, чем отказаться от своих убеждений. Мы еще встретим его в толпе курейшитов. В тот момент, когда эти последние слагают оружие перед победоносным исламом, он продолжает сражаться вместе с жителями Таифа против Мухаммеда. А когда и здесь становилось невозможно сопротивление, упрямый сектант ушел в Сирию, чтобы поднять византийцев против обманщика. Но здесь смерть застигла покинутого своими, одинокого чужеземца. Некогда, побуждаемый религиозным рвением, этот неисправимый идеалист бранил и поносил дерзко Мухаммеда, а теперь встретил трагическую развязку. Другой же благодаря своему «здоровому реализму» избег ее счастливо.

Не в той, конечно, мере, как этот характерный человек, заслуживает некоторого участия масса «полуверов», число которых было достаточно и в Иасрибе. Это были люди, не могшие с горячностью примениться к новой вере, но не переставшие при этом придерживаться старинных рутинных понятий. Они не в силах были совершенно отстраниться от остальных членов племени, примкнувших к исламу. Дело в том, что религия отдельных лиц продолжала по-прежнему составлять частное дело каждого, и никому не воспрещалось обращение. Если бы обращение масс случилось одним разом, то приверженцы старых порядков в конце концов восстали бы, конечно, они попытались бы выступить против захвата чужеземцами власти с оружием в руках. Но дело ислама шло иначе: исподволь, шаг за шагом были отодвигаемы язычники на задний план, постепенно, почти незаметно. Авторитет старейшин племени не был отрицаем сначала открыто, но медленно подтачиваем, так что ни в одном отдельном случае нельзя было упрекнуть Мухаммеда в нарушении хотя бы единой буквы соглашения; многие простодушно продолжали считать союз за один только простой оборонительный договор. Ко всему этому следует прибавить, что человек, ставший во главе недовольных, хотя и талантливый, не обладал твердым характером. В сказаниях сохранилось, что племя хазрадж в то время, когда велись первые тайные переговоры с пророком, успокоено было обещанием, что предводитель их Аб-дулла Ибн Убайи получит корону. Это известие, почерпнутое из позднейших легенд, очевидно, выражало желание правоверных сопоставить ничтожество земных стремлений к власти рядом *с* божественным правом пророка. Если бы и действительно обещана была ему корона, этот человек не был бы в состоянии ее носить. Как ни честны в сущности были колебания, помешавшие ему стать во главе

своих соумышленников и вызвать на бой этого пройдоху с кучкой ослепленных им же земляков, нельзя, однако, не заметить, что это выказывало хотя и предусмотрительного, но вместе с тем и нерешительного человека, который не был рожден для власти, у которого отсутствие веры в сверхъестественное не восполнялось величием духа. Ничего нет поэтому удивительного, что он, а с ним и большинство единомышленников должны были в конце концов ради мира и спокойствия согласиться также примкнуть к исламу и наблюдать нерушимо и далее раз заключенный договор. Но при этом нерешимость его не покидала: всякий раз, когда Мухаммед нуждался в посильной помощи, отправляясь в какую-нибудь дальнюю экспедиции за город, и вызывал охотников, он старался помешать, а в то же время пропускал случай докапать противника, когда пророк терпел какую-нибудь чувствительную неудачу. Был он, несомненно, честный, добросовестный человек, но в его добросовестности ощущалось нечто слабое, а его честность благодаря частым ложным положениям, в которые волей-неволей ставил он себя, не могла оставаться незапятнанной, ибо он со своими приверженцами не мог оправдывать некоторых совершенных им насилий и вероломств набожностью целей. Поэтому по сравнению с мусульманами образ действий его партии не всегда казался поступками неуклонно безупречных людей. Тем не менее они вечно тревожили пророка. То, что «сердце их точила неизлечимая болезнь» — как выражено в Коране весьма метко, хотя и в особенном смысле, — это нисколько не беспокоило пророка; но он не был никогда уверен и не мог рассчитывать на них. Между тем в силу исключительных обстоятельств он должен был обходиться с ними по возможности мягче. Ему приходилось с крайнею заботливостью остерегаться и не доводить до взрыва дремлющий гнев противников, который мог легко стать гибельным для всей общины, угрожаемой долгие еще годы мекканцами и другими внешними неприятелями. Если они не решались открыто взяться за оружие, зато как часто выказывали свое неудовольствие в едких эпиграммах, щедро уснащенных самыми обидными сравнениями. «Накорми собаку, она же тебя укусит» было любимейшей темой их, бесконечно варьируемой. Но если эти самые «лицемеры»* стесняли и сердили пророка на разные лады, о чем встречаются неопределенные, хотя и достаточно понятные намеки в самом Коране, все же никогда они не становились серьезно опасными. Поэтому Мухаммед довольствовался одними частыми предостережениями своим правоверным сторониться вообще яда лицемерия, не позволяя, однако, себе при этом никаких намеков на известные сомнительные личности. По мере того как неудержимо рос извне успех могущества ислама и внутри города число лицемеров все уменьшалось, со смертью же Абдуллы Ибн Убайи (630 г.) они исчезли совершенно.

Более головоломным, чем с лицемерами, было для Мухаммеда ладить с иудеями. Расчитывая на них как на положительных монотеистов, пробовал было он, дабы сделать для них более приятным ислам, осыпать похвалами в напыщенных декламациях Моисея и Аарона, а также приме-

" E l-munafikun — значит, собственно, «старающиеся укрыться». Слово это употребляется в прямом смысле, когда говорят о прыгуне, укрывающемся в норку, а в переносном значении применяется к каждому фальшивому намерению, тщательно маскируемому злоумышленником. Под словом ггшпаПк филологи подразумевают того, «кто укрывает в сердце неверие, а на языке выражает веру». В данном случае, собственно, «лицемер» тот, кто признает ислам единственно ради сохранения в городе тишины и спокойствия.

нять к исламу некоторые особенности богослужения иудейского. Но иудеи знали хорошо, что имели и продолжали держаться в стороне от нового пророка. Спервоначала хотели они убедиться, насколько достоверны заверения этого человека, что древнюю, прародительскую божескую истину, открытую некогда Авраамом и Моисеем, действительно он унаследовал и в состоянии правильно передать согласно вновь осенившему его вдохновению свыше. Они стали предлагать ему один за другим разного рода вопросы о предметах, взятых из Ветхого завета и талмуда, желая испытать знание его в Священном писании. Познания Мухаммеда в Библии ограничивались, естественно, только тем, что он перенял когда-то из бесед с иудеями и христианами. Понятно, часть этих рассказов он уразумел едва наполовину", а потому и отвечал на делаемые ему вопросы довольно неудовлетворительно. Лишь только сыны Израиля заприметили его шаткость, это их заинтересовало до такой степени, что с этих пор им доставляло истинное наслаждение закидывать его всевозможными щекотливыми вопросами. При случае пользовались они его невежественными ответами и вышучивали пророка везде, где только было возможно: промеж себя, в среде лицемеров, а даже иногда и его почитателей. Но такой порядок вещей становился для Мухаммеда в высшей степени опасным. В Коране не раз самым положительным образом упоминалось о тождественности его учения с Моисеевым. И вдруг оказывается, что это в действительности не так. Какой сильный и не легко исправимый удар могло нанести это опровержение доверию к учителю правоверных! Мухаммед боролся, разумеется, как умел. «Эти иудеи, — так объяснялось отныне в его откровениях, — исказили, подобно христианам, Священное писание, преподанное им Моисеем. Вот в чем следует искать источник всех противоречий иудейского закона с новой, ныне небом ниспосылаемой чистой истиной». Право-

• Из сличения текстов некоторых мест Корана оказывается, например, что пророк лишь постепенно дошел до убеждения, что Исаак — сын Авраама.

верные успокоились на время. Тем не менее соседство таких сварливых и искусных спорщиков становилось для пророка более чем неприятным. Без устали громит он отныне в своих к о р а н а х закоснелых детей Израиля, приводит все их грехи, которые когда-либо совершали они против людей Господа (пророков), и угрожает им всевозможными небесными карами. Равновременно разрывает он с ними всякую связь на самом деле: уже на второй год после бегства (623) он изменяет распоряжение обращаться при молитве (Kibla) по направлению к Иерусалиму и пост в день умилостивления. Вместо первоначального указания предписывает обращаться при молитве в направлении к Мекке, а пост переносится на день принесения жертв, совершаемых в заключение мекканских паломничеств, на десятое 3 у-л ь-х и д ж ж и. Равным образом вводится всеобщий пост в месяце Рамадане*. К этому же времени относится введение обычая призыва на молитву (азан), заменяющего трубы у иудеев и колокола" у христиан. Благодаря своему зычному голосу эту обязанность исполнял сперва Билаль.

Перемена киблы есть событие значительно важнейшее, чем может показаться с первого взгляда. В Мекке Мухаммед воевал против идолов, а не против издревле установленных церемоний, которых средоточием была Ка'ба. Как «дом Аллаха» оставалась она по-прежнему для него, бывшего жителя Мекки, святыней. Когда он покинул отчий город и стал рассчитывать в будущем прежде всего на иудеев, Иерусалим — как это видно из его «ночной поездки» — рисовался в его мечтах целью, а позднее — идеальным цент-

' По персидско-турецкому произношению Рамазан. Этот пост был, может быть, и подражатель 40-дневному посту христиан, согласно продолжительности обоих, но Рамадан приходился в день его установления не перед Пасхой, а в декабре. По своему обыкновению и в данном случае Мухаммед старался применить к арабам подмеченное им у одного аскета ханифа умерщвление плоти, на это и назначал он один из арабских месяцев.

" На Востоке в общем употреблении накус — длинные деревянные колотушки. Ими ударяют одна об другую. (По-русски такое орудие называется «било». Прежде оно заменяло колокол в монастырях.)

ральным пунктом всей общины. Но этого оказалось недостаточным, чтобы обеспечить признание его иудеями; сопротивление их понудило его выступить на исключительный путь арабизирования, а потому и вернуло его снова назад к настоящей арабской святыне, Ка'бе. Таким образом, во второй раз сами противники учения вынудили его против воли прокладывать новую дорогу, которая решительно повела к победе. Теперь только освобождается ислам окончательно от связи с последней древней религией, из которой по преимуществу черпал он идеальное содержание своего учения. Оригинальным в его догматике — за исключением весьма немногого, касающегося скорее лишь внешней стороны, — является арабизирование христианско-иудейских вероучений, начавшееся с того, что дом Божий в Мекке становится на место иерусалимского христианского храма, расположенного на святой горе иудейского бога. Соответственно этому все помыслы Мухаммеда последующего периода устремлены на то, чтобы подогнать свое учение, насколько возможно, к преданиям и предрассудкам древней Аравии, лишь бы только не расходилось оно с главным положением о единстве Божием и с его притязаниями на значение его как величайшего из пророков. Из тесных границ христианско-иудейской секты ислам высвобождается сразу в национальную религию всего арабского народа. Рядом с этой тенденцией является неудержимое стремление покорить силой оружия неверующих мекканцев, ибо было невозможно допустить, чтобы дом Божий оставался в руках язычников. Нельзя сказать, чтобы и без того можно было избегнуть столкновения. Первые неприязненные действия начались ранее перемены киблы. Но теперь рвение к борьбе с курейшитами удвоилось, стремление к Ка'бе становилось все сильнее, по мере того как подымалось в глазах мусульман ее значение. Может быть, уже на третьем или четвертом году после бегства (625—626 гг.) стал обязательным х а д ж ж — участие в древненациональных паломнических празднествах — для всех правоверных. Он откладывался лишь на время, по обстоятельствами невозможное, но считался уже религиозной обязанностью. Ею окончательно должен был сплотиться чистый монотеизм с национальными традициями.

Главнейшие указания для только что набросанного выше очерка развития ислама в первые годы пребывания Мухаммеда в Иасрибе опять-таки слагаются из тех проявлений, которые отмечены в Коране по отношению к отдельным партиям и событиям. Новым отношениям соответствовала перемена как формы, так и содержания откровения того времени. Известные стереотипные обороты мекканского периода все еще продолжают пестрить в речах пророка, но становятся томительно однообразными; внутренняя жизнь как бы замерла, старинные фразы свидетельствуют некоторым образом лишь о непрерывности откровения. Одни только легенды о пророках, служащие ныне главным образом для предостережения детей Израиля, напоминают еще старый стиль. Во всем остальном вместо преподания религиозных истин выступают обширные предписания, касающиеся устройства политической и церковной жизни правоверных. Прежние нападения на язычников заменяются нескончаемыми иеремиадами, уснащенными более или менее крупными ругательствами и угрозами по адресу иудеев и лицемеров, а изредка и христиан. Широкое место занимают затем отделы, содержание которых можно ради краткости обозначить как дневные приказы и бюллетени в наполеоновском духе. В них призываются правоверные к войне, превозносятся чудеса храбрости, гремит с кафедры порицание за опасные проступки непослушания. Первоначальное пылкое воодушевление мечтательного исповедника единого Бога совершенно пропадает у стареющего пророка и не может быть возмещено

ни искусственной напыщенностью речи, ни притворным жаром. Форма энергических, коротеньких предложений с резко обозначенными созвучиями по концам превращается в довольно обыденную, утомительно тягучую прозу, в которой невнимательно, неточно расставленные рифмы через две или три строчки тонут почти незамеченными. Поэтому чтение значительно более объемистой части всего Корана становится крайне утомительным для всякого, рассчитывающего на некоторое эстетическое наслаждение, и даже невыносимым, если продолжать усердствовать далее. Зато раздел этот представляет для желающего изучить более основательно историю того времени и развитие религиозных и законодательных предписаний ислама богатый, доселе далеко не исчерпанный материал высокого фактического интереса.

Приблизительно к концу 622 г. положение Мухаммеда в Иасрибе, в «Городе» (Аль-Медина), как его все чаще и чаще* стали звать, значительно упрочилось. Не только пророк мог положиться, как на самого себя, на своих «беглецов», но и число «помощников» постоянно прибывало; по мере их увеличения они также стали оказывать похвальное рвение к делу Господнему. Вскоре был он в состоянии попробовать посчитаться с мекканцами. Хотя по арабским понятиям они имели полное право объявить войну изменнику племени и всем, которые оказывали ему поддержку, но миролюбивые купцы об этом и не думали; он же с своей стороны никоим образом не помышлял оставить их в покое. Слишком уже часто возвещал пророк грозно, что Бог решил истребить тех, которые отвергают Его истины. Его долгом было привести в исполнение божественное повеление, лишь только найдутся в руках соответственные средства. В данный мо-

' Кажется, еще до прибытия пророка жители Иасриба называли свое место меж собой чаще всего «городом» в противоположение предместьям, вместе с которыми «город» получил собирательное имя Иасриба. Слово МесНпа происхождения арамейского, очевидно, заимствовано от иудеев, поэтому, вероятно, и у первоначальных жителей, до переселения племен аус и хазрадж, было уже, несомненно, в употреблении. Для обозначения города вообще это название употреблял Мухаммед в Коране не раз и прежде; он позаимствовал его, как и многие чужестранные слова, от своих знакомых иудеев и христиан. В договоре значится одно официальное имя Иасриб. Мало-помалу привыкает он сам и его последователи к наименованию «город», так что впоследствии название Иасриб совершенно вытесняется. Под «городом» — А л ь-М е д и н а — разумели «мединет-ан-набий», т. е. «город пророка», и к этому выражению вскоре привыкли.

мент были они, конечно, незначительны, «помощники» обязывались защищать его лишь в случае нужды, а со своей кучкой мухаджиров не мог же он серьезно начать формальную войну с курейшитами. Но вредить им он желал, насколько было в его силах, и чем скорее, тем лучше. К тому же между его приверженцами нужда все росла: предстояли большие затруднения по прокормлению «людей веранды». В подобных обстоятельствах араб привык таскать у ближайшего соседа то, чего не хватало у него. Поэтому правильные рейсы мекканских караванов в Сирию и Йемен, из которых к тому же первые проходили невдалеке от Медины, манили легкой добычей, стоило только вооруженной толпой напасть внезапно. Первые маленькие отряды стал он высылать на подобные хищнические экскурсии с декабря 622 г. и продолжал действовать так по октябрь 623 г., частью предводительствуя ими сам. Все эти попытки кончались пока неудачей; то нападение опаздывало, то осторожные курейшиты успевали вовремя ускользнуть, то охрана была слишком велика, то за караваны вступались соседние племена. Тем не менее экспедиции эти имели впоследствии некоторый успех. Удалось тем временем заключить мирные и дружественные договоры с некоторыми маленькими племенами, кочевавшими на пастбищах между Мединой, Меккой и морем, и таким образом политическое влияние ислама начало распространяться и за стены Медины. Но добыча все еще никак не давалась, а в ней-то и ощущалась главная потребность. Пророк решился наконец пустить в ход одно весьма сомнительное средство. Приближался Р а д ж а б, один из четырех священных месяцев, когда по всей Аравии наступает всеобщий мир. Как раз в это время Мухаммед послал одного из своих, грамотного, по имени А б д у л л а И б н Д ж а х ш, вместе с семью другими головорезами с запечатанной инструкцией на разведку вокруг Мекки, по пути из Нахлы в Таиф. Когда Абдулла в предписанном ему месте распечатал бумагу, нашел приказание, в котором предписывалось сообща со спутниками по их добровольному согласию «подстерегать» курейшитов. И действительно, вскоре подошел караван, везший из Йемена изюм и кожи под кон- воем четырех курейшитов. Меж тем как раз наступил священный месяц. Инструкция Мухаммеда написана была двусмысленно, и мнения о ее содержании раздвоились, но, как и всегда бывает в подобных случаях, перевес окончательно имели более ревностные. Итак, сделано было нападение на караван, одного из сопровождавших *убили,* а двух, взятых в плен вместе с захваченными товарами, увлекли в Медину. Слишком поторопившихся ждала там неприятная встреча. Пророк, по-видимому, был в высшей степени изумлен; он объявил торжественно, что никому не приказывал сражаться в течение святого месяца. Вместо того чтобы разделить добычу, как это было в обычае, он приказал отложить ее в сторону. Вслед за тем стал он обвинять своих подчиненных с искусством опытного дипломата, так что их взяло отчаяние, тем более что и другие мусульмане, следуя примеру главы, осыпали их самыми горькими упреками. Присоединились к порицателям и иудеи; по своему обыкновению, они преследовали несчастных всевозможными колкими остротами. В свою очередь мекканцы были возмущены и всюду стали громко жаловаться, что подчиненные Мухаммеда не уважают даже священных месяцев. По одному этому можно судить, добавляли они, что это за отчаянный народ.

Мухаммед дал время улечься первому взрыву негодования, а затем возвестил следующее откровение (сура 2, 214). «Они спрашивают тебя о священном месяце, о войне во время него. Скажи: война во время него великий ли грех, а уклоняться от путей Божиих, не веровать в него и святой его дом, изгонять из него посещающих его не больший ли еще грех пред Богом? Богоотступничество губительнее убийства. Они дотоле не перестанут воевать с вами, доколе не учинят вас отступниками от вашей веры, если смогут сделать это. Истинно говорю вам — тех, которые уверовали, покинули родину (вместе с тобою) и ревностно' подвизаются по стезям Бо-жиим, ожидает милосердие Господа, а Бог многое прощает,

' «Подвизаться ревностно по стезям Божиим» для мусульманина значит по преимуществу воевать с неверными. Поэтому соответственное слово (джихад) принимается обыкновенно в смысле священной войны.

всемилосерд». И здесь, как видите, ягненок замутил воду. Так или иначе, отныне обелены были набожные разбойники, добычу поделили, а с мекканцев, которые волей-неволей должны были позаботиться об освобождении пленных, вытребовано было за каждого по 1600 дирхем. Однако один из взятых предпочел обращение и остался в Медине.

Если кто взглянет на ход всей этой маленькой истории без предвзятой мысли, едва ли усомнится, что двоемыслие в записке пророка было намеренное. Мухаммед знал своих людей, и он сам был уже совсем не тот, каким выказывался в Мекке.

Курейшиты продолжали в интересах своей торговли не нарушать мира как можно долее, а потому не принимали никаких мер для отомщения. Дальнейший ход событий зависел поэтому всецело от Мухаммеда, а так как он явно желал войны, то и стал к ней готовиться. Меж тем число «помощников» постепенно возрастало, вместе с тем увеличивалось их доверие, тем более что страсть к добыче действовала заразительно. Лишь только выяснилась надежда на успех, являлись виды, сверх оборонительного союза, на возможность дальнейших уступок. К этому же времени следует отнести новое откровение Божие, которым ставится правоверным в обязанность религиозную полное и не-отложное покорение оружием неверующих: «Сражайтесь, следуя по пути Божьему, с теми, которые сражаются с вами, но не переступайте границ (какое, подумаешь, ограничение), потому что Бог не любит несправедливых. Убивайте их, где ни застигнете, изгоняйте сих оттуда, откуда они изгнали вас. Богоотступничество губительнее убийства (сура 2, 186)». А несколько далее: «Вам предписана война, хотя она для вас неприятна. Но, может быть, вы чувствуете отвращение от того, что добро для вас, и, может быть, любите то, что составляет для вас зло: Бог знает, а вы не ведаете (сура 2, 212)». Известная истина: приверженцы большинства религий считают необходимым прийти на помощь своему Богу, святые Его намерения закрепляют убиением им же сотворенных людей. Но необходимость подобных мер в одном только исламе обозначена в форме краеугольного камня всего учения, и это потому что религия стала делом национальным, арабским. Народу этому невозможно было втолковать, что противоположные идеи побеждаются и мирным путем.

Повелению этому соответствует известный обет, данный Богом: «И тех, которые бежали и были изгнаны из домов своих, терпели лишения на пути Моем, участвовали в битвах и были убиты, очищу Я от грехов их и введу их в сады, по которым текут реки (живой воды)» (сура 3, 194). Известно всем, с какою беззаветною храбростью это сознание награды временами и поныне в состоянии воодушевить сердца мусульманских воинов, а впечатление, производимое этим обетом на умы первых правоверных, даже трудно себе представить хотя бы приблизительно. Ничего нет удивительного, что по зову пророка второго Рамадана (приблизительно в январе 624 г.) поднялись 83 беглеца на новый хищнический набег; к ним примкнули 61 человек из племени аус и 170 хазраджей. Высланные шпионы принесли весть, что большой мекканский караван, под предводительством Абу Суфьяна, из дома Омейи, выслеживаемый еще с осени на пути в Сирию, возвращается назад и приближается к Хиджазу. В воскресенье, 8 января 624 г., выступило маленькое войско мусульман — некоторые вынуждены были по особым обстоятельствам остаться дома — в числе 306 человек с 70 верблюдами и 2 лошадьми, направляясь на запад. Но осторожный Абу Суфьян, предуведомленный сверх того распространившимися слухами о затеваемых в Иасрибе военных приготовлениях, отодвинулся с караваном к прибрежью и потянулся вдоль его на юг. При первых тревожных известиях он тотчас же выслал вперед гонца одновременно и в Мекку, требуя для слабого прикрытия каравана подкреплений. Караван был из крупных, стоимостью в 50 тысяч динаров (600000 марок). Почти все жители стали вооружаться, у каждого находилось там кое-что из имущества, интерес был общий; поднялось большинство горожан, способных носить оружие, во главе их стали первые мужи племени Абу Джахль (Амр Ибн-Хишам) из дому Махзум, Утба и Шейба, дети Раби'и из племени Бену Абд Шемс, Омейя Ибн Халаф из семьи Джумах. Даже хашимиты, родственные Мухаммеду, не задумались выступить в поход против отверженца; один только дядя пророка Абу Лахаб, более всех его ненавидевший, случайно не участвовал в экспедиции. Отряд немедленно же, спустя дня два, не более трех после прибытия гонца выступил к северу. Было их 950 человек с 700 верблюдами и 100 лошадьми, стало быть превышал втрое горсточку мусульман. Между тем правоверные поспешно двинулись на Бедр, обыкновенную станцию караванов, в 20 милях на запад от Медины, в 40 на северо-северо-запад от Мекки; там находилось множество ключей хорошей, годной для питья воды. Не успели они достигнуть этого пункта, как узнали, что караван, предводимый Абу Суфьяном, успел пройти усиленными маршами опасное место и находится почти в безопасности, но что вблизи

двигается войско мекканцев, в превосходных силах. И действительно, хотя караван ускользнул и ближайшая цель похода достигнута, мекканцы не задумались двинуться вперед и подступить к самому Бедру. Одни из них жаждали мести, памятуя коварное нападение у Нахлы, другие же предполагали, что правоверные не осмелятся померяться с тройными силами противников. Особенно настаивал Абу Джахль, объясняя, что отступить в данный момент значило возбудить подозрение в явной трусости. Решено было подойти к самым источникам Бедра, простоять там три дня, все время есть, пить и веселиться, что, конечно, произведет благоприятное впечатление на остальных арабов и вдохнет в них уважение к мекканцам. Но он упустил из виду одно, что то же опасение быть признанными трусами воспрепятствует мусульманам подумать об отступлении. И действительно, на созванном пророком военном совете единогласно и с необыкновенным воодушевлением принят был вызов на бой. Правоверным удалось предупредить противников и достигнуть первыми окруженную со всех сторон горами и холмами, замкнутую долину Бедр, где находились источники. Здесь Мухаммед приказал остановиться, занять лучшие и самые обильные колодцы, а остальные завалить, дабы лишить курейшитов воды. Мероприятие весьма разумное, но в данном случае осталось без особых последствий, ибо незадолго перед тем прошел сильный дождь. Во всяком случае мекканцы очутились в неудобном положении, их предупредили. Возбуждение с обеих сторон было сильное. А л ь-А с в а д, из семьи Махзум, поклялся, что напьется из колодца или же в крайнем случае разорит его, хотя бы пришлось при этом ему погибнуть. 17 Рамадана (приблизительно 13 января 624 г.) двинулись неприятели на позицию, занимаемую Мухаммедом.

Манера древних арабов воевать напоминает во многих отношениях образ действий героев Гомера. Оба войска вытянулись друг против друга на открытой местности. Тотчас же выступили из рядов известнейшие воины и стали вызывать мужей противной стороны на единоборство. С обеих сторон присматривались к отдельным схваткам с напряженным вниманием. Победа или поражение возжигали обоюдные страсти, мало-помалу развивалась беспорядочная рукопашная схватка, причем результат чаще всего зависел скорее от случайности, чем от числа и мужества сражающихся. Чаще же всего в сражении в поле старались арабы сломить неприятеля неожиданным нападением. Если это им удавалось, наступала ужасная резня. А когда неприятель был настороже, то нападающие полчища рассыпались во все стороны с такою же быстротой, как и налетали. При Бедре правоверные не могли и подумать предпринять подобное нападение. Вообще в Аравии тогда было мало лошадей, а у Мухаммеда в то время почти не было ни одной, так как в военной кассе, а также и у отдельных зажиточных мусульман, чувствовался сильный недостаток в средствах. Но пророк знал, что может смело положиться на своих людей: правоверные издавна приучены были к безусловному повиновению, чего в те времена ни один араб не мог даже понять. Этому научились они, пунктуально наблюдая при молитве и механически подражая каждому жесту молившегося перед ними пророка; они привыкли сдерживать движение членов, а равно и порывы духа по одному лишь мановению властелина. Весьма метко прозвали некоторые храм Медины «плац-парадом ислама». Поэтому при первой же пробе выказали мусульмане блестящим образом, что им не только знакома, но вошла в плоть и кровь тайна всякого военного успеха — дисциплина. Стеной стояли они, когда наскочила на них сотня всадников курейшитов под предводительством У м е й р а И б н В а х б а, из дома Джумах: увидя, что их не прорвать ни за что, отступил он немедленно же, не вынимая даже из ножен меча. Теперь двинулись пехотинцы Мекки и медленно подошли совсем близко: по-прежнему стояли неподвижно правоверные, следуя внимательно указаниям предводителя. Тогда выступили вперед, между обоими боевыми порядками, А м и р И б н Ал ь-Х а д р а м и, брат которого пал у Нахлы, и отважный махзумит Асвад. Амиру удалось отомстить кровомщением; он поразил вольноотпущенника Омара. Но когда Асвад, во исполнение клятвы, бросился стремительно к колодцу, выступил против него Хамза, дядя Мухаммеда, «лев ислама», и отсек ему ногу по колено. Невзирая на это, пополз тяжелораненый дальше, парируя сыпавшиеся на него удары мечом; докатился несчастный до довольно плоского колодца и успел омочить губы в воде, а своей здоровой ногой начал бешено закидывать яму, но меч Хамзы настиг его и прервал нить жизни.

Выступили тогда из рядов первые мужи Мекки: Шейба и Утба со своим сыном А л ь-В а л и д о м — и стали вызывать охотников на единоборство: ранее они отговаривали от дальнейшего наступления и были осмеяны; теперь хотели показать, что ими руководила не трусость, а предусмотрительность. Три ауса поспешили на вызов, но пророк махнул рукой, повелевая им отступить. Кому же, как не его беглецам, принадлежало право первым сразиться за ислам. Тотчас же выступили из рядов Хамза, Алий и У б е й д а И б н А л ь-Х а р и с, из дома Мутталиб, один из старейших последователей Мухаммеда. Самыми младшими с обеих сторон были Алий и Аль-Валид, они и начали борьбу, но вскоре пал последний, раненный смертельно. Выдвинулся Утба, спеша отомстить за смерть сына, но и его вскоре поразил меч Хамзы. Борьба между Шейбой и Убейдой длилась долго; старые, испытанные воины, выжидали они предусмотрительно слу- чая нанести противнику решительный удар; наконец мек-канцу посчастливилось отсечь у противника ногу*. Убейда пал, но на помощь к нему уже летели Алий и Хамза: они живо расправились с Шейбой и успели оттащить за фронт тяжелораненого товарища. Ужасный результат единоборства подействовал на курейшитов удручающим образом. Но и между ними нашлись люди храбрые, воспылавшие надеждой отомстить врагу. К полудню закипел общий бой. Несмотря, однако, на свою многочисленность, неверующие никак не могли в беспорядочных отдельных стычках сломить му-сульман. Мало-помалу стало распространяться в рядах мек-канцев уныние. Между тем Мухаммед не переставал воодушевлять своих, побуждал их к величайшему напряжению сил все новыми и новыми

обещаниями помощи Божеской. Был суровый зимний день; дул порывистый ветер, завывая над долиной; проносились над полем битвы густые громады облаков. И вдруг пророк воскликнул громко: «Глядите, ангел Гавриил с легионами небожителей напирает на неприятеля». Почти уже все предводители мекканцев пали, невыносимо было сражаться остальным, а они-то воображали так легко рассеять небольшую кучку неприятелей. И так было это неожиданно, так тяжело стало, что ряды неверных наконец заколебались. Тогда возвестил пророк общее нападение; громко проклиная, пустил он в неприятелей с силою полную горсть песку — и объял их ужас, и рассыпались они в диком бегстве.

Понятно, была это только видимая сторона сражения, как оно представлялось глазам неверующих. До нас, впрочем, дошли известия и о действительном ходе событий. Мы знаем, например, что на стороне курейшитов участвовал сатана в облике всем известного мужа С у р а к и. Он именно подталкивал неверующих и подстрекал их к сражению. Но когда стали наступать ангелы тремя полками, в тысячу человек каждый, под командой Гавриила, Михаила и Сара-филя, сатана испугался, побежал с великим криком и бро-

* Головы у арабов защищались шлемами, а туловище — кольчугой, вот почему так часто отрубались в сражениях ноги и руки.

сился в море. До нас дошло также наидостовернейшее свидетельство одного рыбака, который собственными глазами видел, как Сурака (что это был черт самолично, этого, собственно, он не говорит) прыгнул в воду. Рационалисты могут, конечно, уверять, что добряк Сурака попросту удрал, а позднее, когда перешел в ислам, хотел только своими росказнями обратить на себя общее внимание. С ним случались и прежде, как это мы знаем, подобные подозрительно чудные истории. Но и многие другие описывали весьма точно действия черта, равно как и ангелов. Так, например, некоторые утверждали с достоверностью, что небожители были на пегих лошадях, а на головах их развевались желтые чалмы. Во всяком уж случае неоспоримо то, что судьба сражения решена была исключительно горстью песка, которою швырнул посланник Божий в неверующих.

Как бы то ни было, сражение кончилось вскоре пополудни блестящей победой мусульман. Четырнадцать лишь человек мученической смертью купили себе вход в рай. Из курейшитов погибло в сражении и во время преследования 49 человек, почти столько же взято было в плен. Между убитыми, кроме Утба и Шейба, был также Абу Джахль, исконный враг ислама, падение которого более всего порадовало Мухаммеда, а затем Омейа Ибн Халаф и еще некоторые другие из первых семей Мекки. Все послеобеденное время прошло для победителей в подбирании добычи, которая главным образом состояла из многих сотен верблюдов, а также оружия и всякого рода утвари. Затем вырыли наскоро яму и побросали туда убитых неприятелей. В тот же вечер, забрав своих мертвых и раненых, пленных и добычу, двинулось войско в У с е й л ь, в полутора милях от места сражения. При осмотре пленных взоры Мухаммеда остановились на А н-Н а д р е, сыне Хариса, того самого, который раньше в Мекке осмеливался отвлекать слушателей своими побасенками о персидских царях. Неприязненно устремленные в упор глаза победителя смутили несчастного. Он понял, что ему приходится плохо, и, ища инстинктивно защиты, обернулся к стоящему вблизи М у с'а б у И б н У м е й р у, с которым когда-то дружил. Но тот отвер- нулся: ислам разрывал все прежние отношения, так имели обыкновение выражаться в подобных случаях правоверные. И в тот же момент пронесся грозный возглас пророка: «Голову долой!» Алий поспешил исполнить смертный приговор. Далее мы увидим неоднократно, что Мухаммеда нельзя было вообще упрекнуть в свирепости, в особенности если принять в соображение суровые воинские обычаи древней Аравии; но он ни разу не миловал тех, которые осмеливались восставать против его веры открыто, вступали в борьбу при помощи духовного оружия и даже пробовали унизить ислам. Сам он не обладал искусством строго логического мышления, воображение его не было достаточно творческим. Где же было пророку тягаться с подобными противниками и побивать их их же собственным оружием? Поэтому противопоставлял он им неизменно саблю, аргументы которой, как известно, неопровержимы.

Несколько дней спустя казнен был еще один пленный — У к б а И б н А б и Му'ейт, злейший враг правоверных, однажды даже осмелившийся плюнуть в лицо Мухаммеду. Судьба остальных вначале висела на волоске. Ревнители веры настойчиво требовали умерщвления всех поголовно как врагов Божиих. Но более мягкий взгляд благодаря заступничеству Абу Бекра наконец пересилил. Решено было дозволить родным выкуп пленных, а лишь тех обезглавить, коим не удастся внести следуемые за них деньги. А пока отдан был приказ обходиться с пленными человеколюбиво. Каждый из них оставался под защитой взявшего его в плен. Вся остальная добыча поделена была на второй день после сражения, на походе, в местности С а ф р а. При этом правоверные чуть было не передрались. Тогда пророк объявил новое откровение, узаконившее на будущее время правила дележа. Пятая часть добычи, в виде доли Богу, поступала в общую казну, из остального право выбора одного предмета предоставлялось Мухаммеду, а затем добыча делилась поровну между всеми участвовавшими в бое. В данном случае часть пророка состояла в выбранном им самим мече (до сей поры он его не имел) и в знаменитом верблюде, принадлежавшем его врагу, Абу Джахлю.

От победоносного войска отправлен был вперед посол с радостным известием, которое произвело особенно сильное впечатление на иудеев и лицемеров. Вскоре вслед за тем вступал в Медину

торжественно и сам Мухаммед. Радостное событие помрачено было, однако, семейной печалью. В отсутствие пророка скончалась дочь его Рукайя, находившаяся замужем за Османом. Она захворала еще до выступления правоверных под Бедр, отец застал ее уже в гробу. Осман был привязан сильно к жене и в заботах о ней не мог даже участвовать в походе. Чтобы утешить любимца в его потере, несколько месяцев спустя пророк выдал за него другую свою дочь Умм Кулсум. Таким образом, за Османом снова оставалась честь быть зятем Мухаммеда.

В то время как праздновали жители Медины победу, в Мекке царили уныние и скорбь. Кроме стыда быть разбитыми в три раза меньшей кучкой правоверных и убытка, который понесла торговля Мекки после поражения, самым чувствительным ударом была потеря около ста человек храбрейших и знатнейших, павших или взятых в плен.

В первый момент пересиливали, конечно, чувство стыда и жажда мести. Абу Суфьян, несомненно теперь первый человек в городе, и на будущее время, на долгие годы ставший руководителем воинских предприятий против Мухаммеда, объявил во всеуслышание, что все скорби по умершим в настоящее время неуместны, прежде чем не будут отомщены убитые. Вместе с женой своей Х и н д, дочерью Утбы, оплакивавшей одновременно отца, брата и дядю, он поклялся не пользоваться никаким удовольствием, удобствами жизни, пока новый поход не потушит их горя. Но когда пришлось перейти от слов к делу, оказалось, что в данный момент невозможно было ничего предпринять. Если находящихся в руках Мухаммеда пленных не желали обречь на верную смерть, приходилось поневоле их выкупать, а пока продолжались переговоры, не могло быть и речи о неприязненных действиях. Многие также не в силах были воздержаться от удручающей их страшной скорби. Старый слепец А л ь-А с в а д, сын Мутталиба, из дому А б д-А л ь-У з з а, пока продолжалось запрещение предаваться печали в Мекке, прика- зывал выводить себя на дорогу, по которой ушел и не возвратился сын его С а м'а. Там напивался он до бесчувствия, плакал горькими слезами и посыпал главу пеплом. Некто К а'б И б н А л ь-А ш р а ф, один из иудеев Медины, удалился в Мекку, негодуя на успех Мухаммеда над мекканцами. Он сочинил сатиру на правоверных и элегию в память убитых курейшитов; все жители вскоре выучили последнюю наизусть; никто теперь не в состоянии был остановить всеобщего взрыва диких воплей. Целый месяц продолжались скорбные воздыхания женщин и возбужденное настроение жителей, потрясенных элегией и мечтами о возмездии. Затем, однако, пришлось все-таки отправить посольство в Медину, чтобы сговориться о выкупе пленных. Беглецы знали досконально положение прежних своих земляков — при- шлось выплачивать соответственно состоянию каждой семьи значительные суммы. Дело затянулось. Меж тем многие пленные (успех среди азиатов — кумир, которому еще более поклоняются, чем на Западе) свыклись с исламом и пожелали остаться. Они были освобождены без всякого выкупа, получив, конечно, при этом серьезное наставление не отрекаться от веры ни в каком случае.

Кто посмотрит на сражение при Бедре глазами западного человека, склонен будет, конечно, думать, что это не более как драка в широких размерах. Цифры действительно невелики: 300 против 950, а в общем 63 убитых — мы привыкли к иным силам. Тем не менее мусульмане правы, ставя Бедр во главе всех остальных сражений, благодаря которым позже, в течение двух столетий, ислам покорил полмира. Значение факта, что сразу, при первой же стычке с тройным числом неприятелей, правоверные одержали блестящую победу, имело для Мухаммеда и его дела неисчислимые последствия. Разве не уразумел теперь свет, и правоверные, и неверующие, что Бог не покидает своего посланника? Разве не перст Всевышнего отметил как раз злейших и непримиримейших врагов веры Абу Джахля, Омейя, Надра, Утба, — приговоривши одних к смерти, других к пленению? Мог ли кто-либо отрицать Божий суд, когда стало известно, что и Абу Лахаб, не принимавший участия в походе, тотчас же, как достигла печальная весть Мекки, скончался? По всей Аравии вихрем пронеслась молва о неслыханном событии; всюду издевались над мекканцами и с удивлением стали обращать взор на этого избранника, которому, невзирая на немногочисленное воинство, Бог даровал победу над многочисленным неприятелем. Собы- тие повлияло более всего, конечно, на жителей Медины: иудеи съежились, лицемеры ходили удрученные и против воли оказывали уважение. Снова еще большие толпы жителей Медины почувствовали внезапное влечение к исламу и своим обращением значительно увеличили число ансаров, другие же, доселе лишь по внешности признававшие Мухаммеда, укрепились в вере. Таким образом победа дала возможность пророку занять твердое положение, и он был в состоянии сделать еще несколько шагов далее, ранее чем мекканцы успели опомниться от поражения. Когда потом, спустя год, они вооружились и нанесли ему значительный урон, он настолько уже успел уйти вперед, что ему не пона- добилось отступать снова назад.

Прежде всего ему нужно было устранить в непосредственной близости всякое сопротивление. Преданность правоверных благодаря успеху доходила до фанатизма; они ставили себе в заслугу отрицание самых близких человеческих отношений и гордо попирали их ногами. Между х а т м и т а м и, отделом племени а у с, в большинстве стоявшем еще далеко от ислама, была одна женщина, по имени А с м а. Вздумала она как-то сочинить, после сражения при Бедре, несколько строф о глупости мединцев, которые ждут добра от чужестранца, а между тем он только что приказал умертвить старейшин собственного своего народа. «Неужели никого не найдется, кто бы избавил меня от этой несносной бабы?» — воскликнул пророк, когда ему передали о случившемся. Это слышал У м е й р И б н А д и й, сле- пой того же самого племени, но правоверный. В следующую же ночь он пробрался ощупью в жилище, где спала бедная женщина среди своих детей, с ребенком на груди, и пронзил ее мечом. Наутро пришел

он к пророку и сказал: «О посланник Божий, я умертвил ее». Мухаммед ответство- вал: «Ты оказал, Умейр, услугу Богу и его посланнику!» Старец снова заговорил: «Не быть бы худу из-за нее». «Не беспокойся, и двух козлов здесь не найдется, которые вздумали бы за нее заступиться», — был ответ посланника Божия. И действительно, до такой степени выработался уже в Медине терроризм, что никто не осмелился потянуть к ответу труса-убийцу. Даже некоторые члены семьи Хатма нашли благоразумным вскоре за тем принять ислам, ибо они увидели в этом силу веры, пренаивно добавляет биограф пророка. Не менее коварно был спроважен благодаря подобному же заявлению пророка и А б у А ф а к, почтенный старец иудей. Тоже и он написал сатиру на презренное подчинение когда-то столь гордых арабов Иасриба появившемуся с ветра чужестранцу. За это самое, как и Асма, он был умерщвлен ночью во время сна.

Но если отдельные эпиграммы могли принести большой ущерб влиянию Мухаммеда, распространяя среди народа, так восприимчивого к каждой остроте, недоверие, еще опаснее была страсть иудеев подмечать и осмеивать бесчисленные противоречия, в которые запутывался часто пророк, рассуждая о делах веры. Поэтому ближайшей целью, которую он постоянно имел в виду и преследовал с необыкновенной настойчивостью, было истребление этих от души ему ненавистных неприятелей. Совершить это мог он относительно в короткий промежуток времени, и опять-таки благодаря поведению своих же противников. Не следует никогда забывать, что эти иудеи хотя и были привязаны сильно к древней своей религии, во всем остальном арабизировались совершенно; в особенности же отличались они своею племенной обособленностью, что всегда и во всем служило самой надежной опорой для Мухаммеда. Дело в том, что к последовательному проведению сознательной политики никто в Аравии еще не привык. Мы уже видели, как из-за пары растоптанных яичек жаворонка или сомнительных результатов скачки начиналась племенная резня, тянувшаяся десятки лет. Потребовались целые годы взаимного обучения в опытности для того, чтобы племена стали наконец прозревать в замыслах Мухаммеда не что иное, чем пустые поползновения подраться из-за пустого оскорбления чести, выеденного яйца иногда не стоившего, или же стремление в хищническом набеге обобрать кого только можно. Поэтому иудеи племени Б е н у Н а д и р также не поняли, что нападения мусульман против их единоверцев Кейнока решали одновременно и их собственную судьбу. А когда наконец и для самых тупоумных раскрывались намерения пророка, становилось уже поздно. Несчастных детей Израиля в их одурении можно прежде всего оправдывать тем, что они, по старинным обычаям арабов, сильно понадеялись на дружественный оборонительный договор, который заключил с ними сам же Мухаммед. Как смотрел Бог мусульман на подобные обязательства, можно видеть из Корана; там прямо говорится (сура 8, 57): «Истинно говорю вам — пред Богом самые дурные из живых существ те, которые отвергают откровение и не хотят уверовать, и те, с которыми ты вступил в союз, а они и после того каждый раз нарушают союз и не боятся Бога. Поэтому, если ты застигнешь их во время войны, поступи с ними так, чтобы они были примером для тех, которые будут после них; может быть, те станут рассудительнее. Если опасаешься вероломства со стороны какого народа, то ему отплачивай равным. Истинно говорю вам — Бог не любит вероломных». Вероятно, Мухаммед благодаря лишь позднейшим событиям обнародовал это откровение. Но сознание, что ему дозволено нарушить договор всякий раз, когда он заподозрит коварство с противоположной стороны, должно было зародиться в его голове уже давно. Недели две спустя после сражения при Бедре отправился однажды пророк в квартал племени иудейского Бену Кейнока, людей зажиточных и почтенных, занимавшихся обработкой золота. Перед ними стал он снова выхвалять свои достоинства как последнего и величайшего из пророков и убеждал их принять его веру. Иудеи отклонили решительно предложение. Вскоре затем на базаре у тех же Кейнока случилось следующее происшествие. По поводу неуместной шутки, которую дозволил себе один из иудеев сыграть с женщиной-мусульманкой, дошло до рукопашной между евреями и присутствующими правоверными. Согласно взаимному договору, это дело должно было быть представлено на решение пророка; при этом один мусульманин убил второпях иудея, за что обозленные израильтяне порешили тут же на месте убийцу. Так по крайней мере передает само мусульманское предание. Из этого видно, как мало оснований было на стороне правоверных расторгнуть договор, ибо они первые пролили кровь. Меж тем Мухаммед — если только вся эта история не выдумана или же не переиначена сильно — уперся на параграфе договора, по которому не дозволялось убивать правоверного за смерть неверующего. Этот параграф, однако, вовсе не касался иудеев, он относился к договору между мусульманами и племенами аус и хазрадж. Всех беглецов и ансаров стали призывать к отмщению. Между тем Кейнока считались самыми храбрыми из мединских иудеев. Они именно сражались при Бу'асе против своих же единоверцев и аусов, приняв сторону хаз-раджей. Иудеи твердо уповали на помощь Абдуллы Ибн Убайи и его «лицемеров». Он посоветовал им удалиться в их укрепленный квартал и дал понять, что не откажет в помощи в случае осады. Между тем сам он очутился в неловком положении: с иудеями он был связан прежним союзом, а с мусульманами — недавним оборонительным договором; поэтому в конце концов решился оставаться нейтральным. Кейнока не *были* столь сильны, чтобы выдержать борьбу; остальные иудеи Медины — Бену Надир и Бену Курейза, — полагая, что им ничего не угрожает в будущем, сверх того не забыв окончательно Бу'аса, тоже не тронулись. Изнуренные голодом, после 15-дневной осады, вынуждены были Кейнока сдаться безусловно. Мухаммед решил было, опираясь на воинские обычаи арабов, перебить взрослых мужчин, а жен и детей продать в рабство. Но у Абдуллы Ибн Убайи зашевелилась наконец совесть: он стал умолять и настаивать, несмотря на неоднократные отказы, все убедительней и горячей, пока пророк не отменил смертного приговора. В Медине находилось еще

много «лицемеров» и язычников; они могли наделать правоверным больших и серьезных хлопот, поэтому пророк, правда нехотя, должен был исполнить эту просьбу. Иудеи были помилованы, но им предписывалось оставить на месте все свое имущество и выселиться с женами и детьми. Три дня дано было сроку, а затем они были изгнаны их бывшим некогда союзником Убадой Ибн-Ас-Самитом. И он отрекся от них, следуя изречению «сердца изменились, и ислам развязывает все договоры». До Вади'ль-Кура, в пяти милях на север от Медины, должны были изгнанники брести пешком. Тут единоверцы приняли их дружелюбно, оделили пищей и верблюдами. Кейнока покинули окончательно Аравию и удалились в Сирию. В Азри'ате* нашли они себе новую родину.

Вскоре после раздела богатой добычи, найденной в оставленном квартале, мекканцы дали о себе знать, выказывая намерение отплатить за нанесенный им удар при Бедре. Раз утром (приблизительно в апреле 624 г.) разнеслась по городу молва, что в эту самую ночь побывал Абу Суфьян с двумя сотнями верблюжьих наездников поблизости Медины. При утреннем рассвете напал он на местечко Аль-Урейд, расположенное в плодоносной долине, в полумиле на северо-восток от города, поджег там два дома и засеянное поле, а одного земледельца умертвил. Быстро собран был отряд и поспешно бросился, под предводительством самого пророка, за бегущим неприятелем. Мусульманам вместо неприятеля пришлось удовольствоваться подбиранием сакв, наполненных савиком"; их сбрасывали убегавшие, чтобы ускорить рысь верблюдов. Поэтому этот набег носит название «савикский набег». Предпринял его Абу Суфьян, как объясняет предание, не ради рекогносцировки, а только чтоб скорее отделаться от необдуманной клятвы, данной им вскоре после сражения при Бедре: он понял, что не так-то скоро можно будет поставить снова на ноги милых зем-

* Эдрей Библии, главный город страны Васан, на восток от Геннисаретского озера.

** Savik, так называется несозрелое поджаренное зерно, которое затем размалывают и в смеси с финиками, а в настоящее время с сахаром, без дальнейших приготовлений едят или наскоро приготовляют его в виде кашицы. И по сие время берут его в спешный путь как провиант, если не предвидится возможности варить.

ляков и предпринять с ними серьезный военный поход. Во всяком случае мекканцы решили попробовать прежде, не удастся ли им провести в этом году мимо Медины без кровопролития сирийский караван. Они предполагали выбрать дорогу, далеко извивавшуюся на восток от города, по направлению к Ираку (Вавилонии), а затем описать дугу через пустыню. Но Мухаммед разузнал о предприятии и послал наперерез приемного сына, Зейда-Ибн-Харису, с сотней наездников на верблюдах. Захватить караван удалось. Хотя большая часть конвоирующих успела уйти, но добыча оценена была в 100 000 дирхем. В это же время пророк предпринял несколько набегов на племена Бену-Сулеим и Бену-Гатафан — могущественнейших бедуинов центральной Аравии, кочевавших на восток от Медины: он был извещен вовремя, что бедуины, подстрекаемые курейшита-ми, замышляли хищнический набег на город. Но проворные сыны пустыни, едва успевали отряды достигать места их стоянки, рассыпались в разные стороны. Раз только удалось пророку отогнать сотни две верблюдов. Поэтому мы видим, что Мухаммед, уже успевший после сражения при Бедре склонить на свою сторону маленькие племена, жившие между Мединой и морем, теперь был уже в состоянии делать новые попытки и в другом направлении.

Между тем возбуждено было снова, в непосредственном соседстве, преследование иудеев. Официальные историографы утверждают, будто один из Бену Надир оказал содействие Абу Суфьяну во время его савикского набега. Это, конечно, сочтено было за явное нарушение договора — одно из тенденциозных измышлений, посредством которых производились благовидные эксперименты Мухаммеда над несчастными израильтянами. Надо полагать, что пророк просто намеревался отучить их основательно от острот и стихоплетства. Не иначе, по крайней мере, можно объяснять отдельные случаи. Ближайшей жертвою был тот самый Ка'б-Ибн-Ашраф, который после Бедра выступил у курейшитов с злейшей сатирой против него. Меж тем он успел вскоре повздорить с тамошними своими знакомыми и должен был снова вернуться к своему племени. И опять пророк обронил, не в первый уже раз, роковое слово: «Кто же освободит меня от этого человека?» Вскоре отыскалось пятеро из племени аус, старинных союзников иудеев, готовых послужить верой и правдой Богу. Ка'б постоянно остерегался; тогда молочный его брат Абу Наила — набожность этого человека заслуживает, дабы имя его сохранилось в потомстве, — уломал несчастного выйти прогуляться с ним и другими в одну прекрасную лунную ночь без оружия. Когда они ушли довольно далеко, Абу Наила притянул его по-приятельски к себе и стал, как бы играя, трепать его локоны. Вдруг он уцепился крепко за волосы, бросил оземь и стал крепко придерживать, пока другие добивали беззащитного, звавшего отчаянно на помощь. На другой день утром разбудили они пророка громкими криками: «Бог велик! Велик Господь!» С благодарностью принял Мухаммед голову убитого и восхвалил Господа. Несколько спустя, когда пришли к нему иудеи и стали жаловаться на совершенное коварное убийство, он прогнал их, пустив им вдогонку угрозу: «С каждым из вас случится то же самое, если не будете сидеть спокойно и вздумаете обижать мусульманина». И действительно, вскоре затем был убит подобным же образом Сунеина, другой иудей. Тогда страх объял всех иудеев, и они почти не решались выходить из своего квартала, пока наконец Мухаммед не объявил им, что намерен заключить с ними новый договор. Текст его до нас не дошел, вероятно, потому что так было удобнее уверять, что и его они нарушили. Едва ли что-либо было в нем другое, кроме возобновления обязательств иудеев не сообщаться с курейшитами, а также помогать правоверным при каждом нападении извне и участвовать в

расходах защиты в подобных случаях. Но не пришло еще в действительности время для Мухаммеда организовать окончательное истребление иудеев. Едва ли он не знал, что после нападения на караван курейшиты начали серьезно приготовляться к военным действиям. Абу Суфьян не переставал возбуждать энергично своих сограждан к отмщению. В это самое время пророк, побуждаемый прежде всего личными наклонностями, снова официально закрепил рядом браков близкие отношения, связывавшие его со старинными товарищами: сам он женился на Хафсе, дочери О м а р а, за несколько месяцев перед тем овдовевшей, а свою единственную еще свободную дочь Фатиму отдал в жены двоюродному брату и вместе приемному сыну Алию. Как раз в это время получено было известие, сначала от некоторых людей родственного, стоящего к палатках на север от Мекки племени Х у з а'а, а затем чрез шпиона, пророком же высланного, что курейши-ты выступили в поход по направлению к Медине в числе 3000 человек, из них 700 *были* в панцирях, с 200 лошадей и 3000 верблюдов, под предводительством Абу Суфьяна. Поход свой мекканцы, видимо, желали маскировать, но это было решительно невозможно. Все было устроено в чисто арабском стиле: они вели с собой не только всех союзников из окрестных племен, по преимуществу С а к и ф и т о в из Таифа, но и большую толпу женщин. Во время сражения, стоя за фронтом, звоном бубен, возгласами и военными песнями должны были они возбуждать мужество сражающихся и поддерживать его, дабы не повторилось той же паники, которою кончилось сражение при Бедре. С таким пестрым хвостом не могли они подвигаться быстро. У каждого водопоя делался привал: воины впадали в благодушное настроение; песни и игры женщин на бубнах разжигали в них воинственный жар. Поистине были это люди неисправимые — ищущие удовольствий, порядочные кутилы, а по языческим понятиям вполне приличные и порядочные. Так, например, предложение, сделанное некоторыми в А л ь-А б в а — выкопать пепел похороненной на этом месте матери Мухаммеда и захватить его *с собой,* — отринуто было большинством. А между тем, смотря по обстоятельствам, эти останки могли послужить залогом безопасности женщин, или же можно было взять за них хороший выкуп. Спокойно двинулись они дальше и достигли наконец в четверг,3 Ш а в в а л я 3 г. (приблизительно в январе или феврале 625 г.)' равнины, расстилавшейся на север от Медины до горы О х о д, отстоявшей

' По общепринятой хронологии 28 марта, но это решительно невозможно. Другие подсчитывают 24 января, что вероятнее, но не вполне достоверно.

от города с добрую полумилю. Здесь расположились мекканцы лагерем и пустили свой скот пастись по прекрасным зеленым пажитям Медины. Дальнейшего, однако, бесчинства они не произвели. Между тем в городе шел военный совет. Предстояло, несомненно, неприятельское нападение, поэтому как «лицемеры», так и иудеи обязаны были помогать мусульманам. Помощь последних предусмотрительно отклонил Мухаммед. С предводителем же первых, Абдуллой Ибн Убайем, он уговорился, что следует выжидать нападения на город, возможного, судя по величине неприятельского войска. Кварталы арабов хотя и не были укреплены так, как иудейские, но тоже, как и в Мекке, были прикрыты извне массой стоявших вплотную крепких стен домов. Попадавшиеся изредка промежутки легко можно было заложить; жизненных припасов в городе было достаточно, а неприятель, по-видимому, не был подготовлен начать формальную осаду. Но на выжидательное положение никак не хотели согласиться более молодые, пылкие воины из среды правоверных, в особенности же герои Бедра. И они были по-своему правы. В случае дурного оборота дел они наконец рассчитывали на небесные вспомогательные войска. Мухаммед не мог сдерживать воодушевление своих, поэтому 6 (25 января?) решился в полдень выступить. Между тем более рассудительные прочли нетерпеливым юношам строгое внушение. Так что когда пополудни вышел к ним вооруженный пророк, выступили перед ним уполномоченные и стали объяснять, что приносят раскаяние от имени большинства в неприличии их требований и готовы теперь во всем ему подчиниться. Но теперь и сам пророк не хотел отступать, оставаясь упрямо при раз задуманном решении. «Не идет пророку снимать оружие, раз уже одетое», — произнес он наставительным тоном. Несомненно, он поступил в данном случае совершенно правильно: каждое колебание должно было отразиться гибельно на духе подчиненных. Вечером того же дня он выстроил перед городом свои 700 человек, с 300 воинов в сторонке расположился Ибн Убай. «Лицемеры» громко осуждали его за то, что он, увлеченный незрелыми юношами, последовал в открытое поле за союзниками, чего, строго говоря, не был обязан делать. В течение ночи прежняя его неспособность к решительным действиям снова заговорила в нем, и когда утром Мухаммед, 7 Шавваля (26 января?), приказал выступать, Абдулла отодвинул своих назад и тайком вернулся в город. Полагавшиеся на одного Бога мусульмане нисколько не смутились. Распоряжения Мухаммеда выказали большое тактическое искусство, все равно придумал ли он их сам или действовал по совету своих: около него группировалось немало будущих великих полководцев ислама. Ввиду превосходства неприятеля нужно было подумать о крепкой позиции, подобно тому как и при Бедре. Смелым фланговым движением двинулся пророк мимо неприятеля к Оходу, представлявшему собой отрог северного нагорья, далеко выдвигавшийся в долину. Он разместил свое войско в узкой седловине, заканчивающейся к вершине горы мрачным ущельем. Развернутый фронт правоверных стал так, что правое крыло и центр упирались в высящиеся над ними скалы. На левом, неприкрытом фланге, поставлено было 50 лучших стрелков под командой А б д у л л ы И б н Д ж у б е й р а; было им приказано строго-настрого отбрасывать всевозможные попытки неприятеля обойти позицию и ни в каком случае не покидать поста. Главные силы расположил пророк так, «чтобы ни одно плечо не выступало из рядов» — из этого мы видим, с какой военной предусмотрительностью ислам придавал особое

значение даже внешней выправке войск, — и приказал не двигаться, пока сам он не подаст знака начинать сражение.

Вероятно, курейшиты были предуведомлены и о расположении своих противников, и о значительном ослаблении отряда вследствие отступления «лицемеров». Храбро двинулось войско мекканцев вперед, повернув спиной к городу, фронтом к горе, направляясь прямо на позиции мусульман. Внимательный наблюдатель мог бы сразу подметить много резких особенностей, отличавших оба войска. С одной стороны наступают нестройные, но веселые толпы язычников, а перед ними кучи женщин бьют в бубны, распевая старинную воинскую песенку:

Мы дети героев
И нежимся издавна,
Подбодряем идущих вперед
И пугаем отступающих.

С другой стороны — боевой железный строй бесстрашных бойцов веры, услышавших только что вещее, сулящее им победу или утехи рая слово того, которого сам Бог послал им, и все они проникнуты пылом неодолимой храбрости. Тут готовятся столкнуться друг с другом представители двух миров в числе нескольких тысяч человек.

Вблизи неприятеля женщины повернули назад и удалились за фронт своих войск; из рядов мекканцев выдвинулись первыми Абу Амир, бежавший из Медины ханиф, вместе со своими сотоварищами. Он обратился с речью к своим землякам из племени аус, отговаривая их драться, но те прогнали его громкой бранью. Затем начались обычные в этих случаях единоборства: бились на этот раз особенно вокруг знамени курейшитов. Носить его было почетной обязанностью Абд ад Даров. Когда знаменоносец Т а л ь х а, сын Абд Аль-Уззы, пал от руки Алия, знамя подхватил его брат. Так, защищая его, были убиты, один за другим, девять героев семьи. Наконец Суваб, раб, ради спасения знамени жертвует собою: когда отрублены были у него сначала правая, а потом и левая кисть, охватил он древко окровавленными обрубками и бросился вместе с ним наземь, закрывая его своим туловищем. При этом он воскликнул, обращаясь к трупам господ своих: «С меня, кажется, достаточно!» Тут настиг его последний удар неприятельской сабли. И в других местах бой клонился большею частью в пользу мусульман. Тщетно Халид, сын Валида, из дому Махзум, впервые показавший здесь свой недосягаемый военный гений, сделавший его величайшим из всех полководцев арабов, покорителей мира, упрямо старался со своей конницей обогнуть неприятеля с левого фланга. Стрелки Абдуллы исполняли добросовестно свое дело и постоянно их отражали. Наконец ряды мекканцев заволновались, отряду правовер-

' Рюккерт, Hamasa I, стр. 194.

ных удалось пробить их строй. Казалось, наступало полное поражение. Но победители подошли к богато изукрашенному лагерю, глаза их разгорелись, в жилах борцов веры заговорила вдруг арабская кровь. В одну минуту позабыли они свой страшный воинский крик «Бей! бей!», на всех полях сражений наводящий ужас на неверующих. Победители бросились грабить богатую добычу. С высоты своей стрелки заметили это. Непреоборимый страх сжимает сердца превосходных воинов, страх не участвовать в дележе добычи. Ни увещания, ни угрозы Абдуллы на них более не действуют; за исключением лишь немногих, покидают все в диком беспорядке свой пост и устремляются вниз на мекканский лагерь. Со спокойным самообладанием прирожденного полководца присматривался Халид к ходу сражения; с быстротою молнии схватывает он удобный момент, опрокидывает немногих стрелков, оставшихся верными своему долгу, и с яростью набрасывается на открытый фланг мусульман. При виде этого и остальные ку-рейшиты вламываются с возобновленным пылом в ряды правоверных, расстроенных таким неожиданным оборотом. Самые храбрейшие из лучших мухаммеданских воинов не в силах восстановить порядка. Пока Хамза во главе кучки самых отчаянных тщетно, подобно льву, бросался во все стороны, другие были отброшены течениями боя в разные стороны. Сам пророк, окруженный немногими правоверными, очутился в густой толпе мекканцев. Он защищался, насколько у него хватало сил, а остальные кругом старались лишь прикрыть его своими телами; его закидали каменьями; один из них раздробил нижний передний зуб справа, обе чешуи шлема вошли глубоко в щеки, повреждено было также и колено. Одну стрелу, пущенную прямо в пророка, перехватил на лету рукой Т а л ь х а, сын У б е и д у д л ы; но в это же мгновение сабельный удар свалил Мухаммеда с ног, и он скатился в находящуюся рядом яму. Все думали, что он погиб. Невзирая однако ни на что, Тальха продолжал сражаться, пока, оглушенный раной в голову, не свалился и он как сноп. Тогда раздался отовсюду крик: Мухаммед убит! Большая часть правоверных, обезумев от ужаса, бросилась в ущелье вверх по горе, а неприятели, торжествуя полное отомщение, мало-помалу стали покидать поле сражения, считая цель похода достигнутой. Меж тем маленькими группами собирались исподоволь правоверные. Опрокинутый ударом меча, но не раненый Мухаммед приподнялся наконец и был поспешно увлечен своими по ущелью вверх в безопасное место. Там, наверху, собирались постепенно с поля сражения рассеянные паническим страхом, за исключением некоторых, нашедших себе дорогу в Медину. Из уст в уста

перелетала радостная весть-. «Посланник Божий спасен!» Недолго пришлось хвастаться Ибн Камню, меч которого поразил Мухаммеда. Вслед за вестью об умерщвлении исконного врага Мекки успел проникнуть в лагерь курейшитов и слух противоположного свойства. В бешенстве Абу Суфьян поскакал, попирая копытами трупы убитых, на гору и остановился на расстоянии звука человеческого голоса. Ему прокричал Омар, что пророк не убит и со временем ему отомстит. «Ну и прекрасно, встретимся опять, через год, при Бедре!» — воскликнул язычник. Ему в ответ послышалось с горы: «Будь по-твоему, встретимся там».

Если принять во внимание, что неверующие счастливо избежали наихудшего, становится весьма понятным, что они имели полное основание торжествовать. Вся потеря их не превышала 27 человек, тогда как 74 мусульманские тела покрывали поле сражения, меж ними Хамза, дядя пророка, «лев ислама». Раб негр, по имени В а х ш и и, навыкший в своей африканской родине обращаться с коротким дротиком, пронизал его своим оружием насквозь в то самое время, когда тот бросился прямо на него. Говорят, что Хинда, жена Абу Суфьяна, дочь Утбы, павшего от руки Хамзы при Бедре, злобно надругалась над его телом, изуродовав его самым постыднейшим образом. Историки прибавляют, что дымящуюся печенку, вырезанную Вахшием, она рвала зубами. Вот почему сын ее Му'авия, на которого всякий набожный мусульманин считает своею обязанностью клепать всякий вздор, получил позднее прозвание «сын пожира-тельницы печени». Без сомнения, все это лишь фантастиче- ские выдумки, плод озлобления мусульман к дому Омейи, хотя надругательства над трупами убитых неприятелей случались и прежде в истории арабов. Упоминания о них встречаются нередко в летописях, да и нет никакого основания обвинять арабов в особенном зверстве, если вспомним, что черногорцы-христиане даже в XIX столетии поступали ничуть не лучше с убитыми неприятелями. Насытившись мщением, мекканцы подобрали своих раненых и убитых и отправились преспокойно в обратный путь. Они даже не пытались овладеть городом, не захотели далее тревожить мусульман в их убежище, на Оходе: чтобы осмелиться на первое, они были не настолько сильны, к тому же им не было никакого расчета нападать на «лицемеров» и иудеев; и нападение на Оход было предприятием довольно рискованным: правоверные легко могли найти по горам путь к отступлению в Медину, между тем пришлось бы напрячь все силы на продолжительную и утомительную партизанскую войну. Сверх того изнеженные господа мекканцы если и победили, то вовсе не для того, чтобы налагать на себя все новые и новые тяготы и лишения; ничего подобного, вероятно, им и не снилось. За Бедр отомщено было вполне, неприятель потерпел значительное поражение: много лучших воинов у него пало. По арабским понятиям этого было слишком достаточно, а о том, что будет дальше, никто и не помышлял. О политике, обдумывавшей ходы вперед, за исключением Мухаммеда и его окружающих, едва ли кто имел понятие в тогдашней Аравии. И потянулись добрые курей-шиты назад к себе на родину, ликующие и беззаботные.

Сами неприятели позаботились, чтобы неудача пророка не имела слишком тяжелых последствий, и действительно, положение Мухаммеда после сражения было завидное во всех отношениях. Правоверные, разумеется, не имели ни малейшего повода жаловаться на своего предводителя. Возвещая поход, он обещал им, правда, победу при помощи Божьей, но разве он не сказал также: «Если вы будете твердо держаться?» И разве они не побеждали, пока неуклонно следовали приказаниям пророка? Разве окончательное поражение не было заслуженным божеским наказанием за оказанное ими нарушение дисциплины? Вот те прегрешения, дать отчет в которых приходилось мусульманам, лишь только Мухаммед, по повелению Божию, обратился к ним с наставлением; но мудрый человек примешал к нему такое множество указаний на благость Всевышнего, которая не минет ни одного из раскаивающихся, в его речи было так много жестоких выходок против неверующих, что вскоре не осталось не только и тени сомнений, но даже исчезло самое уныние из рядов его приверженцев. Зато можно себе представить, как были довольны поражением «лицемеры» и иудеи. Если даже до сражения Мухаммед не был в состоянии растоптать всех их, как этого желал в душе, то после понесенных потерь приходилось поневоле еще долго сдерживаться, пока не подыщется счастливый момент и вернется снова прочное положение. Но пророку никоим образом нельзя отказать в постоянной твердости духа.

Страдания от полученных, хотя не тяжелых, зато болезненных ран нисколько не помешали ему заниматься делами общины. Он продолжал с большою уверенностью и нравственной стойкостью, которые никогда не покидали его в самые критические моменты, делать все для ослабления неприятного впечатления. Об этом он позаботился в самый день сражения. Оно продолжалось до полудня, а уже на молитве, при закате солнечном, присутствовал пророк сам в мечети. А на следующее утро после ранней молитвы созвал опять Билаль воинов Охода и объявил им, что посланник Божий желает преследовать неверующих. В походе должны были участвовать лишь те, кои сражались вчера. Опасностей, положим, предстояло немного, так как курейшиты тем временем должны были уйти довольно далеко, все же и это кое-что да значило для поддержания духа бодрости среди правоверных. Пророк дошел до Х а м р а Ал ь-А с а д, в трех милях* на запад от города. Здесь приказал он остановиться;

' От 8 до 10 арабских миль, из которых каждая составляет четверть немецкой мили (около 2000 метров). Поэтому это место нельзя смешивать с современным Д а р А л ь-Х а м р а, которое отстоит от Медины приблизительно на 13 немецких миль. До него, во всяком случае, нельзя было дойти в один день.

простояли лагерем трое суток; по ночам раскладывались костры по ближайшим горам, чтобы распространялась далеко кругом весть о преследовании Мухаммедом курейшитов.

И во всем другом старался пророк поступать так, чтобы во всех отношениях игнорировать последствия неудачного сражения. Так, вскоре после возвращения узнал он, что один из хазраджей во время катастрофы на Оходе убил одного союзника из аусов, мстя ему за смерть отца своего, погибшего еще во времена язычества. Это было опасным нарушением закона, который уничтожил кровомщение между правоверными. Немедленно же повелел Мухаммед одному из аусов снести голову виновному. Затем понадобилось внушить уважение кочевавшим на восток бедуинам, между которыми обнаружилось опасное движение при первом известии об Оходе. Особенно встревожили правоверных слухи, что Бену Асад, измаильтяне, кочевавшие в 50 милях на северо-восток от Медины, собираются совершить хищный набег на город под предводительством старейшины Тулеихи. Мухаммед выслал Абу Саламу, своего молочного брата и близкого родственника со 150 воинами. Невзирая на значительное отдаление, отряд достиг без особых приключений пастбищ асадов, но, как это водится у бедуинов, они рассыпались во мгновение ока, и правоверные могли захватить лишь несколько голов животных. На возвратном пути открылась у Абу Саламы полученная им на Оходе рана и он умер. Вдова его, как говорят, очень красивая, 4 месяца спустя взята была пророком в жены.

Маленькая эта экспедиция оказалась недостаточной, чтобы изгладить впечатление победы мекканцев, произведенное на племена центральной Аравии. Все они были друзьями курейшитов, посещали прилежно их ярмарки и были предубеждены против Мухаммеда; негодование их тем более было велико, что пророк, только что потерпевший такую основательную неудачу, ничуть не покидал своей цели — пробуя расширить власть за их же счет. За это и поплатились одновременно (приблизительно около мая 625 г.) два маленькие отряда, которые Мухаммед выслал на восток и юг с дружескими, что называется, намерениями. Дело в том, что на восток от линии, протянутой между Мединой и Меккой, обитают в Неджде большие племена Сулей м, Хавазин и Хузейль. К племени Хавазин принадлежал Бену Амир Са'с а'а*. Прибыл раз из этой местности в Медину старик, начальник Абу'л-Бара 'Амир, прослышавший о Мухаммеде и захотевший посмотреть на него. Пророк встретил его дружелюбно и предложил ему принять ислам. Старик не отказался прямо, но объяснял, что готов принять веру вместе со своим племенем. Он предложил послать из Медины нескольких правоверных для обучения земляков и поручался за их безопасность. В высшей степени обрадованный Мухаммед послал 40 (а по другим известиям — 70) молодых ме-динцев из хорошо изучивших Коран. Когда они шли к 'Ами-ру то племяннику Абу'л-Бара, 'Амиру Ибн Ат-Туфеилю, это дело вовсе не понравилось. А так как единоплеменники не пожелали оскорблять сопровождавших дядю его, то он с толпой соседних сулеймитов напал при колодцах Ма'уны, в 10 милях на юго-запад от Медины, на посланных и перебил их всех, за исключением одного, который и принес печальное известие в город о приключившемся с его товарищами. Не лучшее постигло и семерых других, посланных на юг, как говорят одни — с миссионерскими целями, а вероятнее всего, чтобы пошнырять в окрестностях Мекки. Когда прибыли они в Ар-Ражи, в округе Хузейлитов, напали на них люди из племени Бену Лихъян (одни говорят — по подстрекательству мекканцев, другие же — будто в отместку Мухаммеду за умерщвленного по его приказанию их старейшин, замышлявшего нападение на Медину). Четыре мединца были убиты, а три — взяты в плен; когда же один из них вздумал дорогою бежать, его тут же побили каменьями. Двух остальных продали бедуины курей-шитам за 100 верблюдов, а те отдали их детям погибших при Бедре, которые, играя, перекололи их дротиками.

Мухаммед теперь сразу увидел, как трудно пока что-либо предпринять в центральной Аравии. Но ему необходи-

' Есть еще Амир Рабиа, принадлежащая к племенам Ваиль; те живут гораздо дальше на северо-восток.

мо было для успокоения правоверных заручиться хоть каким-нибудь успехом, дабы исполнить обещание, благодаря которому укрепил он снова их доверие после битвы у Охода. Понятно, приходилось опять взяться за иудеев, вечно отвечавших за чужие грехи. Непосредственно вслед за поражением пророк считал благоразумным переждать несколько, не будут ли угрожать ему новые опасности извне. Может быть, также считал он необходимым сперва восстановить обычную дисциплину между своими. Так или иначе, с полгода после сражения держался он спокойно и, как кажется, в это же самое время набрался убеждения, что еще менее, чем Кейнока, их оставшиеся единоверцы могут рассчитывать на помощь со стороны «лицемеров». Приходилось главным образом иметь дело с двумя иудейскими племенами, Бену Надир и Бену Курейза. Последние обитали на юг, первые же — на юго-восток от города, в своих укрепленных предместьях. Оба племени участвовали в сражении при Буасе против хазраджитов, но если бы «лицемеры» имели более политического такта, чем воображали, Абдулла Ибн Убай должен бы был побороть воспоминание о старинной вражде и подать им вооруженную помощь против мусульман. Предание обвиняет даже Абдуллу в коварном обмане иудеев, но это, вероятно, чересчур преувеличено. Во всяком случае он не двинул и пальцем, когда Мухаммед под ничтожным предлогом — будто ангел Гавриил известил его, что один иудей вознамерился его убить, — потребовал от Бену Надир, слабейшего из обоих племен, приблизительно в июне 625 г., очищения занимаемого ими квартала; когда же иудеи отказались повиноваться, мусульмане осадили их укрепленный квартал, находившийся в одной миле на юг от города. Племя Курейза и не подумало подняться, чтобы прийти на помощь к единоверцам. Как за

соломинку спасения, держались они крепко за договор свой с Мухаммедом. Осада продолжалась 14 дней. Она угрожала затянуться надолго. Тогда Мухаммед отдал приказание срубить одну из пальмовых плантаций, составлявшую главное имущество надиров. Но это было вразрез всем воинским обычаям арабов: по бедности страны и продолжительности времени, пока финиковая пальма может приносить плоды, половина Аравии давно бы умерла с голода, если бы по общепринятому обычаю не было взаимно оберегаемо не заменимое ничем дерево. Вот почему эту меру стали осуждать даже в кружках правоверных. Понадобилось даже специальное откровение, дабы оправдать намерение пророка. В конце концов, впрочем, иудеи принуждены были капитулировать под тем условием, чтобы позволили им выселиться с женами и детьми, захватив с собою движимое имущество. Одно только оружие должны были они оставить. На 15-й день выступили иудеи со звоном литавр и струнных инструментов — мы сказали бы — с воинскими почестями — и потянулись сначала к лежащему в 20 милях на север от Медины Хейбару, большой иудейской колонии, некоторые из них поселились тут, другие же, по примеру Кейнока, удалились в восточную часть Иорданской страны. Гораздо важнее, чем оружие, захваченное в оставленном квартале, были для Мухаммеда довольно обширные земли, оставшиеся после иудеев. Почва на юг от Медины, как тогда, так и теперь, гшодоносна, вся состоит из пахотных полей и плантаций финиковых пальм. Здесь открылось для пророка поле для весьма целесообразного учреждения. Вместо того чтобы разделить землю между участниками осады, предоставил он ее всю, с согласия мединцев, своим беглецам. До сих пор должны были они исключительно расчитывать на гостеприимство ансаров, теперь же могли устроиться самостоятельно. Мухаммед объяснял свое распоряжение указанием, что имущество это не было завоевано, а приобретено мирным путем, при помощи капитуляций. И на будущее время удерживал он за собой право непосредственного распоряжения подобными приобретениями. Эта регламентация позднее, при дальнейшем распространении мусульманских завоеваний вне границ Аравии, имела величайшее значение. Ко времени этой войны, очень может быть, следует отнести откровение, изложенное в суре 5, 92—93, в которой помещено известное воспрещение употреблять вино. В связи с запрещением м е и с и р а, любимой у арабов азартной игры, оно было мотивировано тем, что то и другое способны возбуждать среди правоверных неприязнь и ненависть, а также доводят до небрежения к молитве. В действительности древние арабы были сильно преданы пьянству и игре. Очень понятно, что в интересах дисциплины следовало раз навсегда наложить на эти предметы запрещение. Поэтому, во всяком случае, недозволенное не носит никоим образом аскетического характера.

Блестящий успех похода против надиров, прежде всего упрочивший материальное положение беглецов, ядра войска Мухаммеда, дозволил пророку на некоторое время успокоиться. Лишь к началу 626 г. (Зу'л-Ка'ды 4) видим мы его опять в походе, уже во главе 1500 человек. Итак, более' чем удвоилось число его приверженцев со времени битвы у Охода. Причина этого могла быть двоякая: одна — что у многих со времени изгнания надиров широко раскрывались глаза на «силу веры», другая же — что некоторые маленькие племена, кочевавшие между Мединой и морем, могли примкнуть к походной колонне: так, например, могли сделать Б е н у А с л а м, жившие возле самой Медины и выступавшие теперь на передний план в качестве надежных союзников. Дело шло об условленной ранее, и прошлом еще году, между Абу Суфьяном и Омаром встрече. Конечно, мекканцы, с своей стороны, не имели никакой охоты являться туда. У них были другие планы, исполнение которых требовало продолжительного времени, а прежде чем созреет задуманное, они не хотели подвергаться никакой случайности. Поэтому они пробовали чрез путешественников распространять в Медине преувеличенные слухи о больших вооружениях, предпринимаемых в Мекке для будущей встречи. Уверенные, что мусульмане приведены будут в ужас, сами мекканцы лишь для ви да выступили в поход к Бедру. Но, дойдя до М а д ж а н ы, в трех только милях от Мекки, повернули опять назад, с явным намерением после похвастаться, что мусульмане 11 не думали двигаться и будто это заставило их отступить. Когда же они услышали, что Мухаммед с многочисленным войском приближается торжественно к Бедру, при ходилось придумать новую уловку. Мекканцы начали рассказывать направо и налево, что мединцы, так как в то время как раз происходила здесь ярмарка, навезли с собою товаров и торгуют с большой выгодой, ими не тревожимые. История этого похода очень темна и усеяна множеством противоречий. Я не думаю, однако, чтобы можно было отрицать даже его существование. Дело могло быть просто так: Мухаммед находил полезным на этот раз окружить себя особым блеском при посещении ярмарки в Бедре, ежегодно открывавшейся там в месяце Зу'л-Ка'де, чтобы повлиять на береговые племена, которые со времени Охода выказывали очевидные знаки недружелюбия, и снова привязать их к себе. К концу того же самого месяца курейшиты также ежегодно справляли ярмарку в Маджан-не. Позднее же между двумя этими событиями предположили какую-то внутреннюю связь. Вот каким образом мало-помалу и образовалась история условной встречи и непоявления мекканцев".

Как бы то ни было, курейшиты имели полное основание не тревожиться в этом году. В преданиях встречаются разные указания, из которых легко вывести, что Абу Суфьян был прозорливее всех остальных мекканцев вместе взятых. Впоследствии сын его Муавия стал одним из мудрейших политиков всех времен; должны же были и в отце существовать зародыши того же самого направления. К сожалению, предание редко дает возможность почерпать точные воззрения на прошлое Мекки; все же представляет оно нам этого Омейяда как представителя деятельного элемента, хотя ему редко удается увлечь за собою своих нерадивых, думающих постоянно только о ближайшем, сограждан. В данный момент, когда каждый уже смекнул, что победа при Оходе не принесла никакой существенной пользы, все

они охотно готовы были направить свои силы, чтобы нанести решительный удар, устремляясь на гнездо изменников и их единомышленников в городе Медине. Но они хорошо по-

' Предположение это не совсем, впрочем, достоверно, так как в преданиях время похода Мухаммеда указано неясно. Возможно также, что эта дата историческая подсчитана искусственно.

нимали, что тут предстояло бороться также и с «лицемерами», а осада и уличная борьба, весьма вероятные, были не под силу воинству одних курейшитов — в Медине находилось по крайней мере 2000 храбрых воинов. Абу Суфьян поэтому, ввиду сложившихся обстоятельств, задумал единственно возможный правильный план: собрать большую коалицию всех неприязненных исламу племен. Где деньгами, где добрым словом искал он восстановить против пророка податливые племена и предпринять с ними затем решительный поход на Медину. Его предприятию сильно помогали также оставшиеся в Хейбаре надиры, убедившие наконец тамошних единоверцев в необходимости взаимной самопомощи против все более и более наглых нападений Мухаммеда. То были очень зажиточные люди, которые весьма охотно усвоили мысль великого предприятия (традиция приписывает им, хотя и несправедливо, инициативу) и выказывали готовность принести какую угодно жертву. Теперь уже становилось нетрудным залучить на свою сторону большие племена центральной Аравии — Сулейм и Гатафан. Как передают, иудеи обещали бедуинам за их помощь половину будущего сбора фиников в Хейбаре. Примкнули к союзу и маленькие племена, жившие в окрестностях Мекки, верные союзники курейшитов, и наконец Бену Асад, восточные соседи племени Сулейм. Независимо от обещанной награды и предполагаемой добычи, все эти племена имели действительно повод держаться настороже, ибо им не раз приходилось иметь с пророком далеко не дружественные столкновения — пастбища их расположены были вблизи его владений.

Хотя переговоры между Хейбаром, Меккой и племенами ведены были в наивозможном секрете, неясные слухи о них достигли, должно быть, и Медины. По крайней мере Мухаммед весь пятый год (626) проводит, силясь наносить удары по разным направлениям, как будто стремится разорвать сеть, которою хотели его опутать. Так, например, он двинулся против гатафанов, которые по своему обыкновению при его приближении рассеялись, оставляя ему легкую добычу — кучу женщин. Затем бросился он на север, где пути становились небезопасными*. Здесь убиты были многие и между ними Абу Рафи подосланным к нему шпионом пророка. Он был старейшина надиров, поселившихся в Хейбаре, ревностно занимавшийся переговорами о коалиции: об этом, вероятно, дошло до сведения Мухаммеда. По сообщениям других, этот иудей убит был по окончании союзной войны в наказание за то, что принимал такое серьезное в ней участие. Наконец, в том же году, вероятно, происходил поход против Бену Мусталик, отдела кочевавшего вблизи Мекки племени Хуза'а, который прежде находился в дружеских отношениях к Мухаммеду. Путь к ним был удобный, вел через знакомые местности, можно было рассчитывать на добычу; поэтому на этот раз присоединилось множество «лицемеров» и между ними сам Ибн Убай. Маленький отдел племени после короткого сопротивления должен был отступить пред превосходным числом неприятелей и сдаться ввиду напирающих со всех сторон мединцев. Лагерь со всем в нем содержимом, 2000 верблюдов, 500 коз и овец, 200 женщин и т. д., попал в руки победителям. Добычу поделили; между тем Мухаммеду особенно понравилась одна из плененных девушек, по имени Джувейрия, и, женившись, он отпустил на волю из угождения к ней часть плененных. Остальные были позднее отпущены в Медине за выкуп.

Набег был из легких и весьма прибыльный, но сопровождался перед самым концом двумя весьма неприятными эпизодами. Незадолго перед выступлением обратно возник спор из-за ничтожного повода между одним беглецом и «лицемером». Тот и другой позвали на помощь своих земляков; с большим трудом разняли спорящих, и мир был восстанов-

' Так называемый первый поход в Думат-ал ь-Джандал ь. Это оазис, теперь называемый Аль-Джоф, под 30° северной широты *между* Се-веро-Аравийской и Большой Сирийской пустынями. Но он отстоит от Медины на 85 немецких миль. Чтобы достигнуть до него, потребовалось бы по крайней мере 15 дней, а это и составляло все время отсутствия Мухаммеда. Древнейшее предание замечает довольно отчетливо: «Он туда не достиг». Название это, по-видимому, означает только направление похода, который во всяком случае пролегал через владения Гатафан.

лен благодаря вмешательству некоторых более благоразумных. Но при этом обе стороны обменялись ругательствами; особенно Абдулла Ибн Убай произнес такие угрозы, что Мухаммед не мог пропустить этого безнаказанно. Оскорбитель побоялся открытого разрыва, поэтому он стал отрекаться от своих собственных слов и старался придать им безобидное значение. Но добрые обоюдные отношения от этого нисколько не улучшились. В 63 суре встречаются резкие нарекания, которыми Мухаммед вскоре затем осыпал «лицемеров». Поводом к другой истории послужили домашние отношения пророка; она произвела неприятное впечатление, многим досадила и имела немаловажное влияние на позднейшее развитие ислама. Так как едва ли могла быть речь о какой-либо опасности во время похода, пророк взял с собой двух жен: Умм-Саламу и Айшу. Последняя всегда, с самого начала, была его любимицей. Едва достигши 14-летнего возраста, умела она своим веселым обхождением рассеивать тучи на челе стареющего, часто удрученного заботами пророка; и позднее эта неоспоримо рассудительная женщина сохранила свое влияние на мужа до конца его жизни. Раз вечером, на обратном пути, войско остановилось невдалеке от Медины; но еще до

рассвета, ранее, чем ожидали, вдруг раздался приказ подыматься. Между тем Айша только что ушла искать ожерелье из южноарабских раковин, которое она потеряла незадолго перед тем, гуляя в окрестностях. Свою вещь она нашла, но когда вернулась, войска уже не было; ушел и верблюд, в замкнутом паланкине которого предполагали ее спящею. Ничего не оставалось ей более, как переждать на месте. Вскоре действительно проехал один отсталый, С а ф в а н-И б н-А л ь-М у"а т т а л; он узнал ее, посадил к себе на верблюда и привез в Медину. Запоздалое появление супруги пророка вместе с молодым человеком обратило всеобщее внимание и подало повод к разного рода злостным сплетням. Мало-помалу некоторые из них дошли до Мухаммеда. Вскоре Айша заметила, к великой обиде, что пророк, отличавший ее прежде от других жен, всячески избегает ее и перестал наконец даже обращать на нее внимание. При продолжении таких отношений, когда оскорбительные пересуды стали доходить до нее, бедняжка заболела и стала наконец просить дозволения отправиться к отцу своему, Абу Бекру. Это было ей разрешено, но так как возвращение в отческий дом считалось обыкновенно знаком расторжения брака, злые языки заговорили еще громче, хором. Среди окружающих пророка возвысили голос не только злокозненные «лицемеры», но и сплетники обоего пола; особенно отличался этим придворный поэт Мухаммеда, Х а с с а н-И б н-С а б и т. Пророк держал его возле себя для того, чтобы он отвечал за него на сатиры, распускаемый в Медине, Мекке и других местах, в соответственно задорном стиле. Это был человек даровитый, но бесхарактерный, нечто вроде официозного журналиста новейшего типа, но в самом дурном значении этого слова. Зло все росло и росло. Мухаммед был вынужден серьезно посоветоваться со своими приближенными. Мнения разделились. Алий с жаром посоветовал объявить расторжение брака с подозрительной супругой; другие были обратного мнения. В конце концов пророк счел нужным поверить в невинность своей жены. Но, чтобы раз навсегда прекратить разговоры, потребовалось вмешательство самого Бога. Посыпались откровения. Одно возвещало невинность Ай-ши, другое запрещало под страхом наказания сотней ударов бича касаться чести замужних женщин, если обвинитель не может подтвердить слов четырьмя свидетелями-очевидцами. Далее повелевалось женам пророка не выходить из дому, а потом предписывалось им и другим женам правоверных закрываться покрывалом в присутствии чужих и т. д. Новый закон против клеветников получал обратную силу; нескольких самых неисправимых болтунов подвергли наказанию, в числе их также и несчастного придворного поэта, вынесшего к тому же много неприятностей от Сафвана. Впрочем, за все это он был вознагражден богатым подарком.

Границы между самообманом и намеренным морочени-ем других людей, как известно, вообще весьма неопределенны. Очень может быть, что Мухаммед воображал себя действительно провозвестником воли Божьей, установляя регламент своего гарема. Для нас подобное недостойное воззрение на существо Высочайшего, пожалуй, отвратитель- ней еще, чем сознательный обман. Но не следует забывать, что настоящее представление о Боге у Мухаммеда не могло быть ни слишком высоко, ни слишком ясно. Во всяком случае весьма отталкивающее впечатление производит развившееся в поздние годы у пророка, да позволено будет нам так выразиться, смешение похоти своего сердца с постановлениями своего Владыки: незадолго перед тем понадобилось ему еще другое откровение, к немалой досаде даже набожных людей, чтобы жениться на Зейнабе, красивой жене приемного его сына Зеида-Ибн-Харисы, который согласился развестись с ней. Аллаху приходилось и позже провозглашать свое всемогущее слово, дабы прекращать не раз возникавшие домашние раздоры между многими соперницами, искавшими ласки пророка. Покидая этот печальный эпизод, не можем, кстати, не упомянуть, к каким далеким последствиям повели эти мелочи в дальнейшем развитии истории ислама. Как мы увидим позже, через несколько десятков лет Алий должен был горько сожалеть, что выступил необдуманно против Айши на совете по вопросу о ее невинности. Но что еще важнее — постановления Мухаммеда касались вообще положения жен в мусульманском обществе, а потому устанавливали отчасти самую судьбу мухаммеданского мира. Было бы, конечно, излишне предугадывать, что могло произойти, если бы не существовало этих предписаний; но, во всяком случае, очевидно, что если человеку понадобились для убеждения в неверности своей жены четыре нелицеприятные свидетеля — ничего не оставалось более как запереть ее на замок В особенности странно было встретить это у народа, хотя строго почитавшего издавна супружеские отношения, но вместе с тем так легко их расторгавшего; поэтому-то добрые нравы при последующих мировых завоеваниях так скоро исчезли бесследно. Трудно во всей всемирной истории найти более поразительное доказательство часто оспариваемого многими положения, что маленькие причины производят иногда великие действия. Взгляните сами: в XIX столетии более 200 000 000 человек лишены нравственного влияния благородного женского существа — заметьте, навеки, — и все потому только, что в 625 г. 14-летняя взбалмошная девчонка, аравитянка, обронила ожерелье стоимостью в несколько рублей.

Несколько месяцев спустя правоверным предстояло нечто иное, чем рассуждать о вышеупомянутом несчастном ожерелье. Дружественные хуза'иты сообщали, к концу 5 г. (приблизительно в марте 627 г.)*, о выступлении большого союзного войска, которое курейшиты успели наконец поставить на ноги. В нем числилось 10 000 человек, в том числе 4000 одних курейшитов и ближайших их союзников с 300 лошадей и 15 в е р б л ю д а м и, под предводительством Абу Суфьяна. Он же состоял и главнокомандующим, насколько это было возможно, принимая во внимание до болезненности доходящую щекотливость свободолюбивых бедуинов. Во всяком случае племена Гатафан, Асад, равно как и Сулейм, образовывали самостоятельные отряды. На этот раз, как кажется, войско подвигалось довольно поспешно; не более недели дали мекканцы Мухаммеду, чтобы подготовиться к защите. Об открытой борьбе едва ли кто мог и помышлять ввиду значительного превосходства неприятельских сил,

а также благодаря еще неизгладившимся совершенно прискорбным воспоминаниям об Оходе. С трех сторон город был защищен довольно сносно, так как стены домов почти везде смыкались вплотную, а немногие промежутки не стоило большего труда забросать землей; и этого было вполне достаточно, так как у мекканцев не имелось военных осадных машин. Но к северу город оставался совершенно открытым; кроме того надо было присоединить к пространству, нуждавшемуся в защите, часть долины, дабы устроить лагерь на 3000 человек соединенных сил мусульман и «лицемеров». Между людьми Мухаммеда находился один перс, по имени С а л м а н . Превратности судьбы занесли его в качестве раба в Медину; он был выкуплен на волю тотчас же, как принял ислам. Человек этот видел много на своем веку и сообщил пророку замечательный военный прием, при помощи которого легко можно

' По общепринятому исчислению было это в феврале, но многие обстоятельства указывают, что событие происходило позже.

было оборониться от внешнего врага, особенно же от нападения конницы. Перс предложил выкопать широкий ров перед городом. Об этом в Аравии никто никогда и не слыхивал, но все сразу же поняли пользу выдумки. Вся Медина принялась взапуски окапываться, и в б дней ров, замыкавший непрерывно открытую местность, был готов. По этому приспособлению следующие за тем бои под Мединой и названы «войной из-за окопов».

Едва окончено было укрепление, как союзники показались перед городом. Новое средство защиты, совсем «не арабское», возбудило в неприятелях одновременно и негодование, и изумление. Посыпались крупные ругательства на трусость мусульман, но те, чувствуя себя за окопами до известной степени в безопасности, самодовольно улыбались. Не раз пробовали язычники прорваться через препятствие, но мединцы и днем и ночью зорко сторожили все их движения. Тяжело приходилось, правда, осажденным, особенно в начале весны, когда наступила отвратительная погода; но все же, так или иначе, им было удобно отгонять налетавшего неприятеля тучей пущенных в него стрел. Раз только посчастливилось небольшой кучке мекканских всадников занять часть укреплений по оплошности защитников. Но вместо того чтобы на занятой ими позиции держаться крепко и как можно скорее вытребовать подкрепления, старик Амр-Ибн-Абд вздумал вступить с Алием в единоборство. Когда затея эта кончилась поражением Амра, сопровождавшие его курейшиты сочли, что дело покончено, и вернулись безмятежно назад через ров обратно к своим. Осада тянулась без конца. Обе стороны терпели одинаково, подвергаясь действию холодной погоды. Но союзникам приходилось хуже, ибо до их прибытия жатва* была уже снята, а доставать провиант с некоторых пор становилось затруднительным, между тем никто не рассчитывал, чтобы война могла протянуться так долго. Стали искать средств, нельзя ли овладеть городом иначе. Еще ранее, при посредстве надиров Хейба-

' В этой местности и поныне собирают жатву в марте и апреле, а сбор фиников начинается в июле.

ра, начаты были переговоры с Бену Курейза, последним племенем иудеев, проживавшим в Медине, о соглашении их с коалицией. Теперь снова возобновились сношения и, по-видимому, принимали довольно решительный характер. Конечно, самое разумное, что могли предпринять иудеи, это было воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы доконать окончательно Мухаммеда. Они были с ним не в лучших отношениях, чем их прогнанные раньше единоверцы, и едва ли могли питать надежду, что он станет более уважать свой договор с ними, чем это делал прежде с другими. Квартал их, к тому же, лежал на юго-восток от Медины, именно в том самом месте, где город наиболее слабо защищен; поэтому в руках их находился как бы ключ к позиции Мухаммеда. Несмотря на это, они не решались сразу и открыто принять сторону неприятеля и продолжали, не торопясь, переговоры с союзниками. Сильно поражен был пророк, когда наконец прослышал о новых кознях врагов своих; он немедленно же принял меры. Прежде всего Мухаммед послал некоторых из наиболее уважаемых людей из аусов и хазраджей пригрозить иудеям; а когда эти последние недружелюбно выслушали нарекания бывших союзников, он отдал распоряжение подготовить защиту города с юга, что, конечно, еще более отягчило и без того усиленно напряженную службу за окопами. Одновременно удалось пророку залучить к себе на службу одну темную личность из племени Гатафан, некоего Н у'е и м а-И б н-М а с'у д а; шпион шнырял беспрерывно то между иудеями, то между союзниками и искусно сеял раздор повсюду, так что вскоре обе стороны перестали доверять друг другу, переговоры тянулись без всякого результата. Далее успел Мухаммед войти в тайное соглашение с шейхом гатафанцев У с и н о и. За отступление его соплеменников была пообещана пророком половина сбора фиников Медины. Но отвращение воинст-: венно настроенных приверженцев ислама к подобного рода унизительной сделке помешало окончательному заключению условия. Все эти дипломатические хитрости возбуждали, однако, между союзниками взаимное недоверие; к тому же весенние бури начинали сильно докучать осаждав- шим. Для многочисленных стад осаждавших не хватало корма; страдая от непогоды, бедные животные еле-еле волочили ноги. Между тем мусульмане продолжали по-прежнему неослабно следить за неприятелем; таким образом все более и более пропадала всякая надежда достигнуть цели похода. Раз ночью все сразу, как бы сговорившись — мек-канцы, гатафане и сулеймы, — порешили бросить начатое дело. На

следующее утро войска коалиции потянулись обратно домой. Абу Суфьян написал к пророку дерзкое письмо, в котором зло издевался над окопами как над неприличною воинскою хитростью. Едва ли стоит прибавлять, что на арабов они произвели, однако, громадное впечатление.

Война эта стоила немногих жертв: убитых было человек 5 со стороны правоверных и 2 язычника; по несколько человек с обеих сторон были опасно ранены. Но за войной следовал страшный эпилог. В полдень того же дня, когда отступили союзники, Мухаммед вручил военное знамя Алию, Билаль возвестил, что послеобеденная молитва должна быть совершена в квартале курейзов. До последнего момента опасались иудеи нарушить формально договор; но их переговоры с неприятелями Медины слишком были известны, для пророка довольно было малейшего предлога, чтобы избавиться от непримиримого врага его учения. Курейзы были народ храбрый и могли бы, со своими 600 воинов, попытаться пробиться. Может быть, предполагали они, что все-таки успеют еще добиться таких же условий, как и надиры, а потому временно отложили крайние меры: сражаясь, отступили они в свою крепость и допустили обложить себя. Недостаток в провианте принудил их недели через две начать переговоры, но Мухаммед сразу же потребовал безусловной сдачи. Посланный им к иудеям А б у Л у б а б а был аусит, следовательно, старинный союзник иудеев. Когда его спросили, будет ли Мухаммедом дарована им по крайней мере жизнь, он ответил официальным тоном: «да», но при этом многозначительно провел указательным пальцем по шее. Узнав об этом опасном проявлении мирского чувства приличия, пророк сильно разгневался, и бедняге Абу Луба-бе пришлось вынести тяжкое церковное покаяние, прежде чем он снова попал в милость. Иудеям ничего не оставалось, однако, как сдаться или же попытать биться насмерть. Они предпочли первое, вероятно, в надежде, что их прежние союзники, аусы, заступятся за них, подобно тому как хазраджи два года тому назад спасли Кейнока. Мухаммеду неловко бы было отказать наотрез в их заступничестве; это значило бы поставить аусов ниже их прежних соперников, но истребление иудеев решено им было в душе, и для исполнения своего плана он выискал одно средство, дьявольски коварное, которого не могли никоим образом предугадать исконные враги Аллаха. Глава аусов, С а'д И б н М у'а з, ревностный раб Божий, лежал на смертном одре от раны, полученной им во время осады. Он знал, что должен умереть, и кипел злобой против всех участвовавших в войне из-за окопов, разумеется, также и против этих «предателей» иудеев. Товарищи по племени этого не понимали, и когда Мухаммед предложил решение участи пленных иудеев предоставить их главе, они охотно согласились. Са'д же решил, недолго думая: мужчин перебить, женщин и детей обратить в рабство, а имущество их поделить. Приговор исполнен был на другой день утром. Целый день продолжалась отвратительная бойня; более 600 иудеев потерпели мученическую смерть за веру. Только один, согласившийся перейти в ислам, остался в живых; все остальные, поголовно, умерли, выказывая геройский дух, чего нельзя было ожидать, судя по прежним их нерешительным действиям. Жены и дети обращены были в рабство. Красавица-еврейка Р е и х а н а, доставшаяся пророку, обращена была в ислам и взята им в гарем. Несколько дней спустя суровый судья Са'д последовал за своими жертвами.

Жестокость образа действий пророка в данном случае находит себе некоторое оправдание в древнеарабских воинских обычаях, по которым, несомненно, пророк имел право казнить взятых в плен иудеев, так как они сдались безусловно. Отвратительнее всего в этом приговоре соединение беспощадной суровости с коварной игрой именем Бо-жиим. Но Мухаммед и его последователи так же мало понимали это, как и судившие еретиков католики или протестанты, которые одинаково не могли отдавать себе отчета в ужасных своих деяниях, когда они, во имя Бога, сжигали тела людей, говоря при этом, что спасают их души. Но эти грубые, нечувствительные по натуре люди сами не знали, что творят, даже и в XIX столетии. Все же подобного рода жестокость не была в сущности характеристической чертой Мухаммеда. Так, например, немного спустя он совершает большой шаг вперед по отношению цивилизации своего народа, запрещая уродовать и мучить пленных, приговоренных к смерти. Но это было, понятно, совершенно иное: одно — иудей, а другое — вообще человек. Известны уже ранее те основания особенной ненависти, которую питал пророк к детям Израиля.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРОРОКА И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ЕГО РЕЛИГИИ. СИСТЕМА ВЕРОУЧЕНИЯ ИСЛАМА

Война из-за окопов и истребление курейзов служат в истории Мухаммеда поворотным пунктом, не менее знаменательным, чем битва при Бедре. Подобно тому, как первое выигранное дело выдвинуло сразу бездомного беглеца, ставшего независимым властелином, окруженным собственным войском, которого нельзя уже было презрительно игнорировать, так и кончившийся без последствий поход коалиции убедил окончательно его противников, что им далеко до него, даже при напряженном сконцентрирова-нии всех сил, по крайней мере в его собственных владениях. С этих пор они и не

стараются возобновлять попытки борьбы; каждый из неприятелей сопротивляется в одиночку, как умеет и сколь возможно долее, рассчитывая при этом только на случайности счастливого оборота войны, но не помышляя вовсе о возобновлении единственно разумной политики совместной обороны. Бедуин рассчитывает на дальность и малую доступность своих пастбищ, иудеи — на крепость башен, мекканцы пробуют еще защищать свою святую область, но никто из них не осмеливается более предпринять наступательную борьбу. Поэтому Мухаммед может преспокойно вести атаку поочередно то на одного, то на другого, пока всех по порядку не поглотит. Мастерски глубоко рассчитанными политическими маневрами обделывает он все это; пророка не волнуют ни страсти, ни предубеждения. С невозмутимо холодным спокойствием взвешивает он средства: подавляет опасное движение со всей подобающей строгостью, умеет при случае перекинуть и золотой мост для уступчивого противника, лишь с виду сопротивляющегося. Искусство его располагать в свою пользу неприятельские силы, дробя их безмерно, равно как и стремление разыграть еще при этом великодушие, напоминает коварно-хитроумную политику римлян.

В течение всего шестого года (627) пророк занят расширением области своего влияния по всевозможным направлениям, начиная с безусловно подчиненной отныне его власти Медины. Он пытается снова внушить к себе уважение в среде бедуинов центральной Аравии. Стараясь прикрыть таким образом тыл свой на востоке и северо-востоке, Мухаммед мог, никем не тревожимый, посвятить свои досуги и любезным землякам юга, а на севере — городам иудейским. Он начинает задирать их всякими способами и поджидает только время, когда можно будет окончательно их поглотить. И вот действие открывается целым рядом набегов на различные отделы племен Гатафан, Асад и Хавазин. В сущности они не приводят к значительным результатам, но служат прямо к устрашению беспокойных соседей. Попутно захвачен мекканский караван, сделано нападение и пощипаны немного Бену Са'д в Ф а д а к е, подозреваемые в сношениях с иудеями Хейбара; глава последних У с е и р смещен и изменнически умерщвлен вечно готовым к услугам пророка подосланным лицом. Было бы очень интересно иметь более точные сведения о неко- торых других предприятиях пророка того времени; как кажется, тогда уже Мухаммед начинал распускать сети далеко за пределы Аравии. С тех пор как он отрезал торговую дорогу на север мекканцам, его мединцы стали высылать сами караваны в Сирию. В этом же году наказаны были Ф е з а р и т ы, отдел племени Гатафан, за то, что они осмелились ограбить караван мединцев невдалеке к северу от города. А незадолго перед тем, так сообщает предание, был направлен набег также к северу. Потребовалось отомстить за ограбление посланника, которого отправил Мухаммед в Сирию к византийскому императору Ираклию, занятому в то время приготовлениями к серьезному походу против персов. О цели посольства, которое, вероятнее всего, было направлено не к самому императору, а скорее к префекту Палестины, ничего достоверного не известно; также не имеется сведений о вероятной связи между этим посольством и походом, предпринятым два месяца спустя в Думат Аль-Джандаль. Христианское народонаселение этого оазиса было, как кажется, издавна в тесной связи с христианскими элементами владений Хиры; с этим предположением согласуется и то, что глава их, хотя чисто арабского происхождения, из племени К е л б, носил королевский титул. Без сопротивления подчинился он посланному военачальнику мусульман и обязался выплачивать дань; на самом же деле эта маленькая страна, как увидим далее, подчинилась гораздо позже.

Меж тем приближался конец шестого года (весна 628), а вместе *с* ним наступление мекканских паломнических празднеств. Как и всегда, происходили они в среднем из один за другим следующих священных месяцев З у'л ь-к а'д а, Зуль-хиджжа и Мухаррем*. НоужевЗу'ль-ка'де,когда открывалась ярмарка в Маджанне, многие арабы имели обыкновение посещать Мекку, чтобы успеть совершить так

' Первые два из них составляют конец года, третий — начало следующего года. Четвертый священный месяд Раджаб — седьмой по порядку. Все же месяцы чередовались так: М у х а р р е м, С а ф а р, Р а б и I, Р а б и II, Д ж у м а д а I, Д ж у м а д а II, Р а д ж а б, Ша'бан, Р а м а д а н, Ш а в в а л ь, З у'л ь-к а'д а, З у'л ь-х и д ж ж а.

называемое посещение, т. е. малое паломничество, ограничивающееся обходом святынь Мекки; меж тем как в большое паломничество, собственно Хаджж, включались кроме того процессии на Арафат и в Мину. Перед самым началом этого самого месяца объявил Мухаммед своим правоверным, что им совершено паломничество во сне, и ему вручены ключи от Ка'бы. Следовало приготовляться немедленно к паломничеству, но не брать с собою другого оружия, кроме меча, так как это будет мирное предприятие. Почти невероятно, чтобы пророк, опираясь лишь на сновидение, мог решиться выполнить такое важное по последствиям решение, едва ли был он в то время до такой степени наивным человеком. У него, вероятно, были особые причины предполагать, что курейшиты должны были поневоле беспрепятственно допустить его, как и всякого другого, посетить в эти священные месяцы Мекку и Ка'бу. Но какого рода были эти соображения, об этом нет никакого указания в дошедших до нас преданиях. Между тем, со времени изменения киблы, Ка'ба делалась как бы средоточием общины правоверных. Овладеть Ка'бой стало конечной целью стремлений пророка, а в интересах мекканцев было держать его вдали от священного города. Все это должен был знать Мухаммед. С другой стороны, трудно предположить, чтобы сам он уже тогда захотел вдохнуть своим единоверцам неограниченное уважение к древним обычаям, которые так жестоко преследовал, где только мог. Мы видим при этом,

что теперь лишь немногие из выдающихся людей Мекки ревностно относились к продолжению сопротивления, и то те только, которые имели особые причины к личной вражде к пророку, так, например, И к р и м а, сын убитого при Бедре Абу Джахля. Дальше мы видим также, что главную роль во вскоре наступивших переговорах стали играть не члены семьи Махзум или же Омейи, а Бену М а'и с, доселе малоизвестный отдел племени курейшитов. Абу Суфьян, душа всякого направленного против Мухаммеда предприятия, вдруг как бы стушевывается, сходит со сцены. Мы слышим, наконец, что вскоре один из первых среди махзумитов, Х а л и д И б н ал ь-В а л и д, принимает от- крыто ислам. Если принять все это во внимание, невольно является догадка, что мудрейшие между мекканцами прозрели, со времени войны из-за окопов, бесполезность сопротивления. С предупредительною готовностью выслушали они, должно быть, предложения Мухаммеда, которые мог он сделать через посредство дяди своего Аббаса или кого-нибудь другого. Вероятно, пришло одному из них в голову, что можно исподволь приучить мекканцев к лицезрению ненавистного человека, и вот воспользовались паломничеством в месяцы всеобщего мира. Но в момент исполнения, когда в толпе вспыхнуло грозное негодование и резко выступила наружу непримиримая ненависть личных врагов пророка, благоразумные люди спохватились и не решились на этот раз продолжать толковать о снисходительности. Все это, впрочем, довольно гадательно, поэтому попытка осветить факты, о которых предстоит нам рассказывать, может быть и излишня.

По зову пророка около 1500 мединцев и асламитов двинулись в путь к Мекке первого Зу'ль-ка'ды. Священный месяц уже наступил. Беспрепятственно достигли правоверные У с ф а н а, в!0 милях к северо-западу от Мекки. Но здесь пророк получил неблагоприятное известие: услышав о его приближении, курейшиты и живущие вблизи их союзники наскоро вооружились и потянулись лагерем из города к северу, а конницу выслали по дороге к Усфану. Чтобы подойти насколько возможно ближе к городу, Мухаммед повернул вправо, обогнул конные разъезды мединцев и достиг Худейбии, на самой границе священного округа, невдалеке от стоянки мекканцев; здесь пророк скромно расположился. Племя Хуза'а, старинные союзники и неизменные его шпионы — часть их перешла уже в ислам, — сообщали Мухаммеду точно обо всем, что происходило в городе. При помощи их завязал он дипломатические сношения с целью добиться мирного вступления в Мекку. Вначале поступал он энергично, угрожая в крайнем случае пробиться силой и проложить себе путь к Ка'бе; впрочем, выражал также при этом готовность заключить перемирие с курейшитами на долгий срок, обещал на будущее время беспрепятственный пропуск их караванов везде под тем условием, чтобы ему предоставлено было разделаться с остальными арабами, как он пожелает. Посланцы беспрерывно сновали между обоими лагерями, но обе стороны ни до чего не могли договориться. Наконец Мухаммед послал своего зятя Османа и в то же время дозволил некоторым другим посетить своих родных в Мекке. В лагере мекканцев никто не выказал особенного сочувствия к Осману, и он нашел целесообразнее уехать в город, чтобы там начать предварительные переговоры, прежде всего, надо полагать, со своими родственниками из дома Омейи. Прошло три дня; ни он, ни другие не возвращались, а между тем распространился слух, что курейшиты убили зятя пророка; положение дел становилось серьезным. Никоим образом Мухаммед не мог допустить безнаказанно убийства уполномоченного им лица, тем более что это был его зять. Тотчас же стали правоверные хватать кого попало из мекканцев, задерживая их в виде заложников; в свою очередь, и вблизи стоявшие курейшиты стали задирать мединцев; казалось, надвигался момент всеобщей резни.

У правоверных не было вовсе оборонительного оружия, одни только мечи; пророк возвестил, что предстоит вполне мирный поход. Положим, беглецы, равно как и ансары из прежних, были люди неустрашимые и преданные, но являлось невольно сомнение — будут ли держаться так же стойко ввиду непредвиденно критического положения дел те многие, которые перешли в ислам недавно. В этот решительный момент Мухаммед собрал все свое войско вокруг громадного дерева, вышел к воинам и потребовал от каждого из них клятвы рукоприкладством в знак того, что они его не покинут. Слава, какой впоследствии пользовались принявшие участие в этой «клятве благоволения»*, указывает слишком ясно, насколько сознавалась вся опасность; ставилось на карту все. Но и курейшитам тоже очень не хотелось вступать в бой, исход которого ввиду отчаянной храбрости мусульман нельзя было заранее предвидеть. Они послали

* Благоволения, оказанного при этом Богом.

С у х е й л я И б н А м р а, из дома Ма'ис, с двумя сотоварищами. Предложено было Мухаммеду заключить следующее условие: он обязан со своими немедленно же вернуться обратно, зато в следующем году ему дозволен будет доступ в Ка'бу в течение трех дней. Когда мусульмане узнали об условиях, некоторые из ревностнейших, а во главе их Омар, пришли в ярость, собирались даже отказаться повиноваться. Пророку потребовалось употребить всю силу своего авторитета, чтобы довести дело до конца и удержать своих от прискорбных насилий, может быть, оскорблений посланных для переговоров. Особенно возмущало правоверных, когда дело дошло до редактирования договора, что курейшиты отказались наотрез поставить в начале его обыкновенную мусульманскую формулу «во имя Аллаха, Всемилостивого и Всемилосердного», а также не соглашались на обозначение Мухаммеда в качестве посланника Божьего. Когда же пророк спокойно кивнул исполнявшему при этом роль писца Алию в знак согласия на желания

язычников, ревностные поборники веры окончательно смутились. Вообще, замечательный этот исторический документ, в том виде, в каком составлен, действительно был в состоянии тяжело встревожить хоть кого, даже самого невозмутимого правоверного. Гласил он следующее: «Во имя твое, о Аллах! Вот условия, на которых заключен мир между Мухаммедом, сыном Абдуллы, и Сухейлем, сыном Амра. Оба они пришли в соглашение, что война прекращается между договаривающимися сторонами на 10 лет. В течение этого срока обе стороны пользуются полною безопасностью, та и другая обязуются не нарушать мира. Притом, если один из курейшитов без ведома тех, кои имеют над ним законное право, перейдет на сторону Мухаммеда, то сей последний обязуется выдать его; если же кто-либо из окружающих Мухаммеда перейдет к курейшитам, они не обязаны выдавать его обратно ему. Затем да пребудет меж нами нелицемерная прямота, и да не будет места никакой тайной неприязненности либо хитрости. Далее, если кто-либо (из остальных племен) восхочет заключить договор или союз с Мухаммедом, то это допускается; а если пожелает учинить таковой же с курейшитами, то и это возможно. Кроме того обязан ты* в этом году очистить нашу область и не возвращаться к нам в Мекку. А затем, по истечении годичного срока, очистим мы (город) перед твоим прибытием, тогда можете ты и сопровождающие тебя вступить туда и пробыть в нем три дня, вооруженные тем, что потребно на пути, а именно: мечами в ножнах; никакого иного (оружия) не имеете ты и твои права надевать».

Подписав документ, мекканцы удалились, а Мухаммед тотчас же повелел умертвить взятых с собой жертвенных животных и произвести обычное к концу паломнических церемоний обрезание волос на голове. Пророк хотел засвидетельствовать, что, несмотря на запрещение посещения священной местности в этом году, паломничество все-таки следует считать совершившимся во всем его религиозном объеме. Однако те именно, которые привыкли непоколебимо верить в каждое слово посланника Божия, возмутились в душе и не сочли возможным повиноваться в данную минуту подобному приказанию. В их глазах казалось это каким-то мгновенным припадком слабости, вовсе не божественной. Возможно ли, думали они, что пророк, так определенно сам возвещавший вступление в Мекку, отделывается теперь пустой уверткой, объявляет, что возвещенный им успех откладывается, и по каким-то непредвиденным обстоятельствам желает вернуться; вместо непрестанно проповедуемой прежде неослабной войны против неверующих заключает вдруг перемирие, и при каких еще условиях — унизительнее их нельзя и придумать. Поэтому они исполнили приказ лишь после неоднократно повторяемых напоминаний, и то тогда только, когда он сам подал пример. Исполняли неохотно, небрежно, отчасти не вполне и угрюмо двинулись в обратный путь.

Вскоре, однако, все спохватились и уразумели всю справедливость сказанного Абу Бекром в виде предостережения неукротимейшему из них, Омару. «Держись поближе, у самого его стремени, помни — он посланник Божий!» До-

* Так гласит предание; поэтому, надо полагать, мекканцы сами диктовали договор Алию.

говор действительно был неизбежным последствием того безвыходного положения, в котором очутился Мухаммед против всякого ожидания. Зато же пророк и сумел на нем выказать все свое величие. Благодаря несравненно высокому самообладанию он превратил весь договор в ловкий дипломатический фокус. Курейшиты вообразили было, что львиная доля выгод на их стороне, меж тем, в конце концов, должны были удовольствоваться одним слабым утешением поспесивиться, и то на короткий очень срок. Мухаммед, по-видимому обделенный и униженный, становится вскоре неоспоримым господином положения. Неоценимой выгодой для него оказалось уже то, что мекканцы согласились договариваться с ним на равной ноге. Заключением союза они как бы признавали его равноправность с собой, снимали официально пятно с него, некогда бежавшего из отечества безвестного проходимца. Отныне каждый получал право признавать себя открыто его приверженцем либо союзником, не нарушая при этом древне-арабских понятий, составлявших кодекс чести всякого племени. Тотчас же ближайшие соседи Мекки, Хуза'иты, бывшие до сих пор лишь тайными союзниками пророка, стали открыто на его сторону. Между тем живущие рядом с ними бекриты (из племен Кинанитских, кочевавших между Меккой и берегом) примкнули к курейшитам. Мухаммед только этого и ждал. Между обоими этими беспокойными и издавна неприязненными племенами нередко происходили столкновения; casus belli, когда угодно, мог явиться по его желанию. Даже такой, по-видимому, невыгодный параграф, по которому он был обязан выдавать немедленно тех, которые бежали к нему в Медину без согласия своих законных владетелей, вскоре послужил ему же на пользу. Некто А б у Б а с и р, из племени С а к и ф, проживавший в Мекке в качестве клиента дома З у х р а, был посажен под замок своими господами за выраженную им склонность к исламу; он успел бежать и счастливо добрался до Медины. Зухриты послали за ним двух своих людей с письмом к Мухаммеду; пророк должен был его выдать. Но по дороге Абу Басир воспользовался счастливым моментом, убил одного из провожавших и бежал к морскому берегу. Вскоре собралась там целая толпа бежавших из Мекки по тому же самому поводу; их скопилось около 70. Стали они нападать на караваны курейшитов и столько натворили бед, что мекканцы должны были сами усердно молить Мухаммеда, не согласится ли он отменить роковой для них параграф. Отныне каждому дозволялось покинуть город и переселиться в Медину. Была доказана еще раз, и блистательнейшим образом, неспособность мекканцев препятствовать распространению ислама. Богатая добыча, которою пользовались мусульмане в каждом походе

Мухаммеда, действовала на многих как неотразимая приманка; более прозорливые уже предвидели наступление скорого торжества пророка над всеми его неприятелями. Таким образом, не прошло и 22 месяцев после Худейбии, как число его приверженцев более чем удвоилось. Между спешившими со всех сторон стать под знамена правоверных находились: выдающийся полководец, Халид ибн аль-Валид, из дома Махзум, победитель при Оходе, и Амр Ибн аль-Ас, ставший впоследствии одним из дальновиднейших политиков арабских.

Неожиданные результаты договора должны были в высшей степени посрамить тех, кто, слепо негодуя, опрометчиво возмущался на действия пророка, и вдохнуть в его фанатичных приверженцев непоколебимое доверие к мудрости посланника Божьего. Но успокоение умов не произошло сразу; необходимо было предоставить правоверным хотя некоторое вознаграждение взамен, по-видимому, постигшей их неудачи. Само собой, для этой цели более всего подходило продолжать преследование иудеев. В Медине не оставалось более ни души из этого несчастного народа, но в северном Хиджазе израильтяне жили еще во множестве и благоденствовали; средоточием их был Хей-бар, состоявший из трех кварталов хорошо укрепленных; ему подчинены были также значительные места Вади'л-Кура и Фадак. Начало было уже сделано Мухаммедом, как мы видели выше; главы их Абу Рафи' и Усейр были по его приказанию умерщвлены, а племени Бену С а'д при Фадаке дан был хороший урок. Теперь пророк решил покорить Хейбар окончательно. Вскоре после отступления от Худейбии он двинулся с 1400 человек при 200 лошадей, в месяце Мохарреме, в седьмом году (в апреле или мае 628). Иудеи, конечно, не сомневались, что теперь дошла очередь до них, но понадеялись на крепость башен, построенных отчасти на высоких скалах, а также на помощь 4000 гата-фанов, которых только что успели позвать на помощь; но Мухаммеду удалось захватить их врасплох. Он появился рано утром, совершив быстрый ночной переход. Если иудеи и рассчитывали раньше попытаться сразиться в открытом поле, об этом теперь невозможно было и думать: им пришлось запереться в крепость. Для гатафанов это было крайне неприятным обстоятельством. Как истые бедуины, они нуждались в свободе действий, широком пространстве, чтобы в случае поражения быстро ускакать в свои родные степи. К тому же, как кажется, Мухаммед успел надавать им всевозможных обещаний, и они покинули иудеев на произвол судьбы прежде, чем началась серьезная осада. У мусульман не было под рукой военных машин, которыми они могли бы пробить брешь в крепких стенах и башнях; предстояло, по-видимому, утомительное и скучное дело: обложение и морение голодом осажденных. С видимой неохотой отдал приказ Мухаммед срубать пальмовые плантации вокруг города. Вскоре, однако, склоняясь на разумные советы Абу Бекра, он повелел остановить начатое уже дело. Тогда один изменник из горожан указал пророку на слабое местечко одного укрепленного квартала, перед которым раскинут был лагерь мусульман. Хотя иудеи успели быстро, ввиду уже проникшего в укрепление неприятеля, перейти в близлежащий форт, но осаждающим удалось разыскать в занятом квартале военные машины. Как ни были они плохи, убеждение иудеев в неприступности их укрепленного города, естественно, значительно ослабло; пробовали они неоднократно делать вылазки, но все они были успешно отражаемы; одна башня за другой переходили постепенно в руки мусульман. В последней, самой крепкой, продержались осажденные еще 14 дней, лишь обороняясь. Наконец, когда они увидели, что Мухаммед собирается попробовать пустить в ход дотоле неизвестные военные машины, они объявили, что готовы сдаться. Им дозволено было удалиться с женами и детьми под тем условием, чтоб кроме носильного платья ничего с собой не забирали; скрывший же что-либо будет казнен. Несмотря на это, глава иудеев кинана, сын Абу Рафи', ухитрился припрятать старинные семейные сокровища. О нем немедленно донесли Мухаммеду, и пророк повелел, дабы вырвать дальнейшие признания, подвергнуть его с братом пытке, а затем казнить. Жестокая расправа нисколько, однако, не помешала победителю вскоре за тем жениться на красивой вдове казненного иудея. Добыча оказалась необычайно богатой; по обычаю, поделили ее между всеми участвовавшими в походе. Что же касается самой страны, то, так как было неудобно ослаблять силы ислама через переселение правоверных сюда, так далеко от Медины, она была снова отдана иудеям для дальнейшей обработки на неопределенный срок, «как долго будет угодно это Богу», с тем условием, чтобы данники отдавали половину доходов в казну ислама.

За свою победу над Хейбаром пророк чуть не поплатился слишком дорого. Одна еврейка, по имени Зеинаб, потеряла всех родных во время осады и вздумала отомстить за их смерть. Раз вечером преподнесла она пророку в виде подарка убитую овцу, натертую сильным ядом. Мухаммед принял приношение и приказал изжарить животное для себя и некоторых из гостей своих. При первом же куске яд обнаружился отвратительным вкусом. Пророк тотчас же выплюнул и спасся, а один из собеседников, который успел проглотить несколько кусков, умер. Самому пророку казалось всегда, до конца жизни, что он ощущает присутствие в организме этого яда; он даже приписал ему, хотя, конечно, неосновательно, и последнюю свою болезнь!

После взятия их главного укрепленного города остальные иудеи на северо-западе Аравии вяло продолжали защищаться. Вскоре сдались Вади'ль-Кура и Фадак, вероятно, в то же самое время и более отдаленная Тейма. Одну из своих целей Мухаммед достиг вполне: ни один иудей в Аравии не смел более поднять на него руку; лишь в самом интимном кружке единоверцев он мог дозволить себе оспаривать притязания его на сан пророка. Ближайшие месяцы прошли в незначительных стычках с бедуинами, преимущественно из племен Хавазин и Гатафан. Наступила наконец Зуль-ка'да 7 г. (приблизительно февраль 629), а с ней пора «посещения», которое на этот раз должно было привести к

беспрепятственному и торжественному въезду пророка и паломничеству ко святым местам Мекки. Событие произошло без особых приключений: когда войско мусульманское — к людям Худейбии примкнули значительные толпы новых пилигримов, около 2000 человек, — достигло границ священного округа, воины* Мекки вышли из города и потянулись к окружающим высотам. Можно себе представить чувство самодовольства, с которым Мухаммед, ныне неограниченный властелин большей части Аравии, вступал во главе своих непобедимых правоверных в город, из которого 7 лет тому назад должен был тайком бежать беззащитным изгнанником. Никто в настоящее время не решался преграждать путь пророку и его окружающим к «священному дому»; со спокойною самоуверенностью исполняли правоверные стародавние, почитаемые повсеместно обряды, а с оставшимися мекканцами тотчас же завязывались дружественные отношения; почти с нежностью приветствовал пророк своего многоопытного дядю Абба-са. Старая лиса, в предвидении позднейших событий, умел устроить тепленькое местечко для себя и своих в ближайшей среде окружавших столь успешно подвизавшегося племянника: при посредничестве дяди Мухаммед женится на М е и м у н е, овдовевшей невестке, проживавшей до сей поры у Аббаса в дому. Пророк охотно присоединяет ее к своему гарему, тем более что это давало ему возможность раскинуть новые сети над Меккой.

Три дня, назначенные по условию, минули; явился Су-хейль в качестве неизменного оратора курейшитов и по-

' Так следует понимать, когда говорится, что «курейшиты» покинули Мекку. Мы тотчас же дальше читаем, что Мухаммед вступил в сношения с оставшимися горожанами.

требовал очищения города. Мухаммед стал было упираться; он предложил посланнику отпраздновать заодно свою свадьбу с Меймуной. Но Сухейль не поддавался — в ответ на любезное приглашение он продолжал требовать буквального исполнения договора. Делать нечего, на четвертый день должны были выступить из города мусульмане. «Полное посещение»* хотя и исполнилось, но грезы пророка осуществились лишь наполовину. Зато как ревностно воспользовался он этими тремя днями, чтобы подготовить довершение остальной половины; наилучшим подтверждением могут служить начавшиеся с этих пор все чаще и чаще поездки самых разнообразных лиц, отчасти из высокопочитаемых семей Мекки, в Медину, в это самое время осенило также Халида и Амра божественным светом, и многих других вместе с ними.

«Людям желательно подгонять события, но Господу угодно, дабы они созрели», - имел обыкновение говорить невозмутимый Абу Бекр несколько позже, когда заходила речь о Худейбие. Таково же было мнение и величайшего политика, который все яснее выступает в лице Мухаммеда. Между тем не только из старой его родины, но и от различных племен полуострова беспрерывно притекали новые приверженцы в главную квартиру пророка и мало-помалу приучались, ради доброго дела, к долгим стояниям на молитве, уплате налогов и тому подобным тяготам необычной набожности, приходившимся весьма не по нутру для истого араба. Спокойно выжидал он, когда наконец наступит момент и Мекка, как зрелый плод, скатится ему на лоно. Но и в это промежуточное время он не мог оставаться праздным, это было против природы ислама; ведь и вне Хид-жаза мир преисполнен неверными. Ранее мы упоминали, что Мухаммед в шестом году (627) отправил к императору Ираклию посланника. Перед самым походом на Хейбар (весною 628 г.), так повествует далее предание, приказал пророк приготовить письма к императору Ираклию, к византийскому префекту Египта, Гассаниду Харису VII, и Хос-

'Omratel-kad a, буквально — «посещение исполнения».

рою Парвезу, шаху персидскому. Мухаммед взывал к ним, убеждал оставить ложных богов и подчиниться посланнику Аллаха. Можно себе представить, какое комическое впечатление могло произвести на Ираклия подобное требование какого-то неизвестного арабского начальника — если только письмо дошло по назначению. Император в это самое время (в апреле 628 г.) только что покончил решительною победой сотни лет тянувшуюся войну между персами и византийцами, и греческая империя вернула назад все когда-либо захваченные Персией провинции. Могущественный властелин и не воображал, конечно, что не пройдет и восьми лет, как орды этого сомнительного авантюриста отторгнут от него навсегда половину его малоазийских провинций и что он должен будет беспомощным беглецом укрыться за стенами Константинополя. Назначенное персу письмо так и не дошло до него. Когда оно писалось, едва ли тот был в живых. Но еще ранее слышал шах о различного рода движениях, происходящих внутри Аравии, и потребовал от Б а д х а н а, своего наместника в Йемене, сообщить ему подробности. Доверенное лицо, посланное наместником в Медину, как он донес впоследствии, приняло ислам. Очень ясно, что это событие до покорения Мекки не могло случиться. Все эти обстоятельства вообще в высшей степени неразъяснены и спутаны. Одно только несомненно, что из Египта, между прочими подарками, посланы были Мухаммеду две красивые рабыни. Имена их — М а р и а т' и Ш и р и н — указывают на их происхождение из Месопотамии, но они легко могли быть перепроданы оттуда в Египет. Первую из них принял Мухаммед к себе в гарем, хотя не как законную супругу. На Востоке, со времен Сары и Агари, не редкость подобные случаи, когда рабыня выступает рядом с

законными женами. Подобные же отношения встречаются довольно часто и у арабов. Мухаммед санкционировал их следующим образом: каждый правоверный — за исключением пророка, не связанного никаким определенным числом, — не может иметь более четырех жен, но

* Это не Мария, а одна из второстепенных форм имени Марта.

зато рабынь — неограниченное количество. Положение матери не имело никакого влияния на законность детей. Одно признание со стороны отца давало равноправие сыну рабыни. Поэтому радость Мухаммеда была неописуема, когда по прошествии года Мариат подарила ему сына. Со смерти Хадиджи у него не было более детей. Назвал он его И б р а х и м о м (Авраам), именем патриарха, чью чистую веру он, как по крайней мере полагал, был призван восстановить на земле. Но за год до собственной смерти пророк должен был увидеть своего сына умирающим.

Кроме этого позднего домашнего счастья, его послания к иноземным государям немного хорошего принесли. До нас ничего не дошло о дальнейших сношениях с византийцами и гассанидами. Но мы узнаем, что в Раби' I 8 (приблизительно в июле 629 г.) на сирийской границе кучка из 15 человек — вероятно, высланная на разведку, — атакована была неприятельскими войсками, надо полагать, пикетом гассанидской стражи, и все до единого были истреблены. В то же время в греческих владениях был пойман и обезглавлен* посол, везший письмо коменданту Востры, главной греческой крепости в области восточного Иордана. Гассанидам, конечно, не нравилось, когда племена внутренней Аравии старались вмешиваться в отношения пограничных областей. Так или иначе, но факт остается неоспоримым, что в течение того же года (Джумада I = сентябрь 629 г.) выступило к северу войско из 3000 человек под командой приемного сына пророка, Зейда Ибн Харисы. Расстояние от Медины до страны моавитян на восток от Мертвого моря по прямой линии составляет около 110 немецких миль. Очень вероятно, что Мухаммед даже приблизительно не имел никакого представления о воинских средствах, которыми именно в это время мог располагать Ираклий. Все же арабы должны были знать, что греки незадолго перед тем нанесли персам чувствительное поражение. Поэтому трудно было рассчитывать на ус-

' Очень возможно, что оба происшествия тождественны, а иные предполагают, что гибель 15 человек составляет эпизод следующей войны у Муты.

пех, отправляя экспедицию в столь отдаленную область. Вот почему предписывалось на случай несчастья заменить Зейда Д ж а'ф а р о м, сыном Абу Талиба (двоюродным братом пророка), а затем — хазраджитом Ибн Р а в а х о и. Пограничные войска гассанидов были настороже. Уже за несколько миль к северу от Медины наткнулось арабское войско на отряд, высланный на разведку начальником пограничных сил, Шурахбилем. Получив вовремя сведения о силе неприятельского войска, Шурахбиль быстро отступил. Мусульмане достигли М у т ы, местности вблизи южной оконечности Мертвого моря; сюда стянулись тем временем главные силы византийцев. Правоверные сражались по обыкновению храбро, однако им было не под силу бороться с неприятелем, превосходившим их силы раз в десять.* Один за другим пали Зейд, Джа'фар и Ибн Раваха; тогда арабы обратились в беспорядочное бегство. С большим трудом удалось Халиду, участвовавшему тоже в походе, остановить и повести их назад в Медину в должном порядке. Там встретили «беглецов Муты» насмешками и попреками, но Мухаммед понял, что при подобных обстоятельствах немыслимо было рассчитывать на благоприятный исход, и воспретил поэтому дальнейшие нападки. За спасение войска дано было Халиду почетное прозвище «Божий меч». Чтобы поукоротить, однако, дальнейшую заносчивость племен, кочевавших между Мединой и сирийскими границами, отправлен был летучий отряд к северу под предводительством А м р а И б н А л ь-А с а, а несколько спустя предпринимались новые экспедиции против гатафанов и других племен. Немного потребовалось усилий, чтобы побудить бедуинов центральной Аравии признать власть пророка. Они ясно видели, что произошло с их прежними союзниками иудеями; от мекканцев ждать им было нечего; с другой стороны, они понимали, что перешедшим на сторону Мухаммеда предстояли неисчислимые выго-

' Ничего положительно неизвестно о количестве неприятеля; арабы толкуют про 100000 человек, но это, конечно, вздор. Византийская армия состояла пополам из арабских пограничных племен и императорских войск.

ды. Поэтому в течение восьмого года (629) большинство отделов племени Гатафан и даже Сулейм, так еще недавно, во время одного хищнического набега, истребивших отряд в 50 человек мусульман, примкнули к пророку. В это самое время, когда могущество Мухаммеда росло с поразительной быстротой, курейшиты любезно предоставили ему в желательной форме casus belli, в котором он так нуждался, чтобы избавиться наконец от несносного договора Худейбийского.

Мы уже упоминали о розни, существовавшей между племенами Хуза'а и Бекр, жившими вокруг Мекки. Оба они включены были в мирный договор, первые в качестве союзников Мухаммеда, а вторые — мекканцев. Случилось так, что один из хузаитов поколотил одного из бекритов за то, что тот сочинил эпиграмму на Мухаммеда. Бекриты, очень обозленные, напали однажды ночью в Ша'бане 8 (декабрь 629 г.) в большом числе на отряд Хузаитов и расправились с ним по-свойски. Между нападающими, надо

полагать, было несколько курейшитов; во всяком случае весьма вероятно, что всем этим нападением руководила мекканская партия войны, предводимая Сухейлем. Она постепенно стала, по-видимому, понимать не хуже самого Абу Суфьяна, что силы Мухаммеда, хотя медленно, вырастают до необычайных размеров, потому и порешила, что наступила крайняя пора для последней попытки спасти город. Ее предводители надеялись смелым поступком вовлечь в войну своих сограждан, дабы даровать Мекке или победу, или же возможность потерять независимость с честью. Одного они не рассчитали — веками засевшее нерадение в единоплеменниках не могло быть устранено сразу. В массах народонаселения не было никакого единодушия. При первом известии о расторжении мира сограждане и не подумали вооружаться, чтобы защищать свою свободу против ожидаемого нападения со стороны Мухаммеда. Наоборот, наступило всеобщее смущение; никто и слышать не хотел о Сухейле и его головорезах, все бросились к Абу Суфьяну умоляя его отправиться в Медину и покончить дело как-нибудь миром. Старый аристократ долго колебался, но наконец согласился. Одно только странно: отправился он в Медину дня два спустя, между тем хузаиты, конечно, давно уже там побывали и все передали по-своему. Тщетно добивался Абу Суфьян в течение многих дней услышать от Мухаммеда и окружающих его что-нибудь более или менее успокоительное; все наперерыв старались застращать его, а вместе с ним и остальных курейшитов, отовсюду приходилось слышать одни лишь угрозы*. Не успел он покинуть Медины, как находившиеся в городе войска немедленно же поставлены были на военную ногу; вытребованы были также все союзные бедуины для следования за армией. Скорехонько пристраивались к мусульманам жадные хищники, частью еще в городе, а частью на походе, как кому было удобней; потянулось и племя Сулейм, а также некоторые гатафане. Прежде, в «войне из-за окопов», сражались все они с мекканцами против Мухаммеда, а теперь шли на Мекку вместе с Мухаммедом: очевидно, ветер потянул в другую сторону.

Мухаммед делал все, что мог, для маскирования цели похода, чтобы, по возможности, не дать курейшитам времени вооружиться. Между тем никоим образом нельзя было сомневаться в его намерениях. По крайней мере уже на полпути встретили его некоторые из мекканцев, которых как бы обуял внезапно припадок набожности, а во главе их — благородный дядя его Аббас. Влекомый как бы роком для исполнения своей роли в предстоящих событиях, он спешил занять место вблизи Мухаммеда. Многие из курейшитов уверяли, по-видимому чистосердечно, что если они и предчувствовали что-то недоброе до прибытия мусульманского войска, то ничего доподлинно не знали. А между тем едва ли кого из них, за исключением разве военной партии, изумила быстрота Мухаммеда.

Около средины Рамадана, 8 (в начале января 630 г.)" мусульманское войско разбило лагерь в М а р р А з З а х р а н , в одной миле с четвертью к северо-западу от Мекки. К вече-

' По крайней мере так было официально, о чем же говорилось с ним тайком, нет никаких известий.

" День события не установлен. По преданию, вступление в Мекку произошло 20 Рамадана, т. е. 10 января, но и это число спорное.

ру, так передает предание, запылали по горам тысячи огней; блеск их вселял ужас в сердца курейшитов. Они выслали на разведку Абу Суфьяна. По неисповедимому предопределению небес, на полпути встретили его объятия Аб-баса, который, со своей стороны, заботясь о судьбе города в случае насильственного его завоевания, бросился тоже, чтобы предупредить заблаговременно мекканцев о бесполезности дальнейшего сопротивления. Сообщение это до такой степени поразило «исконного врага ислама», что он решился следовать за Аббасом, а тот поручился головой за его личную безопасность. Поздно вечером явились они к Мухаммеду; часть ночи прошла в переговорах. На другое утро пророк обратился к язычнику еще раз, энергично расшевеливая его совесть. Абу Суфьян вынужден был сознаться, что и сам видит, что идолы не помогут, иначе ведь пора бы им прийти к мекканцам на помощь; добрый старик сомневался только в одном, и то слегка: в божеском откровении Мухаммеду. Но и это сомнение рассеялось, как дым, когда Аббас обратил его внимание на то, что при настоящем положении дело может легко коснуться его шеи. Тогда язычник признал более удобным прочесть полное исповедание веры. После этого ему обещали, что его и всех остальных оставят в покое, если при вступлении войск они смирнехонько будут сидеть по домам. Затем Аббас проводил приятеля восвояси. По дороге, на одном из выдающихся отрогов, спутник задержал его и заставил полюбоваться на толпы движущихся мимо них правоверных, бедуинов, ансаров и беглецов. Во всем непобедимом войске числилось всего 10 000 воинов. Сильно же ошиблись хозяева Мекки 7 лет тому назад в этом презираемом ими плебее. Неисправимый аристократ произнес не без иронии, обращаясь к своему спутнику: «С этими, конечно, нам не справиться; царская власть твоего племянника, надо сознаться, стало довольно-таки внушительной». «Смотри, не наговори на свою шею, он ведь пророк», — буркнул тот. — «Что ж! По мне, пожалуй, хоть бы и так», — заключил Абу Суфьян.

Рассказ этот довольно правдоподобен. Весьма возможно также, что Абу Суфьян ради приличия выждал некоторое время применения к нему мягкого внушения и тогда только формально принял веру. Так или иначе, трудно объяснять случайностью его личное свидание с Мухаммедом, равно и то обстоятельство, что за исключением горсточки храбрецов курейшиты спокойно взирали на вступление в город неприятельского войска. Едва ли объяснимо также одним ночным уговором только что успевшего вернуться Абу Су-фьяна, что даже теснины, ведущие в город, не были никем заняты. Из всего этого поневоле приходится заключить, что задолго еще до прибытия Мухаммеда знатнейшие горожане

решили сдачу на более или менее сносных условиях и что партии войны, предводимой Икримой, Сухейлем и Сафваном, удалось собрать вокруг себя лишь незначительную кучку воинов. Остальные же удовольствовались тем, что глазели на комедию, какую нашли лучшим разыграть выдающиеся лица. Во всяком случае неоспоримо, что Мухаммед не ожидал никакого сопротивления. Предводители войск, приготовлявшихся вступить в город со всех четырех концов, получили определенное приказание никого не умерщвлять, за исключением сопротивляющихся, встречающих войска с оружием в руках. Занятие различных кварталов совершилось без пролития крови. Только Халид Ибн аль-Валид, вступая через южные ворота во главе бедуинов, наткнулся на кучку непримиримых. Они только что собирались покинуть город, неизвестно только, *с* какою целью — возобновить ли борьбу снова извне или же бежать в южную Аравию. Последовала непродолжительная схватка, и их разогнали — покорная Мекка лежала у ног пророка.

Если наши предположения справедливы, то условия сдачи по предварительному соглашению между Абу Суфьяном и Мухаммедом легко восстановить, сообразуясь с ходом следующих событий: Мекка отказывалась от сопротивления и предоставляла свои войска к услугам ислама; взамен жителям сохранялись жизнь и имущество, равно предоставлялось участие вместе с прочими мусульманами в будущем в общей, приобретаемой силой оружия добыче. Непосредственное принятие ислама пока не требовалось, но вскоре совершилось обращение большинства жителей, остальные приняли веру впоследствии. Громадное большинство обратилось в веру, понятно, только по форме; в особенности же это было заметно среди членов партии аристократов; и в исламе оставались они твердо при своих мирских воззрениях и стремлениях. Не лежало их сердце к пророку: не могли они забыть, что вначале он сильно стеснил их торговлю, а впоследствии даже и совершенно ее прекратил. Но ныне выяснялось, что быть на его стороне гораздо выгоднее, поэтому в конце концов они охотно примыкали вовремя к новой торговой фирме, пользуясь религиозными обрядами, как вывеской, нисколько не принимая всерьез дела веры. Мухаммед же смотрел, конечно, совершенно иначе: ему недостаточно было одного обладания Ка'бой. По мере расширения власти он предполагал распространять попутно и веру. Поэтому пророк с особенной пунктуальностью стал наблюдать за чистосердечием признания веры среди новообращенных. Стремясь во что бы то ни стало привязать к себе и своим целям прежних своих врагов, он пользовался всяким случаем оказать им свое благорасположение. То милостивым словом, то богатым подарком пробовал он «прельстить их сердца>>, гласит официальный термин. И ему действительно удалось усилить самым осязательным образом материальное могущество своего государства. Но он не в состоянии спаивать новые элементы с духом ислама и терпит дальнейшее существование языческо-мирских мнений, которые впоследствии наносят делу ислама большой изъян. К двум уже существующим неравным составным частям в общине: истинно правоверной партии мединской, как мы можем по всей справедливости ее назвать, и вечно подвижной, стремящейся к партикуляризму бедуинской — присоединяется теперь третья партия, мекканская. Она стала вразрез с обеими партиями: с первой благодаря своей небрежности по отношению к религиозным интересам, а со второй вследствие сознательной привязанности к раз завоеванному государственному единству.

Разнородные стремления этих партий резко отмечают арабский период истории ислама; но все они пока подчи- нились служебным обязанностям повиновения, согласно повелениям Божиим, передаваемым Его посланником, и полное единение временно было достигнуто. Безучастно глядит вся Мекка, как пророк при громких криках «велик Аллах», сопровождаемый своими непобедимыми войсками, семикратно объезжает вокруг Ка'бы на своей верблюдице Аль-Касва, семикратно прикасается жезлом к священному черному камню, повелевает низвергнуть истуканы и разбить вдребезги их изображения, осквернявшие до сей поры дом Божий. Охотно прислушивается толпа к постановлениям пророка, которыми подтверждаются во имя Бога живого святость городского округа и все его преимущества; не менее приятны и речи его, возвещающие всеобщее равенство людей пред Богом; с особым ударением провозглашает он обязанность их не уклоняться от церковных и мирских порядков ислама. Народ беспрекословно повинуется даже и тогда, когда ему приказано очистить все дома от находящихся в них изваяний богов. Зато пророк возвещает свою глубокую привязанность к отчему городу и так безусловно признает его высокое значение, что его мединские спутники начинают тревожиться. Им приходит в голову, не вздумал бы их пророк покинуть и вернуться на старую свою родину. Но он понимает хорошо, что не здесь крепкие корни его силы. «Буду жить там, где вы живете, и умру там, где вы умрете», — промолвил он к ним благодушно. И успокоились их сердца.

Лишь немногие, человек 10 или 12, были изъяты из общего мира за то, что при различных обстоятельствах оказали слишком энергичное противодействие Мухаммеду или его приверженцам; иные сочиняли эпиграммы на него и распространяли их, другие провинились в чем-либо ином, не менее тяжком. Но из них казнены только четверо, остальные помилованы. Даже с главами военной партии: Сухейлем, Икримой и Сафваном — ничего особенного не приключилось. Двое последних, бежавшие после стычки с Халидом, получили приглашение вернуться назад, им обещана была полная амнистия, и впоследствии были они лучшими бойцами за ислам. Один только диссонанс нарушил всеобщую гармонию; произошел он не по вине Мухаммеда, причиною была необузданность Халида. Под ничтожным предлогом захватил он изменническим образом в плен племя Джазима, кочевавшее на юге, невдалеке от Мекки, и заявившее своевременно о своем подчинении. Мстя за давнее кровопролитие, он приказал своим бедуинам перебить некоторых из них, несмотря на громкие

протесты сопровождавших его беглецов и ансаров. Это было вопиющее нарушение запрещения правоверным отмщать за кровь, пролитую еще в язычестве; притом же это было и бесцельной жестокостью; величайший полководец и в то же время самый гадкий человек первого столетия ислама имел впоследствии не одну, а множество подобных историй на душе. Но Мухаммед знал цену «мечу Б о ж и ю», ограничился выговором, но не отрешил его от командования и сам из своего кармана выплатил деньги, следуемые за кровомщение родным убитых воинов-джазимов. Между тем стали доходить другого рода тревожные вести в Мекку. Распространился слух о том, что отделы племени Хавазин пришли в движение и замышляют что-то недоброе. С двумя из них еще прежде Мухаммед имел неприятные столкновения; это были племя С а к и ф, обитавшее к востоку от Мекки в городе Таифе и окрестностях его, то самое, которое так грубо обошлось с пророком незадолго до его бегства, и другое, А м и р С а'с а'а, на главу которого, Ибн Туфейля, пало подозрение в умерщвлении посла правоверных в четвертом году (625). Как и другие отделы племени, они поняли наконец, что станут ближайшей целью мусульманского оружия, так как пограничное с ними племя Сулейм уже примкнуло к мединцам. По достоверным известиям, эти бедуины решились предупредить нападение еще ранее занятия Мекки. Как бы то ни было, но не прошло и 14 дней после занятия города, а их полчища силою тысяч в двадцать расположились лагерем вблизи Таифа. Трудно было даже представить, как успело это громадное войско и в такой короткий срок стянуться отчасти из отдаленных, далеко разбросанных пастбищ. Шестого Шавваля 8 г. (приблизительно в конце января 630) Мухаммед, уверенный в по- беде, но вскоре чуть не принужденный раскаиваться в своем самомнении, повел им навстречу свои войска. К нему присоединились 2000 мекканцев, с ними и Абу Суфьян, также и помилованные недавно предводители партии войны Икрима и Сафван, предложившие охотно свои услуги новому господину родного города. Девятого вечером получено было через одного лазутчика известие, что хавазины расположились лагерем в недальнем расстоянии, у А л ь-А у т а с а. Они находились под командой М а л и к а И б н Ауфа, из отдела На ср. При многих бедуинах находились женщины с детьми, остававшиеся в тылу лагеря с тем, чтобы возбуждать до крайних пределов мужество сражающихся. Малик предусмотрительно выслал несколько кавалерийских отрядов в узкую долину Х у н е и н, отделявшую его от мусульман. Там укрылись они в боковых ущельях с намерением выждать удобный момент для нападения на неприятеля. План удался как нельзя лучше. Едва забрезжил утренний рассвет зимнего, тусклого, дождливого дня, как обыкновенный авангард Мухаммеда — бедуины под предводительством Халида — вступил в узкий проход. Отряд дошел уже до середины, как вдруг со всех сторон — слева, справа — накинулись на него толпы конных. Бедуины, привыкшие при подобных внезапных нападениях мгновенно рассыпаться и еще не вышколенные окончательно железной дисциплиной ислама, повернули своих лошадей назад и поскакали без оглядки, увлекая вслед за собой равно ненадежных мекканцев; ядро войска — ансары — и те заколебались. Еще один момент, и Мухаммед, окруженный небольшой кучкой правоверных, старавшихся заслонить его собою, мог подвергнуться страшной опасности быть отрезанным от своих. Пророк, однако, нисколько не смутился, выхватил меч и *с* тою же неустрашимостью, как когда-то у Охода, крикнул громко, обращаясь к своим мединцам: «Сюда, ко мне, люди древа!»* Возле него стоял дядя его Аббас, обладавший громоносным голосом. И еще громче раздался тот же самый призыв, пронесшийся над волнующимися

• Этим хотел напомнить он клятву при Худейбие.

толпами беглецов. Более не требовалось, дабы напомнить союзникам об их обязанности: «К твоим услугам! к твоим услугам!»* — передавалось от ближайших к дальним. И, как бы по одному внезапному порыву, сражение возобновилось снова. Мало-помалу поворачивали назад и другие беглецы. Поднявшись на стремена своего лошака, присматривался зорко Мухаммед к бою и вдруг воскликнул: «Ого, печ-ка-таки нагревается», — намекая на название местности". И действительно, вскоре хавазинам стало невыносимо жарко. Племя Сакиф, оставившее дома своих жен, первое подумало о безопасности, которую представляли бедуинам стены Таифа. Остальные продолжали обороняться, но уже чувствовали, что им не удержать за собой поля сражения. Вскоре все громадное войско бросилось врассыпную; те, которые взяли с собой жен и детей, пробовали было защищаться в лагере, при Аутасе, но и это последнее сопротивление вскоре было сломлено. Победителям достались 6000 жен и детей, 24 000 верблюдов и бесчисленное число овец и коз. Зато преследование совершенно не удалось: племя Сулейм вспомнило, хотя и поздно, что Хавазин — их отдаленные родственники; оно отказалось наотрез сражаться дальше. К тому же Малик со своими насритами сумел искусно прикрыть отступление, а затем и сам счастливо ушел с остальными в Таиф.

Город этот лежал на границе южной Аравии, и жители его, как кажется, позаимствовали у соседей тамошнее искусство постройки крепостей. Для племен северной Аравии, непривычных к осаде, город их мог представлять серьезное сопротивление. Тем важнее было, тотчас же вслед за победой, быстрым натиском овладеть городом прежде, чем бежавшие с поля сражения успеют там устроиться. Поэтому Мухаммед приказал наскоро отогнать добычу в соседнюю долину, Д ж и'р а н у; здесь разместили ее, окруженную стражей; сам же пророк направился поспешно д а л е е к Таифу. Было уже

* Лаббейк! лаббейк! — старинный призыв пилигримов, которым они и поныне обозначают преданность свою Аллаху. " Аль-аутас значит «печка».

поздно: Малик находился в городе, где оказывалось вдоволь и защитников, и жизненных припасов. Оставалось одна правильная осада. Для приведения ее в исполнение пришлось вступить в переговоры с одним йеменским племенем Б е н у Д а у*, жившим немного южнее и славившимся умением вести осадные работы. Те охотно согласились и выставили против города один таран и несколько осадных башен, но жители Таифа, не менее их искусные в крепостной войне, забросали машины раскаленным железом, так что вскоре они сгорели, дело тем и кончилось. Осада продолжалась всего около 14 дней, а затем ее сняли: видно, Богу угодно дать делу прежде созреть, утешали себя правоверные. Бедуины же с жадностью ждали дележа добычи, взятой под Хунейном. Один из кинанцев, старинный сподвижник мекканский, когда пророк стал с ним советоваться, ответил: «Не беспокойся, лиса в норе — если можешь обождать, ты и потом ее схватишь, а если и упустишь, она тебе не повредит». Мусульмане тронулись в обратный путь, не покончив дела, но и не ворча: всех утешала мысль о предстоящем дележе добычи. Меж тем, когда вернулись войска в Джи'рану, оказалось, что Мухаммед придумал нечто новое. Масса пленных и имущества была так велика, что о точном исполнении известных правил невозможно было и думать". Мухаммед, между тем, решился обратить значительные суммы денег и большое количество верблюдов на истинно княжеские подарки знаменитейшим из мекканцев и старейшин бедуинов. Он пожелал «прельстить сердца» тех, кои были для него особенно полезны. Из женщин и детей первоначально раздавал он немногих, ибо предвидел, что хавазинцы, по всей вероятности, обратятся к нему, прося о выкупе своих; он не захотел, понятно, выпускать из рук такого прекрасного залога для дальнейших пере-

* Слог *ау* произносится как немецкое *au* в слове В а и е г.

" Правда, по общепринятому преданию значится, что подарки, упомянутые дальше, взяты были из пятой части, взимаемой в пользу Бога, но известие, приводимое в тексте, кажется достовернее. Да наконец, верные ансары не подумали бы роптать, если бы доля их не была урезана; тем более им было обидно, что имели наибольшие права рассчитывать на нее сполна.

говоров с ними. Когда все остальное было уже поделено, пришлось, однако, начать раздачу и пленных. Но едва это было покончено, как появились наконец посланные от Ха-вазина. «Земляки наши, — объявили бедуины, — готовы помириться и даже принять ислам", но они рассчитывают, что . Мухаммед возвратит им их жен, детей и имущество». Пророку особенно важно было войти с ними в соглашение, так как Таиф оставался еще непокоренным, а после отступления легко мог сделаться очагом новой войны; необходимо было, и во что бы ни стало, побежденных, но не уничтоженных окончательно хавазинов склонить к принятию веры. Поэтому объявил пророк выборным, что всего возвратить, принимая во внимание нужды мусульман, он не может, но предлагает им выбрать себе, по желанию, или родных, или имущество. Они пожелали жен и детей. По ходатайству Мухаммеда, большинство мусульман согласилось беспрекословно возвратить пленных без выкупа, за исключением некоторых ненасытных бедуинов, которых пришлось удовлетворить верблюдами. Совершенно удовлетворенные посланцы удалились, уводя с собою освобожденных пленных; им поручено было в то же время сообщить начальнику их Малику, оставшемуся в Таифе, что его семья, а также и имущество сохраняются нетронутыми и будут ему выданы, как только он явится к пророку и пожелает принять ислам. Малик действительно покинул тайком город и принял требуемую от него присягу. За это он был поставлен снова во главе хавазинов, кочевавших вблизи Таифа. Сделавшись мусульманами, бедуины тотчас же принялись грабить бывших своих союзников и держали их все время в полнейшем страхе, так что Мухаммеду не было больше надобности заботиться о Таифе; можно было спокойно ждать, что жители и их союзное племя, Сакиф, доведены будут со временем до полного истощения.

* Предание единогласно утверждает, что при этом бедуины ссылались на родство Мухаммеда с ними. Будучи маленьким ребенком, был он отдан на прокормление к одной женщине из Бену Са'д, отдела племени Хавазин. Тут же упоминается о встрече пророка с его молочной сестрой Ш е и м а.

Таким образом, с обычным, ему одному присущим замечательным дипломатическим тактом, успел пророк возместить невыгоды неудачной осады и в высокой степени вознаградить бедуинов и мекканцев, удовлетворив широкой рукой их жадность; тем не менее приходилось ему покинуть долину Джи'раны не без горького чувства досады. Вынужденный всякое распоряжение прикрывать духовным плащом, пророк понимал в глубине души, что поступает не совсем прилично, подчиняя свою политику слишком сильному давлению мирских воззрений. Безграничное «прельщение сердец» показалось даже для его испытанной верности дружины мединцев, так жестоко обделенных при разделе добычи, делом чересчур неподходящим. «Как сражение, — начали они ворчать, — мы его самые близкие, а коснется раздела — пожалуйте курейшиты, милости просим. Хотелось бы очень знать, Господу, что ли, так угодно — конечно, тогда нечего и толковать, — а если это от него самого идет, так следовало бы потребовать по-настоящему отчета». Собственно, они были правы, и тем более обозлился Мухаммед. Пророк отдал повеление созвать всех и обратился к ним со строгим внушением. Отдавая им должную справедливость во всем, что для него делали, поставил им также на вид, чем и они ему

обязаны. «Вы недовольны тем, что иноземцы погнали за собой овец и верблюдов, а сами кого уводите? Ведете за собой на родину посланника Божия! Да, клянусь тем, в чьих руках душа Мухаммеда, не будь Хиджры', я сам сочту себя принадлежащим вам, моим союзникам. Если бы весь свет двинулся в одну сторону, а союзники в другую, клянусь, я не преминул бы остаться с союзниками моими. О Всемогущий, будь же вечно милосерд к союзникам, и к сынам союзников, и к сынам сынов союзников!» Кругом послышались всхлипывания, заструились слезы по бородам закаленных бойцов; в рядах поднялся громкий говор: «Мы все довольны, о посланник Божий, и судьбой и участием твоим!» Когда нужно было, он знал, как говорить со своими людьми, но возникшего между

' Т. е. если бы мое рожденье в Мекке и бегство оттуда не были неизбежной необходимостью.

мединцами и мекканцами неудовольствия не мог все-таки устранить. Пока был в живых сам пророк, пока государственное кормило покоилось после него в крепких руках Абу Бекра и Омара, пламя ненависти продолжало тлеть едва заметно, но его зятю, слабому Осману, взрыв партийных страстей стоил жизни, а междоусобная война, возгоревшаяся затем, на долгие годы сковала юношеские порывы ислама.

Но из темного рока еще не пала ни одна тень на блеск настоящего. Во всей Аравии после мирного включения Мекки в союз правоверного государства не оставалось ни одной силы, которая могла бы избегнуть верховенства Медины. Хотя количество жителей, находившихся к этому времени под владычеством Мухаммеда, не превосходило доброй трети населения всей страны, но впечатление непреодолимости, вызванное рядом успехов последних лет, ощущалось везде чрезвычайно сильно. Неспособность племен, расколотых на сотни беспорядочных общин, соединить воедино свои силы, с другой же стороны, приманка, конечно, значительно преувеличенная слухами о разделе несчетной добычи, так обаятельно действовала на большинство жадных бедуинов, что почти без исключения везде, даже в самых отдаленнейших округах, достаточно было простого приказания пророка, и народ охотно примыкал к новому порядку вещей. Почти во всех случаях дело происходило по раз заведенному порядку. По призыву посланника Божия появлялись старейшины отдельных племен для личных переговоров в Медину. Их там ждал, само собой, самый милостивый прием: льстили, чем только можно было, гордости сынов пустыни, применяясь к их подчас далеко не деликатному обхождению, осыпали похвалами благородство их рода, преимущества их племени, славу их дел; удовлетворяли их жадность богатыми подарками, выдаваемыми из постоянно переполненной теперь государственной сокровищницы; ревность, с которой они относились к своему влиянию, убаюкивали, положительно подтверждая их авторитет над их соплеменниками; одним словом, не упускалось ни единой приманки, которою искусная дипломатия умеет повлиять на эгоистические побуждения необразованных дикарей. Но зато во всем, что касалось собственно его дела, Мухаммед оставался непреклонен. На все попытки выторговать хотя бы самые пустяки из кажущихся совершенно незначительными обязанностей, налагаемых исламом, он отвечал неизменно: «Нет, нельзя». Признание веры, требовавшей отмены идолопоклонства, подчинение авторитету пророка, обязательства пятикратной молитвы ежедневно и уплата «подати на бедных», т. е. выдачи десятины дохода в пользу государственной кассы — вот те неизменные и постоянные требования, из которых самый упрямый из арабов — а араб может быть слишком упрям — не мог ничего выговорить. В то время, когда мирные переговоры почти совершенно наполнили годы девятый и десятый (630—631), предпринимались также разновременно то та, то другая военные экспедиции для ускорения подчинения отдельных племен или же для возбуждения в них, как говорилось тогда, доброй воли. Иногда требовалась экзекуция, так как разосланные повсюду сборщики податей не всегда встречали среди бедуинов желательные охоту и воодушевление, но такие отдельные случаи встречались редко. Лишь к началу одиннадцатого года (632), когда мало-помалу все шире и шире стали ощущаться жителями некоторые неудобства церковных и государственных порядков, а вместе с ними и тягота подати, наступил момент подготовки к более значительной реакции среди арабского народа. До того же времени процесс включения шел довольно гладко и однообразно, лишь немногие отдельные факты заслуживают упоминания.

Между Персидским заливом и центральной Аравией кочевало могущественное племя Бену Т е м и м, некоторые отделы которого выдвинулись далеко на запад. К одному из них, Бену А м р, подошли вплотную мусульманские сборщики податей, собиравшие в то время десятину у хузаитов, живших к северу от Мекки. Амриты, опасаясь, чтобы эти пришельцы не вздумали распространить свою неприятную деятельность и на их владения, поспешили прогнать правоверных вооруженной силой. Уейна, шейх фезаритов отдела гатафанцев, обрадовался случаю отличиться и наказать наглецов. С 50 расторопными своими бедуинами он настиг их и, взяв в плен с полсотни мужчин, женщин и детей, приволок в Медину. Пришлось бедуинам подумать о выкупе своих. Темимцы послали депутацию к Мухаммеду. Был это народ грубый и дерзкий. Стали они у мечети и принялись непристойно, стуча и крича, вызывать Мухаммеда. Когда наконец пророк вышел из дома Айши, отправляясь на полуденную молитву, они бросились все гурьбой к нему. Дружелюбно усмехаясь, но не проронив ни слова, прошел мимо них пророк. И тогда только, когда окончилась молитва, он выслушал их. По давно заведенному обычаю в пустыне, выступил один из темимцев и произнес прекрасную речь; в ней превозносил он свой народ, выставляя его благороднейшим, наиболее зажиточным и самым многочисленным среди восточных племен. Мухаммед знал хорошо бедуинов и понимал, что их следует прежде всего поразить

их же оружием. Поэтому кивнул он одному из своих; этот не преминул, конечно, пуще расхвастаться, рассыпался в пышных дифирамбах по адресу посланника Божия и всех его приближенных. Затем наступил черед главного поэта темимов, А з-З и б р и к а н а. Он продекламировал несколько витиеватых строф, в которых снова восхвалялось величие его народа. Но придворному поэту Мухаммеда, Х а с с а н у И б н С а б и т у, без особого труда удалось затмить доморощенного пиита и далеко превзойти его еще более цветистыми оборотами. Бедуины смекнули тотчас же, что пророк не только умеет сноситься прямо с Аллахом, но и окружил себя самыми даровитыми ораторами и стихотворцами; всякому, дескать, далеко до него. Они сразу же, тут на месте, объявили, что готовы подчиниться, и получили, разумеется, обратно всех своих пленных. Но тотчас же вслед за этим событием появился коран, воспрещавший на будущее время толкотню и крик в присутствии пророка.

Весьма существенным оказалось, что в это самое время приняли ислам несколько знаменитых поэтов, принесших немало пользы делу распространения веры великим воздействием своего дарования. Сам Мухаммед не умел слагать стихов, не терпел ни поэзии, ни поэтов. Горе тому, кто подобный сомнительный дар предоставлял в распоряжение сатаны, — мы уже видели не один пример, как за эпиграмму на пророка дерзкий платился жизнью. И теперь, когда ислам проник почти уже всюду, Ка'б, сын знаменитого Зухейра, из племени М у з е и н а, подвергался большой опасности. Этот высокоодаренный поэт, как часто бывает с остроумными людьми, был склонен, увы, к неверию. Брат его, Б у д ж е и р, вместе с большинством музейнитов, принял ислам, а поэт осмеял это обращение в нескольких злых строфах. Мухаммед не любил шутить, и бедному мечтателю грозила неминуемая смерть. Всякий хорошо понимал, что, подобно прежнему Ка'бу, павшему искупительною жертвою ислама, никому не уйти от кинжала любого фанатика. Буджейр не замедлил предупредить брата об угрожавшей ему опасности. Ка'б решился поставить жизнь на карту и отдаться самому в руки пророка. Переодетый, вошел он в Медину и прокрался в мечеть; там увидел он Мухаммеда, беседовавшего с некоторыми правоверными. «Посланник Божий, — воскликнул поэт, когда удалось ему пробраться поближе к пророку, — здесь вблизи находится Ка'б Ибн Зухейр. Он хочет вымолить у тебя прошение, как раскаивающийся, верующий. Примешь ли ты его милостиво, если я тебе его доставлю?» — «Пусть будет по твоему!» — было ответом. — «Перед тобой стоит Ка'б». Пылая негодованием на обманщика, осмелившегося провести самого пророка, выпрыгнул из толпы один из ансаров, готовый тут же на месте умертвить дерзновенного, но Мухаммед отклонил удар, подтверждая помилование. Признательный поэт произнес экспромтом прелестный панегирик в честь посланника Божия'. Когда Ка'ба произносил строфу:

«Посланник — это меч, сверкающий во мраке,

Сам Бог орудие святое закалил» —

прославляемый сорвал с плеч своих зеленую мантию и накинул ее на осчастливленного столь высоким вниманием поэта. Стихотворение это носит название «Песнопение

' Ruckert — Hamasa I, стр. 152.

мантии». Ка'б очень дорожил подарком пророка, так что отказался продать его Халифу Муавие за 10 000 дирхем. Лишь по кончине поэта властелин мог приобрести драгоценное это одеяние от наследников поэта за 20 000. Как редкостный памятник хранилась мантия в сокровищнице повелителя правоверных, сначала в Дамаске, а затем в Багдаде, пока не сгорела в 656 г. Гиджры (1258 г.), при завоевании города татарами. «Мантию пророка» и поныне, положим, показывают в Константинополе, во дворце султана, но подлинность ее не более достоверна, чем святые одежды в Трире.

Сравнительно довольно поздно, лишь по смерти лукавого А'мир Ибн Тяфеилу, покорились и Бену Амир Са'са'а; но ранее старый А б у'л ь-Б а р а, за много лет перед тем склонявшийся к принятию ислама, выслал в Медину, для изъявления покорности, племянника своего, Лебида, одного из величайших поэтов арабских, сочинителя одной Мо'алла-ки. Было труднее обратить наследника другого великого имени. К северо-западу от Медины, в округе известнейших двух горных хребтов А д ж а и С е л м а, обитало почитаемое всеми племя Тай. Часть их были христиане, другие же поклонялись в высшей степени уродливому идолу, прозываемому Ф у л е. Со времени покорения Хейбара тайаты сделались соседями мусульман; но они не думали обращаться, даже после перехода на сторону правоверных города Мекки; поэтому в 9 г. (в средине 630) послан был Алий с тем, чтобы разрушить храм вместе с его идолом. Знаменитого князя тайитов, «Хатима щедрого», давно уже не было в живых. Сыну Адию во главе части племени удалось уйти в Сирию, но осталась его сестра, которую вместе с другими пленными привели в Мекку. Это была разумная женщина, которая сумела добиться у пророка освобождения; она отправилась затем в Сирию и уговорила брата вернуться и покориться. Мухаммед поставил снова Адия во главе племени. С тех пор сын Хатима твердо держался ислама, даже тогда, когда большинство арабов отпали, он не изменил.

К концу же девятого года (630) жившие в Таифе и кругом его сакифы сильно ослабли: Малик со своими хавазинцами до такой степени тревожил жителей, что никто, наконец, не решался выходить из города. Надвигалось разорение; без перерыва угонялись с пастбищ, из-под самых стен, верблюды и остальной скот, так что жители были доведены чуть что не до нищенства. Наконец им стало невмоготу, и они

послали послов в Медину: представителей племени встретили там дружелюбно. Сам пророк соблагоизволил преподать неофитам учение веры; они выказали послушание, но предупреждали, что простой народ в Таифе упорно привязан к Лат, древней богине. Поэтому, просили они, нельзя ли позволить не трогать ее еще годика с три, а тем временем возможно будет постепенно приучить народ к истинам Божиим. Но Мухаммед был в этом отношении, и совершенно основательно, особенно непреклонен. Да разве можно было, в самом деле, оказывать потворство из-за той самой Лат, из-за которой и без того когда-то вышла у пророка неприятная история в Мекке. Тщетно хлопотали усиленно добрые таифяне о своем дорогом идоле: подобно Аврааму, заступавшемуся за праведников Содома, им не было дано ни двух, ни одного года, ни шести, даже ни одного месяца отсрочки. Одно только было им обещано: идол не будет повержен их собственными руками. Прежний их земляк Мугира Ибн Шу'ба, давно уже ставший мусульманином, свергнул богиню. Когда идол этот спокойно перенес свою судьбу и не уничтожил дерзновенного, добрые люди поняли наконец, что он ничто, и далее не упорствовали.

К племенам, посылавшим депутации, принадлежали также некоторые, наружно по крайней мере, исповедовавшие христианство. Таковы были Бену Ханифа, отдел племени Бекр Ваиль, кочевавшие в то время в плодоносной стране Иемама, в юго-восточной части центральной Аравии. Меж их посланцами находился один очень умный человек, по прозванию Маслама*. Ко всему новому, встреченному им в Медине, он прислушивался и приглядывался с жадностью. Слишком скоро пришлось Мухаммеду испытать, что невз-

* Предание называет его Мусейлима, но это не что иное, как позднейшая уменьшительная форма того же имени, употребляемая в унизительном смысле.

рачный этот человек, который пришел вместе с сотнями других поклониться и получить свои подарки, слишком хорошо распознал суть пророчеств и был в состоянии сам многое о них порассказать. Но не все христиане Аравии выказывали готовность с легкостью отказаться от своей веры. Жители Неджрана, подвергавшиеся еще при иудейских королях Йемена тягчайшим преследованиям, и про ислам теперь не хотели ничего слышать. Все красноречие пророка потрачено было тщетно, никакие убеждения не действовали на епископа Абу ль-Харис а и князя их племени, Абд-ал ь-Месих а*, пришедших в Медину лично представиться пророку. Оба они непоколебимо остались при своем. Мухаммед принужден был удовольствоваться заключением договора, по которому за уплату значительной дани им предоставлялась свобода исповедания веры.

Попутно с переговорами, благодаря которым в эти два года все племена Аравии до Персидского и Индийского моря признали главенство Мухаммеда, предпринят был лишь один поход в более широких размерах, да и тот не сопровождался пролитием крови. Поражение при Муте не было еще, конечно, забыто, никто не расчитывал на значительный успех. Но так или иначе, не говоря уже об удовлетворении воинской чести и религиозного рвения, являлась существенная политическая необходимость вселить прочное уважение среди племен, кочующих к северу от Медины до самых сирийских границ, давая им почувствовать осязательно всю громадность воинских сил ислама. Недавний же набег Амра в эти страны произвел лишь мгновенное впечатление. Сирийские купцы семитского происхождения, навещавшие ярмарку в Медине со своими продуктами, состоящими по преимуществу из масла и крупчатки, стали снова много рассказывать о движениях угрожающего характера среди арабских северных племен, привыкших следовать за знаменами гассанидских князей. Сам император Ираклий, как они передавали, собирает в Эмессе огромное войско, в авангарде которого поставлены будут рабы.

'Это значит «слуга Мессии», т. е. Христа.

Подобные известия не устрашали, конечно, ни Мухаммеда, ни его храбрых приверженцев. Даже равнодушные к делу религии мекканцы и бедуины до такой степени наэлектризованы были фанатизмом успеха, что мысль о войне с румами' нисколько их не беспокоила. Предприятие предполагалось, во всяком случае, грандиозное, этого требовала Мута. В Медине сделано было все, чтобы собрать громадное войско, какого доселе не видала еще Аравия. Конечно, не все, которых призывал пророк в лагерь, выказали одинаковую готовность. Случилось это среди лета (Раби I или II9 г., июнь или июль 630 г.). Жара стояла невыносимая; к тому же предположение пройти без остановки 100 немецких миль было не из особенно заманчивых. В то время как наиболее ревностные явились по первому зову Мухаммеда, не только лично, но предоставили в распоряжение «путей господних» большую часть своего имущества, другие мешкали и подыскивали более или менее маловажные отговорки, лишь бы не идти в поход. В числе последних прежде всего, понятно, очутились «лицемеры» со старым Абдуллой Ибн Убайем во главе. Им пророк охотно дал разрешение не участвовать в походе. Посланник Божий посмотрел сквозь пальцы также и на некоторые удивительные случайности, задержавшие на этот раз в их домах многих юношей, прежде вовсе не нерадивых. Только к бедуинам отнеслись построже; их не следовало, во всяком случае, приучать своевольно не являться на службу. В конце концов собралось войско в 30 000 пехоты и 10 000 кавалерии. С этими силами можно было попробовать взглянуть прямо в глаза грекам. Но в данную минуту дело до этого не дошло. По дошедшим до нас сведениям, когда войска после утомительных переходов подошли близко к границам, стало известно, что собиравшиеся в стране восточного Иордана полчища

неприятелей успели уже разбежаться и на долгое время не предвиделось опасно-

* Как известно, византийцы любили называть себя римлянами. Вот почему для жителей востока румы прежде всего византийцы; о древних римлянах, латинянах, как называли их более сведущие, не знали они почти ничего и всегда смешивали их с византийцами, равно как этих последних — с древними греками.

сти со стороны императора. Трудно вообще подыскать в данном случае объяснение причин, которые могли воспрепятствовать Мухаммеду попытаться произвести сильную диверсию на один из византийских округов, дабы отплатить за Муту, тем более что такая цель похода ни для кого не оставалась тайной. Можно предположить только, что утомления долгой кампании были уже не под силу 60-летнему старику, и он отказался от первоначального плана. Так или иначе, пророк остановился в Т е б у к е, в 70 милях от Медины, самом значительном селении, ближайшем к границам. Здесь удовольствовался он заключением договора с одним христианским князем Иоанном из Айлы*, признававшим доселе византийское главенство, и иудейскими жителями нескольких местечек, расположенных по берегу моря, к югу от этого города. Взамен уплаты известной дани им были обещаны терпимость и покровительство со стороны мусульман. Двадцать дней простояли войска в Тебуке, пока наконец Мухаммед выступил с главными силами в обратный путь и через несколько недель вернулся снова в Медину. Меж тем отборный отряд из 420 всадников под предводительством Халида был отряжен на набег. В 40 приблизительно милях на северо-восток от Тебука лежал посреди пустыни оазис Думаталь-Джандаль. Еще три года тому назад (6 = 627) жители его обязались платить дань Мухаммеду. Если известие справедливо, то, вероятно, после сражения при Муте, значительно повредившего на долгое время влиянию ислама на севере, этот передовой пост стал снова в вассальные отношения к Персии, при посредстве тогдашнего христианского королевства Хиры. Правителем оазиса было уже новое лицо, некто У к е и д и р, понятно, принявший христианство. Халиду с его неожиданно нагрянувшими бедуинами удалось захватить в плен самого князя, находившаяся с немногочисленной свитой на охоте. Пленника свезли в Медину, откуда, однако, был он отпущен после заключения с ним нового договора об окончательном подчинении оа-

* Ныне А к а б а, у северной оконечности восточного залива Красного моря возле самого полуострова Синайского.

зиса. Этот же самый девятый год, к концу своему (начало 631), принес пророку облегчение, положим, давно уже ожидаемое. Скончался Абдулла Ибн Убай. Некогда могущественнейший человек во всей Медине, он вынужден был давно уже уступать шаг за шагом тому, кого считал постоянно за коварного проходимца; и ненавидел же он его от души. Во всем, однако, был виноват он сам: вечно опасаясь нарушить раз заключенный с Мухаммедом договор, он выказал совершенно не свойственную мужчине слабость, особенно тогда, когда покинул на произвол судьбы иудеев Кейнока и Надир, тоже связанных с ним договором. Положим, многое легко объяснялось тесной племенной связью с союзниками пророка, но все же его поведение нельзя было оправдать. Зато и наказание было ужасно. С болью в сердце приходилось ему ежедневно примечать, как рос постепенно этот плебей из Мекки, и каждый новый успех разрывал на части душу князя хазраджитов. Неудержимо опускался этот родовитый человек и становился в ряды недовольных, не имеющих никакого влияния на дела. Устраненный от них, в бессильной злобе сжимавший и разжимавший кулаки, присматривался несчастный, как сотни многих других достигали почестей и богатств; эти муки павшего величия закончились наконец бесславной смертью всеми покинутого на болезненном одре. Такова была его судьба, которая и ныне вспоминается не без сожаления. Мухаммед был слишком умен, чтобы пропустить подходящий случай. Торжественно произнес пророк лично молитву над гробом, как бы признавая в почившем истого мусульманина. Но вслед затем появился коран, в котором воспрещались дальнейшие ходатайства за «лицемеров»; их сразу приравняли к неверующим. По охоте либо нет, вынуждены были они перейти в ислам. Со смертью Абдуллы о них более не упоминается; последние судорожные движения самостоятельности Медины окончательно прекратились.

Но и в остальной Аравии, казалось, подоспело время, когда наступила возможность смело затянуть вожжи покрепче и подавить всякое непослушание, всякое неверие, даже в отдаленнейших племенах, депутации коих одна за другой продолжали появляться в столице до самого конца десятого года. До сей поры допускалось еще прибытие языческих пилигримов на мекканские празднества, все еще не решались воспретить сразу после взятия города пряток их на поклонение идолам; за ними сохранялась еще как бы тень равноправия. Во всяком случае подобного рода послабление пророк не освящал личным присутствием, да и не находил удобным потворствовать этому в осязательной форме; поэтому он совершил пилигримство посещения лишь в восьмом году (630), после раздела добычи при Джи'раны. В девятом же году (631) вовсе не пожелал посетить Мекки, а послал вести паломников из Медины Абу Бекра, присоединив к нему Алия. Ему предписано было объявить всем присутствующим, собравшимся со всех концов Аравии, что отныне окончательно упраздняется язычество. В последний день празднеств, по принесении торжественной жертвы в долине Мина, объявил Алий всему собравшемуся народу торжественное отречение Бога и его посланника от слуг идоловых, как это сохранилось в начале девятой суры Корана. Ни один неверный — вот сущность содержания этого исторического документа — отныне не может вступить в пределы священной местности для исполнения обрядов паломничества. Договоры, заключенные пророком с неверными, остаются в силе до истечения срока

подписанного документа, под условием продолжения неуклонного исполнения по нему. Кто же не может предъявить подобного договора, тому предлагается на выбор: или принятие ислама, или беспощадная война до истребления. До истечения священных месяцев даруется им беспрепятственное возвращение на родину, а затем они подвергнутся нападению на том месте, где будут застигнуты.

Замечательные эти положения и поныне регулируют отношения ислама к исповедующим другие религии. Христиане и иудеи, живущие во владениях мусульман, охранены особыми договорами: им обеспечена веротерпимость, если они согласны исполнять условия, изложенные пророком в его договорах с христианами Неджрана и Айлы, с иудеями Хейбара и с их северными единоверцами. Эти же самые условия применялись впоследствии халифом Омаром во вре- мя его великих завоеваний и к новым странам. Когда же неверные вздумают их нарушить, в особенности если не пожелают платить наложенной на них дани, мусульмане считают себя вправе преследовать их беспощадно, пока не истребят совершенно или же не обратят непокорных в ислам. Настоящее идолопоклонство в особенности преследуется. Язычников, во всяком случае, следует понудить принять ислам. Если у мусульман не хватает сил привести это в исполнение немедленно, они могут заключить с неверными перемирие на известный срок — подобно тому, как поступил пророк при Худейбии, — но обязательство «священной войны» остается в прежней силе и должно быть исполнено при первой возможности. Один только тот, кому неведомо, что эти первые основы мусульманского государственного права составляют ненарушимую религиозную норму ислама, может верить в возможность даже ныне истинного равноправия иноверцев в пределах мусульманского государственного владычества. Тщетны также упования на изменение этого порядка при помощи введения учреждений, позаимствованных с Запада. Каждый правоверный отвернется с омерзением от малейшего калеченья основных его законов. Все эти «договоры» и «конституции», которые выманила скорее себялюбивая, чем просвещенная дипломатия, например у турок в нынешнем столетии, воображая осчастливить их против воли, не стоят того клочка бумаги, на котором они начертаны. Мусульманские государственные люди усматривают в этом лишь новое доказательство непроходимой глупости неверных, полагающих надежду свою на витиеватость фраз, лишенных всякого разумного смысла в глазах истинного правоверного.

Произнесенное Алием «отречение» произвело желанное действие: лишь в нескольких отдельных случаях понадобились маленькие экспедиции, как, например, в южную Аравию, чтобы поучить уму-разуму то или иное заупрямившееся племя. Так что к концу десятого года (начало 632) пророк мог смело сказать, что учение его распространилось до отдаленнейших границ Аравии. Ему не предстояло более тревожиться, что он встретит неверного в святом доме. И вот, за пять дней до начала Зу'ль-хиджжы — месяца паломничества, отправляется посланник Божий на поклонение, в первый и последний раз совершая его во всем блеске, во главе своих правоверных, с полным сознанием, что достиг цели своих многолетних усилий. Это путешествие зовется и поныне правоверными «прощальным паломничеством». Так как впоследствии всякий считал себя обязанным совершать святые обряды, насколько только возможно, совершенно так же, как и пророк, при тех же обстоятельствах, то все, что он делал и говорил тогда, сохранено и записано с особенной тщательностью.

На второй из тех трех дней, когда пилигримы по оконча-ниии празднества остаются еще в Мине, произнес Мухаммед речь к собравшейся общине. В ней он предложил окончательное время исчисления года, подразделив его на 12 чисто лунных месяцев, желая упорядочить на будущее время празднование святых дней. Таким образом, заменен был бывший прежде в употреблении солнечный год лунным*, оставшимся у мусульман без изменения и поныне. Сверх сего, еще раз, в сжатой форме, изложил пророк главные основы обязанностей к ближнему, налагаемые новой религией, стараясь, чтобы сущность их запечатлелась неизгладимо в умах правоверных. «Все мусульмане — братья, — так начал он, — жизнь и имущество каждого из них должны быть священны для всех остальных. Запрещается мщение за кровь, пролитую во времена язычества. Брак нерасторжим, семейное имущество, во всяком случае, переходит к законным наследникам. Женам приличествуют целомудрие и послушание, а взамен следует обходиться с ними кротко и заботиться о благоденствии их. Надо щадить рабов, не убивать их за

' Год этот состоит ровно из 12 оборотов луны, следовательно, из 354 или 355 дней. В последнем случае к месяцу (Зу'ль-хиджжа) добавляется еще один день. Изменение календаря, воспоследовавшее благодаря невежеству Мухаммеда, представляет для правоверных то значительное неудобство, что месяц их, а затем и празднества, в течение 33 лет переходят постепенно через все времена года; нам же приходится переводить на наше летосчисление все их события, так как мусульманский год короче нашего на 11 дней, что на 100 лет составляет разницу почти в 3 года.

прегрешения, и в крайнем лишь случае допускается продажа их». Вот в главных чертах то, что дошло до нас из этой прощальной речи. При всей краткости известий сразу бросается в глаза, какой великий шаг вперед делал ислам во всех отношениях по сравнению с обычаями древнеараб-ской жизни. На место прежней войны каждого против всех устанавливается прочный государственный порядок; имущество ограждается от расхищений и произвола; регулируются, хотя и не в совершенстве, брак и правонаследие; рабы ограждаются от жестокости господ. Каждому мусульманину даруется равноправие пред законом. К этому следует, наконец, прибавить уничтожение варварского и безнравственного обычая закалывания живыми новорожденных. Вот что дал ислам и чем действительно может по всей справедливости гордиться. Мухаммед, как гласит несомненное предание, действительно мог по совести высказаться так: «Поистине я

совершил предначертанное для меня». За разрешением задачи всей его жизни вскоре последовала и кончина. Когда к концу 10 г. (весною 632) вернулся он в Медину, не было, казалось, ничего особенного, что могло бы помешать видимо окрепшему во всех отношениях порядку вещей. Но вскоре вспыхнули в южной Аравии волнения, которые, однако, на первых же порах потеряли острый характер благодаря неискусству и розни самих бунтовщиков. Доставленное в то же самое время бесстыдное послание Масламы, или Мусейлимы, в котором этот глава Бену Хани-фов дерзко заявлял, что он решился занять в Иемама такое же положение, какое себе устроил Мухаммед в северной Аравии, также не грозило опасностью. Это ни на чем не основанное притязание предполагалось устранить дипломатическим путем. О том же, что одновременно на далеком востоке подготовлялось грозившее широко разрастись брожение среди Бену Асад, еще не могли знать в Медине. Поэтому не было никакого основания отказываться от нового предприятия, о котором продолжал мечтать Мухаммед со времени возвращения своего из похода в Тебук. Дело шло о том, чтобы с усиленной энергией привести в исполнение старинную попытку и окончательно перенести войну за границы Аравии, на византийскую территорию. Цель снаряжения, приуроченного к 27 Сафар 11 (25 мая 632 г.), обозначилась ясно на следующий же день с назначением полководца: обойдены были все известные прежние предводители, и руководство походом вверено было Усаме, сыну Зейда, павшего в сражении против византийцев у Муты, отомстить за смерть которого предполагалось уже собственно в прошлом году. Как вдруг 29 Сафара (среда, 27 мая 632 г.) Мухаммед заболевает сильнейшей лихорадкой, которая, впрочем, очень скоро миновала. Так что в четверг, первое Раби I (28 мая), пророк был в состоянии торжественно вручить знамя Усаме. В одной миле к северу от Медины, в Аль-Джурфе, приказано разбить лагерь, сюда стали быстро, со всех сторон, собираться войска. Но пока длились все эти воинские приготовления, лихорадка обнаружилась снова с удвоенной силой, и вскоре затем болезнь приняла тревожный характер. В чем, собственно, состояла она, трудно решить, ибо дошедшие до нас описания симптомов истолковывают различно. Предполагают, что это было воспаление грудобрюшной преграды, по словам же одного знаменитого естествоиспытателя, который довольно долгое время пробыл врачом на Востоке, болезнь имела несо'мненные признаки перемежающейся лихорадки. От нее и в настоящее время почти ни один чужестранец не ускользает. В нездоровом климате влажной долины Медины мекканские «беглецы» заболевали постоянно. Сам же Мухаммед приписывал болезнь яду, отведанному им в Хейбаре, но едва ли есть какое-нибудь основание в этом предположении. Во всяком случае, главный симптом болезни проявлялся в лихорадочном состоянии, временами доходившем до жесточайших пароксизмов. Телосложение пророка, как и у многих лиц, склонных к нервному возбуждению, было если не крепкое, то, во всяком случае, очень выносливое, так что, за исключением упоминаемых прежде нервных припадков, едва ли когда-либо страдал он острыми болезнями. Но теперь, когда ему наступил 63-й год, благодаря напряжению внутреннему и внешнему, а также борьбе, которую приходилось почти без пе- рерыва выдерживать в течение десятков лет, силы организма, по-видимому, иссякли. Сам он с самого начала болезни не ожидал ничего хорошего, а вскоре и от окружающих не ускользнуло, что пророк находится в величайшей опасности. С тем же постоянством самообладания, которое уже не раз мы замечали у него, старался он исполнять свои обязанности, насколько допускали слабеющие силы. Одну только привычную перемену посещений жилищ многочисленных своих жен он должен был вскоре оставить и пребывал постоянно в доме Айши. Но руководствования молитвами не покидал и занимался без перерыва приготовлениями к сирийскому походу. Дошло до пророка, что между мединцами распространилось неудовольствие по поводу назначения молодого и неопытного Усамы. Немедленно же поднялся он с ложа и произнес убедительную речь пред общиной, оправдывая свой выбор и убеждая всех добровольно повиноваться. В заключение, как передают, сказал он: «Вот, Господь предоставил своему рабу выбор между этим временным и тем, что пребывает у Него, и он выбрал Божие». Один только Абу Бекр уразумел: «Нет, за тебя мы готовы пожертвовать собой и нашими сыновьями!» Мухаммед ответил просто: «Оставь, о чем печалишься!» — и вернулся в дом Айши. Последнее напряжение, как оказалось, превысило его силы, и он вынужден был на будущее время перестать молиться вместе с общиной. Как было и прежде, например, во время паломничества в девятом году, так и теперь он уполномочил Абу Бекра заменить его. Все более и более начинали изменять ему силы; лихорадочный бред прерывал часто нить мыслей. В воскресенье, 12 Раби I (7 июня 632 г.), потребовал пророк бумагу и письменные принадлежности, собираясь продиктовать последнюю свою волю. Омар счел долгом воспрепятствовать исполнению его желания, дабы никакое ошибочное распоряжение не могло повредить делу веры. В ночь с воскресенья на понедельник лихорадка ослабела и рано утром наступило значительное облегчение. «Правоверные находились, — так рассказывал позже один из очевидцев, — на утренней понедельничной молитве. Колыхнулся занавес, приподнялся, и раскрылись двери, соединявшие дом Айши с мечетью. Выступил посланник Божий и замер на пороге. Когда правоверные увидели больного, то едва не прервали молитвы от радости; они подумали: слава Богу, беда миновала. А пророк кивнул им милостиво, как бы говоря: «Не прерывайте молитвы!» — и засияло лицо посланника Божия. В глазах затеплилось самоуслаждение; любо было ему поглядеть на правоверных, серьезно выстаивавших на молитве. Никогда не доводилось мне — продолжает свидетель, — видеть пророка таким прекрасным, каким был в этот момент. Затем повернул он назад, а народ стал расходиться по домам в надежде, что болезнь посланника Божия миновала. Вместе с другими отправился и Абу Бекр к себе в Сунх». Это была последняя вспышка пламени жизни. Едва он успел вернуться обратно на ложе, как

лихорадка возобновилась снова — началась последняя борьба жизни со смертью. Беспорядочно следовали то тяжкие вздохи, то отрывистые слова, обращенные к Айше, заботливо поддерживавшей руку умиравшего. К полудню почувствовала Айша, что рука тяжелеет, взоры начинали блуждать. Последовал один еще легкий возглас: «Нет, высокие мои товарищи в раю», — и все смолкло. Мухаммеда не стало.

История ислама в течение 12 столетий — достаточно красноречивый комментарий значения жизни, окончившейся вскоре после полуденного часа 8 июня 632 г. (13 Раби I, 11). Нам поэтому нет надобности распространяться о том громадном влиянии, какое имел Мухаммед. Но, прежде чем перейти к описанию дальнейших судеб его дела, да будет позволено бросить беглый ретроспективный взгляд на образ этого замечательного во всех отношениях человека, столь привлекательного, несмотря на то что его понятия нам чужды, столь величественного, невзирая на многие черты несколько отталкивающего свойства. Если бы нам пришлось только считаться с ним как с пророком Мекки или же государственным человеком и властелином Медины, то, несомненно, и тогда мы должны были бы проникнуться неограниченным к нему удивлением. Пламенная ревность, с которой он относился к делу Божиему, его неус- тратимое упорство в проведении религиозной идеи, невзирая на бесконечные преследования и бедствия, продолжавшиеся десятки лет, должны преисполнить душу всякого, умеющего ценить самостоятельное искание истины, чистосердечным сочувствием. Его политическую проницательность, могучую власть над людским сердцем, самоуверенность и выдержку, с которыми удалось ему провести глубоко рассчитанный, во всяком случае, план постепенного покорения и сплочения арабских племен в одно мусульманское государство — все признают, едва ли кто решится оспаривать это. Если же при выполнении обширных планов ему не всегда удавалось обойтись без некоторого насилия и коварства, то лишь в редких случаях можно упрекнуть Мухаммеда в бесполезной жажде мщения и ни разу — в кровавой и бесцельной жестокости; даже избиение бедных иудеев было, несомненно, мерой политического расчета. Его 600, как многие метко замечают, все же не превосходят 4500 саксонцев, которых христианский герой Карл Великий приказал перебить у Адлера. Если же применить мерку того, что творилось на Востоке до и после него, то, несомненно, придется назвать его одним из самых кротких властелинов Востока. И, несмотря на все это, нас окончательно возмущает в нем то, что даже во времена мединские он захотел играть роль не только властителя, но и посланника Божьего. В роковом самообмане он пользовался именем Всемогущего, как вывеской, и в конце концов позволял себе злоупотреблять им для совершенно личных целей, зачастую неблаговидных. Так что даже сомнительного достоинства государственные люди едва ли осмелятся ныне оправдывать их печальною необходимостью. Остается одно — стараться не предъявлять слишком строгих требований полудикому арабу седьмого столетия и в разбираемом случае оставаться в сомнении при разрешении вопроса вины, принимая в соображение неизмеримую сравнительно высоту нравственного состояния настоящего общества. Во всяком случае, судя по нашим современным понятиям, личность подобного рода в конце концов все-таки отвратительна. К тому же хорошие качества души пророка: дружественность обхождения, доходящая до нежнейших оттенков понимания, неизменная верность тем, кому обязан был благодарностью, чуткая сознательность обязанности, налагаемой высоким его положением, — все это могло бы, хотя временно, возбудить наше к нему сочувствие, если бы только могли мы позабыть несчастную его страсть, особенно омрачившую последние его годы: он забывал окончательно личное свое достоинство при виде первого встречного миловидного женского личика.

Итак, мы видим, что характер Мухаммеда исполнен был несовместимых противоречий благодаря печальным извращениям некоторых черт, столь симпатичных вначале. Тем не менее созданное им было велико, а по сравнению с тем, что он застал, достойно удивления. И все же был момент, когда государственное сооружение целиком, казалось, собиралось рухнуть в ту свежую могилу, которая день спустя после его смерти выкопана была в доме Айши для останков пророка Аравии. В самом деле трудно допустить, чтобы проницательный политик при одном виде этих бесчисленных депутаций с изъявлениями покорности и преданности, прибывавших одна вслед за другой в течение 9 и 10 г. (630—631), так сразу и поверил, будто вся страна окончательно и бесповоротно предалась исламу. Никоим образом не могло укрыться от пророка, что эти изъявления преданности, по крайней мере в большинстве случаев, оказываемы были лишь могучему властелину, щедрому, войнолюбивому князю, а вовсе не посланнику Божию. Но последняя его улыбка, знак прощания при расставании с молящейся общиной, проистекала, вероятно, от не менее основательного убеждения, что для непобедимого религиозного рвения его мединцев не будет т я ж е л а никакая задача, какую ни поставит им будущность. Поэтому могучее восстание старой Аравии против ярма ислама, которое вскоре после его смерти заставило на один момент усомниться в прочности здания, воздвигнутого при жизни пророка, стало в действительности лишь эпилогом к самой истории его жизни, а укрощение последнего сопротивления — в е н ч а н и е м здания его побед, уже предрешенных взятием Мекки.

Нет надобности в обстоятельном исследовании для раскрытия причин, почему ислам, при более близком с ним знакомстве, должен был стать в высшей степени неудобным для многих. Требования его сразу же оказывались непомерно велики: предписывалось соблюдение до мельчайших подробностей часто утомительной обрядности, высказывалось притязание на безусловное повиновение государственной воле, все отчетливей и отчетливей выступавшей из духовной идеи пророчества, налагалась на всех правильная уплата податей, даже и на те племена, которые не очень-то льнули к чисто религиозной стороне ислама. С другой стороны, неслыханный доселе внешний успех, благодаря которому

Мухаммед мог учредить новую религию, открыл честолюбивым людям глаза на новый многообещающий путь к достижению политического и военного могущества. Поэтому-то начало неповиновения исходило прежде всего от тех, отчасти упомянутых раньше, людей, которые вздумали также попробовать выступить в роли пророков. Очень понятно также, что тлевший до сих пор в разных местах подпочвенный пожар вспыхнул ярким пламенем при первом известии о смерти Мухаммеда. С быстротою вихря перебрасывался и перескакивал он в самые отдаленные части полуострова, охватив в короткое время пять шестых всей Аравии. Три местности можно считать настоящими очагами восстания: Йемен на юге, Иемама на востоке и область Бену Асад на северо-востоке.

В Йемене, относительно рано, вероятно, вскоре после покорения Мекки, персидский резидент Б а з а н подчинился добровольно Мухаммеду. Его собственное положение, опиравшееся только на сравнительно небольшое число выходцев-персов, попадавших лишь изредка в южную Аравию, и некоторые личные отношения к туземцам, было не особенно прочно. На родину не мог он рассчитывать. По смерти царя Хосроя (627) и почти одновременно с поражением, понесенным персами от византийцев при Ираклии, монархия тратила остаток своих сил в междоусобной войне. Зато Базану тем более следовало опасаться исстари неприязненных абиссинцев, обитавших по ту сторону моря.

Вот почему действительно самым разумным для него было искать ближайшей опоры, присоединясь к сильно разросшемуся новому могуществу мединцев. По своему обыкновению, Мухаммед оставил перса на прежнем его посту в качестве правителя всего Йемена и Неджрана, а после его смерти (в начале 632 г.) ограничил владения его сына, Ш а х р а, средней частью страны с главным городом Сан'а; рядом же лежащие провинции Неджран и Саба подчинил отчасти туземным князьям, отчасти высланным из Мекки наместникам. Некоторые из старейшин древнего благородного рода сочли себя при этом новом порядке обойденными; вероятно, возникли также неудовольствия во многих местностях из-за чрезмерной требовательности мусульманских сборщиков податей. Вот и случилось, надо полагать, еще незадолго до смерти Мухаммеда, что А с в а д И б н К а'б, из племени Аус, с успехом поднял знамя восстания, выдавая себя, подобно Мухаммеду, за пророка. В очень непродолжительном времени он успел овладеть целым Неджраном, и многие влиятельные главы племен примкнули к нему. Теперь этот смелый самозванец мог решиться на внезапное нападение на Сан'а и действительно, завладел городом. Шахра умертвили, а чтобы воспользоваться его влиянием, Асвад женился на вдове убитого князя. Власть его быстро распространилась на большую часть южной Аравии. Но ему не посчастливилось: он не сумел угодить своим подданным — неизвестно только, случилось ли это по собственной его вине или нет. Потомки персов, естественно, с самого же начала стали к нему в неприязненные отношения, мусульманские власти в соседних округах подстрекали против него народ, насколько умели. В конце концов он пал жертвой заговора, в котором супруга его, вынужденная заключить постылый для нее союз, играла немаловажную роль. Согласно преданию, этот замечательный человек, память которого мусульманские сказания постарались забросать всевозможною грязью, расстался с жизнью в ночь накануне смерти Мухаммеда. Его падение было сигналом к полнейшей анархии на всем юге Аравии. Персы и южные арабы, язычники и приверженцы ислама — все дрались друг с другом, пока нако- нец возможно стало перенести мусульманское оружие и в эти отдаленные провинции.

Пока же мусульмане были по горло заняты в других частях полуострова. Мы уже знаем предъявленные еще при жизни Мухаммеда требования Мусейлимы. Предание, конечно, относится более чем неприязненно ко всем этим бунтовщикам и осыпает всевозможными насмешками, на которые только была способна набожная ревность, главу племени Бену Ханифа. Самое имя перековеркано прибавлением обидного эпитета «лжепророк», и чем далее, тем более гнуснейших деяний приписывают ему. Само собой, все это — совершенный вздор, но кроме этих клевет ничего до нас не дошло; поэтому решить, конечно, трудно, искал ли он в связи с более ранним исповеданием христианской веры своего народа установление истинной религиозности или в самом деле потворствовал только личному своему честолюбию. Самое содержание учения, проповедываемого им в виде противовеса исламу, трудно понять из тех до смешного изуродованных представлений, которые передаются мусульманскими писателями. Во всяком случае есть основание признать, что в основу его вероучений легла склонность к аскетизму, весьма сходному с общим направлением ханифов и выражавшемуся более отчетливо в лице таких представителей, как, например, Абу Амир. «Лжепророку» делает это, во всяком случае, честь. Более точные известия имеем мы об успехах его проповеди. Народ его, лишь по наружному виду принявший ислам, отшатнулся от новой религии еще ранее смерти Мухаммеда. Тысяча воинов одного из самых могущественных племен, Б е к р И б н В а и л ь, сгруппировались вокруг нового пророка, готовые упорно защищать от мединского ига вновь отвоеванную свободу.

Отпадение кочевников ханифов в самом средоточии полуострова подало сигнал ко всеобщему восстанию. Восточные и южные их соседи в Бахрейне и Омане, вплоть до самого Персидского и Индийского морей, тотчас же прогнали от себя мусульманских наставников и сборщиков податей. То же самое произошло, когда Тулейха вздумал среди асадов разыграть роль пророка: бедуины, жившие на северо-востоке и севере от Медины, заволновались. Из трех или четырех серьезных конкурентов Мухаммеда этот Тулейха взялся за дело пренаивным образом, с полнейшим добродушием, если можно так выразиться. Проповедовать и провозглашать в доказательство своего пророческого дара так называемые откровения в стиле Корана он был окончательно не способен. Позже он сам же смеялся над своим тогдашним скоморошничеством. Однажды ему посчастливилось в пустыне, когда люди его

томились страшной жаждой, разыскать, по примеру Моисея, ключ благодаря внушению свыше, как он стал уверять. Для асадитов и этого было слишком достаточно. Дикие сыны пустыни, до сей поры почитавшие своего старейшину за отвагу, стали ему поклоняться, как своему доморощенному пророку. Тотчас же за получением известия о смерти Мухаммеда они подчинились ему и восстали открыто. Полетели гонцы к кочующим ближе к Медине ф е з а р и т а м , абситам и зубьянитам, отделам племени гатафан, а также и к тайитам, чтобы побудить и их тоже к восстанию. Большинство соседей, однако, все еще не решалось, не зная, как поступить лучше. Конечно, соображали они, громадные силы угрожают мусульманам, но в качестве ближайших к Медине племен им слишком часто доводилось быть свидетелями отчаянной храбрости правоверных и успехов Мухаммеда и его приближенных. Исход возмущения казался им пока сомнительным. Один У е и н а, глава фезаритов, как истый бедуин, не мог побороть искушения принять участие в новом хищническом набеге; с 700 всадников присоединился он к Тулейхе. Тайиты разделились. Сын Хатима, А д и и, остался верен исламу, и его приверженцы крепко держались его; они усердно отговаривали других, время тянулось в бесполезных переговорах. Абс и Зубьян порешили пока что завязать переговоры. Они воображали, что со смертью пророка мусульмане станут податливей. Им казалось, что легко будет выторговать теперь уступочки во всем наиболее тяжелом в исламе, а затем и поладить. Недолго думая, они послали в Медину выборного с предложением взамен продолжения признания веры освободить их от десятины, подати для бедных.

Казалось, Медина находилась в таком критическом положении, что отклонить просьбу бедуинов становилось почти невозможным. Оба отдела племени гатафан стояли лагерем близехонько: одно в Зу'ль-Кассе, на восток от города, на расстоянии одного перехода, никак не более, а другое у А б р а к а, по направлению к Неджду, в двух днях пути. Главное войско правоверных во исполнение последней воли умиравшего пророка двинулось уже в поход под предводительством Усамы к сирийским границам. Бедуинам поэтому нечего было опасаться нападения с севера. Меж тем Мекка на юге оставалась покойной, жителям ее не было особенной пользы от победы бедуинов. На юго-востоке племена Хавазин и Сулейм пока выжидали, куда повернет ветер. Зато вся остальная Аравия открыто восстала, а абс и зубьян в какие-нибудь 24 часа могли накрыть лишенную защитников Медину. Вот почему все оставшиеся старые сподвижники пророка с энергическим Омаром во главе бросились к Абу Бекру — кормило правления успело уже перейти в его руки — и стали умолять халифа уступить требованиям бедуинов; но об этом старик и слышать не захотел: «Как! отменить десятину, введенную пророком по настоятельному повелению Бога?! Да что вы, с ума, что ли, сошли?!» Не руководимый в данном случае никакими политическими соображениями, вдохновляемый единственно наивною, крепкою, как скала, верою в божественность каждого слова, возвещенного Кораном, Абу Бекр с твердостью отклонил требования посланных, сказав им: «Знайте, если вы осмелитесь не додать хотя бы одного недоуздка из десятинной подати на верблюдов, я и тогда пойду на вас войной!» Неожиданный успех увенчал твердость непреклонного старца. Через три дня последовало нападение врагов, но горсть мусульман не дремала и подготовила бедуинам такую жаркую встречу у самых ворот города, что ошеломленные дикари, вовсе не желавшие вступить в уличную резню, которая угрожала страшным кровопролитием, мигом рассыпались и исчезли. Правоверные между тем, рассчитывая на скорое возвращение главных масс мусульман, в тот же самый вечер выступили из города немногочисленной кучкой навстречу им и потянулись по дороге в Зу'ль-Кассу. При утренних сумерках наткнулись они на лагерь ничего не подозревавших бедуинов. По своему обыкновению, дети пустыни искали спасения в быстром бегстве; многие из крепко заснувших пали тут же под ударами сабель отважных мединцев.

В этих скоплениях различных племен и движениях по всевозможным направлениям прошло приблизительно около двух месяцев; тем временем вскоре за стычкой при Зу'ль-Кассе вернулся назад и Усама со всем войском. О том же, перешел ли он границы византийские и где именно, нам ничего не известно. Во всяком случае никакого серьезного столкновения с императорскими войсками не произошло. Одно только ему удалось — смирить отчасти племена северо-западной Аравии, пришедшие было в волнение при первом известии о смерти Мухаммеда, и захватить при этом значительную добычу. Медина сразу ободрилась, и мусульмане тотчас перешли в наступление. Прежде всего необходимо было очистить ближайшие окрестности города от дерзких бунтовщиков. Сам Абу Бекр стал во главе полчищ надежных «беглецов» и ансаров, готовых со своим прежним воодушевлением воевать против неверующих. В сентябре 632 г. (Джумада II, 11) он разбил все еще стоявших при Абраке абсов и зубьянитов наголову. Бедуины рассеялись, вся ближайшая территория очищена была от их скопищ. Разрозненными кучками бежали они к Тулейхе. Абу Бекр объявил, что пастбища их присоединяются отныне к мусульманской общине. После этого, когда ближайшим окрестностям Медины более не угрожал враг, халиф задумал обширный план: всю Аравию, область за областью, подчинить снова исламу. По обнародованному указу отпавшим племенам предписывалось безотлагательно подчиниться, если только они желают получить прощение за их временное неповиновение; кто же станет упорствовать в бунте, тот немилосердно будет преследуем: мужчин подвергнут истреблению, а женщин и детей обратят в рабство. Дабы придать наибольшую силу распоряжению, необходимо было, понятно, нанести решительные удары главным бунтовщикам — «ложным пророкам» — и попутно направлять также диверсии в разные стороны, чтобы, по возможности, воспрепятствовать скоплению восставших большими массами. Поэтому все находившиеся в распоряжении военные силы раздроблены были на маленькие отдельные отряды; по разным направлениям двинулись они во все стороны, чтобы

разрешить свои самостоятельные задачи. О числе и величине этих отрядов почти ничего не известно. После смерти Мухаммеда вообще известия становятся очень скудны. Насколько для правоверных казалось важным сохранить в точности все то, что говорил и делал пророк, как правило и образец для руководства всей общине, а также и потомству, настолько же мало заботились они о деяниях, которые для малоразвитого тогда исторического понятия в народе имели сначала лишь значение бессвязной цепи анекдотов и семейных воспоминаний известных выдающихся родов. Приходится поэтому довольствоваться лишь немногими несомненными данными о главнейших моментах междоусобной борьбы. На юге, как было уже упомянуто, воцарилась всеобщая анархия, тем менее ждали оттуда непосредственной опасности; вот почему мусульманское оружие обращено было туда позже. Вскоре по возвращении Усамы на севере восстало большое племя К у д а'а. Против него выслали отряд под предводительством Амра, сына Аса; еще при жизни пророка он воевал в этих странах. Серьезнее всего было положение северо-востока и востока. Там с одной стороны бесчинствовали Ту-лейха с Уейной, причем из тайитов только часть осталась верной, с другой — стояло сильное войско Мусейлимы, отделявшее стеной Медину от всего юго-востока. Халиду отдан был приказ выступить против Тулейхи, меж тем как Ик-риме и Шурахбилю, двум дельным полководцам, предоставлялось расправиться с Мусейлимой. Сам Абу Бекр оставался в Медине со старейшими и испытаннейшими приверженцами Мухаммеда: Омаром, Алием, Тальхой, Зу-бейром и другими. Было необходимо в средоточии ислама удержать тех, которые окружали постоянно пророка, его приближенных. Это составляло нечто вроде регентства, состоявшего из первых последователей ислама, авторитет которых во всех делах веры и государственного управления не должен был подвергаться ни малейшему сомнению. Откомандирование старейших в более отдаленные места могло повести также к образованию побочных центров, могущих нанести неисчислимый вред, разобщая целостность направления политики. Теперь начинало складываться то именно, что позднее, при Омаре, соблюдалось неизменно: часто вверяли начальствование над войском людям, присоединившимся к исламу относительно поздно; были это воины перворазрядные, но зато по большей части люди слишком мирского склада ума. А в то время, когда интересы подобных людей совершенно совпадали с имеющимся в виду распространением веры насильственным путем — протянулось это, как известно, более десятка лет, — было безразлично, имеет ли Коран для какого-нибудь «меча Господня» значение либо нет.

Халид выступил в октябре 632 г. (11) со своим войском, едва превышавшим 2000 человек, но состоявшим из отборных людей, по большей части из испытанных «беглецов» и ансаров. Поход предпринят был сначала в область тайитов, хотя отчасти и оказавшихся вероломными, но все еще не решающихся присоединиться к соседу своему, Тудейхе. По прибытии Халида они без труда дали себя убедить Адию Ибн Хатиму, что выгоднее вернуться к исламу, и усилили таким образом маленькое войско почтенной цифрой в 1000 храбрецов. Халиду было это очень кстати, ибо, кроме Асада, к Тулейхе присоединились фезара, абс и зубьян, следовательно, все главнейшие отделы племени гатафан. Оба войска сошлись при Б у з а х е, колодце в области асадов; предстоял горячий денек. Но между бедуинами, по обыкновению, не существовало никакой дисциплины. Над Тулейхой давно уже подтрунивал Уейна, как кажется, именно над его неудачной пророческой маской. А роль ему разыгрывать приходилось волей-неволей. Старый разбойничий атаман раскусил наконец, что тут-то и следует показать себя во всем блеске. В то время как бой был в самом разгаре, он повернул назад со своими 700 фезарами; остальным, дравшимся еще, трудно было держаться долее. Бросился бежать и Тулейха, спасся в сирийскую пустыню, а асады добровольно подчинились и получили помилование, которое впоследствии даровано было и несчастному пророку, когда тот вернулся к своим и покорно выразил желание снова стать правоверным. Уейне также посчастливилось; так как он не хотел бросать разбойничьего своего ремесла, то вскоре очутился во главе отчаянной кучки головорезов, сбежавшихся к нему отовсюду. Но Халид после сражения при Бузахе все еще не покидал области асадов и вводил старые порядки в этой местности. Быстрым натиском рассеял он шайку, изловил самого Уейну, отослал его в Медину. Так ли ловко извернулся и наврал пленник, или же, что вероятнее, сам Абу Бекр склонялся к тому, что в походах против византийцев и персов подобные люди незаменимы, во всяком случае халиф отпустил его с миром. Вернейшему из последователей Мухаммеда, видно, прежде всего дороги были интересы веры, дороже самой справедливости, хотя сам лично был он в сущности человеком в высшей степени добросовестным.

Ближайшую свою задачу Халид выполнил. Тай, гатафан и асад были умиротворены — следовательно, северо-восток Медины совершенно очищен. Сулейм и Хавазин, временно выжидавшие исхода этой борьбы, также долее не медлили и тотчас же выразили желание снова присоединиться к делу веры. Таким образом, по крайней мере ближайшие округа востока и юго-востока были снова успокоены. Свободный «меч Божий» можно было направить далее. За асадами кочевал главный отдел большего племени темим. Дружба их с исламом, начавшаяся на неопределенной почве поэтического искусства придворного стихотворца Мухаммеда, круто оборвалась вместе со смертью пророка. Некоторые из них, правда, по получении известия о победе Абу Бекра при Зу'ль-Кассе нашли необходимыми послать в Медину недоплаченные ими подати как лучшее признание своего возвращения в лоно веры, но громадное большинство и не думало покоряться. А в одном из отделов племени Б е н у Я р б у предводимом еще со времен язычества знаменитым воином М а л и к о м И б н Н о в е й р о й, проявилась тем временем своя собственная пророчица С а д ж а х, одного с ними племени, проживав-

шая до тех пор в Месопотамии, среди тамошних христиан, отдела Бену Таглиб, и других аравийских племен. После распадения королевства Хиры там не прекращалось вечное брожение. Многие из бедуинов вернулись на родину, последовав за Саджах, теснимой, вероятно, персами. Племя приняло ее охотно и частью даже подчинилось, но остальные темимиты и слушать не хотели про новую пророчицу. Произошли столкновения, причем ярбуитам не посчастливилось, так что Саджах принуждена была искать убежища у соседнего народа, ханифов. Ей пришлось, понятно, вступить в переговоры с пророком последних, Мусейлимой, чтобы добиться соединения обоих религиозных движений. Результаты сношений мало известны, а те недостойные подробности, которые встречаются у позднейших мусульманских писателей, без сомнения, совершенно неверны. Достоверно одно только, что Саджах должна была наконец покинуть страну и вернуться снова в Месопотамию. Меж тем Халид успел появиться на пастбищах те-мимитов и сумел склонить остальные отделы племени мирным путем к изъявлению покорности. Как в тисках, очутился Малик между мединцами и Мусейлимой. Сопротивляться не было никакой возможности, и он распустил своих воинов, а сам вернулся домой. Но Халиду показалось это недостаточным. Жаждал ли военачальник добычи, желал ли сорвать на Малике сердце или же считал просто необходимым преподать пример строгости, так или иначе, он отдал приказание жечь, убивать, захватывать жителей в окрестностях. Его солдаты привели однажды толпу пленных, в числе их самого Малика, хотя было дознано, что этот старшина не оказывал ни малейшего сопротивления, наоборот, снова заверял в преданности своей исламу; Халид выдал его вместе с остальными отряду своих бедуинов, а те, недолго думая, отрубили на следующую же ночь всем пленным головы. Повторилась та же история, как и ранее с Бену Джазима. Самые уважаемые из мединцев, находив- шихся при войске, пришли в негодование при виде этой учиненной снова самоуправной кровавой расправы над правоверными. Абу Катада, один из наиболее чтимых союзников, отправился с братом умерщвленного, знаменитым поэтом Мутеммимом, в столицу в качестве обвинителя Халида пред лицом Абу Бекра. Призванный к ответу военачальник объяснил случившееся в высшей степени печальным недоразумением. «Ночью, — рассказывал он, — наступила сильная стужа, он отдал приказ часовым, чтобы на пленных надели теплую одежду. Бедуины кинани-ты, бывшие в карауле, поняли приказ ошибочно, так как на их диалекте слово «согреть» звучит почти одинаково, как и «убить». Так, совершенно случайно, обезглавлены были эти несчастные». Много надо было доброй воли, чтобы поверить подобному вычурному рассказу. (Невольно вспоминается та роковая «ошибка», которая повлекла за собой убиение герцога Энгиенского.) Преследовавший более всего нарушение дисциплины, Омар стал со свойственной ему энергией настаивать на смене и строгом наказании свирепого военачальника, который, кроме того, осмелился подражать примеру пророка и женился насильно на вдове убитого. Но и на этот раз Абу Бекр пожелал следовать примеру, преподанному посланником божьим; он сделал вид, что поверил всему, сказанному про диалект Кинаны. Халид отделался на этот раз одним выговором за свою поспешную женитьбу.

Причина этой необычайной кротости халифа, столь привыкшего к строгой последовательности действий, весьма легко объяснима: как раз в это время (в конце 11 — начале 633 г.) получено было известие, что Икрима, соревнуя товарищу своему Шурахбилю, необдуманно выдвинулся вперед и потерпел поражение в сражении с Мусей-лимой и его ханифами. Необходимо было как можно скорей загладить ошибку. Икриме был послан вместе с строгим выговором приказ обогнуть Иемаму и направиться к Оману, где нельзя было ожидать серьезного сопротивления. Место его занял Халид со своим отборным войском, так блестяще действовавшим против Тулейхи. Ему приказано было из области ярбуитов, непосредственно соприкасавшейся со страною ханифов, двинуться туда, соединиться с Шурахбилем и принять главное начальство. После нескольких форпостных стычек дело дошло здесь наконец до решительного сражения на границе Иемамы при Акрабе, куда выдвинулся Мусейлима после одержанной им победы над Икримой. Это было одно из упорнейших сражений, когда-либо происходивших в пределах Аравии. Халид сумел разжечь честолюбие своих солдат: беглецы, ансары и бедуины сражались отдельными отрядами; соревнование удваивало их напряжение, дошедшее до крайних пределов. И, несмотря на все это, когда главные массы ханифов' со страшной силой обрушились неудержимой лавиной, линии правоверных дрогнули. Но религиозный фанатизм и стыд выказанной на мгновение слабости, подчеркнутой колкими насмешками бедуинов, вдохнули в мединцев непоколебимые силы. Могучие полчища неприятелей наткнулись теперь на живую стену и мало-помалу были оттеснены. Ряды ханифов смешались; предчувствуя свое поражение, они бросились в большой сад, наподобие парка, расположенный невдалеке. Его высокие стены и крепкие ворота, казалось, могли служить надежною защитою от бешеного натиска мусульман. На одно мгновение те действительно растерялись. Но храбрый хазраджит, Аль-Бара Ибн Малик, приказывает, недолго думая, подсадить себя на стену у самых ворот, бросается стремглав вниз и отворяет настежь ворота. Тогда победители потекли неудержимой волной, и началась кровавая резня. Сам Мусейлима пал, пораженный дротиком негра Вахшия, того самого, который умертвил у Охода Хамзу, но давно уже обратил свое страшное оружие на неприятелей правоверных. С «лжепророком» пали здесь первенцы его народа. Это место, куда несчастные ханифы сами по-

' Определенное число сражавшихся неизвестно даже приблизив тельно. Уверения арабов, что ханифов было до 40 000, из которых 14 000 пали в сражении, очевидно, сильно преувеличено. Вероятнее всего против 4000 мусульман

сражалось приблизительно двойное количество ханифов.

пались, как в ловушку, носило позже название «сада смерти». Конечно, победа мусульманам стоила больших жертв: одних беглецов и ансаров пало почти 700 человек, между ними брат Омара Зейд, а с ним значительное число самых старейших спутников пророка, лучших знатоков Корана. Но если за победу было дорого заплачено, зато она решила судьбу не только ханифов, но и целого арабского народа. Все, что осталось от племени Мусейлимы, укрылось в укрепленные замки, и одни за другими сдавались на капитуляцию, лишь бы сохранить жизнь. Таким образом и этот сильный народ подчинен был наконец исламу. Здесь опять встречаемся мы с обычным следствием арабского партикуляризма. С того самого момента, когда племя примыкает к мусульманам, оно тотчас же обращает без всякой задней мысли свое оружие против язычников, дело которых так недавно было их собственным. То же самое мы видели у тайитов. Долго медлили они присоединиться к асадам Ту-лейхи, а при Бузахе сражаются уже против них. Так разрастался прогрессивно успех войск победителей, умаляя до крайности шансы восстания. Конец сопротивления уже обрисовывался еще до сражения у «сада смерти»; Икриме удалось стать твердою ногою в Омане, жители которого, преданные интересам торговым, вели войну довольно вяло. Вместе с другими военачальниками покорял он на юге страну за страной, пока наконец не был завоеван также и Бахрейн — прибрежная полоса у Персидского залива. Легкому относительно завоеванию ее способствовало особенно племенное соперничество живших здесь во множестве персов вперемежку с арабскими племенами. Могучее племя Бену Бекр Ваиль, издавна враждующее с персидскими вассалами в самой Хире, а также и в Бахрейне, вскоре благодаря влиянию всеми уважаемого старейшины Мусанны из племени Шеиба н соединилось с мусульманскими войсками. Этому обстоятельству главным образом обязаны мусульмане покорением страны почти до устьев Евфрата.

Наконец, к исходу 11 (весною 633 г.) приспело время подавить анархию в Йемене. Навстречу Икриме, шедшему с востока, покоряя племя за племенем, и направлявшемуся на Аден, выступил с новым войском из Медины Мухаджир. Тем временем национальная партия южных арабов успела окончательно осилить дружественных исламу персов. Но лишь только это ей удалось, как старейшины их чисто по-арабски начали задирать друг друга. Особенно отличались двое: Каис, сын Абд Ягуса, из племени Мурад, и Амр Ибн Ма'дикариб, из племени Мезхидж, оба игравшие еще ранее роль при Асваде. Этот последний был араб, напоминавший старинных «скороходов» пустыни: и атаман, и поэт, в то же время знаменитый рубака, а также и хитрая лиса, способный глазом не моргнув решиться на какой угодно бесстыдный поступок. Когда он увидел, что плохо, то напал однажды врасплох на бывшего своего друга и союзника Кайса, забрал его в полон и явился вместе с ним в лагерь к Мухаджиру, надеясь выдачей друга спасти свою шкуру. Мухаджир отослал в оковах обоих равных по достоинствам разбойников к Абу Бекру; но халиф умел ценить, как мы уже видели на Уейне, подобных людей. Он помиловал обоих, и они действительно отблагодарили его, храбро сражаясь впоследствии в рядах мусульман против персов. Сопротивление, оказываемое бунтовщиками подобного сорта, понятно, продолжаться долго не могло.

Йемен, в особенности же берега Красного моря, были вскоре очищены от действующих разрозненными силами шаек бунтовщиков, и везде установился прочный порядок. Более опасное восстание продолжалось еще в Хадрамауте, куда удалялось грезившее когда-то об арабском великом государстве племя Бену Кинда. Свободные, гордые люди, они образовали здесь одну из самых уважаемых по всей Аравии народностей, но вероломство собственного их князя приготовило им страшный конец. Аль-Аш'ас Ибн Каис, глава их, храбрый воин, но один из гнуснейших предателей, когда-либо появлявшихся на свет, находился в 10 г. (631) в числе изъявивших покорность Мухаммеду. Дабы привязать его сильнее к делу ислама, даровал ему пророк в жены одну из сестер Абу Бекра, но не дозволил пока взять ее с србой в Хадрамаут. Предполагалось, что он приедет за ней после. Когда же умер Мухаммед, а Аравия заволновалась, киндит раздумал вступать в серьезное родство с преемником пророка. Он тоже возмутился и напал на мусульман, которые, правда, при взимании налогов, сильно притесняли его племя. Поставленный почти в безвыходное положение, небольшой отряд правоверных с трудом держался, пока наконец не подоспели на выручку Мухаджир и Икрима. Обстоятельства сразу изменились. Киндитов разбили; Аш'ас со своими заперся в одном укрепленном городе. Но когда осада затянулась и всякая надежда начинала пропадать, он решился на измену своему народу и завязал тайные переговоры с Икримой, обещая сдать город, если ему и девяти другим, отмеченным им, будет дарована жизнь. Мухаджир в качестве главнокомандующего приказал доставить ему список и приложил в знак согласия печать свою. Между тем Аш'ас второпях позабыл включить свое имя. Когда мусульмане проникли в город, наступила, по появлению Абу Бекра, бойня; осажденные, застигнутые врасплох, все пали, пощажены были только девять, по условию. А так как имени Аш'аса не значилось в списке, должен был и он, по справедливому решению Мухаджира, умереть вместе с другими жертвами его вероломства; но Икрима упросил товарища предоставить судьбу изменника на усмотрение Абу Бекра. Несчастного отослали в Медину в оковах. Абу Бекру, конечно, было бы приятнее, если бы попросту снесли почтенному его зятю голову в Хадрамауте. Но делать было нечего; пленник доставлен, разыгрывал, конечно, роль кающегося мусульманина, возымел даже дерзость предъявлять права свои на брак, заключенный по повелению самого посланника Божьего. Повелителю правоверных, никогда не решавшемуся нарушить малейшего предписания Мухаммеда, ничего не оставалось, как прочитать

строгий выговор изменнику, а затем помиловать. С грустью приходится иногда следить за судьбой мировых событий. Подумать только, какое необычайное счастье высвободило этого отъявленного негодяя из ловушки, им же подготовленной! И для чего, спрашивается? Несколько позже мы увидим, что снова в один из роковых моментов устраивает все он же измену самому зятю пророка.

Покорением киндитов кончается первый отдел истории ислама: возникла новая вера, и все племена Аравии прониклись религиозным и национальным единством. Так как исключительно религия содействовала этому слиянию, то ей же и следует приписать дальнейшие успехи покорения арабами полумира; национальность находится все время в подчиненном положении, и весь патриотизм арабов можно, собственно, рассматривать как дальнейшее развитие приверженности их к исламу. Поэтому с того самого момента, когда правоверные преемники пророка, следуя его заветам, устремляют соединенные силы народа на дальнейшее распространение веры среди чужеземных национальностей, не может быть и речи об отпадении снова от ислама даже тех арабов, которые в глубине своего сердца оставались по-прежнему неверующими. Признание общей религии арабами отделяло их навсегда, как господ, от подвластных им христиан или иудеев. Само собой, вслед за завоеванием перестает существовать и язычество. Мирские понятия, конечно, не исчезают у большинства и скоро приводят даже к жесточайшим внутренним междоусобным войнам. Но официальное исповедание остается незатронутым, и внутренние силы новой религии сохраняют свободу ассимилировать постепенно если не все чуждые ей элементы, то большинство их, которые меч подчинил исламу — сперва в Аравии, а вскоре и во всех странах от Атлантического океана до Инда. В данный момент, когда мы приготовляемся к описанию развития мусульманства в мировую религию, будет не лишним дать беглый обзор его вероучений и обрядов и поговорить о том, на что при изложении истории образования ислама приходилось указывать лишь мимоходом по разнообразным поводам, говоря о случайностях жизни основателя. Нам придется поэтому забежать несколько вперед, так как ортодоксальная система вероучения в своем законченном виде, очень понятно, была следствием теологической неустанной работы сотен лет. Но при этом не можем не привести в свое оправдание, что едва ли найдется какая-либо другая догматика, сумевшая из данных преданием основ веры вывести свои начала и развить их так стройно и в той последовательности, как это сделало мусульманство.

Предлагаемая нами догматика не есть, конечно, исповедание, общее в с е м народам, принявшим ислам. С тех пор, как в сороковом году (661) зияющая трещина разделила мусульманский мир на две все более и более распадавшиеся половины — суннитов и шиитов, — не существует, собственно, общей системы вероучения. По внешнему виду разница обоих исповеданий состоит в следующем: шииты отказались признавать обязательными, как истину, большинство тех изречений пророка, который не попали в Коран, а содержатся лишь в Сунне, устном предании. Между тем правоверным необходимо было ими пользоваться, чтобы правильнее и увереннее объяснять святую книгу и восполнять многочисленные пропуски, по необходимости встречающиеся в вероучении. Приходилось пополнять пробелы, неизбежные в вероучении, которое опиралось единственно на отдельные строфы Корана, нередко носящие случайный характер отдельных откровений. Хотя эти предания в действительности достоверны лишь в существенном, а не в полной их целостности, но шииты отвергают их не вследствие страстной потребности к истине и не на основании строгого критического исследования. Им ненавистны стали они потому только, что мешали произвольному толкованию смысла отдельных слов; а это давало возможность секте вводить постепенно в ислам всевозможные чуждые ему элементы. В среде таковых главную роль играют мистические и пантеистические идеи, лежавшие в крови у персов как народа индогерманского происхождения, неохотно усвоившего чисто семитический дух исламизма. Вот главные побудительные причины религиозного раскола среди мусульман; в них кроется существенное зерно шиитства; с точки зрения ортодоксального мусульманства, действительно, секта эта должна считаться ересью по отношению к первоначальному смыслу вероучения ислама. Поэтому мы считаем себя не только вправе, но даже обязанными во всем последующем придерживаться исключительно суннитской догматики.

Мы уже знаем как просты были, доходя почти до скудости, основы веры, представлявшейся каждому при первом знакомстве с сущностью ислама: «Нет божества кроме Бога, а Мухаммед — посланник Божий». Вот два главные положения, к которым присоединяется еще третье — воскресение мертвых и Страшный суд. И из всего этого оригинальным, собственно, является одно утверждение, что Мухаммед — посланник Божий. Но мусульманский Бог и мусульманское воскресение мертвых, в конце концов, нечто совершенно иное, чем то, что подразумевают под этим христиане и иудеи.

Что касается понятия о божестве, то уже и раньше было отмечено, что Мухаммед по всему своему духовному существу, по обстоятельствам жизни и, наконец, по своей нравственной несостоятельности представлял себе Бога, правда, превышающим все земные понятия — вечным, всемогущим творцом мира, «властелином в день судный», — но никак не святым и справедливым. Положим, догматика и других религий не приводит иных доводов для основ и обязательств, свойственных ее этике, кроме одного только божественного откровения, но зато в других религиях стараются указать, что воля Божия есть в то же время представление всего, что

человек считает справедливым и святым, а также добрым и любвеобильным. Бог Корана наказывает неверие без всякого милосердия, даже с особенным самодовольством, подобно мстительному арабу, отплачивающему неуклонно за каждое личное оскорбление. И Аллах отдает свои повеления не потому, что они святы и справедливы, а потому, что ему так хочется. Даже позднейшая схоластическая теология, развившая столь достойную всяческой похвалы проницательность при начертании системы вероучения, не в силах разрешить главной задачи, т. е. найти руководящий принцип в выражениях той божеской воли, которая от наивысших требований полного самопожертвования со стороны правоверных в делах веры переходит к ограничению войны в святой месяц, снисходит даже до мелочных забот улаживания какого-нибудь последнего скандала в гареме пророка. В противоречивой неровности и путанице понятий трудно было разобраться; приходилось поневоле объяснять многое тиранически абсолютным: «Car tel est notre plaisir»*. Ислам превзошел окаменелое, так сказать, понятие позднейшего иудейства о личном Боге. Ничего нет удивительного поэтому, что даже ныне мусульманин не питает к своему Богу теплой любви. Он не в состоянии почитать в нем небесного отца, может лишь трепетать перед неумолимым властителем, мгновенных прихотей которого не в состоянии никто ни предвидеть, ни избегнуть. При всем грозном величии, овевавшем его лик, Бог Корана, по крайней мере для своего пророка, находил слова кротости и утешения; но Бог позднейших догматиков, даже и по отношению к своим испытаннейшим правоверным, стал буквально тираном, неподдельным арабским Богом, которого роковое значение этот жестокий народ с такою легкостью умел вычитывать из Св. писания по всякому, даже незначительному поводу. Ввиду этого подавляющего образа человек совершенно последовательно начинает вырисовываться как «раб», и ничего более. Соответственно подобным отношениям понятно, что и способность человека снискать милосердие Божие зависела всецело от произвола Всемогущего. Мы уже выше видели те основания, вследствие которых пророк вынужден был признать, что сам Бог, предвеки, постановил: кто из людей удостоится веры и спасения и кто останется закоснелым в неверии и пожнет вечное осуждение; указывалось также, что Мухаммед при неопределенности своих воззрений не мог и сам дать себе ясного и полного отчета во всем. Рядом с изречениями, указывающими на безусловный произвол благодати, в Коране встречаются и такие места, по которым можно предполагать и о существовании в человеке свободы выбора; поэтому неудивительно, что с ходом

' Такова наша прихоть.

развития теологической системы именно в этом вопросе должны были произойти сомнение и разномыслие. Вообще среди многочисленных кружков с некоторым оттенком мирского настроения, как, например, между людьми образованными, приходившими в соприкосновение с греческими и персидскими идеями, перевес, по крайней мере в первое столетие, был более на стороне свободных воззрений. Но позднее, при Аббасидах, когда именно эти чуждые элементы стали угрожать извне самому существованию арабизма, пересилило более строгое направление. Задались целью серьезно проводить идею жестокосердия божества, а сообразно с ней рос и догмат предопределения человека к вере или безверию, к спасению или к погибели. Принцип выдвинулся наконец с крайней резкостью в том чисто рассудочном направлении, с каким семит привык подходить к научным вопросам и благодаря которому арабы и иудеи произвели столько великого и образцового в математике. На тех же основаниях учение абсолютного предопределения быстро развивалось дальше и перешло в тот фатализм, который постепенно стал составлять всем известные существеннейшие,основы всего мусульманского мировоззрения; они, так сказать, всосались в плоть и кровь исламских народов*. Распространение этой идеи ускорено было еще тем обстоятельством, что по окончательному истощению духовного организма арабской народности судьба мусульманства начала зависеть всецело от турок, к преимуществам которых никоим образом не может быть отнесена духовная бодрость; поэтому ясность и простота фаталистического учения им, преемникам арабизма, сразу пришлась по душе. Затем пронесся ураганом по большинству земель Востока натиск монголов, убивший и истребивший повсюду как физическую, так и духовную жизнь. Поэтому-то фатализм, почти всегда встречающий с

' Всем, вероятно, знакомо это поверхностное представление, что судьба каждого человека предвеки ему предназначена и начертана на небе. Вот почему и ныне турок часто толкует о своем кисмет («удаленное», «судьба»), а араб встречает всякое несчастье стоическим мукаддар (так было предопределено) или мектуб (так было написано).

полною пассивностью всякое энергическое воздействие, вскоре переродился в вялую бездеятельность, благодаря которой будущность, в особенности Турции, представляется ныне почти безнадежной.

Неясность понятия о сущности божества в Коране возбудила споры между теологами и по поводу другого пункта. Когда Мухаммед (только едва ли в начале пророческой его деятельности) познакомился с христианским догматом триипостасности, он иначе не мог его представить себе, как в форме тройственности божества. Это пониманье совершенно соответствовало указанной манере семитского духа, который не был даже в состоянии себе уяснить, зачем догматика прямо не формулирует полного единства. В противоположение этому догмату пророк напирал сильнее всего на то, что Бог лишь един — и учит: «Он — Бог — един, вечный Бог. Он не рождал и не рожден: кого-либо равного Ему не бывало» (сура

112). И вот, именно вследствие выдвинутого вперед этого настоятельного «кого-либо равного ему не бывало», развилось до крайних пределов понятие об абсолютной высоте, недосягаемом отдалении, почти, можно сказать, отчуждении Бога от всего человеческого, что и вылилось, как мы уже видели, в форму отношений властелина к рабу. Но далее этого у Мухаммеда абстрактное мышление не шло, чистое представление духовного существа Бога ему не давалось. Он являлся у пророка не иначе, как в несколько преувеличенном человеческом образе. Так, в Коране упоминается, например, о руках и лике Божиих; Моисей молит Господа: «Дозволь мне лицезреть тебя» и т. д. в подобном роде. Пророк подражает вообще картинности изложений как Ветхого, так и Нового завета и при этом вдается действительно в представления несомненно антропоморфного характера. С другой стороны, подыскивает он усердно все новые и новые эпитеты для более яркого обозначения величия, вечности и всемогущества высочайшего; поэтому существо божие обставлено у него значительным числом имен прилагательных, как, например, всемогущий, премудрый, милосердный, всеведущий и т. п. Позднейшие теологи, неуклонно стремившиеся к возможно последовательному мышлению, не могли, конечно, не заметить этого внутреннего противоречия между оттенками обоих крайних воззрений на самое существо божие. Поэтому вольномыслящие старались во всем том, где придавались человеческие свойства божеству, видеть лишь картинность изображений, а где было возможно — даже игнорировать текст. Люди же строго правоверного направления силились восстановить, несомненно, часто ускользающий при этом смысл писания и требовали во что бы ни стало буквального, по возможности, понимания. Первые, само собой, дошли до того, что несколько уронили уважение к самому Корану, другие же придали ему значение чрезмерное. В этом споре «о свойствах Бога» обе стороны горячились не в меру. Положим, ортодоксы рассуждали правильней, ибо нельзя отрицать того, что противники их, отвергая постепенно все божеские качества, и такие, например, как мудрость, справедливость и т. п., мало-помалу отняли у понятия божества всякое определенное содержание, так что они рисковали окончательно заблудиться в дебрях пантеизма. Когда, наконец, перевес перешел на сторону ортодоксии, все-таки невозможно было вполне изгладить те противоречия, вследствие которых возгорелся весь спор. Если оставалось неопровержимым, что понятие о Боге не должно быть очеловечиваемо, то свойства божества, существование которых отрицать нельзя было, отныне предлагалось представлять себе насколько возможно более далекими от человеческих представлений. Таким образом, в конце концов они становились лишь пустым звуком. Если допустить, например, что Господь справедлив, но в том особом роде, которого человек не в состоянии себе и представить, то остается он по-прежнему для раба своего опять-таки тем же грозным властелином. О существе его тот не имеет права и допытываться, повеления обязан со страхом выжидать и пунктуально, механически послушно исполнять, вверяя ему все свое существо, предаваясь всецело и беззаветно.

Нельзя, однако, отказать в двух преимуществах мусульманскому воззрению на существо Божие. Во-первых, оно если и отрицательного почти сплошь свойства, но зато по тому же самому и просто, как ни в одной другой религии. Лучше всего объясняют это самые победы, одержанные исламом не только наружно, при помощи меча правоверных, но и над сердцами покоренных. Даже и ныне среди малокультурных народов религия эта пользуется гораздо более значительным успехом, чем, например, христианство. Во-вторых, фатализм внедряет убеждение, что никому ничего не приключится, чего не было бы предопределено предве-ки, чего не было бы начертано заранее, чего можно было бы избегнуть либо изменить в своей участи. Вследствие этого является сознание, что каждый мусульманин стоит гораздо выше массы неверующих, которым их видимые успехи, самые полные, приуготовляют лишь огонь геенны. Фатализм придает человеку особое достоинство в каждом его жизненном положении, невозмутимое спокойствие в несчастии, признаваемое единогласно всеми, кто проживал более долгое время среди исповедников ислама. В этом отношении действительно ислам по всей справедливости заслуживает названия религии мужей.

Второй догмат, пророчество, не требует никакого дальнейшего объяснения. Учение о грехопадении Мухаммед заимствовал из Ветхого Завета. Чтобы предостеречь людей, учит он далее, от последствий всеобщего грехопадения, дабы отвратить их от всего злого, в особенности же от идолопоклонства, и убедить вернуться к чистому монотеизму, Бог посылал каждому народу, в известное время, пророков, которым через посредство архангела Гавриила объявлял свою волю и которых вдохновлял откровениями. Откровения эти сохранились в Священном писании; так, например, для иудеев и христиан в Торе*, Псалтыри и Евангелии. Предпоследним пророком был Иисус; он и его предшественники предвещали появление Мухаммеда, а после него никакого другого пророка более не явится. Послан Мухаммед собственно к арабам, но с тем чтобы вообще восстановить повсюду испорченную иудеями и христианами чистую древнюю веру, религию Авраама, как особенно любил он выра-

' Пятикнижие Моисея.

жаться, т. е. дабы ислам распространился по всему миру. Мухаммед сам по себе обыкновенный человек, как и все другие*, как и Иисус. Но он носитель последнего и окончательного откровения, которое Бог преподал чрез посредничество его в Коране. Вследствие того, что он восстанавливает смысл прежних откровений, даже расширяет их сообразно измененным потребностям времени, Коран сам по себе — абсолютное откровение, исключительно имеющее значение божеского закона, пунктуальное

исполнение которого составляет высшую обязанность каждого правоверного. Естественным следствием усиления понятия о всемогуществе Божием относительно предопределения всего сущего явилось стремление признать постепенно Коран нерукотво-ренным, предвеки существовавшим у Бога; между тем как вольномыслящие утверждали, что божеское слово — так же как и все — сотворено. А так как, во всяком случае, все учение в совокупности и предписания Корана составляют прямое проявление откровения, то и те положения, которые относятся собственно к гражданской или государственной жизни, признаются неотъемлемыми частями религиозного закона и как таковые неизменны.

Текст Корана, в том виде как он сохранился и поныне, должен, конечно, во всем существенном считаться подлинным равно и для новейшей критики, но понимание отдельных мест не в одинаковой мере обеспечено. Многое темно и истолковывается много различно, встречаются и такие мес-

' Это не раз и с большой силой повторяется в Коране. Мы уже видели, что сам он не выказывал притязаний ни на непогрешимость, ни на сверхъестественные свойства, как, например, свойства чудотворца. Но по мере все большего и большего распространения ислама самой личности пророка придают все высшее значение. Не прошло и 150 лет после его смерти, как предание начинает рассказывать бесчисленные чудеса, и если позднейшая догматика не может ввиду текста Корана утверждать в теории прямо о непогрешимости Мухаммеда, все же она добавляет от себя такие эпитеты, как превосходнейший из «смертных», и этим как бы санкционирует нечто необычайное. Во всяком случай едва ли ныне осмелится кто-либо из правоверных мусульман выказать сомнение в чудодейственной силе пророка и нравственном совершенстве его, почти граничащем с непогрешимостью.

та, значение которых может быть выяснено лишь при помощи исторических фактов, по поводу которых появилось данное откровение. Все эти трудности мусульманское богословие устраняет тем, что собрало с величайшей заботливостью все известия и отзывы о поступках пророка, сообщенные очевидцами, слышавшими о совершившемся собственными своими ушами. Известия эти сохранялись в течение первого столетия устно, далее передавались как предание. Из этих сказаний мы узнаем, как хотел сам пророк, чтобы понимали то или другое выражение в Коране, к какому событию или лицу приурочено отдельное место, в какое время имело место откровение. Рядом сохранено в предании большое число наставлений и предписаний Мухаммеда, которые он сам не считал за прямые божеские откровения, а обнародовал лишь в качестве руководителя общины. Для его ближайших преемников, во всем пунктуально старавшихся следовать его примеру, они при некоторых обстоятельствах давали удобную почву для расширения законодательства Корана, если особенный случай не был предусмотрен в самом писании. Предания эти, так называемая сунна, составляют, таким образом, необходимое объяснение и применение божьего слова к предметам повседневной жизни и служат наряду с Кораном, главным источником, из которого богословы и правоведы — деятельность же их у мусульман почти тождественна — почерпают данные своей научно-духовной системы. Вследствие долгого периода пользования устным преданием явились многочисленные подделки, которые необходимо было отделить от истинного зерна традиции; задачу эту исполнили специальные исследователи преданий, которые и занимают выдающееся место во всей системе мусульманской знати'.

' Конечно, правила, положенные в основу этих изысканий, мало согласуются с нашей исторической критикой. Поэтому не следует удивляться, что приходится иногда встречаться с совершенно невероятными историями, чудесными и тенденциозными переиначиваниями фактов, но рядом можно найти целую массу драгоценного материала. И отделить его от трухи в большинстве случаев не представляется неразрешимой задачей, особенно же для западной науки.

При особенном пристрастии к предметам, которые с трудом поддаются исследованию, даже на основании источников откровения — это и у нас служило отличительным признаком известного направления схоластической теологии, — обращается мусульманская догматика к учению о загробной жизни, третьей основе ислама. «Человек принадлежит Богу и к нему же должен вернуться» — наипростейшая форма этого положения; но как раз именно в этом пункте Коран дает для отдельных представлений крайне грубые и чувственные картины. Для всего человечества за пределами мира, там, где Бог и ангелы пребывают вечно, все, конечно, сокрыто. Но действительное существование замогильного бытия проявится ужасающим образом для всех отрицателей. В день Страшного суда трубный глас взовет к спящим во гробах, необозримыми рядами предстанут они пред Божий трон, а вдали обозначатся весы, на которых деяния каждого человека будут взвешены. Тогда оба ангела-писца внесут книгу, на которой записан весь дебет и кредит грешника. Над бездной ада перекинут будет мост (сырат), подобный тончайшей паутине, острее лезвия меча. Чрез него должны переходить все души и, смотря по приговору наивысшего, спасенный в одно мгновение очутится на другой стороне, а осужденный низвергнется стремглав в ад и навеки пребудет там. Утехи рая, понятно, описываются в Коране весьма подробно: здесь разрешается запрещенное на земле вино; под тенистой листвой у потоков живой воды ждут отдыхающих правоверных красивейшие юноши, поджидают в качестве супруг стройные девы «большеглазые»', а рядом с этим для исключительных, менее материальных натур предоставляется наивысшая цель блаженства — «лицезрение Божье». Очень скверно, конечно, приходится осужденным на адские муки: терпят они или огненную пытку, или ужасный холод, пища их состоит

' Так называемые гурии. Впрочем, вопреки широко распространенному предрассудку, и верующие женщины принимают

участие в блаженстве. Хотя мужскому населению рая предоставлен свободный выбор подруг, но особенно благочестивые уверены, что и там правоверный супруг не покинет их.

из отвратительных, ядовитых материалов, а стража геенны препятствует всякой попытке к бегству. Все эти представления безгранично преувеличены и разукрашены в позднейшее время. Целые книги наполнены одними только подробными описаниями того, что будет после Страшного суда. Во всех этих описаниях и следа нет силы народного духа, творящего мифы; видимо, здесь разыгралась расслабленная фантазия ученого со всем искусственным безвкусием изобретения; останавливаться над этим предметом не стоит, достаточно будет упомянуть об одном штрихе, составляющем всеобщее верование толпы: существует поверие, что тотчас после погребения души возвращаются на короткое время в тело. Два ангела, Накир и Мункар', расспрашивают покойника о земном бытии; сотворившие что-либо особенно злое наказываются тут же и претерпевают телесные мучения.

Требования, предъявляемые душам на Страшном суде, носят характер вполне отрицательного свойства: так, например, ни один неверующий не может надеяться избегнуть геенны огненной. С другой стороны, безусловное вступление в рай представляется лишь тому из исповедников ислама, кто претерпел муки, кто, следуя по «стезе Божи-ей», пал в священной войне, а также, будучи крепок в вере, неожиданно и безвинно погиб. Остальные обязаны совершить известное число добрых дел, в особенности же заслужить заступничество пророка, чтобы приобрести необходимый противовес своим грехам, страшно тяготеющим на чаше весов Страшного судилища. По этому поводу у теологов приводится целый ряд примеров, но из всех их в конце концов опять-таки вытекает, что относительно этого нет ничего определенного, а все зависит от милосердия Божия. Во всяком случае мусульманин может быть уверен, что он, признавая вероучение, совершил главное, и если счет его окажется не слишком отягчен, то может надеяться избегнуть на том свете банкротства — как Мухаммед, в качестве

* Оба имени, по первоначальной форме прилагательные, в соединении с лицом или вещью означают нечто мучительное и отталкивающее.

старого купца Мекки, называл совокупность всего земного нечестия, предъявляемого каждому на Страшном суде.

Также, как и в позднейшем иудаизме, в воззрениях Корана на религиозные обряды мало внутренней связи собственно с учением о вере; все они носят характер законности лишь внешней. «Что приказано, должно быть исполнено», так гласит ислам, все равно как устав наших военных. А заключается ли в приказанном обязательство высоконравственного значения, как, например, в заповеди относиться честно к ближнему, или же только чисто ритуальное предписание, подобно необходимости омовения пред началом молитвы — это для мусульманина совершенно безразлично. Поступают они честно, точно так же, как совершают омовения: ибо так написано в Коране, а также и потому, что последствием неповиновения будет жестокое раскаяние на Страшном суде. Вообще эта точка зрения законности предписаний тесно связана со своеобразным представлением о Боге, как о своенравном в высшей степени повелителе, и признается лишь с формальной стороны: из источника же религиозной душевной потребности не вытекает для мусульманина, по крайней мере по теории, никакого набожного действия, имеющего прямое нравственное само по себе достоинство; если и происходит согласование нравственного долга с предписаниями религии, все же благодаря только господствующему направлению — слепо повиноваться приказаниям Божиим. Конечно, и среди мусульман, может быть даже не менее, чем между другими исповеданиями, встречается множество по натуре и направлению хороших людей, которые, подобно сосне, растущей прямо вверх, поступают честно и справедливо. Но это, конечно, нисколько не изменяет односторонности теологической системы, а она повсюду успела уже стать непреложным достоянием воззрений масс народных. Едва ли, например, найдется много из мусульман, чья совесть возмутится, когда при них обманывают неверующего, хотя по отношению к своим единоверцам все они могут оказаться людьми вполне честными. Вследствие этого да не удивляется читатель, если при обзоре обрядности ислама будут попадаться рядом предметы весьма разновидные и, в глазах наших, неодинакового достоинства. Особенно характеристично для ислама то обстоятельство, что именно те повеления, которые считаются непреложными, так называемые пять канонических столпов религии, все относятся исключительно к узаконению ритуала, а равно и взиманию податей.

Первою канонической обязанностью правоверного считается очищение. Оно состоит из омовений, служащих подготовлением к молитве и другим религиозным действиям, а также для устранения осквернений и прикосновений, от которых человек — пользуясь выражением, употребляемым в иудейском ритуале, — становится нечистым в смысле левитском. К главнейшим случаям осквернения относят: естественное испражнение и прикасание к вещам, по закону нечистым, так, например, к вину, к падали или же к неверующему. Как и все церемонии ислама, омовения эти не имеют символического значения, как бывает это в других религиях; они служат просто для восстановления человека снова в том виде, в каком подобает ему быть во время сношений с Творцом. Омовения существуют двух родов: обыкновенное, малое, при котором моют лицо, руки по локоть и ноги до лодыжки. Оно производится после малых загрязнений, перед каждой молитвой и утром, после пробуждения; при большом омывают в некоторых случаях все тело, так, например, у женщин после родов, труп умершего перед погребением и т. п. Если

воды невозможно достать, то очищение может быть произведено посредством трения песком.

Вторая, самая главная и по времени раньше прочих установленная пророком каноническая обязанность — молитва. В этом торжественном религиозном акте у мусульман не замечается особенного прилива искреннего чувства, хотя ритуал исполнен глубочайшего почтения, не так как у нас, при обращении верующего к Отцу небесному. Содержание мусульманской молитвы проникнуто скорее ужасом и изумлением перед необъятным величием божества, богопочитание смешано со страхом перед строгим Вседержителем небес и земли. А так как правоверному немыслимо приближаться к Высочайшему с неподходящими словами или телодвижениями, то молитва состоит из ряда навеки окаменевших формул с присоединением приличествующих обстоятельствам сур Корана, которые, равным образом, произносятся при совершенно определенных, правильно чередующихся изменениях положения тела. Отдельный цикл этих формул и положений зовется кругом (рак'ат), а каждая молитва должна состоять по меньшей мере из двух рак'атов. Вот картинное изображение двух река из сочинения' знаменитого ориенталиста, который лично прожил долго на Востоке. При этом следует вспомнить, что молящийся должен обратить лицо свое по направлению к Мекке (кибла). В случае некоторых сомнений он глядит для ориентирования на маленький карманный компас. 1) Молящийся говорит неслышно про себя, что он намерен произнести столько-то и столько рак'атов и что молитва предстоит гакая-то (утренняя, вечерняя и т. д.). 2) «Бог велик»". 3) Первая сура Корана*"; а за ней другая, меньшего объема, обыкновенно 112, или же несколько строф из какой-нибудь другой; затем в виде перехода повторяется снова «Бог велик». 4) «(Я признаю) совершенство моего Господа великого» (трижды), «да угодно будет Богу выслушать того, кто его славословит. Господь наш, слава Тебе». 5) «Бог велик» (опускаясь на колени), «Бог велик». 6) «Совершенство моего Господа всевысочайшего» (трижды). 7) «Бог велик» (опу-

* W. Lane. An account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians, 5-th Ed. 2 vol. London 1 87 1 . Vol. I,, стр. 95.

" Аллаху акбару, возглас, употребляемый также как и воинский клич; значит собственно: «Бог величайший», т. е. величайший из всех существующих существ.

"" Не без основания зовут ее «отче наш мусульман». Гласит она так: «Во имя Бога Всемилостивого, Всемилосердпого. Слава принадлежат Богу, Господу миров, Всемилостивому, Всемилосердному повелителю в день судный. Тебе поклоняемся и Тебя молим о помощи. Веди нас путем прямым, путем тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, которые под гневом, и не тех, которые заблуждаются. Аминь». Следует при этом заметить, что в глазах мусульманина было бы богохульством сказать: «слава Тебе, Боже», ибо не дано никому право судить о божественном существе; он вправе только высказать несомненное, что всяческая мыслимая слава приличествует никому другому, как только Богу. Я полагаю, что воззрение это и последовательно, и не лишено некоторого достоинства.

скаясь на колени), «Бог велик». 8) «О совершенство моего Господа всевысочайшего» (трижды, а затем подымая голову), «Бог велик». Этим оканчивается один рак'ат. Молящийся подымается и снова становится на третью позицию; следует второй рак'ат, без всякого перерыва (обозначенный 9—14). После каждого второго или же вслед за последним рак'атом следует еще 15) «Богу слава, и молитва, и добрые дела. Да почиет мир над тобою, о пророк, и милосердие Бо-жие и благословление Его. Мир с нами и с рабами Божии-ми, правоверными». 16) Исповедайте веры: «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед, раб его, посланник Божий». После последнего рак'ата вся молитва заключается, наконец, тем, что молящийся, 17), глядя через правое плечо, произносит: «Мир с вами и милосердие Божие»; те же слова повторяет он, глядя через левое плечо, — слова эти относятся, как говорят, к обоим записывающим ангелам, стоящим сзади молящегося, или же ко всей молящейся общине. С личными просьбами дозволено обращаться к Богу только перед 17. Следует также заметить, что после каждого второго, а также последнего рак'ата весьма приличествует произносить еще некоторые суры из Корана и различные молитвенные формулы, так, например, «прекрасные эпитеты Божий»*, различно видоизменяя и по много раз повторяя их, совершенно так, как это делается у католиков; с ними мусульмане сходятся также и по употреблению четок.

Подобную описанной молитву следует творить в обыкновенный день: 1) между рассветом и восходом солнца (4 рак'ата); 2) в полдень (8 р.); 3) пополудни, незадолго до солнечного заката (6 р.); 4) вечером, после заката солнца (5 р.); 5) поздно вечером, к началу ночи (6 р.). Особенно набожные люди становятся добровольно на молитву и посреди ночи. Соединение двух молитв не допускается. Молитвенные часы

' Именно те, которые встречаются в Коране, так, например, премудрый, милосердый и т. п. Позднее обозначение божеских качеств получило дальнейшие усовершенствование и развитие. Их насчитывают обыкновенно до 99 (а с именем Аллах ровно 100), но потом образовалось гораздо более.

возвещает глашатай* с башен (минаретов) мечетей. Понятно, должен он обладать громким голосом; на эту должность стараются выбирать по преимуществу слепых, чтобы сверху не могли они видеть, что делается внутри гаремов.

Полуденная молитва в пятницу получает характер общественного богослужения. Собравшаяся в мечети по призыву на молитву община произносит два рак'ата, каждый говорит про себя. Затем наступает род литургии, х у т б а, речи, произносимой одним из нескольких прислужников, состоящих при мечети. Наконец с кафедры раздается речь предстоятеля, и м а м а, состоящая из увещаний, обильно пересыпанных строфами Корана, имеющая подобие весьма коротенькой проповеди. Наступает

затем глухая молитва, а за ней имам, вступая снова на кафедру, произносит вторую хутбу. Она соответствует приблизительно общей церковной молитве протестантского богослужения. Заключается она в произнесении исповедания веры, молитве за Мухаммеда и его дом, за первых исповедников, оказавших особенные заслуги делу ислама, за всех правоверных вообще, за победу оружия мусульманского и т. д.; молятся также особо за царствующего властелина, который в мусульманском государстве, по крайней мере на первых порах, считался одновременно главой как духовным, так и светским. Этой молитвой община как бы изъявляет признание в лице правителя двойной его власти. По окончании хутбы становится имам перед м и х р а б о м , нишей посередине стены, обозначающей киблу, и произносит, неслышно выговаривая слова, молитву из двух рак'атов; община повторяет за ним, буквально подражая темпам его движений. Во всем же остальном пятница вовсе не считается праздником; до и после молитвы каждый может беспрепятственно продолжать обыденные свои занятия.

Из этого легко усмотреть, что сложные и столь часто повторяемые церемонии представляют немаловажное бремя для правоверных, и тем не менее ритуал совершается вообще с величайшею пунктуальностью. Следует при этом заме-

' Муэдзин. Призыв на молитву зовется азан.

тить, что строгое наблюдение за исполнением предписанных обрядов в первые времена ислама несомненно способствовало, и в высокой степени, приучению арабов к порядку и дисциплине. И по сие время старается мусульманин держать себя на молитве с достоинством и спокойствием. О набожном парении души не может быть, конечно, и речи, за исключением, разве, в некоторых сектах с мистической окраской, да у случайных личностей. Во всяком случае, учрежденная по повелению Божию молитва не может никоим образом быть признана обязанностью легкой или приятной, но так или иначе должна быть выполнена как неизбежное дело, дабы постоянно вести в порядке баланс небесной приходно-расходной книги. В этом общем характере мо-литвословия, впрочем, приятно поражает истинно мужское воззрение мусульман, вследствие которого все частные чувства и особые желания отдельных лиц вполне стушевываются перед задачей восхваления божеского величия. Правоверный знает отлично, что вся его судьба заранее предопределена Божьим всемогуществом. К чему же утруждать Высочайшего ни к чему не ведущими просьбами и жалобами? Вот почему, обыкновенно, частная молитва есть только выражение полнейшей преданности (по арабски: и с л а м). Третья главная обязанность правоверного по отношению к религии состоит в соблюдении поста, т. е. воздержании от пищи и питья и других удовольствий, так, например, благоуханий, купаний, а ныне также и курения табака, в течение целого дня, т. е. от зари до солнечного заката, в продолжение всего месяца Рамадана. Между тем, когда Мухаммед учреждал этот пост, Рамадан пришелся в декабре, а при постоянном изменении лунного года переходил, в течение 33 лет, через все времена года. Таким образом, каждый раз, когда этот месяц приходится в летнюю пору, пост становится для мусульман действительно тяжким лишением. Положим, люди мирского направления продолжают преспокойно грешить тайком, но завет пророка строго соблюдается всеми истинно набожными правоверными, а на Востоке их большинство. Можно себе представить, как тяжело приходится им где-нибудь под палящим солнцем Египта или Индии. Как невыносимо им провести целый долгий летний день, не орошая губ ни единой каплей воды. Всю ночь напролет вознаграждают они себя, по возможности, за это лишение, и каждый из них страстно ждет наступления конца поста. Ночь перед 27 днем этого месяца считается священной: это л е и л е т-а л ь-к а д р — «ночь установления», т. е. божеского призвания Мухаммеда на должность пророка, откровением 96 суры. В первый день следующего месяца, Шавваля, наступает всеобщее ликование по случаю окончания воздержания, в праздник нарушения поста (у турок малый, или сахарный, байрам, у арабов «малый праздник»). Он продолжается три дня и сопровождается широким весельем, так что по наружному по крайней мере виду превосходит даже «большой праздник». От обязательства поститься избавляются лишь больные, путешественники и солдаты в походе, но и они должны наверстать впоследствии дни нарушения поста. Сверх того есть еще целый ряд других определенных дней, когда пост хотя и не предписывается, но и не излишен.

Еще тяжелее, чем посты, удручает правоверных четвертое каноническое предписание — паломничества. Когда Мухаммед признал обязательным для своей религии посещение старинной национальной святыни, поистине не приходило ему в голову, что позже придется тысячам мусульман, дабы принять участие в мекканских празднествах, путешествовать за сотни миль, перебираясь через горы и пустыни, переплывая океаны. Той неумолимой серьезности, граничащей почти с жестокостью, с какою мусульманин глядит на свои религиозные обязанности, едва ли во всем мире можно подыскать что-либо равное. Каждый из этих миллионов людей хотя бы раз в жизни обязан посетить Мекку, все равно где бы ни жил: на Яве, в степях Средней Азии либо на берегу Атлантического океана, дабы свято выполнить завет пророка. Даже голые бедняки и те бредут большими толпами вплоть до святого града. Дорогой перебиваются подаянием, а где можно — поденщиной или другой тяжелой работой, и так продолжается до окончания святых дней, а затем, пользуясь теми же самыми средствами пропитания, возвращаются домой. Некото- рые вероучители, положим, утверждают, что можно послать вместо себя заместителя, и все вообще признают правильность некоторых оснований, допускающих уклонение от тяжкой обязанности, так, например, недостаточность средств, болезненность, несвобода и т. п. И действительно, в новейшие времена, когда сила

веры в исламе начинает ослабевать, значительно большая половина всех мусульман пользуется подобного рода отговорками. Тем не менее и по сие время собирающихся ежегодно в месяце 3/ль-Хиджже на мекканские торжества считают десятками тысяч'. Первое, что обязан сделать паломник, когда он подходит к пограничным камням округа Мекки, — это надеть костюм пилигрима (ихрам). Он состоит из двух кусков какой угодно материи; одним обтягивают бедра, другой же набрасывается на плечи. К этому костюму присоединяются сандалии, голова же остается непокрытой, хотя бы празднества происходили в самую жаркую пору лета. Тотчас же по прибытии в Мекку необходимо посетить Ка'бу. Священное это здание — хотя в течение сотен лет по различным поводам делались некоторые необходимые новые пристройки, а также реставрации — сравнительно с первоначальным видом изменилось незначительно. Главный корпус по форме — довольно правильный каменный куб, около" 40 футов в длину, 30 в ширину и от 35 до 40

* В 1814 г. Буркгардт насчитал, что на равнине Арафат расположилось лагерем до 70000 человек.

" В точности масса здания не измерена. После обнародованного в году «отвержения» каждый неверующий рискует жизнью, если его застигнут на священном месте; поэтому лишь редким отважным путешественникам (в нашем столетии Буркгардт, Буртон и ф. Мальцан) удавалось попасть туда, да и то потому что они путешествовали, выдавая себя за мусульман. Во избежание опасности быть открытыми должны были они, естественно, избегать всякого случая обратить на себя внимание, поэтому производили свои наблюдения с большою осторожностью, предпринять же в точности измерения не было никакой возможности, Для желающих подробнее ознакомиться с современным состоянием Мекки особенно рекомендуется превосходное сочинение голландского арабиста Снука *(C. Snouck Hurgronjee,* Мекка, Haag, 1888), лично жившего под видом мусульманского ученого в Мекке и снявшего там целый ряд фотографий. Упомянутое сочинение под вышеприведенным заглавием издано на немецком языке в двух томах с атласом снимков и заключает в себе самые последние и самые подробные сведения о Мекке.

футов высотой, а по своему наружному виду кажется совершеннейшим кубом. Со всех четырех сторон здание прикрыто черной шелковой материей, спускающейся в виде завесы, которая отчасти приподымается, крыша же остается открытой; возобновлять этот шелковый чехол предоставляется только султану как наместнику пророка. Ка'ба стоит почти посреди широкой открытой площади, имеющей около 200 шагов в длину и 150 в ширину, на которой находится еще несколько небольших пристроек; кругом идет двойная колоннада, освещаемая ночью тысячами лампочек. Собственно внутренность Ка'бы служила до Мухаммеда хранилищем для идолов, теперь же, кажется, она пуста. Углы приблизительно расположены по направлению четырех стран света. В восточном вделан на 4 или 5 футов от земли знаменитый черный камень, представляющий овал в 7 дюймов в поперечнике с волнообразной поверхностью. Метеорит ли это, кусок ли лавы или, наконец, что-либо другое, об этом до сих пор нельзя сказать ничего определенного, в особенности потому что поверхность совершенно истерта миллионами поцелуев пилигримов, подобно большому пальцу на ноге статуи святого Петра в Риме. Во всяком случае он играл в древней Мекке роль святыни, как это часто встречается повсюду у семитов по отношению к камням*. Когда Мухаммед включил в обрядность ислама празднества пилигримов, удержано было и почитание камня, не определяя более подробно, какого рода воспоминания связаны с ним. Вот почему он возбуждает и по сие время в пилигримах глубочайшее религиозное чувство, хотя никто, собственно говоря, не может объяснить почему; происхождение же Ка'бы приписывают Адаму. После потопа снова отстроил ее Авраам (Ибрагим), но затем она была осквернена язычниками чрез идолослуже-ние, пока не был послан Мухаммед для восстановления истинной веры. Из пристроек самую замечательную представляет домик колодца Земзем. Это и есть тот источник, который спас томящегося жаждой прародителя северо-арабов, Измаила, и его мать (Бытие, XXI, 19). По понятиям

' Так, например, святой камень Иакова в Вефили. Бытие, XXVIII, 18—19.

неверующих, вода его отвратительна, но в действительности, по убеждению правоверных, исцеляет от всех болезней по меньшей мере так же успешно, как и вода Лурда. Пилигримы со страстным воодушевлением пьют ее после того, как исполнят первый обряд: обход 7 раз вокруг Ка'бы, целуя при этом каждый раз черный камень. Обход этот носит название т а в а ф, за ним следует С а'й, бег между С а ф о и и М а р в о и, двумя возвышенностями. Первая из них находится в 50 шагах от юго-восточной стены мечети и обозначена тремя маленькими открытыми дугообразными нишами, к которым подымаются по трем каменным ступеням; другая расположена в 600 футах расстояния от первой и обозначена платформой, на которую подымаются тоже по ступеням. Путь этот между обоими пунктами следует пройти быстрым шагом 7 раз, так что оканчивают его у Марвы. Все время, как и при тавафе, паломник должен безостановочно произносить молитвы. Если он прибыл не во время больших паломничеств, а к Умре («посещение св. мест»), тогда обряды этим и кончаются. Совершивший их может приказать обстричь волосы, ни разу не тронутые гребнем с тех пор, как наложил на себя ихрам, и меняет паломнический костюм на обыкновенное платье. Затем (обыкновенно на другой день) отправляется пилигрим к маленькой часовенке, лежащей в полутора часах расстояния от города, где и произносит два рак'ата. На возвратном пути он громко поет набожные возгласы, начинающиеся обыкновенно с Лаббейка, Аллахумма, Лаббейка (к Твоим услугам, о Аллах, к Твоим услугам!). Прибывши в Мекку, следует снова таваф и Са'й, и паломничество совершено. Иначе происходят великие празднества паломников, х а д ж ж. Стекающиеся изо всех стран толпы пилигримов (хаджжи) после первого та-вафа и Са'йя направляются

общей процессией, 8-го числа месяца Зу'ль-Хиджжа, пересекая долину, мимо мечети Муздалифа, на большую равнину, у подножия горы Ара-фат, в трех милях на запад от Мекки. Гранитный этот холм высится почти на 200 футов над окрестностью; пилигримы достигают его поздно вечером или на другой день утром (девятого). На вершине горы, где, по преданию, архангел Гавриил научал впервые Адама почитанию Творца, пилигримы произносят два рак'ата. Пополудни появляется имам на полусклоне горы и произносит перед густо скученной толпой проповедь (хутбу), которая должна продолжаться до самого солнечного заката; короткие промежуточные паузы дополняются громкими взрывами «лаббейк» присутствующих хаджжи. В тот же самый вечер караван пилигримов покидает Арафат и на возвратном пути ночует у Муздалифа. При утренних сумерках, десятого числа, начинает имам здесь новую проповедь. С восходом солнца он заключает ее собственно «праздничной молитвой», по окончании которой процессия двигается далее и достигает долины Мина. Здесь снова все останавливаются, а затем паломники собираются у восточного, довольно узкого входа, пересекающего здесь долину от востока на запад, в направлении к Мекке. Тут стоит нечто вроде столба или алтаря, в который каждый из присутствующих обязан бросить 7 маленьких камешков; ту же самую церемонию и тоже у столба в середине долины и в третьем месте, у выхода из долины, проделывают все пилигримы. По объяснению теологов, это есть подражание примеру Авраама; по совету архангела Гавриила, он сумел таким образом прогнать сатану, когда тот загородил ему выход. Затем наступает жертва, торжественный заключительный акт всех празднеств: каждый правоверный покупает у бедуинов, которые пригоняют сюда большие стада, овцу. Обратившись по направлению к Ка'бе, со словами: «Во имя Бога, Всемилостивого и Всемилосердного! Господь велик!» — перерезывает каждый пилигрим животному горло. Этим, собственно, заканчиваются все церемонии празднеств. Снимается ихрам и, по примеру малого паломнического посещения, обрезаются волосы. Но большинство обыкновенно остается еще на два дня (11 и 12) в Мине, чтобы повторить каждый полдень церемонию бросания камешков. 12 пополудни возвращаются все в Мекку, где еще раз совершают таваф и Са'й, а затем каждый хаджжи, если пожелает, может отправиться в обратный путь.

Происхождение священных обрядов, совершаемых с незапамятных времен язычества, совершенно неизвестно, равно как и символическое значение различных отдельных актов, за исключением, конечно, простых церемоний почитания, как, например, целования черного камня и жертвы, которая первоначально, как и везде, или представляла принесение первенца года, или обозначала жертву умилостивления. Но об этом мусульманин, конечно, и не думает. Он довольствуется сознанием, что исполняет в точности все, что, по откровению Божиему было объявлено в первобытные времена Аврааму, а затем было подтверждено снова Мухаммеду. И очень естественно, как и следует ожидать от людей, приносящих столь великие жертвы для того лишь, чтобы взглянуть на святые места, при этих празднествах религиозное воодушевление достигает у многих необычайных размеров. Один из тех немногих европейцев, которым удалось вмешаться неприметно в толпу набожных, сознается, что на него произвело действие потрясающее, когда с уст многих тысяч кающихся и нуждающихся в избавлении людей прокатилось по долине громом: «Тебе служим, о Боже, Тебе служим!»

И для мусульман, не участвующих лично в хаддже, 3 дня Зу'ль-хиджжи, от 10 до 12-го, всюду во всем мусульманском мире священны; считаются они за «великое празднество» (у турок Курбан Байрам - «праздник жертвы»), сопровождаемое принесением жертв, молитвой и т. д. Но как праздник народный он далеко уступает ныне «малому празднику».

В течение многих столетий вошли в обычай разного рода и другие паломничества: специального свойства (зиярет), к могилам святых (вели), т. е. к людям, известным по своей набожности, мученикам и т. п., а также к местам погребений, понятно — лишь гадательным по большей части, древних пророков и божиих людей домухаммеданского периода, например, Авраама в Хеврон. Вообще во многих странах (так, например, в Марокко и Алжире) культ святых, более соответствующий народным воззрениям, чем первоначальный характер мусульманства, направленного исключительно к поклонению Аллаху, наносит сильный ущерб самой религии.

О происхождении пятой канонической обязанности, налога в пользу бедных, упоминалось уже раньше как о предписанной Кораном раздаче милостыни. С тех же пор, как мусульманская община развернулась в величественное государство, обязанность эта приняла характер государственного налога. По обыкновению, он не должен был превышать одной сороковой всего достояния, т. е. двух с половиною процентов со всего движимого и недвижимого имущества, взыскиваемых с того, кто владел им в течение 12 месяцев; доход этот расходовался на бедных и на «пути божий», т. е. на дела распространения религии. Но при этом, особенно в позднейшие времена, открывался чрезвычайно широкий простор произволу восточных деспотов и недобросовестности сборщиков податей. Впрочем, вначале лишь незначительная часть государственных доходов получалась из этого источника. Военная добыча и подать с покоренных народов давали несравненно более, как это будет видно из дальнейшего изложения.

Этими пятью каноническими обязанностями далеко, однако, не исчерпываются все религиозные обязанности мусульман, тем не менее они считаются по преимуществу за самые ненарушимые и неизменные. Из массы других предписаний, очерчивающих круг совокупности повинностей государственной и гражданской жизни, я выберу еще несколько из наиболее важных.

Отношения к неверующим были, по необходимости, неприязненны. Им объявлялась, где только было возможно, война, и каждая подобная война считалась религиозною обязанностью — джихад,

священной войной*. Необходимо было ее вести безусловно против всех идолопоклонников, а против иудеев и христиан только тогда, когда они трижды отклонили предложение принять ислам. В таком случае после победы мужчин убивали, женщин и детей обращали в рабство. Павший в священной войне, запечатлевший кровью преданность свою вере заслуживал, бесспорно, утех рая. Впрочем, мусульманам дозволялось заключать

' Поэтому нет ничего удивительного, когда в начале войны между пурками и, хотя бы например, русскими в газетах появляется обыкновенно, что Шейх-Уль-Ислам объявляет «священную войну», развертывает знамя пророка и т. д. Само собой понятно, что война начата против неверующих или еретиков.

капитуляции с иудеями и христианами по образцу тех, пример которых преподал пророк.

Весьма ревностно придерживаются все правоверные, имеющие более или менее притязание на набожность, законов, ограничивающих еду и питье. В этих предписаниях мы часто наталкиваемся на сходное с установленным в Ветхом Завете. Нечистыми и негодными к употреблению считаются все животные, издохшие или не зарезанные на бойне (исключается дичь, убитая на охоте), также кровь убитых и все, что было, так или иначе, осквернено (например, через прикосновение неверующего); далее, мясо некоторых животных, в особенности хищных зверей, собак, кошек и свиней. Из напитков запрещаются все опьяняющие: хотя в Коране (2, 16) указывается на одно только вино, но большинство ученых-богословов относят сюда, как оно действительно соответствует смыслу, и другие напитки, производящие то же самое действие. Люди мирского направления предпочитают, естественно, самое широкое толкование и, не стесняясь, пьют финиковое вино и пиво известных сортов. Открыто пить вино даже и ныне осмеливаются лишь немногие, так как пьянство наказывают строго, плетьми. Но тайком и в старину сильно грешили против этого предписания, а в некоторые периоды, как, например, при Омейядах и первых Абба-сидах, когда высшие классы привыкли жить слишком роскошно, на это даже не обращалось никакого внимания. Вместе с вином Коран запрещает азартные игры, но, следуя дальнейшим указаниям пророка, запрещение игр и музыки было впоследствии отменено, и одни лишь набожные люди придерживаются строго первоначального предписания. Зато другое повеление, сохранившееся только в предании, по которому не дозволялось изготовлять изображения живых существ, исполняется строго и поныне, чем и определяется в высшей степени своеобразный характер мусульманской архитектуры. Фотография начала, однако, с недавнего времени распространяться среди мусульман, отчасти нарушая предписание пророка.

Обрезание новорожденных было в обычае у арабов задолго до Мухаммеда. Ислам его только удержал; оно служит знаком принадлежности к общине и необходимо в той же мере, как и у иудеев, или же как крещение у христиан. Совершается оно на пятом или шестом году жизни и составляет семейный праздник.

Законоположения, относящиеся к браку, по сравнению с произволом языческого периода, конечно, составляют шаг вперед; но санкционирование полигамии среди мусульманских народов принесло многоразличный вред. Положим, не следует в данном случае впадать в преувеличения. Если, по нашим понятиям, мусульманину предоставлена большая легкость в заключении браков, то, с другой стороны, нельзя не признать, что вообще между мусульманами, до и после брака, существует бесконечно менее безнравственности, чем у нас, например, на Западе. Затем пророком весьма обстоятельно предписывается, чтобы никто не смел брать более жен, чем сколько в состоянии прилично содержать. Поэтому большая часть народа, за весьма редкими исключениями, довольствуется одною подругой. Благодаря, однако, легкости получения развода и вследствие разрешения, кроме четырех законных жен, брать для себя в виде побочных сколько угодно рабынь, мусульманские брачные установления не благоприятствуют ни порядочности семейной жизни, ни сохранению выработанного народного типа в высших классах общества. И общественное положение женщин также стало подчиненным* вследствие того же предписания Корана, причем повеление о возвращении приданого после развода давало женщине лишь несовершенную защиту, ибо отослать ее мужчина мог всегда, когда вздумает или найдет это подходя-

' Следует, впрочем, напомнить, что низведение женщин до положения пленниц гарема не вытекало, собственно, из истинного духа ислама. Постепенного улучшения их положения можно *было* ожидать в будущем, если бы не случайное обстоятельство, повлекшее за собой несоответственное предписание. А жизнь в гареме, тесно связанная с институтом евнухов, появилась лишь позднее при Омейядах и позаимствована целиком у христианской Византии. BIX—X вв. славились «заводы» евнухов, содержимые евреями во Франции (см. Dozy, Histoirc des musulmans d'Espague, Leyde, 1861, t. III, 60). — *Примеч. ред.*

щим. Впрочем, применение этого права связано с разного рода формальностями, клонящимися к тому, чтобы предотвратить всякую поспешность или же убедить стороны к примирению. Тем не менее определенно выраженная воля мужчины ставит женщину в беспомощное состояние. Очень важно также в историческом отношении, что законность детей зависела не от положения их матери, а от признания со стороны отца. Раз оно выражено, сын рабыни становится равноправным с детьми законной жены во всех имущественных правах и при разделе наследства. Оно делится вообще на равные части между детьми мужеского рода и не дает предпочтения ни одному из них, если только не состоится между ними иного соглашения; также не дозволяется включать в дарственные записи более трети всего

состояния. Дочери получают по закону половину того, что приходится их братьям.

Более заслуживают одобрения постановления о рабах; хотя ислам их и не уничтожил, но во многих отношениях смягчил обхождение с ними. Само собой понятно, что человеколюбивые стремления Мухаммеда были часто нарушаемы и поныне нарушаются не только по произволу деспотических властелинов, но еще чаще от жестокосердия и свирепости собственников, но ведь то же самое совершается поныне и в странах христианских. Пророком предписывалось тому, кто добыл раба как военнопленного на войне, либо купил, наследовал, наконец, получил в подарок, пользоваться лично им и его рабочей силой, но зато налагалось на владельца обязательство обходиться с ним более или менее человечно. Если мусульманин брал себе в гарем наложницей рабыню и получалось от нее потомство, то он не имел права продавать ее, а после его смерти она становилась свободной. Считалось добрым делом даровать рабу волю; последний мог также откупиться, если был в состоянии внести своему господину соответствующий выкуп, смотря по уговору, до или после освобождения. Вольноотпущенный оставался во всяком случае как бы клиентом, в некотором подчиненном отношении к своему прежнему господину.

Менее замечательного в мусульманском уголовном законе. Убийца подвергается смерти; за случайное и ненамеренное убийство требуется вознаграждение оставшихся родных или налагается какое-либо другое взыскание. За телесное повреждение виновник может поплатиться, следуя основному принципу «око за око, зуб за зуб», но может также откупиться денежным вознаграждением потерпевшему. Воровство, если предмет кражи более или менее значителен, наказывается отсечением правой руки; в случае повторений следуют дальнейшее калеченье или продолжительное заключенье в тюрьму. Прелюбодеяние наказывается сотнею ударов кнутом, а если виновник из неверующих и соблазнил мусульманку, то подвергается смертной казни. Богохульство, хуление Мухаммеда или древних пророков, както Моисея и Христа, считается также одним из тягчайших грехов и наказывается смертью; тому же подвергается отпавший от ислама, если он продолжает упорствовать в своем отступничестве.

Если в религиозных законах ислама, как можно заключить по вышеизложенному, заключается бесконечное множество отдельных постановлений, которые другие религии, за исключением иудейской, предоставляют государственному праву, зато мы не находим в Коране краткого изложения главнейших нравственных предписаний, какие группируются, например, в десяти заповедях. Встречаются, правда, случайные нравственные наставления, например, необходимость поступать честно в деловых сношениях и т. п., но потребности построения небольшого свода общих правил, к которым во всем житейском каждый мог бы самостоятельно приноравливать свою совесть, ислам как бы не ощущает. Для него деяния не важны, все сосредоточивается на вере. Каждое повеление Божие, возвещенное чрез откровение пророку, как таковое и обязательно, не принимая в соображение какой бы то ни было связи с остальными постановлениями. Поэтому для мусульманина почти непонятна разница между религиозностью и нравственностью. Ни в каком случае нельзя ему втолковать, что Богу могут быть угоднее честные поступки человека, чем молитва и омовение, исполняемые пунктуально. Это неразборчивое смешение обрядо- вых, нравственных и юридических предписаний, причем первые почти в той мере, как у фарисеев, выступают на передний план, а затем механическая смесь монотеистических воззрений в форме иудейских и христианских веропо-ложений, притом понятых далеко не правильно, с остатками, не имеющими никакого значения в религиозном отношении, арабских национальных обычаев, представляют в общем не особенно утешительную картину. Зато с другой стороны, принимая во внимание время появления ислама, нельзя не признать за ним, в сущности, необычайного значения. Не в том, конечно, заключается секрет успехов Мухаммеда, что он часто с неразумной, иногда почти детской сноровкой складывал свое священное писание из искаженных обрывков преданий других религий, а в том, что он сумел свою религию — все равно откуда она ни происходила — приладить ко всем глубоко укоренившимся предрассудкам арабов и при этом не устранить совершенно основ своего монотеистического учения; вот что было верхом искусства, и мастерское выполнение этой трудной задачи составляет главную его заслугу. Не сразу удалось ему это. Даже так называемое возвращение к язычеству было не чем иным, как предисловием для возвышения Ка'бы до степени киблы и для включения хаджжа в число «столпов веры». Итак, ислам отличается от других монотеистических религий не только отрицательным отклонением от определенных, по преимуществу христианских догматов, но также и прививкой монотеизма в народности арабской, что и обозначилось наружно церемониями хаджжа, а внутренно — особым направлением в понятии о божестве. С того самого момента, когда пророку арабов удалось на почве своей новой религии собрать свой народ, естественно, начинает ислам со всей силой своего первозданного непочатого могущества напирать на соседние народы, государственной жизни которых, отчасти блестящей, по крайней мере по наружности, а внутри уже давно заплесневелой и разлагающейся, предстояло по необходимости рухнуть при первом же столкновении. К изложению истории этой почти беспримерной катастрофы мы теперь и перейдем.

Книга вторая

ПРАВОВЕРНЫЕ ХАЛИФЫ

ГЛАВА I

ХАЛИФАТ

Как ни опасна казалась с самого начала последняя болезнь пророка, конец его, наступивший после видимого улучшения положения больного утром в день смерти, поразил всех своей неожиданной быстротой. Большая часть членов общины мирно разошлась после богослужения. Даже Абу Бекр вернулся в свое жилище в предместие. Фатимы, дочери пророка, тоже не было у смертного одра отца. Муж ее, Алий, после истории с ожерельем находился в открытой ссоре с Айшей, в доме которой лежал Мухаммед. Поэтому оба, и муж, и жена, ограничивались посещением больного изредка. Один только Омар оставался возле Айши у одра умирающего и присутствовал при последнем вздохе пророка. Роковое событие не застало врасплох Омара: еще за день пред тем он сумел устранить желание больного, потребовавшего было письменные принадлежности; нельзя поэтому допустить, чтобы ему не приходили на ум те требования, которые с наступлением страшного события по необходимости будут предъявлены всем приближенным пророка. Что бы, однако, он ни обдумал или успел порешить вместе с Абу Бекром, конец наступил так внезапно, что невозможно было пока ничего предпринять для упрочения общественного порядка и для немедленной передачи власти надлежащему члену общины. А она, увы, не была в состоянии ждать и выносить, хотя бы на момент, отсутст- вие общего, признаваемого всеми руководителя. Между тем, Божьим повелениям, истекающим из уст пророка, привыкли повиноваться все: и беглецы, и ансары; но уста эти навеки сомкнулись и не могли уже более сдерживать завистливое соперничество, с которым мединцы посматривали на сыновей Мекки, а Хашимиты' — на членов посторонних семей, ближайших советников Мухаммеда, как, например, Абу Бекра и Омара. Положим, вся община, неоспоримо, понимала, что в руках последних, посвященных во все политические замыслы пророка, принимавших в проведении их главное участие, судьба ислама найдет наилучших руководителей. Но все же трудно было рассчитывать, что личный эгоизм сильных и беспощадных натур — а их в различных кружках правоверных можно было насчитывать сотнями — будет способен к чисто реальной рассудительности в такой решающий все момент.

К тому же в данную минуту не оказывалось преобладающего авторитета, могущего уравновесить эгоизм отдельных личностей. Почивший основатель религии, несомненно, оставил своим правоверным в Коране образец непреложной истины касательно образа действий в делах веры. Но в предписаниях божественной книги не было, однако, целесообразного единства: закон в церковных и государственных делах был установлен отдельными положениями, изданными без особого порядка, смотря по потребностям данной минуты. В Коране не находилось ни единого слова, которое указывало бы на порядок преемственности власти. Сам же Мухаммед в течение своей болезни не озаботился сделать прямого распоряжения; а если Абу Бекру и поручалось прежде руководительство караванами пилигримов, ныне же — замещение пророка во время совершения молитв в мечети, то это не значило все-таки особенно много, если принять во внимание, что важный указ отречения, составленный в Мекке, Мухаммед, по ясно выраженной им

' К роду Хашим, как известно, принадлежал Мухаммед. Особенно выдавались двоюродный брат пророка Алий и дядя его Аббас, поддерживаемые родственниками и личными приверженцами.

воле, предоставил в то время прочесть не Абу Бекру, а его товарищу, Алию. Поэтому невозможно было теперь иначе поступить, как отыскать решение в старинных обычаях арабского народа, что, однако, было бы напрасным трудом, так как всякое ближайшее обоснование наследственности было до такой степени чуждо вольнолюбивым нравам бедуинов, что даже под давлением византийской и персидской гегемонии с трудом могло пустить корни право наследства в провинциях Гассан и Хира; тем менее, понятно, могло ли оно существовать среди привыкших к неограниченной свободе исконных племен полуострова. Положим, нередко случалось, что по смерти главы, отличавшегося храбростью и богатством, выбор старейшин племени падал на сына, но это происходило тогда только, когда личное уважение или же интересы племени клонились именно к этому, причем малейшее давление в таком деле ощущалось всеми до болезненности. Но Мухаммед не оставил после себя ни одного сына. Если Фатима, как единственное оставшееся в живых дитя пророка, пользовалась личным уважением, все же была она только женщина и не могла предъявить серьезных притязаний в пользу своего супруга Алия вне тесного кружка Хашимитов и немногих других личных ее приверженцев.

Кто мог бы успеть в подобных сомнительных обстоятельствах действовать быстрее других, тот имел бы за собой, несомненно, значительное преимущество. Ибо, несмотря на неоднократно засвидетельствованную Мухаммедом равноправность всех правоверных, эта равноправность пока не была практически закреплена на полях сражений в Персии и Сирии; распоряжались всем фактически люди Медины, беглецы, ансары и вообще те, кто в последние времена занял местечко среди окружающих пророка, остальная же масса арабских племен оставалась по-прежнему инертной. Само собой, лишь мединцы и могли участвовать в избрании нового властелина, не говоря уже о том, что было просто невозможно ждать, когда соберутся уполномоченные от всех частей страны. Таким образом, кому первому удалось

бы в Медине захватить в свои руки власть, тот имел бы на своей стороне все данные для успеха. Следовало предвидеть, что при первом же обнародовании печальной вести тотчас же станут образовываться различные группировки народонаселения. Дня Омара поэтому всего важнее было помешать распространению печального известия, пока не соберутся вокруг него по крайней мере Абу Бекр и значительное число остальных беглецов. Тотчас же отправлен был Айшей к отцу гонец, а Омар вышел из дому к остававшейся еще возле мечети толпе правоверных, до которой уже успел достичь смутный слух. Он объявил народу, что только «лицемерам» могло придти в голову, что посланник Божий скончался. «Это — заведомая ложь, — продолжал он в том же духе, — пророк, как некогда Моисей, удалился лишь от своего народа на 40 дней; по истечении этого срока он вернется и накажет смертью всех, кто выдумал, что он умер». Пока он так разглагольствовал, подошел и Абу Бекр. Удостоверившись, что неожиданное событие, увы, поистине свершились, он воскликнул: «О ты, за которого я с радостью пожертвовал бы отцом и матерью, как при жизни ты был для меня дорог, так и ныне ты, мертвый, для меня дорог!» и облобызал бледное чело того, кого почитал не только «посланником Божиим», но также и неизменным вернейшим своим другом. Затем, побуждаемый настоятельной потребностью позаботиться и прежде всего обеспечить будущность того великого дела, которому всецело посвящена была эта погасшая жизнь, Абу Бекр спешно вышел к все еще выжидавшей толпе, властно приказал Омару замолчать, а сам, припоминая некоторые места из Корана, которые представляли усопшего таким же человеком, как все, сказал: «Кто желает поклоняться Мухаммеду, да знает, что Мухаммед мертв. Поклоняйтесь Господу: Бог жив и не умрет вовеки!»

Верил ли сам Омар в истину того, что говорил, или нет, во всяком случае его речь не возымела предполагаемого им действия. С быстротою молнии разнеслась печальная весть по всем кварталам Медины. В то время как большинство беглецов бросилось немедленно в мечеть, чтобы хорошенько расспросить очевидцев и узнать от них, на что решились их предводители, толпы ауситов и хазраджей хлынули в сборный дом, где привыкли они издавна совещаться по особенно важным делам племени. Была еще третья маленькая партия, собравшаяся в доме Фатимы; здесь вокруг Алия и Аббаса вскоре сгруппировались остальные Хаши-миты и некоторые их друзья. Хотя между ними находились Т а л ь х а и Аз-зубейр, оба высоко чтимые правоверными, но численность этой кучки была слишком незначительна, чтобы попробовать немедленно же действовать с надеждой на успех. Между тем среди стоявших перед домом Айши беглецов, выжидавших с нетерпением дальнейших распоряжений Абу Бекра и Омара, стала распространяться крайне неприятная весть, что ансары собрались в большом числе и готовятся из среды своей выбрать нового властелина. Ждать долее было невозможно, немедленно же устремились туда оба доверенных лица пророка, окруженные толпой надежных мекканцев. Подоспели они как раз вовремя: С а'д И б н У б а д а, со смерти Ибн Убайя первый человек между хазраджами, только что произнес коротенькую речь. Он убеждал своих соотечественников, что преемника посланника Божия подобает избрать из тех, которые помогли ему выбраться из беды и затруднений и доставили исламу победу. Послышались отдельные робкие возражения; некоторые находили рискованным и односторонним решать такое важное дело без участия старейших исповедников веры, но большинство мнений склонялось немедленно же признать властелином Са'да. В это-то самое время ворвались густою толпой в заседание беглецы, а во главе их Абу Бекр, Омар и почитаемый всеми за свою набожность и кротость Абу Убейда. Первый заговорил Абу Бекр. Спокойно и дружелюбно отдавал он полную справедливость заслугам мужей Медины, но при этом твердо поставил на вид, что будущего главу общины следует избрать из числа первых сподвижников пророка. На это возражал ему хазраджит А л ь-М у н з и р, предлагая обеим партиям выбрать каждой отдельного предводителя. Омар, заметив сразу всю опасность требования, выступил с свойственной ему энергией и горячо стал доказывать, что остальные арабы никогда не пожелают повиноваться предводителю, из- бранному не из племени пророка. Спор разгорался. Абу Убейда принялся умолять ансаров и склонять к миролюбию, как вдруг выскакивает вперед, к изумлению своих же единоплеменников, хазраджит Б е ш и р, один из 70 бывших при Акабе, ревностный герой ислама. Громогласно объявляет он, что принимает сторону мекканцев. Абу Бекр пользуется моментом всеобщего смятения: «Глядите! — восклицает он. — Пред вами Омар и Абу Убейда. Кого хотите, тому и присягайте!» Оба поименованные отнекиваются и просят его самого как достойнейшего, на которого пророк возложил обязанность заместить его в качестве предстоящего на молитве, принять сан властелина. Абу Бекр еще колеблется, но неукротимый Бешир выскакивает снова и ударяет его слегка по правой руке — знак присяги у арабов. Хазраджиты возмущены; ауситы, присматривавшиеся все время с тайным неудовольствием к маневрам старинных своих соперников, снова старавшихся протиснуться на передовое место, недолго думая и храбро, невзирая на свою малочисленность, принимают сторону Абу Бекра. Все стремительно бросаются к своим предводителям. Больного Са'да, принесенного в собрание на постели, чуть не растоптали в поднявшейся давке. Только личное вмешательство Абу Бекра спасло его от дерзких оскорблений страстного Омара. Спор угрожал перейти в открытую свалку. В это время внезапно вторгаются в дом новые толпы правоверных. Это были люди племени а с л а м, кочевавшие в окрестностях Медины. Происходившие от ху-за'итов, родственных курейшитам, заботливо оберегаемые в последнее время пророком, едва они прослышали о происходившем, как поспешили явиться на помощь своим мекканским друзьям. Хазраджи очутились теперь в меньшинстве; более спокойным людям обеих партий удалось развести ссорящихся, и Абу Бекр мог наконец спокойно продолжать принимать присягу остальных.

Немного оказалось таких, которые нашли нужным продолжать отказываться в признании нового властителя. Понятно, Са'д долго не мог забыть, что в самый последний момент наступавший, казалось, близкий успех был вырван у него из рук. С этих пор держался он в отдалении, а позже отправился в Сирию, где и умер в 637 г. И Хашимиты также со своими друзьями не особенно обрадовались такому быстрому обороту дел, который помешал им войти в переговоры и предъявить свои притязания. Последствием злобного выжидания Алия было только то, что Абу Бекр нашел необходимым удержать у Фатимы наследственные ее земли, владения пророка в Хейбаре и Фадаке, и объявить их отныне государственной собственностью; тем менее нашел возможным муж ее подчиниться своему беспощадному сопернику. Лишь шесть месяцев спустя, когда умерла Фатима, он примирился с новым правлением. Старый Абу Суфьян нашел, что время благоприятствует для того, чтобы путем тонко расчитанного сопротивления и с помощью своих Омей-ядов добиться восстановления теории «прельщения сердец». Но его легко было закупить. Мекканец успокоился, когда сыну его, Я з и д у, даровали выдающееся место. Между тем хазраджиты искупили свою вину сторицей, если только можно было их в чем упрекнуть. Вскоре государство очутилось на краю гибели от вспыхнувшего внезапно восстания арабов, и все они без исключения дрались с прежним несравненным патриотизмом; люди эти положительно не были способны ради собственной корысти покинуть дело ислама. Их решимость жертвовать собой спасла государство Мухаммеда от участи, выпавшей на долю другой великой мировой монархии — Александра Македонского.

Пока это спасительное единодушие царило в среде влиятельных кружков общины, правоверные могли выстоять под напором каких угодно рискованных последствий тех отношений, которые уже и на этот раз привели к значительным затруднениям. При отсутствии всякого твердо установленного порядка престолонаследия добровольная присяга влиятельнейших лиц являлась, и позже, единственным правовым основанием, на которое только и могли опираться будущие властители, а это значило, собственно говоря, что мусульманскому государству заранее уже предрекались все бедствия и опасности, которые неизбежно ожидают каждое государство с избирательным правлением. Конечно, в дан- ном случае благодаря существующим у арабов одновременно стремлению к консерватизму и любви к свободе лишь немногие кандидаты на престол имели шансы быть выбранными, так как если бедуины и готовы были склониться перед особенно почитаемым княжеским родом, они никогда не согласились бы подчиниться первому встречному выскочке. Только этим и можно объяснить, что в течение 200-летнего периода мирового арабского владычества лишь два раза произошел насильственный захват власти новою ди-настией. Но если благодаря этому сохранялась известная преемственность правления, зато вследствие большой плодовитости обеих семей, Омейядов и Хашимитов, вопрос о личности почти всегда выступал на сцену в весьма опасной форме. Перемена правления зависела в древнейшие времена главным образом от тех, которые считались наиболее уважаемыми сподвижниками Мухаммеда, а позже от влия-тельнейших придворных чинов и высших военноначаль-ников. А это были представители не только личных своих интересов, но также и интересов семьи своей, племени. Между тем временно лишь укрощенный исламом племенной партикуляризм арабов при переходе власти к Омейя-дам, людям совершенно мирского настроения, начал снова подымать голову, как только личное дарование властелина не в состоянии было его сдерживать, причем смуты, возникавшие попутно с ослабеванием могущества династии, слишком часто переносились на более широкую мировую арену, и возобновлялись те же самые сцены междоусобных раздоров, которые и в доисламский период мешали установлению государственного порядка в самой Аравии. К этому присоединялся ныне и еще новый элемент: в каждом юном, малоцивилизованном народе старики имеют, весьма естественно, перевес над молодым поколением; то же явление мы замечаем и у арабов. Главою племени они выбирали охотнее всего одного из престарелых; поэтому впоследствии старшие в роде почти каждый раз выказывали естественное свое притязание на престолонаследие. Такому притязанию противоречило естественное стремление каждого правителя стараться закрепить власть за своим собственным сыном. Примирить эти главные течения было неразрешимой задачей. Вот почему турки, со свойственной этому народу простотой и основательностью поступков, и поныне ухитряются отстранять это противоречие чисто механически. Каждый вступающий на трон султан повелевает прежде всего удавить своих младших братьев. Арабские халифы не додумались до этой богатой мысли, но так как желали действовать в том же направлении, то довольствовались тем, что еще при жизни устраняли братьев и дядей и приказывали присягнуть своему старшему сыну. Но это, конечно, могло практиковаться только, пока преданность к династии сдерживала у придворных и полководцев личные интересы и оттесняла склонность к интриге на задний план, а именно — очень недолго. Впоследствии же, к концу первого столетия, когда заимствован был из христианской Византии отвратительный институт евнухов, происки и заговоры придворных пошли без конца.

Впрочем, 8 июня 632 г. вечером никто, конечно, и не помышлял в Медине о возможности в будущем возникновения роковых осложнений. Все ликовали попросту по случаю водворения нового правления. Во всяком случае выбор Абу Бекра был действительно из самых счастливых, может быть даже единственный, соответствующий требованиям положения. До сих пор все привыкли повиноваться одному слову Божию, выраженному в Коране и в повелениях посланника божьего: другого авторитета рядом нельзя было ставить. При жизни Мухаммеда военачальники назначались всегда только для исполнения совершенно определенных отдельных поручений, по исполнении которых вступали они снова

беспрекословно в ряды равноправных правоверных. Тот, кто теперь принимал руководительство общиной, мог поэтому рассчитывать на повиновение только в том случае, если всегда и во всем будет следовать точно примеру пророка; во всяком случае он должен был действовать именно так, как привыкли видеть действовавшим самого пророка. Между тем для каждого правоверного было ясно, что Абу Бекр, как выразился Омар в избирательном собрании, назначен самим пророком в заместители при общей молитве в мечети: а молитва, как известно, составляла основание всей религии. К этой основной обязанности легче могли примкнуть и остальные дела общины; не требовалось, таким образом, создавать нового авторитета, который не с виду только мог бы опираться на распоряжения самого пророка. Но ведь нового авторитета, собственно, и не создавалось. Абу Бекр оставался только в несколько расширенном смысле тем, чем уже был за несколько дней тому назад, а именно: заместителем посла Божьего, халифату расули'ллахи — ничего более и не значит простой титул халифа. Сказочное представление о неограниченной власти и блеске, которые и поныне по детским воззрениям связывают с именем халифа багдадского как третьего в союзе, рядом с императором и папой, нисколько не изменяет сущности вещей, ибо халиф имел, собственно говоря, право называться только «наместником исламизма». Конечно, с течением времени обстоятельства придали этому сану иное значение. Уже преемник Абу Бекра счел необходимым слегка наметить возрастающий блеск главы общины прибавлением к титулу слов: эмир УЛ-мумининна, т. е. «повелитель правоверных», но скромное название халифа в глазах всех властителей ислама имело постоянно возрастающее значение. Это самое значение ныне заставляет турецкого султана, предки которого сотни лет тому назад приобрели этот титул путем юридической фикции, твердо придерживаться его.

На почве мусульманства тот, кто признан наместником посланника Божия, соединяет в себе сан главы светского и духовного. Власть халифа поэтому нельзя приравнивать к светской власти папы, как это было прежде в его Церковной области, или же сравнить с духовным главенством короля саксонского как епископа евангелических подданных всей его страны. Представьте себе могущество высшей иерархии римско-католической в соединении с силой неограниченного правления Людовика XIV, или же государственное устройство, которое осуществлял в Женеве Кальвин, а на короткое время в Англии — Кромвель, или же, наконец, существующее теоретически в России. Вот приблизительное понятие о тех могучих средствах, которыми располагает наместник «посланника божия».

Располагали, конечно, они этим могуществом при совершенно определенных условиях, но никогда не безгранично. Сан их был и не королевский, и не первосвященни-ческий, а высший — имамов*, вмещающий в себе двойные полномочия. Но все же еще выше, чем все повеления наместника пророка, почиталось всегда истинное слово божие, начертанное в коране для правоверных, служа вернейшим указанием как в делах веры, так и поступках; выше считалось также и то, что преподал пророк своим близким лично словом, либо примером, служившими образцами, достойными подражания. Таким образом, лишь только халиф совершал нечто отступающее от этих норм, он становился в глазах своих истинно верующих подданных, насколько они были способны к некоторому последовательному размышлению, нарушителем авторитета, соблюдение которого одно только и могло обеспечивать послушание народа. Если же его крепкие руки твердо руководили светской властью и достигали послушания путем насилия, то набожные и ревностные все-таки не обязаны были более признавать в нем имама и имели право воспользоваться первым удобным случаем, чтобы сбросить иго безбожника и вручить имамат тому, чьи притязания на этот высший сан оказывались отныне справедливыми. Поэтому безмятежное выполнение двойного владычества возможно было лишь до тех пор, пока преобладающее большинство мусульман проникнуто было сознанием, что халиф управляет, действительно неуклонно следуя словам божиим и примеру пророка. Но и в этом случае власть халифа ограничивалась проблемой любви к свободе могучего народа, чуткую щекотливость которой щадил даже Мухаммед там, где не нарушались интересы веры; а бурные порывы этой любви становились для

' Имам — «предстоятель». Собственно, это тот, который молится перед общиной во время богослужения в пятницу. Так делал постоянно в Медине сам Мухаммед, а после него каждый халиф в месте своей резиденции. Поэтому имам есть, собственно, особое наименование законного главы всей исламской общины.

его преемников тем опаснее, чем более брали верх древние светские привычки, распространяясь на широчайшие круги новых исповедников веры вне полуострова.

И в обоих этих отношениях избрание Абу Бекра оказывалось самым подходящим. Все равно, как и при жизни Мухаммеда, когда каждое слово пророка было для него откровением, так и теперь заботился он, в общем и в частностях, подражать безусловно тому, что пророк когда-либо сказал или сделал, питая непоколебимую уверенность, что подобный образ действий не преминет увенчаться успехом. Мы уже видели, как он, даже в момент высшей опасности, оставался непреклонен, твердо следуя примеру пророка, отклонил скользкий путь компромисса с взбунтовавшимися бедуинами и успел добиться безусловного подавления восстания. Весьма возможно, и это было важнее всего, что его управление, которое совершенно соответствовало смыслу учения и словам пророка, не давало действительно никакого повода к порицанию самым остроумным ревнителям веры, а тем более к явному неповиновению самых набожных из общины. Так постепенно и незаметно привыкали правоверные повиноваться приказаниям халифа, благодаря чему новое государственное устройство быстро окрепло. Ближайшие преемники Абу

Бекра могли уже беспрепятственно по собственной инициативе вводить нововведения там, где не встречалось соответственных, ясных предписаний божиих или пророка. Немало пользы принесла и спокойная рассудительность Абу Бекра: приходилось иногда, принимая во внимание переживаемые тяжкие времена, делать некоторые уступки безумным массам арабских головорезов, не принося, однако, при этом ущерба достоинству повелителя. Будь на его месте Омар, давно бы Халиду несдобровать за его позорные, злодейские дела. По всей справедливости можно было глубоко презирать эту отвратительную личность, но Абу Бекр понимал, что в отчаянной войне с арабами трудно было обойтись без «меча божия», и искусно избегал поводов к столкновению с этим пока необходимым головорезом, продолжая сохранять свой авторитет.

Таково положение Абу Бекра между Мухаммедом, основателем ислама, и Омаром, организатором мирового государства. Он занимает по праву середину между ними как добросовестный, твердый и мудрый основатель халифата. Он сумел заставить уважать достоинство наместника посланника Божия всею совокупностью общины как законное продолжение управления пророка и тем самым обезопасил будущность веры. Вот почему он и три непосредственные его преемника: Омар, Осман и Алий, — занимавшие последовательно сотворенное им правомерное положение, не без основания носят почетный титул законных халифов'. Ими заканчивается патриархальный период ислама. Особенно сам Абу Бекр (правил от 8 июня 632 — 22 августа 634 = 11 — 13 гг.) и Омар (22 августа 634 — 3 ноября 644 = 13—23 гг.) отличались в своем образе жизни и манере обращения простотой и беспристрастием, теми самыми качествами, с помощью которых сам Мухаммед старался оберегать прирожденное чувство равенства своих земляков, невзирая ни на какие соблазны, развившиеся вскоре до исполинских размеров государственной жизни. Как и прежде, до принятия сана халифа, оставался Абу Бекр по-прежнему в своем маленьком домике в предместье, а так как никаким распоряжением пророка не были определены личные доходы правителя, он старался, как умел, ограничивать свои расходы и довольствоваться своими умеренными частными средствами. С другой стороны, если даже бесчисленные анекдоты о скромности Омара и строгости его по отношению к себе по большей части и выдуманы, то во всяком случае остается несомненным, что этот властитель полумира не отступал ни в чем от старинных своих привычек воздержанности. Также и отношения между первыми властителями и остальными сподвижниками Мухаммеда оставались по-прежнему те же: они окружали халифа в качестве советников; со вниманием выслушивалось в серьезных делах их мнение, хотя оно не всегда имело реши-

' А л ь-х у л а ф а'у'р-р а ш и д у н а — «по прямому пути шествующие халифы», т. е. не так, как Омейяды, узурпировавшие трон не по закону.

тельное воздействие на намерения наместника, в лице которого, по всеобщему убеждению правоверных, сосредоточивались все полномочия пророка. Но именно эти отношения первых халифов к старым сподвижникам пророка имели в те времена громадное значение: с одной стороны, требовали от правителя соблюдения необыкновенного такта во всех его поступках, а взамен давали управлению неисчислимые выгоды, ибо таким образом весь моральный авторитет ислама оставался как бы сконцентрированным в одном пункте, в Медине. Люди, подобные Тальхе и Зубейру, убежденные в необходимости оставаться в резиденции, не требовали себе никогда должностей главнокомандующих мусульманскими войсками. Можно было, по примеру пророка, спокойно назначать полководцами людей, доказавших свои выдающиеся военные способности; но могущество не могло особенно влиять на умы правоверных, ибо судьба их ежечасно зависела от властного мановения халифов. Этим и объясняется то обстоятельство, почему в героическое время ислама попадаются только два полководца из среды близких к пророку: А б у У б е й д а и Са'д И б н А б у В а к к а с, оба, впрочем, надежные, не обладавшие опасным честолюбием. Легко понять также и то, что такой эгоистический и неукротимый человек как Ха-лид, в самый момент одержанной им знаменитой победы слагает беспрекословно звание главнокомандующего по первому полученному им повелению от Омара, отрешавшего его от должности.

Но и этот вполне патриархальный образ правления гарантировал успех действия благодаря все той же счастливой комбинации, что высшая власть сразу попала в руки исключительных людей; для первого бурного периода они единственно и были возможны. В личности Абу Бекра счастливо соединялись спокойствие и самозабвение, которые дали ему возможность в самое тревожное время создать основы авторитета халифата, а непоколебимая твердость его поборола все бесчисленные опасности возмущения, разлившегося было по всему полуострову. Прозорливой мудрости его обязан ислам главным образом, что развитие дела пророка направлено было по надежному руслу. Но под напором жизненных треволнений, которые приходилось выносить первым исповедникам ислама, сам пророк пал безвременно. Новые непосильные напряжения в судорожной борьбе с возмущением истощили в короткое время и жизненные силы ближайшего его друга, Абу Бекра. Ему едва стукнуло 63 года, и настигла его последняя болезнь — горячка. Почувствовав приближение кончины, созвал он в последний раз старых своих сотоварищей и взял с них клятву, что они будут повиноваться тому, кого он сам выберет себе в преемники. По произнесении клятвы он назначил Омара, затем вскоре сомкнул спокойно вежды 22 Джу-мада II 13 (22 августа 634 г.). Власть перешла в руки могучего и отважного поборника ислама, собиравшегося вознести высоко дело веры. После усмирения бунта соединенные силы

народа находились в состоянии высочайшего напряжения: подготовлялось движение за границы полуострова, распространение его на весь мир. Готовилось осуществление сокровенных мыслей Абу Бекра, его тайных стремлений всколыхнуть целый свет.

ГЛАВА II

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Мы уже знаем, что еще Мухаммедом сделаны были предварительные распоряжения к распространению веры за пределами полуострова, среди других народов и прежде всего у соседних персов и византийцев. Послание его к шаху персидскому не имело особых результатов; следовали затем посольства и рекогносцировки на юг Сирии, поражение при Муте, а позднее присоединение пограничных округов, до Айлы включительно. С тех пор был задуман новый, более серьезный поход в страну на восток от Иордана. Со- биралось уже войско, которое ко времени смерти Мухаммеда успели стянуть к Медине. Следуя своему основному правилу — исполнять во всем точно предначертания пророка, — Абу Бекр направил войска к северу, под предводительством Усамы, невзирая на угрожавшее немедленно отпадение центральных племен Аравии. Вероятно, в этом решении отражалось намерение одновременно дать возможность успокоиться ансарам и поспособствовать им вдали от столицы забыть неудачу при выборе халифа. Но придать походу большее значение мешало, естественно, опасное положение Медины среди восставших бедуинов; поэтому Усама поторопился вернуться назад через два месяца, успевши совершить лишь демонстрацию к византийской границе. Слишком горячая работа ожидала войска внутри Аравии. Но вот, после непрерывной борьбы в течение трех четвертей года, восстановлен был наконец порядок, ислам воцарился снова на всем полуострове. Предстояло еще, однако, совершить многое в отдельных подробностях, пока не введено было наконец повсюду богослужение и упорядочено взимание налогов; теперь только мало-помалу стали привыкать племена, в особенности отдаленных провинций, выступать по первому зову халифа к военному сбору в Медину. Но можно было опасаться, несмотря на суровое наказание бунтовщиков, что с течением времени поползновение к неповиновению снова зашевелится то там, то здесь в упрямых арабских головах. Абу Бекр предвидел это. Он намеренно отсылал на границы по мере подавления восстания всякую свободную тысячу людей, предполагая весьма основательно, что каждый успех извне, каждое известие об удачном набеге возбудит в вечно волнующихся племенах средней и южной Аравии охоту примкнуть к военным предприятиям, подающим столь блестящие надежды. В этой смелой и последовательной, а вместе с тем и предусмотрительной военной политике, которая с первых же шагов оставила далеко за собой делаемые прежде на ощупь нерешительные попытки состарившегося пророка, нельзя не усмотреть, без сомнения, влияния кипучего, рвущегося вперед Омара; хотя, с другой стороны, совершенно осязательных доказательств не имеется, что Абу Бекр в подобных делах следовал, недолго думая, совету более молодого своего товарища. Во всяком случае эта военная политика послужила необходимым противовесом для всех возможных в будущем восстаний: только на полях сражений в Персии и Сирии недавние победители и побежденные при Бузахе, в «саду смерти» и на полях Йемена, могли сплотиться в те могучие полчища воинов, которые неудержимым напором расшатали вскоре полмира. И тут, по роковой неизбежности, политические побуждения воспособляются повелениями божьими — бороться с неверными где бы то ни было.

Две могучие волны арабских завоевателей, подобно громадному прибою, стали заливать соседние земли, с востока и запада. Сначала по повелению халифа была направлена с неудержимой силой первая волна: она залила Персию до Оксуса, Сирию, Месопотамию, Армению, некоторые части Малой Азии до самого Константинополя, Египет и северный берег Африки до Карфагена включительно. Лишь в последние годы правления Османа (24—35 = 644— 655), под наплывом внутренних смут, была она задержана на некоторое время. Первая гражданская война (35—41 = 655—661) воспрепятствовала не только новому движению вперед, но послужила естественной причиной даже потерь на многих прежде завоеванных границах. А новый прибой завоевательной политики, которую возобновил М у а в и я (41 — 60 = 661 —680) по восстановлении порядка, с его кончиной пресекся возгоревшеюся второю гражданскою войной (60—80 = 680—699). Затем, после того как А б д-а л ь-М е л и к (65—86 = 685—705) укрепил наконец владычество династии Омейядов, арабская народность начинает снова при всемогущем владыке Аль-Валиде (86—96 = 705—715) затоплять второй волной земли и народы: на восток до границ Индии и Туркестана, на север до Кавказа и стен Константинополя, а на запад до Атлантического океана и далее вглубь Франции. Тут только поставил ей предел Карл Мартелл в сражении при Туре и Пуатье (114 = 732). Великое движение арабов достигло своих крайних пределов. Новые более опасные раздоры внутри халифата подтачивают силы династии. Между тем национальный дух персидского народа, проснувшийся из глубокого своего унижения, начинает тихую, но неустанную борьбу против арабского владычества, которая кончается падением обоих народов. Душой первых великих завоевательных войн и организатором всемирной империи, выросшей из презираемой всеми цивилизованными народами варварской страны Аравии, был, несомненно, Омар. То же, что было достигнуто в первые годы владычества Османа, походило скорее на дальнейшее непроизвольное движение камня, брошенного

сильной рукой. Слабый преемник великого властелина не принимал в этом никакого личного участия; военачальники, доставившие ему несколько блестящих побед, почти все были ставленники Омара. Из центрального пункта, Медины, где восседал этот мощный человек — раз только покидал он ее и то на короткое время, чтобы лично устроить в покоренном Иерусалиме дела Сирии, — направлялись расходящимися лучами во все стороны воинские экспедиции. То сдерживал он сильною рукой своих полководцев, то подгонял их, неуклонно, строго наблюдал за ними, не ослабляя, однако, их деятельности самовольным вмешательством во все мелочи военных операций. Заботливо взвешивал Омар силы, которыми располагал каждый из них, укрощал честолюбивые порывы степных безумцев, становившихся благодаря успехам все дерзновенней, пока прежние завоевания не закрепятся постройкой крепостей и умиротворением жителей. При этом он поступал по отношению к побежденным, которые как неверующие не заслуживали снисхождения, скорее мудро, чем добродушно; старался так организи-ровать управление занятых земель, чтобы народонаселение вносило исправно подати как в государственную казну, так и каждому отдельному мусульманину и чтобы под давлением арабского оккупационного войска можно было бы их держать в повиновении. Вообще же в этих войнах, весьма естественно, обходились с неприятелем не особенно-то мягко: «Он умертвил (способных носить оружие) мужчин, а пленных увел (женщин и детей)», — вот каков постоянный печальный припев арабских историков, когда они рассказывают о завладении силой укрепленным местом. Но тогда все делали так. Зато более сносно было обхождение арабов с людьми, добровольно сдававшимися. За исключением кровожадного Халида, ни один арабский полководец, насколько известно, не запятнал своего щита невинной кровью, а систематическое варварское опустошение целых областей, к чему приучили жителей постепенно персы и византийцы за все время взаимных их яростных распрей, продолжавшихся столетия, всегда было чуждо арабам. Иногда, когда находили это нужным, поступали они жестокосердо, почти бесчеловечно, зато в другой раз, относясь полунерадиво, полупрезрительно, выказывали к побежденным снисхождение. Вообще арабы наносили далеко менее вреда, чем позднее турки, а тем более монголы, прекрасным странам, которые достались им в добычу.

Первые набеги начались при Абу Бекре, направляясь на южную Палестину и низменность Евфрата. В 12 г. (633) уже занято было временно королевство Хира. В правление Омара в 14 (635 г.) взят Дамаск, в 16 (637 г.) завоевана вся Вавилония с Ктезифоном, резиденцией персидского государства, до самых Мидийских гор. От 17—19 (638—640 гг.) покорены одна за другой сильные сирийские крепости и в то же время заняты Месопотамия и Хузистан. В годы 19 и 20 (640—341) арабы овладели Египтом и подчинили Мосул, ограждавший с севера Месопотамию. В 21 г. (642) взята штурмом Александрия и совершены дальнейшие завоевания на запад до Барки (Киренаика); в это же время перейдены Мидоперсидские пограничные горы и рассеяны последние главные военные силы персов при Нихавенде. В 22 г. (643) страна, занятая до Рей (Тегеран), прикрыта с северного фланга вторжением в Азербайджан (персидская Армения); в северной же Африке взят Триполис. В 23 г. (644), кроме обойденной раньше крепости Хамадан (Экбатана), занята также Испагань, а на северо-востоке достигнуты границы Хорасана. Таким образом, к концу своей жизни Омар повелевал, кроме самой Аравии, северо-восточным прибрежьем Африки, Египтом, Сирией, Месопотамией, Вавилонией и западной половиной Персии, в общем по пространству — над страной величиною с Германию и Австро-Венгрию вместе взятыми. Владычество персов ютилось еще на юге и востоке. В начале же правления Османа, 27 г. (648), покорена была область Карфагена, в 28 г. (649) пал остров Кипр. Король Иездегерд держался еще до 29 г. (650), когда наконец падение Истахра (Персеполис), древнейшей столицы исконной отчизны Персии, открыло мусульманам остальные провинции империи: в 30 г. (651) сфера владычества ислама простиралась от Оксуса вплоть до большого Сырта и равнялась по пространству почти половине Европы.

Если эти завоевания представляют переворот, равного которому по обширности и быстроте свет не видал со времени Александра, то тем навязчивее напрашивается вопрос: какие были причины, давшие возможность совершиться этим необычайным успехам. Александр Великий, как известно, разрывал беспомощные массы персидских полчищ клином железной своей фаланги; неудержимый поток германских переселенцев бесконечным числом могучих своих тел задавил столь искусно вооруженные и предводимые легионы римлян, народа ослабевшего вследствие крайней изнеженности. Здесь же мы наталкиваемся на нечто особенное: и масса, и превосходство вооружения, и военное искусство — все на стороне греков и персов. Конечно, почти неизвестно даже приблизительно число борцов, которых могла выслать мусульманская Аравия против неверных на восток и запад. Хотя цифры первых армий по дошедшим до нас сведениям, как кажется, довольно правдоподобны, но мы решительно ничего не знаем о величине подкреплений, которые, несомненно, необходимо было высылать из Аравии от времени до времени на различные пункты театра войны. Пробелы в рядах арабов получались громадные, отчасти вследствие очень кровавых сражений, а еще более благодаря необходимости оставлять отряды в покоренных местностях для свободного движения все далее вперед. Равным образом мы лишены всякого мало-мальски надежного источника для определенных статистических данных народонаселения. Если принять, например, что воинскую силу германской армии можно приблизительно выразить 1/30 всего населения, с не меньшею вероятностью можно бы допустить, что у крепкого еще первобытного народа отношение это можно возвысить до 1 /20. Затем, принимая в соображение, что выросшее поколение за время войн, продолжавшихся 20 лет, следует считать втрое, а также предположив, что в тогдашней Аравии могло быть 5 млн. жителей (как считается и ныне по весьма поверхностным данным), можно допустить, что

во всей стране могло быть способных носить оружие 250 000, а совокупность всех выставленных воинов во время завоевательных походов с начала до конца составляла приблизительно 1 млн. Вышло бы тогда, что в 36 г. (657 г.) все войска, участвовавшие в сражении при Сиффине, стянутые из Сирии, Месопотамии, Вавилонии и некоторых частей Аравии и Персии, составляли 150 000 человек; при этом по меньшей мере приходится допустить, что завоеватели в первое время 1'еобычайно быстро размножались в новозавоеванных провинциях. И все же весь этот расчет в высшей степени произволен. Сообразуясь со всем, что нам известно, мусульмане в 15 (636 г.) едва ли могли иметь более 80 000 человек в строю вне Аравии. Нельзя поэтому не согласиться, что приведенные выше цифры скорее будут слишком высоки*, чем низки. Мы можем, однако, с некоторою достоверностью утверж-

' Конечно, кого влечет к высоким цифрам, может произвести вычисление и на другой манер, также с помощью услужливой статистики; он подсчитает в таком случае несколько иначе. У нас, например, на каждую 1000 народонаселения приходится около 200 человек в возрасте 20—50 лет. Таким образом на 5 млн. арабов пришлось бы 1 млн., способных носить оружие. Отсюда следует вычесть не одних только инвалидов, а также и всех рабов, иудеев, христиан, павших в междоусобных войнах, и наконец остальных, по какой бы то ни было причине не откликнувшихся на призыв к войне; ибо невозможно равномерно привести в исполнение идею прямого государственного принуждения. Для определения этих категорий у нас не хватает никаких данных; одно только можно сказать с некоторою правдоподобностью, что, сравнивая две воинственные народности, можно приблизительно предположить, что получится одинаковая сила напряжения, так как разницы в правлении, образе жизни, нравах и т. п. взаимно уравновешиваются. Но все подобные исчисления, повторяю опять, весьма произвольны; удовольствуемся поэтому теми немногими более или менее достоверными цифрами, которые будут предложены в тексте.

дать, что в правление Османа совокупность сил войск ислама, рассеянных на пространстве от восточной Персии до Карфагена, составляла приблизительно 250—300 тысяч человек. Еще неопределеннее предположения о средствах обороны противников. Очень понятно, что арабские известия выказывают всюду стремление преувеличивать до невозможного цифру неприятелей; когда слышим, сколько несчастных легло в больших сражениях жертвой меча правоверных, невольно вспоминаются бессмертные тирады Фальстафа. Об этих событиях не осталось ни одного известия со стороны персов; таким образом, всякая возможность контроля исчезла. Но мы можем позаимствовать кое-что касательно сирийской войны из довольно скудных византийских источников. Так, например, в сражении при Гиеромак-се участвовало 80000 византийцев, армян и христианских арабов против 25000—30000 мусульман'. А так как император Ираклий незадолго перед тем только благодаря помощи хазаров разбил наголову Сассанидов и потряс их царство до основания, а затем персидское государство расшатано было окончательно непрерывными междоусобными войнами, то едва ли можно допустить, чтобы даже при Кадесие или Ни-хавенде Иездегерд мог располагать более чем 100000 человек. Все же эти короткие известия и предположения сходятся в одном: что именно в первые решительные минуты мусульманам почти всегда приходилось бороться по меньшей мере с двойной силой противников.

Причину же того, что, несмотря на это, они выходили почти всегда победителями, историки привыкли приписывать религиозному фанатизму, который воодушевлял последователей пророка. Отдавая полную справедливость не-

' Последняя цифра, правда, опирается на арабское предание. Но не следует при этом забывать, что Мухаммед в 9 (630 г.) для похода в Табук мог собрать только 30000 человек; поэтому в 14 (635 г.), когда силы Аравии едва только начинали развиваться, трудно допустить возможность выставить им больше войск, чем 30000 человек в Сирии и около 40000 в Персии. Поздние цифры растут, очень понятно, благодаря присоединению христианских арабских племен и дальнейшему приливу подкреплений изнутри полуострова.

сравненной в действительности храбрости арабов и презрению их к смерти, мы должны, однако, сказать, что трудно одним только этим объяснить успех бесконечного ряда побед. При этом не следует забывать, что фанатизм лишь постепенно становился всеобщим: жажда добычи, положим, компенсировала наполовину недостаточность веры в первых сражениях. Лишь после целой серии блестящих успехов войско охватило особого рода полурелигиозное дикое воодушевление, подобно тому, как, например, солдаты Наполеона уверовали в своего реп1 сарога!. Поэтому следует искать, по крайней мере отчасти, причины успеха в чем-либо ином. Пока можно будет сделать лишь краткие указания на то, что позднее разъяснится более обстоятельно. Мы хотим сказать, что в больших решительных сражениях у персов и византийцев ощущался очевидный недостаток общего руководительства. Так, например, как известно, персидский главнокомандующий сражался при Кадесие не по своему побуждению, а лишь следуя настоятельному приказу царя. В сражении же при Геромаксе греческое войско, словно нарочно, разделено было на три лагеря, относящиеся друг к другу со злобой и худо скрытым недоверием. Эти раздоры, вдвойне опасные ввиду несравненной дисциплины мусульман, были симптомами глубоко укоренившихся болезней, пожиравших на корню персидское и византийское государства. Династия Сассанидов с самого начала владычества своего над Персией была в многих отношениях стеснена в управлении, принужденная сообразоваться во всем с могуществом и иерархией магов и высшего дворянства. Начиная же с конца VI столетия возникли в недрах самой династии раздоры; дворцовые революции с тех пор не прекращались. В этих вечных передрягах принимали, естественно, участие и духовенство, и знать, а вооруженные силы, много пострадавшие в византийских войнах, еще более ослабли, меж тем как крупные вассалы, особенно восточных пограничных провинций, становились

постепенно более и более самостоятельными. Обо всем этом дошли до нас сведения в виде отдельных скудных заметок греческих, сирийских и арабских писателей. Очень понятно поэтому стано- вится, что первое вторжение арабов, случившееся в пору ранней молодости короля Иездегерда, не давало никакой возможности правлению в Ктезифоне завести какой-либо сносный порядок. При спешном наборе войска против неприятеля не было времени позаботиться об уничтожении следов глубоко укоренившегося государственного неустройства. Сверх того персидские военные распорядки опирались на систему ополчений, требовавших для сбора войск значительного времени и не дававших возможности вводить строгую дисциплину. У византийцев дело поставлено было несколько иначе. Внутренние раздоры, посеянные революцией Фоки, не настолько расшатали крепкие основы правления, чтобы твердая рука Ираклия не сумела в короткое время поставить государственный механизм на более или менее торный путь. Но постоянно продолжающиеся нападения внешних врагов поглощали большую часть сил империи. Едва только было сломлено сопротивление Сассанидов, длившееся в течение многих столетий, как снова стали напирать на греков, на Балканском полуострове, авары и славяне, и это произошло в ту минуту, когда персидский поход значительно исчерпал средства императора. Ко всему этому присоединялась еще полная непопулярность византийского владычества над восточными провинциями: Египтом, Сирией, Месопотамией. Благодаря беспощадности взимания податей и бюрократической заносчивости греческого управления, большинство жителей — сирийцы и копты — вовсе не ассимилировалось и с неохотой выносило чужеземное владычество. Всего же хуже было то, что именно в это время император Ираклий задумал, по-видимому с благою целью, церковное соглашение (в видах благодушного посредничества между препирающимися богословами), возмутившее в высшей степени религиозное чувство иноплеменного народонаселения. Поэтому-то в этих странах никто и пальцем не пошевельнул против арабов; наоборот, во многих случаях население изменнически старалось помогать врагу государства. Лучшим доказательством справедливости изложенного может служить тот неоспоримый факт, что успех мусульман ограничился только что названными провинциями. Правда, Малая Азия была временно опустошена, но ни разу — завоевана надолго, а позднее под крепкими стенами Византии арабское войско неоднократно испытывало неудачи; между тем покорение Сирии совершено было в весьма непродолжительный срок. Таким образом, ближайшее рассмотрение первых блестящих подвигов правоверных теряет обаяние чудесного, которым совершенно неосновательно увенчан этот цикл исторических событий; но зато следует признать, и в самом широком, неограниченном смысле, что едва ли найдется во всей истории другой подобный юный народ, хотя бы с одинаковою прирожденной храбростью и подстрекаемый в той же мере религиозным воодушевлением, который мог бы проявить столь высокое понимание всех требований при ведении великой войны, соединенное с необычайною способностью воспринимать у противника все то, что выработал тот благодаря более древней своей цивилизации в областях военной и государственной. Руководимые инстинктивным порывом, врезывались они с молниеносной быстротой в массы войск, предводимых опытными византийскими генералами, привыкшими к медлительности и осторожности, и разбивали в одиночку отдельные ополчения персидских провинций, с совокупностью которых едва ли были бы в состоянии справиться. Неожиданность появления, когда никто этого не чаял, составляла всегда главную черту ведения войны бедуинов. Обе пограничные провинции двух великих держав могли бы многое порассказать о многочисленных и опустошительных хищнических набегах того или другого арабского вассального князя, но эти набеги почти никогда не имели решительного влияния на ход главных военных операций. В данном случае к неимоверной быстроте движений неожиданно присоединялась необыкновенная способность этих степных разбойников придумывать стратегические планы и последовательно проводить их; более же всего поражала неприятелей образцовая дисциплина последователей ислама, которой охотно подчинялись, сверх всяких ожиданий, впервые выступающие теперь арабы центра и юга. С другой стороны, те самые люди, которые лет 10 тому назад почитали простой ров за неприступную твердыню, а четыре года спустя не знали, что предпринять, очутившись пе- ред нехитро сложенными стенами маленькой крепости центральной Аравии, Таифа, берут теперь безостановочно одну византийскую крепость за другой, а позднее сами строят укрепленные лагеря в Персии, словно делают привычное издавна им дело. Между тем они же мудро воздерживаются от подражания порядкам сомнительного достоинства, как, например, эскадронов слонов, которых персы, по национальному упрямству, все еще придерживались, несмотря на то что 1000 лет почти тому назад в битвах с Александром была доказана полная непригодность их к войне. Таким образом представляется историку, с одной стороны, духовная и телесная подвижность, непочатое воодушевление в соединении со строгой дисциплиной, воинское дарование, не стесняемое выработанной и застывшей рутиной, хотя и не особенно многочисленного войска, а с другой — неповоротливость, разлад, рядом с храбростью известного сорта духовная немощность, богатые внешние средства и большой перевес в численности. Нечто подобное встречаем мы и во времена французских революционных войн, поэтому соответственные последствия исторических событий были весьма естественны как там, так и здесь; одно только громадное расстояние времени и недостаточность предания могли затемнить несколько смысл единичных звеньев событий.

После сражения «в саду смерти» храбрый Мусанна Ибн Хариса, став во главе многочисленных полчищ Бену Бекр Ваиля, кочевавших в северо-восточном углу Аравии, покорил без особых усилий всю

береговую полосу Бахрейн, признававшую доселе персидское владычество. Таким образом, к концу 11 (началу 633 г.) арабы достигли границ собственно Персии. Внутри полуострова не предстояло никакого более дела воинственным и хищным бедуинам. Тогда они стали припоминать, какую знатную добычу добывали некогда в странах по ту сторону границ, а раз даже, после падения Лахмидов, лет 25 тому назад нанесли поражение самому персидскому наместнику Хиры. Дети пустыни, быть может, прослышали также и про то, что там, в Персии, опять идет безу-рядица: новый царь Иездегерд, севший на престол в конце 632 г., никак не может управиться с приверженцами несовершеннолетнего своего конкурента, Хормизда V, и другими внутренними врагами*. Арабы и воспользовались этим удобным моментом, чтобы порыскать в чужой стране, по примеру отцов своих. До ушей халифа скоро дошли слухи об удачных хищнических набегах Мусанны к устью Евфрата. Ему было предложено официально из Медины собрать как можно более охотников в своем племени и стать под начальство Халида, войска которого, между тем, очутились свободными после полного успокоения средней Аравии. К полчищам правоверных, расположенным у Акрабы, примкнули еще многие из племен вновь обращенных, образуя почтенную армию силою до 10 000 человек; к ней присоединился и Мусанна со своими 8000 бекритов. Тогда Халид двинулся в конце 11 (в начале 633) к устьям Евфрата, в персидские владения. Большую долину Евфрата и Тигра, т. е. Вавилонию и Халдею, низменную часть Месопотамии и местность между обеими реками, страны, граничащие с одной стороны с Сирийской пустыней, а с другой — доходящие до Мидийских гор, арабы привыкли исстари называть Севад", или Ирак*".

' Сам Иездегерд, впрочем, был еще тогда малолетним; по одним известиям, ему было 15 или 16 лет, а вероятнее всего — не более 8. Поэтому о самостоятельном управлении не могло быть и речи, но так как совершенно неизвестно, кто был регентом, то для краткости в дальнейшем изложении будет упоминаться лишь Иездегерд.

" Значит, приблизительно, «черная страна», так названная по темной окраске всюду зеленеющего ландшафта, сплошь покрытого посевом и деревьями, в противоположение светло-желтому колеру пустыни; так по крайней мере объясняют филологи.

'" Это имя объясняется разно: как кажется, означает узкую полосу вдоль обеих рек либо пустыни. Географы, впрочем, отличают Севад от Ирака, но для нас это безразлично. Следует, однако, заметить, что обыкновенно и северо-западную половину Персии присоединяют в политическом смысле к Ираку, с которым она одно время составляла административную целость. Это и будет так называемый персидский Ирак в противоположение арабскому Ираку, или просто Ираку.

В те времена и еще несколько столетий спустя страна эта, орошенная по всем направлениям древней, весьма разветвленной системой каналов, была одной из плодоноснейших, можно даже сказать, из самых плодородных во всем свете. Для того именно, чтобы оградить ее от разбойничьих нападений хищников пустыни, персы и организировали пограничное государство Хиру. Надо было поэтому прежде взять этот главный центр христианско-персидско-арабских племен и затем уже переправиться через Евфрат. Но Абу Бекр решил иначе. Он приказал Халиду прямо вторгнуться в южную оконечность Севада; меж тем одновременно другой отряд, под предводительством И я д а, направлен был дальше на восток, через степи, на Хиру, дабы отвлечь возможный удар неприятеля во фланг Халиду. Вначале шло все благополучно'. Вследствие прежних хищнических набегов Мусанны персидский наместник южной Вавилонии, Х о р м и з д, стянул войска, и арабы натолкнулись на них у К а з и м ы, в двух днях расстояния от позднейшей Басры. Все, что мы знаем об отдельных событиях и всех вообще сражениях данного периода, походит скорее на беспорядочное собрание отрывочных известий, чаще всего анекдотической окраски и сомнительной достоверности. До нас не дошло даже хотя бы несколько ясной картины о расположении обоих войск и тактических передвижений во время борьбы. Так или иначе, персы были побиты (Мухаррем 12 = март 633 г.), несмотря на то что они, по весьма, положим, сомнительному показанию арабских историков, были частью связаны между собой цепью; поэтому и называется эта первая стычка «цепным боем»". Пал сам Хормизд, как говорят, от руки Халида; победителям досталась богатая добыча. В первый раз тут удалось

' История первого похода против персов, до передвижения Халида в Сирии, вообще малоизвестна; поэтому настоящий опыт сопоставления отдельных известий воедино никоим образом не может быть признан за окончательно удовлетворительный.

" Подобно тому, как французы любят определять события известными числами месяца (18 брюмера, 2 декабря и т. д.), так же и арабы стараются обозначать исторически важные дни характеристическими посторонними обстоятельствами или случаями; сравни, например, день Халимы.

кочевникам увидеть одну из тех драгоценных диадем, какие обыкновенно носили персидские вельможи, украшенную рядами благородных камней. Доселе как редкость, в виде обломков неопределенной стоимости, попадали они иногда вовнутрь Аравии, теперь же предназначалась она целиком в государственную казну*. Так же точно послан был в Медину захваченный в бою слон, в высшей степени возбудивший изумление жителей Медины, никогда не видавших подобного животного. При виде его некоторые из наиболее наивных женщин серьезно сомневались — было ли это творение божие или искусственное подражание природе. Но бедуинам в набегах приходилось видеть многое еще более изумительное. После «цепного боя» отважно переправилось все войско через Евфрат и бросилось грабить южную часть Междуречья, умерщвляя всюду взрослых и уводя за собой жен и детей — очень понятно, это делалось только в поместьях персидских крупных владельцев, должностных лиц и полицейских чинов. Мирных крестьян, по большей части арамейцев, т. е. семитского происхождения, оставляли в покое.

Настолько мудрости хватило и у Халида, чтобы не зарезать курицу, несущую золотые яйца. А чтобы она не очень раздобрела, об этом, как мы увидим впоследствии, позаботились с большим искусством. Так арабы продолжали и дальше проникать в страну, Мусанна со своими бекритами впереди, зная лучше других местность. Совершенно неожиданно наткнулся он вдруг у Мазара на новый отряд персидского войска, который, при первой вести о нарушении мира арабами, выслан был из столицы, чтобы наказать дерзких грабителей. Ими командовал предводитель из дома Карен, одной из благороднейших и могущественнейших семей всего персидского дворянства; по дороге присоединились к нему и беглецы, уцелевшие после «цепного боя». Халид с главными силами подоспел вовремя на выручку своему сподвижнику и угрожавшее ему поражение легко обратил в победу. Между тем по царским повелениям стягивались все новые

' Для нее, как и всегда, отделялась пятая часть добычи, как это установил вначале Мухаммед.

войска и направлялись в Вавилонию. Выступили также в поход христианские арабы из наместничества Хиры, собирались сильные отряды кочевавших в самом Междуречье бедуинов, заколыхались и бекриты Ваиль, которых подмывали отвращение к исламу, а также воспоминания о прежних племенных распрях* с соотечественниками Мусанны. Произошло новое сражение у Валаджи, вблизи большего рукава, соединявшего Евфрат с Тигром и перерезывающего с севера на юг Вавилонию приблизительно пополам. Арабские известия приписывают и здесь победу Халиду, в чем, однако, можно отчасти усомниться". Во всяком случае, даже полное поражение неприятеля не дозволило бы ему продолжать движение вперед; на левом его фланге подымалась гроза, обещавшая скоро разразиться и несшая ему пагубу.

Мы упоминали уже выше, что Ияду было приказано для ограждения от нападений на фланг из Хиры совершить диверсию из центра Северной Аравии. Но вплоть до самой Хиры расстилалась пустыня, в оазисах которой издавна жили Бену Кельб, христиане. Те из них, которые населяли Думат Адь-Джандаль, в9г. (630 г.), после вынужденного обращения короля их Укейдира примкнули наружно к исламу, а после смерти Мухаммеда, подобно землякам-язычникам, снова отложились. После подавления арабского восстания положение их стало опасно, и келбиты вместе с Укейдиром передвинулись постепенно далее к северу, ближе к Евфрату. Здесь встретились они тоже с христианскими племенами Бахраи Тенух, жившими вдоль северной

* Так как большие племена распадались на малые группы, то благодаря арабскому партикуляризму возникали, естественно, беспрестанные внутренние распри, нередко между отделами племен одного и того же происхождения. Так, например, описаны нами уже раздоры между Абс и Зубьян, принадлежавшими к одному и тому же племени Гатафан. После сорокалетней войны бекриты ушли на север, а большие отделы их перекочевали за Евфрат в Месопотамию, где приняты были в союз находившихся там под персидским покровительством бедуинов.

" После сражения последовало движение назад, что легко объясняется, даже предполагая победу, известием о накоплении неприятельских войск во фланге у Халида. Особенно поразительно, во всяком случае, что известия совершенно умалчивают о добыче.

окраины Сирийской пустыни, а отчасти в Месопотамии и признававшими главенство Гассанидов; к ним же присоединились некоторые летучие отряды гассанидов. В Сирии, конечно, никто и не подозревал, что в следующем же году произойдет и к ним вторжение мусульман, но, замечая все увеличивающееся судорожно беспокойное брожение на севере полуострова, сочли целесообразным поддержать отступающих единоверцев перед поступательным движением вперед Ияда. Понятно, этот последний старался их загнать, чтобы иметь свободными оба своих фланга, когда двинется к северу на Хиру. Но это нелегко было исполнить. Путь через степь оказался слишком тяжелым; по крайней мере в Раджабе в 12 (октябрь 633) мы видим его плотно пригвожденным у Думат Аль-Хира*, местности далеко на северо-запад от Хиры. Таким образом, силы наместничества Хиры все еще оставались свободными для подания помощи Персии; было также возможно направить на юг массы арабов Междуречья. У местечка Уллеис, на Евфрате, соединились эти кочевые бедуины с высланными из резиденции свежими царскими войсками и остатками участвовавших в сражении при Валаджи. Сборная армия расположилась (Сафар 12 = май 633) на правом берегу Евфрата, почти в тылу Халида, продолжавшего грабить тем временем на левом. Но при первом же известии арабский военачальник понял всю громадность угрожавшей опасности: быстро повернул Халид назад, переправился через Евфрат и смело напал на неприятелей, продолжавших еще стоять у Уллейса. Бой был тяжелый, исход его долго оставался сомнительным. Свирепый араб в душе дал обет своему Богу, если только Он дарует ему победу, что река" вместо воды потечет кровью. Сражение было действительно выиграно. И вот военачальник отдает приказание хватать всюду беглецов, отвести воду речонки и тут же на месте убивать пленных сотнями. Потекла, понятно, кровь ручьями. Пустили снова воду,

* Это не Думат Аль-Джандаль, как многие ошибочно смешивают, в ущерб пониманию в особенности этого самого похода.

" Вероятно, один из каналов, перерезывавших по всем направлениям местность вблизи Евфрата.

и, в некотором роде, обет был исполнен. Отныне ручей стали называть «кровавой речкой».

Путь в Хиру оказывался теперь свободным. Вначале сушею, после на ладьях, по каналам, подошло войско к самому городу, старой резиденции Лахмидов. Арабы разбили лагерь у самого замка Хаварнак. Город был укреплен, и гарнизон мог бы некоторое время продержаться, но персидский наместник внезапно исчез куда-то, а большинство жителей, арамейские христиане, предпочли после короткого сопротивления сдаться на капитуляцию. Отказаться от своей веры они ни за что, впрочем, не хотели; на них наложена была дань, которую «обладатели писания» должны были выплачивать как цену за терпимость. В течение лета Халид занял и две остальные крепости, остававшиеся еще в руках персов, лежавшие на запад от Евфрата: Амбар, у самой реки, и Айн Темр', на северо-восточной окраине Сирийской пустыни. Замечательно особенно то, что как здесь, так и при занятии Хиры ничего не слышно о дальнейших попытках персов к новым нападениям из Ктезифона. Очень возможно, что новые беспорядки истощали силы правительства; может быть, происходило это и потому, что потребовалось некоторое время, дабы стянуть многочисленные войска из средних провинций, так как великие вассалы центрального ядра государства, вероятно, не очень-то торопились собрать новое ополчение. К тому же непосредственная опасность для столицы миновала со времени битвы при Уллей-се, так как Халид счел за лучшее овладеть сперва всею страною на запад от Евфрата и тогда только снова попытаться вторгнуться в Междуречье. Что же касается христианской пограничной провинции, очень естественно, царь едва ли много тужил о временной уступке ее, тем более что на это были очень важные причины. Вот почему персидский гарнизон в Амбаре так скоро капитулировал, выговорив себе только свободный пропуск, и Халид на это согласился. Но Айн Темр, где случайно засел отдел Бену Таглиб, державший сторону пророчицы Саджахи, отказался наотрез подчи-

' «Финиковый источник».

ниться. Крепость принудили к сдаче голодом, и при занятии ее все были перебиты от первого до последнего.

В это же самое время (летом и осенью 633 = 12) сломлено было наконец возле ДуматАль-Хиры совокупное сопротивление сборища кельбитов и их союзников. По всем ве-роятиям, место это, как можно судить по всему, лежало на северо-запад от Хиры. Обстоятельных подробностей о его положении до нас не дошло, поэтому трудно сказать, справедливо ли известие, что Халид выступил туда походом после падения Айн Темра: иначе пришлось бы предполагать, что кельбиты заманили Ияда довольно далеко на север. Если же это не так, и Думат следует искать ближе к Хире, в таком случае и покорение ее должно было совершиться до взятия Амбара и Айн Темра. Во всяком случае, до самого лета 633 (12) Ияд, и это достоверно, не мог предпринять ничего решительного против кельбитов. Хотя вспомогательный отряд под предводительством Аль Балид Ибн Укбы и успел в то время присоединиться к нему, он все-таки находился бы в довольно незавидном положении, если по его зову не подоспел бы вовремя Халид. Атакованные одновременно с обеих сторон, скопища бедуинов потерпели решительное поражение. Во второй раз попал Укейдир в руки мусульман и был умерщвлен как неисправимый отщепенец. В самом местечке, взятом приступом, свирепствовал по своему обыкновению «меч божий». Один случай спас кельбитов, очутившихся вне города, от окончательного истребления; по капитуляции им дарована была жизнь.

Теперь все пространство между рекой и пустыней было окончательно покорено мусульманами. Раз несколько пробовали было христианские бедуины, кочевавшие по обоим берегам среднего Евфрата, отомстить за кровавое побоище в Айн Темре, но летучие колонны Халида внезапно появля-|лись то там, то здесь и везде совершали страшное дело отместки. Мало-помалу страх усмирил непокорных. Му-[сульмане могли теперь смело выступить из Хиры и снова переправиться за Евфрат. Слабые персидские отряды, занимавшие в тот момент местность Междуречья, не были в состоянии оказать никакого серьезного сопротивления.

Даже тогда, когда сторожевые посты византийцев на среднем Евфрате примкнули к исконным врагам своим, чтобы положить наконец предел все более и более становившемуся грозным брожению на общей границе, жаркая стычка у Аль-Фираада показала, что правоверные в состоянии уже поколотить и соединенные силы византийцев и персов. Таким образом, к концу 12г. (началу 634) Халид успел овладеть обоими берегами Евфрата и мог ежеминутно с того пункта, от которого Тигр находится в расстоянии 10 немецких миль, подойти к Ктезифону в три дня. Но этого не захотел халиф. В это самое время началось движение из Медины трех громадных колонн, которым предписано было завоевать Палестину и Сирию. Прежде чем эти войска не одержат успехов решительных, подобных тем, коими могли похвалиться Халид с Мусанной, было рискованно прервать взаимную связь между обеими главными массами исламских воинов. Халид и не думал сдерживать порывов негодования, не скрывая своего недовольства за наложенное на него свыше принужденное выжидание. Но последствия оправдали прозорливую предусмотрительность Абу Бекра. Вслед за первыми успехами движение вперед сирийских отрядов сразу замедлилось, и предводители их вынуждены были просить подкреплений. Тогда-то и получил Халид повеление, это было в начале Раби I, 13 (май 634), выступить поспешно в Сирию с 3000 всадников. Вне себя от бешенства и приписывая повеление Омара очевидной немилости и желанию вырвать у него из рук плоды его побед, вынужден был он, однако, повиноваться. Откладывать выступление было невозможно, быстро собрался он в поход и передал командование над остающимися войсками Мусанне, который временно перенес главную квартиру в Хиру.

Между тем в Ктезифоне снова закопошились; нашлись кое-какие средства, и персы стали серьезно подумывать об изгнании мусульман из занятой ими опасной позиции. Способствовало этому также и известие о выступлении в дальний поход страшного Халида со значительным отрядом войска; это известие подействовало ободряющим образом на упавший было дух ктезифонских властей. Для предстоящей экспедиции против Хиры снарядили довольно быстро армию под предводительством другого Хормиз-да. Но Мусанна вовремя получил сведения о приближении неприятеля; он двинулся ему навстречу и разбил персов у развалин Вавилона (13 = 634) после упорной битвы, в которой арабский герой собственноручно заколол громадного военного слона. Успех этот, однако, не особенно его прельщал; положение было действительно затруднительное. Ему приходилось с небольшими сравнительно силами прикрывать местность по крайней мере в 60 миль в длину. Поэтому он поспешил лично в Медину, чтобы испросить как можно скорее необходимое подкрепление у халифа; он застал Абу Бекра уже на смертном одре, но Омар, ставший непосредственно у кормила правления, не замедлил исполнить просьбу испытанного военачальника. Обнадеженный видами на скорую помощь, вернулся Мусанна снова в Хиру. Но, конечно, должно было пройти некоторое время, прежде чем успели собрать новое ополчение, и когда предводитель его, Абу Убейд, достиг границ Ирака, тут же встретил он и Мусанну со всем его войском: последнему пришлось поспешно очистить линию Евфрата, чтобы избежать опасности полнейшего истребления.

Из мрака и беспорядков, которые как бы дымкой покрывают события и обстоятельства последних времен царствования Сассанидов, выступает мало-помалу фигура, которую некоторым образом, хотя в общих очертаниях, мы можем более или менее отчетливо себе представить. Это был Рустем, сын Феррух-Хормизда, Испехбеден* великой восточной провинции Хорасана. Отец его, замешанный в последней придворной революции, был убит. Чтобы отомстить за смерть его, сын подступил во главе значительного войска к резиденции, свергнул царицу-регентшу и по-

*Ispehbed, позднейшая форма слова Spah-pad — «войска господин», означающая высший военный титул в царстве Сассанидов, а также соответствующий в некотором роде титулу маркграфа и обозначающий великого вассала, управляющего почти самостоятельно более отдаленными провинциями.

мог завладеть властью Иездегерду, который выставлен был раньше мятежниками в Истахре (Персеполис) в качестве кандидата на царство (вероятно, в начале 633). Так или иначе, этот вельможа появляется отныне в качестве главного руководителя правления и верховного полководца, действовавшего против арабов. Понятно, влияние его простиралось настолько, насколько допускало это положение управляющего, подкапываемое во всех направлениях интригами и личными кознями придворной клики. Тотчас же повелел он составить роспись всем способным носить оружие в провинции Междуречья, и в то же время высланы были двумя отрядами царские войска. Один, под предводительством Джабана, переправился через Евфрат по направлению к Хире; другой же, под командою Нарсэ, расположился в местности Каскар*. Осторожно стянул Мусанна разбросанные посты и, не торопясь, стал отступать навстречу подвигавшемуся к нему Абу Убейду. На границе пустыни соединились оба войска, и, по особому повелении Омара, Абу Убейд принял верховное начальство над соединенными силами. Было бы, конечно, лучше не отнимать от Мусанны главенства, но бекрит слыл за бедуина, не твердого в Коране, так как лишь после смерти Мухаммеда принял ислам"; поэтому-то Омар и не решался навязать его правоверным в качестве главнокомандующего; Абу Убейд был, впрочем, человек испытанной храбрости. Сперва разбил он Джабана вблизи Хи-ры, преследовал горячо беглецов, спешивших присоеди-

' В южной Вавилонии около Валаджи. Войско разделено было на две части, с тем чтобы Джабан нанес главный удар Хире, а Нарсэ, оставаясь в южной Вавилонии, мог бы его прикрыть против случайной диверсии мусульман. Но план не удался благодаря мудрому отступлению Мусанны, а может быть, и потому что затянули его исполнение.

" Хотя в этих первых войнах никто не допытывался насчет корректности чьего-либо катехизиса, все же могло случиться, что войска откажут в повиновении подобному чужеземцу, который не имел права считать себя за одного из «товарищей пророка». Перед таким титулом каждый из правоверных готов был склониться, не унижая своего достоинства; но повиноваться первому встречному бедуину, свалившемуся как снег на голову попросту из какого-то уголка Аравии — на это не согласился бы, пожалуй, никто, за исключением товарищей по племени.

ниться к войску Нарсэ, а затем разбил наголову и последнего, который продолжал неуклонно стоять у Каскара. Но, по-видимому, Рустем успел в это время понемногу стянуть силы нескольких провинций великого царства: вскоре после этих первых битв снова выступило из Ктезифона огромное войско, направленное прямо на Хиру. Мусульманам пришлось спешно покидать свои далеко выдвинутые на юг позиции, дабы успеть переправиться через Евфрат. У местечка Кус Ан-Натиф*, там, где большая царская дорога из Ктезифона в Хиру пересекает реку плашкотным мостом, расположились на западном берегу правоверные лагерем. Тут же, но на другой стороне, очутился внезапно (Рамадан 13 = ноябрь 634) Бахман, персидский полководец. Ловко воспользовался он общеизвестной чертой храбрости своих противников. Под маской великодушия предоставил на выбор Абу Убейду, где ему будет угодно сражаться:

на правом или на левом берегу реки. Горячая кровь араба заговорила и потянула в расставленную ловушку. Вопреки совету более благоразумных из окружающих его, двинулся он через мост и принял сражение, имея в тылу реку. Но на другой стороне персы уже поджидали арабов; развернуться силам недоставало места. Когда же Абу Убейд с безумно отчаянной отвагой бросился, пролагая себе путь, на замыкающий эскадрон слонов Бахма-на, то был подхвачен одним из этих могучих животных и в мгновение ока растоптан ногами. Смерть предводителя произвела удручающее впечатление на войска. Желая вдохнуть в них мужество отчаяния, одному из товарищей Абу Убейда по племени пришла в голову несчастная мысль уничтожить связь моста с берегом, так что его стало мало-помалу относить. Мусульман окончательно объял ужас; целыми толпами бросались они в реку. Всему войску предстояло быть опрокинутому в волны Евфрата, если бы не Мусанна со своими бекритами. Он бросился неустрашимо на персов и успел продержаться, пока мост не был закреплен снова; затем, невзирая на тяжкую рану, нанесенную ему неприятельским копьем, все время продолжал прикрывать отступление.

* Вблизи развалин Вавилона.

Войско было по крайней мере спасено от полнейшего истребления. Все же пришлось потерять в этом сражении при мосте 4000 павших на поле битвы или погибших в волнах Евфрата; 2000, потерявшие окончательно голову, бежали без оглядки до самой Медины. Они сами устыдились своего поступка, но Омар был настолько благоразумен, что обошелся с ними довольно мягко. Во всяком случае беглецы образумились и поняли, что их место там, под командой бедуина. А тот тем временем делал все, что мог, пока они не вернулись наконец с новыми подкреплениями, которые успел, напрягши всю энергию, собрать Омар и послать немедленно же в Ирак. Конечно, следует приписать счастливому случаю, что Бахман, получив известие о новых волнениях в Ктезифоне, должен был вернуться в резиденцию и не мог воспользоваться плодами своей победы; тем временем арабский военачальник не упустил случая заполнить поспешно пробелы маленького своего войска. Довольно далеко от Евфрата, во владениях византийских, кочевало арабское племя Бену Намир; Мусанне посчастливилось, невзирая на то что они были христиане, убедить их примкнуть к мусульманскому войску. И снова заняли арабы страну на запад от реки. Когда же подоспели большие подкрепления из Медины, Омар, конечно, предоставил ему главноначальствование, и этот испытанный воин бьш в состоянии смело выступить против неприятеля, который к тому времени снова начал понемногу подвигаться (14 = 635). Соперничавшие вельможи Ктезифона, по-видимому, на некоторое время помирились, и один из потомков М и х р а н а, одного из семи знаменитейших персидских дворянских родов, переправился через Евфрат с 12000 человек. Мусанна выжидал терпеливо неприятеля за одним из западных каналов Евфрата у Б у в е й б а, вблизи Хиры, предоставив на этот раз действовать самим персам. Ми-хран, как кажется, не знал о числе мусульман и рассчитывал встретить слабые их остатки после сражения у моста. Он совершил ту же самую ошибку, как и Абу Убейд: переправился через канал в виду неприятельского войска и напал на ожидавших его по ту сторону арабов. Персы сражались на этот раз особенно храбро, и, несмотря на это, победа склонилась на сторону правоверных благодаря преимущественно храброй сдержанности намиритов. Желая довершить поражение врага, приказал Мусанна одному летучему отряду разрушить мост в тылу. Этот маневр чуть не стал гибельным: лишенные отступления, бросились персы с отвагой отчаяния на наступающих, и снова закипел бой. Сам Мусанна упрекал себя потом, что подверг мусульман новым, совершенно излишним потерям, но сражение все-таки кончилось полным истреблением неприятельского войска: почти никто из персов не спасся. Такое значительное поражение раскрыло глаза персам. Они увидели, что полумерами нельзя сломить необычайного упорства, с которым дерзкие аравитяне, и прежде довольно часто предпринимавшие свои набеги, решились ныне продолжать их, по-вмдимому, непрерывно. Поэтому Рустем решился собрать предварительно серьезные военные силы, чтобы неотразимым натиском и одним ударом,положить конец утомительной пограничной войне. Мы уже не раз указывали, что внутреннее положение персидского государства представляло великие препятствия для подобного рода предприятия. Поэтому понадобилось более года, прежде чем новое ополчение, собранное частью в отдаленных провинциях, могло достигнуть столицы. Этим моментом относительного покоя арабы воспользовались как нельзя лучше. По всему Междуречью и дельте Евфрата и Тигра, на пространстве около 80 миль, считая от оконечности Персидского залива вверх, шныряли по всем направлениям и грабили конные отряды, занимая один город за другим, до самого Тигра выше Ктезифона. В то же самое время положили они начало твердой оседлости в покоренной стране, заложив у нынешнего Шат-аль-Араба, главного рукава соединенных Евфрата и Тигра, крепость Басру*. Широкое русло становится здесь доступно для морских судов; вот

* После острого с у арабов слегка, едва заметно, слышится глухое гласное придыхание, поэтому англичане и французы пишут Ваявога. Бальсора же во всяком случае бессмыслица.

почему место это стало впоследствии средоточием всей морской торговли исламского государства, с основанием же Багдада при Аббасидах — естественной гаванью резиденции халифов. Так как персы в соседней Хурейбе имели крепостцу и арсенал, то Басра, укрепленная, служила также естественным

прикрытием Аравии и южной Вавилонии от вторжений из Хузистана и исконных земель Персии. Защита этого важного поста с гарнизоном в 800 человек вверена была Мугире Ибн Шу'бе.

В середине 15г. (летом 636), доносил предусмотрительный и осторожный Мусанна в Медину, около Ктезифона (или М а д а и н, как называли этот город арабы) собираются войска, необыкновенно многочисленные. Великая армия Рустема, собранная из всех частей государства, начинала мало-помалу формироваться. Ввиду начавшегося отныне движения между Евфратом и Тигром передовых персидских войск, умный араб, по своему обыкновению, стал стягивать отовсюду свои конные отряды и, сконцентрировав войска, начал медленно снова отступать на Хиру. Под прикрытием Евфрата поджидал он неоднократно просимое подкрепление. Омар решил напрячь все силы. Громадные полчища с юга Аравии, которые теперь только решился он пустить в ход, заколыхались по направлению к Ираку. Был это народ бесшабашный, лишь благодаря грубой силе подчиненный исламу; но эти люди давно уже, еще когда персы владычествовали в Йемене, хорошо знали, что Ктезифон вмещает в себе такие сокровища, каких бедуинам не могло и присниться. Вот что воодушевляло этих южан, как две капли воды схожих со старым разбойничьим атаманом Амр Ибн Ма'дикарибом, а также с ужасным изменником Аль-Аш'асом Ибн Кайсом, что действовало на них, пожалуй, в той же мере, как надежды на рай — на набожных сподвижников пророка. Эти вспомогательные войска находились под командой одного из старейших и вернейших сподвижников Мухаммеда, Са'да Ибн Абу Ваккаса. Вследствие снова возникших сомнений насчет правоспособности Мусанны этого Са'да назначили и главнокомандующим над всем войском. Между Хирой и пустыней расположена была главная его квартира; сюда же примкнул и отступающий перед Рустемом Мусанна. По совету последнего, выжидал новый главнокомандующий спокойно приближение персов. Мудрый бекрит понимал всю великость опасности, а Са'д оказался благоразумнее, чем Абу Убейд в несчастном сражении у моста. Толпы за толпами прибывали ежедневно к арабам; их направлял Омар отовсюду в Ирак. Момент оказался действительно роковым для персов: 20 августа 636 г. была разбита наголову византийская армия в стране на восток от Иордана, и все набираемое на полуострове ополчение отсылалось отныне на театр войны против персов. Даже гарнизон Басры, под предводительством Мугиры, был тоже откомандирован к Са'ду, а в Сирию послано было повеление сейчас же после сдачи Дамаска вернуть назад отделенных прежде от иракской армии 3000 человек.

Благой совет, преподанный Мусанной новому главнокомандующему, был последней услугой, оказанной делу ислама этим великим полководцем. Силы его окончательно были надорваны безграничным напряжением четырехлетней непрерывной борьбы, в течение которой он не был в состоянии ни на минуту вздохнуть: всюду брал он на себя почин в самые трудные и ответственные моменты. Доконали его окончательно многочисленные раны, полученные им в сражении у моста, ни разу как следует не успевшие затянуться. Он умер накануне сражения, так блестяще завершившего его начинания. В уважение к его памяти Са'д объявил торжественно, что по прошествии законного срока женится на вдове его С е л ь м е; понятно, сделал он это, чтобы перенять влияние умершего героя на обожавших его безгранично бедуинов. Этим выражал он также, что признавал ясно заслуги Мусанны; но почти все остальные правоверные сильно грешили пред памятью знаменитого бекрита, не отдавая ему должной справедливости. Во всех преданиях, например, этот бедуин ставится ниже остальных сподвижников пророка. Насколько понятны причины этого явления, настолько же и постыдны. Лишь благодаря новейшим исследованиям* отдана наконец этому замечательному мужу доля справедливости. Если в гениальности полководца он, может быть, несколько уступал Халиду зато во всем остальном далеко его превзошел, и на эту историческую личность не падают те черные тени, кои легли густою полосой благодаря дикости и жестокости на характер «меча божия». Не менее отважный, сколь и предусмотрительный бекрит всегда выигрывал сражения; если же благодаря посторонней оплошности бой угрожал окончиться несчастием, он моментально решался: жертвовал собой, спасал от погибели все войско и прикрывал упорно отступление. Как молния, быстро бросался на неприятеля, подстерегая зорко всякую возможность удачи; перед превосходными силами неприятеля умел медлительно отступать и, действуя постоянно таким образом, довел до того, что в течение долгих трех лет сумел держаться стойко против всей, хотя бы и обуреваемой внутренними беспорядками, но все же грозной силы великого персидского царства, располагая притом средствами иногда до смешного малыми. Он добился наконец того, что с падением византийского владычества в Сирии возможно было халифу несколько месяцев спустя нанести окончательный удар и на втором театре войны. Вся поверхностность исторических взглядов мусульман выказалась здесь вполне: в подобном выдающемся герое они не могли ничего лучшего отметить, как один незначительный факт, что при развалинах Вавилона он умертвил собственноручно огромного слона.

Мусанна вынужден был очистить Хиру ранее приближения царского войска; Рустем занял город и разбил свой лагерь неподалеку от города, у местечка К а д е с и я. Целых четыре месяца простоял он бездеятельно в виду мусульман. Между тем те пополняли ежедневно свои ряды прибывающими из Аравии новыми отрядами. Рассказывают, будто

' Пользуемся при этом охотно случаем назвать знаменитого английского историка Тира Вильяма Муира, который со свойственным ему необыкновенно светлым взглядом на достоинства вообще исторических личностей первый оценил

правильно заслуги Мусанны (Annals oftheEarlycaliphate. London, 1883, стр. 139).

персидский главнокомандующий предпринял поход против своего желания. Жалобы жителей Междуречья на хищнические набеги, совершаемые беспрепятственно бедуинами по всем направлениям, сделались до такой степени частыми, что царь Иездегерд и его приближенные вельможи потеряли всякое терпение. Переносить такой позор действительно было тяжело, и армия тронулась в поход по прямому царскому повелению. И теперь, вероятно, Рустем поджидал прибытия некоторых ополчений из отдаленнейших провинций; этим только и можно объяснить более или менее правдоподобно непонятную остановку движения против армии Са'да. Подобно тому, как вначале персам повредило то обстоятельство, что они слишком долго принимали вторжение Халида за один из тех простых арабских набегов, ради добычи повторявшихся периодически с незапамятных времен, и думали с ним справиться относительно легко, так и в настоящее время стремление персов преодолеть всякое сопротивление нагромождением подавляющего числа войск послужило им же на погибель. Нерешительность действий вообще, как прямое следствие вмешательства двора в образ ведения войны Рустемом, усугублялась еще бездеятельностью самого вождя, которая придавала все более уверенности ежедневно увеличивавшимся по числу арабам. А тут еще, как на беду, в момент, решающий судьбу сражения, появились свежие сирийские войска. Наступило нечто роковое, перед чем слепо, без сопротивления, склоняются и люди, и государства.

Лучшие силы обеих великих наций стояли здесь, при Кадесии, друг против друга, в 16 г. (637). Вокруг знаменитого старинного сассанидского знамени из леопардовой кожи сплотился цвет персидского рыцарства в густых эскадронах, закованных в броню. Впереди их выстроились 30 боевых слонов, а далее, кругом, волновалось бесконечное, так по крайней мере казалось арабам, войско. В самой середине, на драгоценном престоле, восседал Эранспахпат (государственный полководец) Рустем, дабы взирать на дела своих героев, подобно Ксерксу на берегу Аттики, напротив Саламина. С другой стороны виднелось целое полчище старейших и ближайших сподвижников пророка; меж ними выдавались 99 участников при Бедре, 310 клявшихся в верности при Худейбие и 300 присутствовавших при занятии Мекки*. В особенности достойно внимания то, как Са'д расположил свое войско. В основу он положил, конечно, подразделение по племенам, ибо усердное соревнование между ними и составляло всегда главную побудительную причину их храбрости. Среди племен же, для облегчения тактической их подвижности, поставлен был над каждыми 10 человеками отдельный предводитель. Сам главнокомандующий, по печальной случайности, не мог принимать участия в сражении; тяжкая болезнь приковала его к валам К уд е и с а, маленькой крепости, построенной на одном из каналов Евфрата. Оттуда вынужден он был распоряжаться боем. Арабам было это, конечно, не по нутру; они привыкли видеть своего полководца в самом разгаре битвы, ждали этого особенно от Са'да, такого «неустрашимого под свистом стрел». Весьма, однако, возможно, что так именно было лучше. Он мог теперь обратить все свое внимание на общий ход сражения, а при столкновении таких внушительных количеств войск" не так-то легко было отдать себе отчет в происходившем. О ходе сражения до нас также, к сожалению, дошли крайне скудные известия. Из множества разных преданий можно, конечно, понабрать достаточно отдельных данных, и вот из этих-то кусочков приходится восстановить так или иначе общую картину. При этом нельзя не заметить, что остается под большим сомнением,

' Другое сказание упоминает меньшие цифры: 70,120,120.

" Число борцов с обеих сторон почти совсем не выяснено. Так, например, по древнейшим и более надежным источникам получаются цифры совсем невероятные: 120 000 персов против 9000—10 000 арабов. Вероятно, последнее число по ошибке относится не к совокупности армии, а к тем войскам, который Са'д привел с собою из Медины. Более достойным вероятия оказывается другое известие, по которому считалось арабов 38 000, а персов 60 000. Это сведение почерпнули мы у позднейшего летописца, у которого брали и другие известия, часто оказывавшиеся основательными. Армянский историк приблизительно близкого периода насчитывает в войске персов 80 000 человек, и то, как кажется, довольно правдоподобно.

продолжалось ли сражение 3 или 4 дня. О начале его по древнейшим источникам рассказывается также различно и совершенно противоречиво. Наконец, во всех разнообразных известиях ощущается ясное стремление приписать главную заслугу решительного удара* то тому, то другому герою; приходится поэтому старательно исключать все подобные односторонние сказания. Вообще можно положительно сказать одно только, что вначале ярко выступило неравенство борьбы. Несмотря на выказанные чудеса храбрости, бой долго не склонялся в пользу арабов, даже и тогда, когда на второй или третий день прибыли сирийские войска. Сражение все так же оставалось по-прежнему нерешительным. Затем последовала памятная роковая ночь, в которую произошло случайное столкновение, среди глубокого мрака, где-то на конце поля битвы. Возгорелся беспорядочный ожесточенный бой, шум произвел неизгладимо тяжкое впечатление на дух всех прислушивающихся к нему издали. Ночь эту зовут и поныне «ночью грохота». При утренних сумерках борьба возобновилась по всей линии. Подымается сильный вихрь, целые облака песка несутся на персов; в отчаянной борьбе Рустем сражен". Победа склоняется окончательно на сторону арабов.

Между всеми славными деяниями, украшающими страницы истории героического периода ислама, «день Каде-сии» более всех пришелся по душе арабам. Для них это событие имеет значение окончательной решающей победы ислама над целым светом неверных, так как сам пророк предрек: «Отныне белый дом Хосроя предан на разграбление правоверным». Вот почему предание

разукрасило именно этот день богатейшим венком сказаний, в ином и

' Характеристично то именно, что в самых древнейших списках преданий не встречается имя человека, за которым позднее почти единогласно признается главная роль.

" «И Бог поразил Рустема. Найденное тело покрыто было сплошь кровавыми рубцами и зияющими ранами, никто не мог сказать, кто его убил». Так описывается это событие в одном старинном источнике. Очень понятно, вскоре нашлась целая толпа людей, приписывавших себе этот подвиг, позднее же, в ребяческих росказнях, взапуски старались опозорить вконец этого храброго воина.

более радостном духе, чем даже дни битв посланника божьего. В то время как прежде при описании сражений расслабленная фантазия богословов, ищущих везде чудес, прибегала к нагромождению безвкусных сказок, набожно передаваемых с наслоением новых хвастливых вымыслов лживыми устами лицемеров, тут мы сразу переносимся при описании богатырских схваток при Кадесии в совершенно иной мир. Снова овевает нас свежее утреннее дуновение живительного воздуха пустыни, мы слышим как бы продолжение жизнерадостных, воинских песней поэтов доисламского времени. Пред нами вырисовывается, как живой, образ дикого Мугиры Ибн Шу'бы, посланного к Ру-стему накануне сражения для переговоров, не имевших, впрочем, никаких прямых последствий. Побуждаемый безграничной спесью свободного араба, он входит, к ужасу стоявших кругом персидских рыцарей, прямо на престол, с намерением сесть рядом с государственным полководцем, считая себя нисколько не ниже пышного Эранспахпата. А вот А с и м И б н А м р с о своимитемимитами,кидающийся бесстрашно на ужасных слонов. Арабы убивают вожаков стрелами, живо перерезывают широкие подпруги, и укрепленные на них башенки рушатся вместе с сидящими в них вооруженными воинами. Рассвирепевшие, никем более не руководимые звери бросаются на свое же войско. Полюбуйтесь также на этого молодца — вот он, А л ь-К а'к а, сын Амра, из того же племени Темим, любимейший герой позднейших саг, мчится во главе авангарда сирийских войск, спешащих на помощь к воинам божиим. В самый роковой момент он оказывает чудеса храбрости и самолично изрубает мечом 30 персов. Глядите, вот Тулейха, когда-то разыгрывавший из себя жалкую роль пророка племени Бену Асад. Он врывается в полночь в неприятельский лагерь с небольшой кучкой людей и крошит без разбору направо и налево. Великолепен был и Амр Ибн Ма'дикариб, отчаянный рубака, некогда разбойничавший в Йемене. Бесстрашно налетает он на стройные ряды персидских всадников, громадными ручищами своими срывает с седла первого встречного, бросает обезоруженного к себе на луку и громко взывает: «Это я, отец Саура. Ну-ка, ребята, сделайте по-моему!» Затем он порывисто бросается на первого слона, отрубает ему одним взмахом хобот и кричит своим людям: «По хоботам саблями, по хоботам бейте слонов!» Находился тут же при войске некто А б у М и х д ж а н , из племени Сакиф, плохой мусульманин: пока арабы стояли спокойно, не задирая персов, этот человек запьянствовал. По повелению набожного полководца его за это отстегали и посадили под арест, согласно строгому предписанию пророка. Когда же началось сражение, он стал неотступно молить одну из доверенных рабынь* Са'да и так ей надоел, что она наконец выпустила его на волю, дала ему даже собственную лошадь больного полководца. А он ей поклялся, что тотчас же по окончании сражения непременно вернется в тюрьму. Стремглав помчался головорез на персов, прокладывая себе мечом широкий путь. Ему удалось умертвить большого белого слона, наиболее почитаемого животного во всем войске". Са'д заметил отважного всадника, покачал головой и думает: «Лошадь что-то на мою похожа, а всадник похож на Абу Михджана». По окончании сражения вернулся араб своевременно, как обещал, и велел себя опять связать. Са'д поспешил его освободить и сказал при этом: «После того, что я видел, будь спокоен, за вино не стану более тебя стегать!» Чистокровный араб не захотел, однако, оставаться в долгу: «Так я же не стану совсем пить», — пообещал исправившийся грешник.

Бой был жестокий, мусульмане потеряли почти треть всего войска. Са'д не был в состоянии преследовать неприятеля, понадобилось дать войскам передохнуть. Вскоре затем занята была Хира, и снова неудержимым потоком двинулись арабы вперед, переправившись через Евфрат, Дважды пытались персы заступить победителям дорогу в Вавилонии, и оба раза неудачно; они должны были наконец очистить Междуречье. Один Ктезифон держался еще пока. Персы позаботились стянуть новые войска из внут-

' По сообщению других — жену Са'да, Сельму. " Само собой, в этом деле помогали ему и другие.

ренних областей государства, но подкрепления подходили слишком медленно для того, чтобы можно было думать о серьезной защите столицы. Семь городов*, говорят арабские историки, образовали на обоих берегах Тигра столицу государства: это и был Ктезифон с его предместьями, частью разбросанными на противоположном берегу, там, где построена была некогда старая Селевкия, и не составлявшими в сущности полного целого. Лежавшая на запад от Тигра часть города была достаточно укреплена: требовалась многомесячная осада, в течение которой всякая вылазка осажденных могла бы дорого стоить мусульманам. Но вдруг в один прекрасный день столица была очищена без сопротивления персидскими властями. Пока арабы ломали себе голову и не знали, что предпринять, предполагая, что еще надолго будут прикованы к этому берегу за недостатком перевозочных средств, двор внезапно покинул трехсотлетнюю столицу сассанидской империи и бежал с молодым царем, имевшим в эту пору, вероятно, не более 13 лет, в укрепленный город Х у л ь в а н, находившийся в Мидийских горах. Вслед за

тем один изменник указал Са'ду брод через Тигр; но так как по случаю высокой воды все равно невозможно было его перейти, отважные темимиты Асима бросились, очертя голову, вплавь на конях в быструю пучину. Толпы за толпами повалили, сильные кони выносили всадников на берег; персидская стража сразу была опрокинута на противоположном берегу; расположенные в городе войска, предводимые Михраном, потеряли окончательно голову и рассеялись как дым. Ктезифон лежал у ног арабского полководца.

«Сокровищ полон Ктезифон», сказал недаром один поэт. Поистине невероятной должна была показаться полу-варварам-бедуинам тьма сокровищ, которая внезапно попала здесь в их жадные хищнические руки. Государственную казну, состоявшую из чеканной монеты, персы успели, однако, большею частью увезти в Хульван, но все драгоцен-

' Арабское слово «аль-Мадаин» значит «города». Так арабы называли Ктезифон.

ности персидской короны, самые богатейшие тогда в свете, остались нетронутыми в царском дворце и достались целиком в добычу победителям. При официальном разделе стоимость розданного добра оценена была в 900 млн. дирхемов. С разинутыми ртами стояли сыны пустыни перед блеском чудес утонченной обстановки, которая развернулась пред их глазами. И чего тут только не было: государственные венцы, царские мантии, трон, бесконечные ряды дорогого оружия, сверкавшего золотом и самоцветными камнями, замечательные предметы редкости, как, например, серебряный верблюд в настоящую величину со всадником из золота, лошадь кованого золота с насаженными вместо зубов и глаз драгоценными камнями. Но всего более поразил дикарей знаменитый государственный ковер большой залы, там, где пировал обыкновенно* царь, окруженный своими вельможами, женами и наложницами. Это великолепное произведение ткацкого искусства имело 70 локтей в длину и 60 в ширину; оно представляло сад с серебряными дорожками на золотом фоне, с лужайками из изумруда, ручейками из жемчужин, цветами и плодами, подобранными из различных драгоценных камней. И все это предоставил Аллах ныне своим правоверным, которые давно уже пришли к убеждению, что вечному спасению нисколько не мешают и мирские утехи, составляют также награду истинной богобоязненности. Но гордость арабов особенно была польщена благородной прелестью добычи в виде всевозможного рода вооружений. Тут красовались мечи, принадлежавшие некогда великому Хосрою Анушар-вану, знаменитому лже-царю Бахраму Чубину, римскому императору, Хакану (повелителю) турецкому по ту сторону Оксуса, королю одной из индийских пограничных стран и страшному Ну'ману V хирскому. Мечи Хосроя и Ну'мана вместе с большим ковром отосланы были немедленно к халифу. Трудно было во всей Медине найти помещение, за исключением разве мечети, чтобы развернуть ковер как подобает. Омар не знал, куда с ним деваться, но практический

' Даниил, глава 5, стих 3

Алий был того мнения, что владеют собственно лишь тем, что идет каждому лично на пользу. Поэтому ковер разрезали и поделили. Достался кусок и Алию; после он продал свою долю за 20000 дирхемов.

К этим драгоценностям следует далее причислить различные сосуды, ткани, ставшие потребностью для богатого населения, прошедшего через многие столетия цивилизации. Часто дети степей при виде всего этого великолепия становились просто в тупик и не знали, что предпринять; потом-то, конечно, они скоро привыкли ко всему. По этому поводу существует множество анекдотов; парочку из более характеристичных, пожалуй, стоит рассказать. Одному арабу посчастливилось найти мешок с камфарой; в то время было это любимое лекарственное снадобье, употреблялось также и как благовоние и продавалось необыкновенно дорого. Бедуин вообразил, что это соль, и сдобрил ею, не жалея, свою похлебку, которая пришлась ему очень не по вкусу. Где же было возиться с такою дрянью, вот и удалось ему променять всю находку на старую рубаху: очень уж нужна была ему; при этом он остался в полной уверенности, что устроил выгодное дельце и маленько поднадул добродушного человечка. Таким же настоящим бедуином оказался и другой, который за попавший в его руки драгоценный камень цены неимоверной потребовал от купца 1000 дирхемов. Когда его после спрашивали, зачем же он не взял больше, он ответил с грустью: «Да если бы я знал какое-нибудь число побольше 1000', понятно, я бы потребовал!» Но такие потери были им нипочем, и без того на долю каждого выпало не менее 12000 дирхемов по официальной оценке добычи; при этом следует заметить, что после сражения при Кадесии число войск возросло до 60000.

Впрочем довольно скоро арабам пришлось заняться кое-чем другим более важным. Уж не деньги получать доводилось теперь этим 60000. Недаром персидский двор за-

' В арабском 1000 — последнее число, которому соответствует особое наименование, далее идут составные, например, 1 млн. называется тысячью тысяч.

брал с собой в Хульван государственную казну. Со сдачей столицы дело далеко еще не считалось потеряным; к остаткам государственного войска, расположившегося вокруг крепости, стали мало-помалу прибывать все новые ополчения. Персы, видимо, приободрились; постепенно выдвигались войска из Хульвана, вверх по долине реки Деялы, впадающей несколько выше Ктезифона в Тигр. Са'д выслал им

навстречу своего племянника Хашима с 12000 человек*. При Д ж а л у л е, милях в 15 от столицы, произошло сражение (конец 16 = конец 637 или начало 638); царские войска снова потерпели поражение. Хотя двор мог еще спокойно оставаться на некоторое время в укрепленном Хульване, но вся страна до Мидийских гор подпала неоспоримой власти мусульман, и как знак их господства над покоренной землей в Мадайне была воздвигнута первая мечеть.

Далее, впрочем, на юг умиротворение наступило несколько позже. Здесь, начиная от устьев Евфрата, равнина тянется довольно далеко на восток, где замыкается волнистою местностью, постепенно переходящею в цепь высоких гор, составляющую границу П е р с и д ы (Фарс), древней родины персов. Хузистан — так называлась эта равнина вместе с предгорьями — после взятия Ктезифона сопротивлялся еще целый год. Правитель области, Х у р м у з а н, был один из энергичнейших персидских вельмож. Спасшись после сражения при Кадесии, он продолжал упорно отбиваться в своей области от наступавших из Басры мусульман. Раз побежденный, он снова восставал (16 = 637) в следующем году, долго заставлял арабов преследовать себя из одной крепости в другую и взят был в плен только тогда, когда последним благодаря измене удалось овладеть городом Т у с т е р (теперь Шуштер), в котором он искал последнего убежища, и из которого уйти ему не удалось. За свою прежнюю измену он должен был теперь поплатиться жизнью; поэтому арабский полководец, А б у М у с а Ал ь-А ш а р и и, согласился принять его в плен лишь под тем условием, что решение его уча-

' Цифра эта, очевидно, слишком мала. Едва ли персы решились бы на нападение с незначительным числом войск.

сти будет предоставлено самому Омару. По прибытии в Медину Хурмузан предстал перед халифом. «Теперь видишь, Хурмузан, — обратился к нему тот, — до чего доводит обман и сколь незыблемо дело Господне». «Омар, — возразил мудрый перс — пока вы и мы жили в язычестве и Бог не вмешивался в наши дела, мы всегда побеждали вас; теперь, когда Он с вами, вы начали одолевать нас.» — «Что можешь сказать в оправдание своих неоднократных возмущений? — Боюсь, что ты прикажешь умертвить меня прежде, чем я успею высказаться. — Будь покоен! тебе ничего не сделают!» Тогда Хурмузан попросил напиться. Но когда ему принесли воды в обыкновенном деревянном кубке, он произнес: «Хотя бы мне пришлось умереть от жажды, все же я не в состоянии пить из подобной посудины!» Тогда поднесли ему дорогой сосуд, но он все еще не решался пить. «Боюсь, — заметил он, — что меня умертвят в то время, как я стану пить.» «Не опасайся — пока ты не выпьешь этой воды, тебе не сделают ничего дурного». Услышав эти слова, пленник вылил всю воду на землю; когда же Омар, полагая, что это движение было невольным следствием страха, приказал принести новый кубок, дабы пленник утолил жажду пред своей казнью, последний воскликнул: «Нет, мне не нужно более воды! Я добился помилования». «А все-таки я прикажу тебя казнить», — воскликнул халиф. «Но ведь ты меня помиловал». «Ты лжешь!» — закричал Омар вне себя. С большим трудом окружающим удалось убедить его, что действительно халиф связал себя обещанием. Кончилось тем, что Омар согласился помиловать изменника под условием, чтобы перс принял ислам. Хурмузан охотно исполнил это требование. Халиф удержал его при себе в Медине и ни разу не имел повода раскаиваться в своей снисходительности, ибо перс, хорошо знавший свою родную страну, не раз давал ему мудрые советы. Но недолго наслаждался этот хитрый человек дарованной ему жизнью. Когда в 23 г. (644) один перс из христиан умертвил Омара, на Хурмузана, вероятно безвинного, пало подозрение в соучастии, и сын Омара умертвил его.

Война в Хузистане, хотя и давала еще на время работу мечу халифа, не могла, однако, быть такого рода препятствием, чтобы помешать ему в тех мирных занятиях, которые после взятия Ктезифона стали на первом плане: приходилось позаботиться об устройстве больших новых областей, доставшихся исламу, сначала в Персии, а теперь и в Сирии. Уже в 17 г. (638) закладывается новый город, будущая столица мусульманской Персии, ибо Мадайн со своим хотя и сильно уменьшившимся, но все еще значительным персидским населением не мог служить тем, что, по плану Омара, должно было сделаться средоточием нового управления, т. е. арабским военным лагерем. К тому же мудрый халиф любил по возможности всегда держать в своих крепких руках полководцев и наместников; ему казалось поэтому довольно опасным отделить центральное управление такой значительной провинции от Медины обеими великими реками, а так как христиане Хиры тоже не оказывались достойными подобного преимущества, то он приказал между этой последней и Евфратом заложить новый укрепленный город, названный им К у ф о и. Здесь расположилась главная квартира Са'да Ибн Абу Ваккаса с большим резервным войском; по мере надобности отсюда высылались подкрепления к младшим наместникам различных пограничных округов. Этому новому передовому посту подчинена была и Басра; отсюда же шло управление персидскими областями, о чем, впрочем, речь впереди.

Надо полагать, не одно только желание прежде всего привести в порядок дела в Ираке побудило Омара приостановить на время движение на восток. Между Савадом и покоренной тем временем Сирией в 17 г. (638) недоставало еще соединительного звена, именно северной Месопотамии между Р а к к о и и Мосулем. Только когда была завоевана эта последняя (около 20 г. = 641) и войска, стоявшие в Персии, могли в случае нужды получать подкрепления прямо из Сирии, халиф отдал приказ двигаться далее. Впрочем, такое движение скоро оказалось даже необходимым, так как получена была весть, что царь Иездегерд в 19 г. покинул Хульван (640), где после занятия Хузистана его легко могли обойти. Несчастный властитель удалился в глубь собственной Персии, готовясь к новой борьбе. Необходимо было поэтому

его предупредить, чтобы не пропустить его войск через горные проходы, не дать ему возможности вторгнуться в равнину, только что умиротворенную. По распоряжению халифа две трети войска, расположенного в Ку-фе, с частью гарнизона Басры и с пограничными отрядами двинулись под предводительством Н у'м а н а, сына М у к а р р и н а", навстречу персам. К сожалению, о подробностях этого похода до нас дошло очень мало сведений. Даже о времени события арабы говорят неопределенно, относя его к годам 19, 20и21.В настоящее время, однако, можно сказать с значительной достоверностью, что это случилось в 21 (642). Вероятно, еще ранее мусульмане овладели Хульваном, который после бегства Йездегерда не мог долго продержаться. Уже в начале похода арабы владеют К а р м а с и н о м, расположенным еще далее на восток, так что в руках их были все важнейшие проходы. У Н и х а в е н д а, на юг от Хамадана (Экбатаны), мусульмане столкнулись с неприятелем, предводимым Ф е р у з а н о м, старым опытным полководцем. Персы и на этот раз отличались численным превосходством (вероятно, их было 60000 против 40000 мусульман), и исход упорного боя, продолжавшегося от двух до трех дней, долго оставался сомнительным. Сам Ну'ман пал; но его заместителю, Х у з е й ф е И б н Ал ь-Я м а н у, назначенному уже заранее Омаром, удалось наконец одержать победу. По словам арабов, победой этой он был обязан удачной военной хитрости лукавого Тулейхи, а по другому источнику — своевременному прибытию новых подкреплений.

Как бы то ни было, исход этого сражения решил участь Персии. При Нихавенде собраны были еще раз все силы страны, насколько можно было получить помощь войсками от мелких наместников. Конечно, оставалась надежда еще раз собрать многочисленное войско, устроив набор в больших восточных провинциях: Кирмане, Седжестане и Хорасане. Но после оставления Сассанидами Ктезифона сатра-

' По другому источнику, *был* он сын Амра, а Мукаррин, будто бы, имя его деда.

пы этих областей мало-помалу стали почти независимы. Отделенные от театра военных действий на севере непроходимыми горами вдоль берегов Каспийского моря, в средине — огромными солончаковыми степями, а на юге — Персидой, почти нетронутой еще арабами, они по своей близорукости не замечали угрожающей им самим опасности; патриотическое же чувство общности с западными провинциями не ощущалось ими настолько сильно, чтобы заставить спешить на помощь к борющимся за существование соотечественникам. Но лишь немного лет наслаждались они своей мнимой безопасностью. После сражения при Нихавенде всякое единодушное сопротивление в центральной Персии стало невозможным. Рассеянным отрядам ополчения не оставалось ничего более, как запереться в отдельных укрепленных городах Мидии и Персиды и держаться там как можно долее. В Мидии, конечно, эта борьба отдельными кучками вскоре прекратилась: победоносное войско мусульман быстро наводнило ближайшие округа. Уже в 22 г. (643) очутились в руках завоевателей Р е й (Тегеран) и К у м и с, К а з в и н и З е н д ж а н, а также лежащая к северо-западу от них область А з е р б а й д ж а н, ведущая в Армению. В 23 г. (644) пал Хамадан (Экбатана), а в том же или следующем году, кроме К у м а и К а ш а на, значительный город И с п а г а н ь. После поражения Йездегерда здесь было его убежище; теперь же ему снова пришлось бежать от преследовавших его по пятам мусульман в И с т а х р (Пер-сеполис), древнейшую столицу исконной Персии. Здесь его осадил Абу Муса, но напрасно. Как и вся Персида, крепость эта отчаянно сопротивлялась чужеземцам. В только что завоеванных долинах дикой и непроходимой горной страны вспыхивали беспрестанно новые возмущения; сам Истахр, сдавшийся на капитуляцию в 28 г. (648), вскоре снова возмутился, так что пришлось его еще раз взять силой в 29 г. (649/50). В это же самое время производилось нападение и на южное побережье Каспийского моря. Здесь в скалистых ущельях отвесных и в высшей степени труднопроходимых прибрежных гор обитали мужественные горцы, жители Дейлема, Табаристана и Джурджана. Они решились дорого продать свою свободу, которой пользовались на деле под персидским главенством. Уже с 25 г. (646) пришлось арабам вступить с ними в борьбу, а испехбед табаристанский предлагал царю убежище у себя еще до падения Истахра. По роковой ошибке Иездегерд отклонил это приглашение. По-видимому, его пугала мысль похоронить себя в отдаленных горах; он все еще считал возможным добиться помощи от сатрапов восточных провинций. С остатками своей свиты витязей он пробился сначала в Кирман, потом в Седжестан и наконец достиг Хорасана, старинной пограничной области Ирана, князь которой управлял также областями, находящимися по ту сторону Оксуса и врезывающимися в тюркские владения. Везде по пути беглец царь находил блестящий прием, но это продолжалось только до тех пор, пока он не требовал в качестве повелителя повиновения и средств к продолжению войны. Как только он заикался о последнем, все от него отворачивались; словом, с ним происходило то же самое, что случилось 1000 лет тому назад в этой же самой местности с его столь же несчастным предшественником Дарием. И до последней минуты судьбы обоих оказались тождественными. Подобно другим, непокорный вассал Хорасана также отказал в повиновении своему законному повелителю, а чтобы избавиться от несносного просителя, у которого не было более другого убежища, кроме этой пограничной области, он натравил на своего же царя одного из тюркских соседних князьков. В стычках, происшедших вблизи Мерва, Иездегерд потерял немногих оставшихся ему верными спутников всех до последнего человека. Сам он успел бежать в Мерв, но город запер перед ним ворота. Приютил его у себя один мельник, мельница которого находилась поблизости от города, у реки Мургаб; но здесь настигли его убийцы, подо-

сланные изменником-сатрапом, и умертвили (31 = 651/2)'. Таков был конец последнего из Сассанидов, предки которого в течение 4 столетий управляли страной от Оксуса до

' Об отдельных подробностях смерти Иездегерда известия говорят различно, но данные, помещенные в тексте, наиболее вероятны.

Евфрата и далее. Едва достигши 28 лет, пришлось ему закончить жизнь, которая с самих ранних лет была непрерывным рядом незаслуженных несчастий. Но народ не позабыл его совершенно. Еще и поныне маленькая община п а р с о в в Индии, потомки персов, бежавших тогда от мусульман, последователи национальной религии Зороастра, ведет свое летосчисление от 16 июня 632, дня вступления Иездегерда на трон.

Недолго пришлось сатрапам восточных провинций ждать расплаты за свою себялюбивую ограниченность. И б н А м и р, наместник Османа в Куфе, послал войска вслед за убегавшим Иездегердом, и вскоре Кирман, так вероломно избавившийся от своего царя, увидел в своих пределах войско мусульман. Не обошлось, конечно, без кровавых стычек, но уже в 29 г. (649—50) арабские полководцы овладели этой и соседними провинциями, распространив владычество арабов до Оксуса на севере, Балха, Герата и Се-ренджа на востоке. Обладание этими местностями, понятно, не могло быть сразу столь же прочным, как обладание Ираком и Сирией. Не могло быть и речи о том, чтобы устроить в этих обширных странах большие лагеря, как это было сделано в Басре и Куфе: для этого понадобилось бы утроить число войск. По мере того как отдельные города брались приступом или сдавались на капитуляцию, население соответственных земель, вернее их князья и старейшины, облагались в знак подчиненности определенною податью. Для наблюдения за взиманием налогов и преподания истин ислама — огнепоклоничество Зороастровой религии признано было вскоре язычеством и запрещено в большинстве провинций — оставлены были подлежащие власти с небольшими военными прикрытиями, главные же силы мусульман потянулись далее. Достоверно известно, что население восточных провинций, проникнутое особенно сильною народной ненавистью к чужеземным завоевателям, при первом же удобном случае попробовало прогнать и своих правоверных наставников, и сборщиков податей. К тому же большая часть Хорасана, а тем более страны на южном берегу Каспийского моря благодаря гористой местности и вольнолюбию жителей как бы самой природой предназначались для ведения бесконечных партизанских войн. Таким образом, эти области, уже с самого начала представлявшие довольно ненадежную составную часть владений халифов, впоследствии должны были послужить элементом разложения организма.

Если Абу Бекр не совершенно ясно отдавал себе отчет, к каким последствиям приведет его разрешение Мусанне и Халиду предпринять их хищнические набеги на Ирак, то, с другой стороны, его военная политика по отношению к Сирии с первого же мгновения является вполне сознательной. Здесь оставалось только идти далее по указанному самим пророком пути: первый шаг, им же подготовленный, поход Усамы, был благодаря арабскому восстанию совершен лишь наполовину, для временного успокоения умов. Военачальник едва успел достигнуть византийских границ, лишь наружно исполнил возложенную на него обязанность и тотчас же вернулся назад. Вот почему, как только усмирено было великое восстание и восстановлено спокойствие на всем полуострове (начало 12 = 633), халиф должен был позаботиться о том, чтобы исполнить последнюю волю Мухаммеда не только буквально, но и в истинном ее смысле. Поэтому в то время, как Халид с своими бедуинами продолжал, в виде второстепенного предприятия, вести пограничную войну с Ираком, явившуюся естественным последствием арабской войны, из Медины к концу 12 (начало 634) понеслись воззвания в Мекку, Хиджаз, центральную Аравию и Йемен, призывавшие правоверных к новой войне с неверующими в Сирии. В начале 13 (апрель 634) в Аль-Джур-фе, возле Медины, снова составилась армия. Сначала предполагалось разделить войско на три отряда по 3000 человек в каждом, под начальством Х а л и д а И б н

' Его не следует смешивать со знаменитым Халидом Ибн Валидом, как это не раз уже делали арабские историки и благодаря чему Ибн Са'иду несправедливо приписывают особенные заслуги в деле покорения Сирии.

С а'и д*, Ш у р а х б и л я и Амра Ибн Аль-Аса; но так как первый из них благодаря своим выражениям, неблагоприятным для халифа", не нравился постоянному советнику Абу Бекра, Омару, его скоро сместили, и он должен был удовольствоваться подчиненным положением в армии. Его заместил Я з и д, сын старого Абу Суфьяна, который за свое исправное поведение после смерти Мухаммеда потребовал вознаграждения и вообще добивался для своих близких влиятельных мест. С тех пор как он сделался мусульманином, старый мекканский купец стал смотреть и на религию как на торговое предприятие, и пользовался малейшим случаем, чтобы выторговать что-нибудь для дома Омейи. Поэтому он не преминул послать вместе с Язидом, пока в качестве добровольца, без определенного назначения, другого своего сына М у'а в и ю, рассчитывая, что если дело пойдет хорошо, то и для него найдется в покоренной стране что-либо подходящее. Мало того, чтобы быть в состоянии

самому следить за событиями, этот 80-летний старик не побоялся подвергнуться еще раз тяготам военного похода, в котором он, понятно, не мог более играть выдающейся роли. Пред выступлением Абу Бекр дал войскам следующую инструкцию: люди, наставлял он их, предлагаю вам к исполнению 10 предписаний, которые вы должны точно соблюдать. Смотрите же, н и к о г о не обманывайте и не крадите, не поступайте вероломно и не увечьте, не умерщвляйте ни детей, ни стариков, ни жен, не сдирайте коры с пальм и не сожигай-те ее; не срубайте плодовых деревьев, не уничтожайте посевов, не умерщвляйте овец, быков, верблюдов помимо того, что понадобится для поддержания жизни. Вам придется встречаться с бритыми — бейте их прямо саблями по бритой макушке, а если встретитесь с людьми в кельях (т. е. с отшельниками) — не трогайте их, пусть продолжа-

' Х а л и д И б н С а'и д, приехав после смерти пророка из Йемена, в продолжение двух месяцев медлил, выжидая событий, присягнуть А б у Б е к р у. Он говорил Алию и Осману: «Как вы согласились отступиться от вашего достояния (т. е. от сана халифа), которым теперь распоряжается чужой?» (Табарий, Сер. I, стр. 2078). — *Примеч. ред.*

ют исполнять свои обеты*. Нельзя отрицать, что для тогдашнего времени подобные предписания весьма человеколюбивы; в общем они соблюдались, и эта мягкость немедленно же снискала арабам привязанность сирийцев, мало расположенных к византийским властям. К общим причинам, вызывавшим неудовольствие населения, присоединялась тогда еще одна мера императора Ираклия, правда, вызванная необходимостью, но повлекшая за собой весьма дурные последствия. Дело в том, что хотя благодаря персидской войне были восстановлены прежние границы восточной империи, а с ними и обаяние ее, но зато государственная казна была до такой степени истощена, что императору пришлось приостановить выдачу жалованья пограничным войскам из арабов-христиан, находившимся под начальством Гассанидов. Известная поговорка «рот сГаг§еп1, роте с!е Зшззе»" имела свое значение и для всех арабов, без различия исповедания. Таким образом, самый главный элемент населения становился ненадежным как раз в такое время, когда верностью его особенно необходимо было дорожить.

Из тех же видов бережливости Ираклий, вынужденный широко растянуть войска по всем границам обширного государства, почти обнажил Палестину и Сирию, которые считал вне всякой опасности. Следствием этого было то, что возмутившиеся из-за невыдаваемого им жалованья гас-санидские вспомогательные войска, недолго думая, умертвили Серия, наместника императорского, в его резиденции, сильной крепости Цезареи, и небольшие отряды трех мусульманских полководцев могли вторгнуться, не встречая нигде особого сопротивления, в южную Палестину. Несколько тысяч греков, на которых они наткнулись к югу от Мертвого моря, были рассеяны без особого труда, после

' Отшельники напоминали мусульманам пустынников, известных им в северной Аравии еще до ислама, к которым Мухаммед, под именем хапифов, оказывал особое снисхождение.

" «Коли нет денег, не будет и швейцарцев» — поговорка, возникшая в то время, когда европейские государи считали нужным окружать себя наемной швейцарской гвардией.

чего арабы заняли пограничные полосы до Газы на Средиземном море и до гор Хауран на северо-востоке. Между тем Абу Бекр не дремал и посылал к своим все новые подкрепления, в том числе, между прочим, самостоятельный отряд под предводительством Абу Убейды, так что вся сирийская армия мало-помалу достигла численности 24000 человек. Несмотря на это, Амр, который в качестве старейшего из четырех принял главное начальство, все еще не решался двинуться далее в глубь страны. Действительно, дугообразная линия длиною в 45 немецких миль, по которой расположились войска арабов начиная от Газы, вокруг Мертвого моря, до крепости В о с т р ы , была слишком растянута, а тут еще, как узнал он, Ираклий собирал большое войско на севере под предводительством брата своего Феодора. Таким образом, положение разбросанных отрядов мусульманских могло стать довольно критическим. Осторожно, как и подобало старой лисе, Амр отступил от Газы к оконечности Мертвого моря, лишь только пронюхал об угрожавшей ему опасности. Тут мог он спокойно оставаться, восстановив непосредственную связь со своими тремя товарищами, и выжидать новых подкреплений, о присылке которых усердно хлопотал в Медине.

Однако дело не терпело отлагательства: почти все наличные войска уже высланы были в Сирию, новое же ополчение трудно было собрать в короткий срок. Вследствие этого Абу Бекр решился на командировку из Ирака Халида Ибн Аль Валида с 3000 всадников. Отдать подобное приказание ничего не стоило халифу, так как он не придавал особенного значения персидской пограничной войне, да и тамошние обстоятельства не особенно ясно понимал, зато тем тяжелее было повиноваться Халиду. Но ослушаться халифа не приходило ему и в голову. Таким образом, не оставалось гордому герою ничего более, как исполнить неприятное поручение с тою беззаветной энергией, которая так часто выручала его из самых трудных положений и вела к новой победе и славе. Посланный халифа застал его у Айн Темра. Передав командование Мусанне, он быстро двинулся в поход в Ребии 113 (май 634) с предписанным ему чис- лом испытаннейших своих бедуинов. Айн Темр лежит почти посредине узкой полосы, простирающейся между Евфратом и пустыней, от оконечности Персидского залива до большой излучины реки. Чтобы попасть отсюда в Сирию, надо было следовать по течению реки вверх или вниз до большой месопотамской дороги в Дамаск или же до проселочного пути между Ираком и

Думат Аль-Джандаль. В обоих случаях пришлось бы описать громадную дугу, а между тем ему предписано было торопиться. И вот он предпочел неслыханный риск двинуться из Куракира, последнего колодца в области Евфрата, на Сува, вблизи Тадмора (Пальмира), перерезывая пустыню поперек. Это был переход в 5 дней и 5 ночей, в течение которых не было никакой возможности добыть хотя бы каплю воды. Благодаря принятым весьма мудрым мерам, которыми, говорят, он был обязан совету хорошо знакомого с пустынею некоего Рафи Ибн Умейра, из племени Тай, удалось забрать с собой без особого отягощения животных необходимое количество воды. В пустыне, как известно, ни дороги, ни следа: стоило войску заблудиться, и все погибло; но Рафи был надежный проводник и вовремя привел отряд в Сува. Отсюда легко было следовать через Тадмор по императорской дороге прямо в Дамаск; по пути произошла еще маленькая стычка с византийскими войсками, на которые арабы случайно наткнулись и которые чрезвычайно изумились, неожиданно встретившись с неприятелем так далеко на севере. Наконец Халид достиг Дамаска. В это самое время христианское население сирийской столицы праздновало Духов день (12 июня 634), но Халид, которому прежде всего надо было позаботиться о соединении с остальными четырьмя полководцами, произвел только маленькую рекогносцировку в плодородной долине, окружавшей город, тонувший в садах. Правда, по некоторым известиям, он уже и тогда завязал переговоры с начальником города*, но это не вполне достоверно. Во всяком случае, арабский военачальник быстро двинулся на юг и беспре-

' Это значит, вероятно, с епископом.

пятственно достиг Востры, которую тем временем обложили Язид, Шурахбиль и Абу Убейда. Комендант крепости уже готов был согласиться на капитуляцию. Но было небезопасно оставаться здесь: византийское войско, зайдя с юга Палестины, могло легко отрезать мусульманам отступление в Аравию, поэтому Халид удовольствовался устными обещаниями коменданта и направился с тремя другими полководцами далее на соединение с Амром, который по-прежнему продолжал стоять неподвижно у южной оконечности Мертвого моря.

Главной квартирой византийцев в Палестине, как некогда и римлян, была Цезарея. Движение Амра на Газу выдало им намерение мусульман проникнуть в страну западнее Мертвого моря, поэтому греческое войско двинулось от Цезареи на юг, чтобы пресечь неприятелю дальнейшее движение вперед. Со своей стороны Халид — хотя старший годами Амр наружно и сохранял главное начальство над войсками — принял на себя, с обычной энергией, ведение войны. По первому же известию о приближении византийцев оставил он Газу и пошел им навстречу. При Аджнадейне (Иармуфе Ветхого завета'), в трех с половиной милях на юго-запад от Иерусалима, оба войска встретились" 28 Джу-мады I 13 (30 июля 634). Точных сведений о ходе сражения нет; оно кончилось поражением Феодора, который, оставив свое разбитое войско на произвол судьбы, сам поспешно бежать к Ираклию в Эмессу. Император, возмущенный, вероятно, поражением брата, отослал его в Константинополь, а сам направился в Антиохию, чтобы там руководить образованием новой большой армии из войск своих и армянских, между тем как остатки войск Феодора отступили за Иордан к сильно укрепленному Дамаску.

' Иисус Навин, глава XV, 35; название Иармуф известно арабам исстари, но благодаря смешиванию с Ярмуком производило большую запутанность во всей истории сирийского похода, которую отстранил счастливо лишь недавно де-Гуе.

" На стороне мусульман было приблизительно 23000—30000 человек. Арабские историки насчитывают греков до 100000; во всяком случае их было не более половины.

Весть о первой большой победе правоверных была последнею земной радостью Абу Бекра; вскоре по получении ее он отошел с миром. Несмотря на то что Омар не выносил Халида, он был слишком рассудителен, чтобы дать своим личным чувствам повлиять на ход кампании; наоборот, он даже повелел Халиду продолжать войну самостоятельно, а Амру приказал пока оставаться в Палестине и пожинать плоды только что одержанной победы. Вскоре после этого сражения сдалась Газа и другие города Иудеи. Затем мусульмане двинулись далее на север, заняли Неаполис (Сихем) и Себас-тию (Самарию). В то время как Амр доканчивал покорение Иудеи и земли самаритян, Халид направился в Галилею. Здесь наткнулся он у Бейсана (Скифополис, Бефсан) на отряд греческих войск, состоявший, вероятно, из остатков армии Феодора и присоединившихся к ним гарнизонов ближайших городов. Открыв шлюзы и спустив воду, греки превратили долину Иордана в болото; но, несмотря на это, арабам удалось отбросить их за реку и разбить наголову у лежавшего на другом берегу Фихле (Пелла) (28 Зуль-ка'да 13 = 23 января 635). После этого сражения город перешел в руки победителей, равно как и близлежащая Тивериада и многие другие местности, частью взятые приступом. И здесь окончательное покорение провинции Халид предоставил одному из своих подчиненных, Шурахбилю, сам же двинулся через землю Васан далее на север к Дамаску. Но в то время как летучие отряды его всадников делали набеги во все стороны и, как кажется, уже в январе 635 проникли на север до самой Эмессы, вдруг первого Мухаррема 14 (25 февраля 635) отряд из 4000 византийцев внезапно атаковал один из таких летучих отделов, состоявший под командою Халида Ибн Са'ида, тезки нашего Халида, близ Мердж ас Суффар*. Произошла горячая схватка, в которой пал сам Ибн Са'ид. Неудача эта замедлила продолжение военных действий дней на 14, в течение которых

Халид, чтобы обеспечить себя от повторения подобных неприятных случай-

' «Птичья поляна», часто встречающееся в истории место, в расстоянии дня пути от Дамаска.

ностей, вероятно, принужден был предпринять новые рекогносцировки по всем направлениям; после этого он обложил Дамаск (16 Мухаррем 14= 12 мартаб35), гарнизон которого не смел более выступать против арабов в открытом поле. Осада затянулась надолго; в деле крепостной войны мусульманам трудно было тягаться с греками, оставалось поэтому дожидаться того времени, когда в городе, в котором, впрочем, было немало запасов, наступит голодовка. Но и Ираклий далеко еще не покончил с организацией новой большой армии; скудость денежных средств замедляла набор, а он хорошо понимал, что для верного успеха необходимы превосходные силы. Поэтому он не мог и думать о походе для освобождения от осады этого важного пункта и пока должен был довольствоваться тем, что выслал вперед В а х а н а, прибывшего к нему с армянским вспомогательным войском, предписав ему прогнать отдельные летучие отряды в окрестностях Эмессы (май 635), а затем попытаться как можно чаще тревожить осаждающих, благодаря чему и произошла раз стычка в одной лощине по большой дороге из Дамаска в Эмессу. Хотя она и не имела особого значения, но заставила мусульман построить укрепление к северу от города, там, где дорога спускается с гор в равнину, дабы защититься с этой стороны от всяких нападений. Наконец в Раджабе 14 (август—сентябрь 635) пал Дамаск Есть основание полагать, что при сдаче города христианское духовенство, в высшей степени недовольное Ираклием за его церковные меры, играло более чем двусмысленную роль, хотя ввиду запутанности известий, говорящих то о капитуляции города, то о вторжении арабов в крепость силой, трудно восстановить истинный ход происшествий. Во всяком случае, жителям дарованы были необыкновенно снисходительные условия: с них требовалась лишь уплата подати: все церкви должны были остаться в неприкосновенном владении христиан. По взятии города Халид продолжал действовать по-прежнему: он оставил здесь с небольшим гарнизоном Язида, а сам пошел далее. Вахан, следуя приказаниям Ираклия, должен был отступать перед ним со своими армянами; таким образом, арабскому полководцу, подвигаясь на север между Ливаном и Антшшваном, удалось занять Баальбек, а может быть, и другие места. Народ везде встречал арабов дружелюбно; жители радовались, что избавляются от мелочных притеснений византийских чиновников, и на самом деле имели полное основание хвалить кроткое обращение мусульман. Что же касается их неизвестной религии, то едва ли она могла показаться им более противной, чем официальная ересь их бывших властителей. К сожалению, они забывали при этом, что прочна лишь та свобода, которой добиваешься собственными силами.

Однако арабы все еще не решались углубиться слишком далеко на север. В Эмессе собрались уже многочисленные императорские войска, и военные приготовления Ираклия мало-помалу приближались к концу. Императору удалось наконец собрать весьма внушительное войско; по известиям некоторых византийских историков, оно насчитывало 80 000 человек. Ими предводительствовал опять некий Феодор, сакелларий* императора; он сам лично командовал 40 000 императорских войск, составлявших ядро армии. Другая половина состояла из армян под предводительством Вахана и христианских арабов гассанидского князя Д ж а б а л а И б н Ал ь-Э и х а м, которые, получив снова жалованье, примкнули опять к армии. Но при всей его внешней внушительности в войске не ощущалось внутренней связи. Сакелларий с Ваханом не ладили: этот последний во главе своих армян обнаруживал слишком большую самостоятельность, которая главнокомандующему, понятно, не нравилась: начались раздоры без конца. Еще хуже обстояли дела с гассанидами; на этих людей, как доказал опыт, можно было вполне рассчитывать лишь в тех случаях, когда предстоял грабеж. Но отказываться от их помощи было опасно, ибо в таком случае они легко могли перейти на сторону противника.

' «Казначей»; понятно, это следует считать лишь высшим придворным титулом. С своей стороны, арабы насчитывают греческого войска по меньшей мере 100 000, в числе которых 12000 христианских арабов и 12000 армян.

Давление таких больших количеств войск, когда они наконец пришли в движение (в начале 15 = февраль 636), должно было оказаться, конечно, очень ощутительным для мусульман. Неиспытанная отважность Халида соединялась с большой долей предусмотрительности; ввиду предстоящего решительного удара он счел нужным стянуть все находившиеся в его распоряжении силы. Поэтому он стал не торопясь отступать перед надвигающимися греками, притягивая к себе отовсюду передовые и летучие отряды. Он даже покинул Дамаск, чтобы в случае поражения не быть слишком далеко от Аравии, и отступил к Иордану, за которым мог бы укрыться при неблагоприятном обороте войны. Нет сомнения, что и большинство войск, находившихся еще под командой Амра, также примкнули к нему. Времени на это у него, благодаря Сакелларию, было достаточно. Целые полгода прошли в подготовлениях, пока не состоялось наконец первое сражение у Д ж а б и и, между Дамаском и озером Геннисаретским (13 Джумада II 15 = 23 июля 636). С этого времени начинается целый ряд битв, продолжающихся более месяца, но о подробностях их имеется весьма мало достоверных известий. Несколько скудных заметок византийских историков и многочисленные, часто весьма подробные описания арабов согласны только в одном — именно, что все эти стычки происходили лишь в течение одного или двух дней. Но относительно фактических данных они совершенно противоречат друг другу. Некоторые черты, правда,

повторяются то у одного, то у другого и, вероятно, подлинны, но последовательный ход событий невозможно восстановить никоим образом. То мы узнаем о неудаче Сакеллария, вслед за которой армянские вспомогательные войска бунтуют и требуют предания императорскому суду Вахана, предводителя; говорится далее о переходе части христианских арабов на сторону мусульман, а затем снова встречается известие о горячей схватке между греками и арабами, в которой последние оказываются побежденными, а греки проникают даже в арабский лагерь, так что находящиеся при обозе женщины принуждены взяться за оружие. Как бы то ни было, последний решитель- ный бой 12 Раджаба 15 (20 августа 636) был у деревни Я к у с а. Местечко это ютилось в углу, образуемом соединением Г и е р о м а к с а (по-арабски Ярмук) с Иорданом, между обеими этими реками и озером Геннисаретским, в местности, изрезанной ложбинами и представляющей спуск плоскогорья к северу от реки. Нет никакой причины не верить сообщению греков, по которому во время сражения поднялся сильнейший ветер и погнал на императорские войска целые облака пыли, что поколебало и без того уже пошатнувшиеся ряды византийцев. Надо полагать, однако, что они дрались хорошо, по крайней мере пехотинцы: мусульмане упоминают о значительных потерях с своей стороны, а смерть Сакеллария показывает, что он по крайней мере исполнил свой долг. Но в конце концов греческие войска были отброшены в ущелья Гиеромакса, где началась ужасная резня, из которой мало кто спасся. Конница лишь только увидела неблагоприятный оборот дела, ударилась в бегство и рассеялась, спеша укрыться в укрепленных местах: Дамаске, Цезарее, Иерусалиме, даже в Антиохии, но ядро армии, императорская пехота, была уничтожена вконец. В ближайшем будущем Ираклию не представлялось никакой возможности собрать новые войска в Сирии; ему оставалось только удалиться в Константинополь, чтобы оттуда руководить вторичным завоеванием Палестины.

Пока у арабов развязались руки, как здесь, так и во всей Сирии, где им, впрочем, приходилось еще некоторое время иметь дело со стенами крепких городов. Последние нужно было брать правильною осадой при помощи военных машин, а арабы всего лишь девять лет тому назад впервые познакомилась с осадными работами при взятии Хейбара и, конечно, за это короткое время не могли изучить это искусство так же хорошо, как византийцы. Благодаря этому прошло довольно много времени, прежде тем были взяты наиболее укрепленные пункты; мы не знаем ни одного случая, в котором бы успех был достигнут приступом. Менее значительные укрепления сдавались немедленно, лишь только показывались мусульманские войска. Впрочем, последние большею частью заняты были до конца 15г. (636) осадою Дамаска, который, будучи обложен во второй раз, держался несколько месяцев, пока наконец оставленный там Сакелларием гарнизон, сражавшийся вначале очень храбро, не сдался на капитуляцию. Вследствие такого продолжительного сопротивления сдача города совершилась на менее благоприятных для жителей условиях; последние должны были уступить для мусульманского богослужения некоторые церкви и половину большого собора Св. Иоанна, но во всем остальном, впрочем, с ними обошлись довольно милостиво. Теперь арабы снова освободились и быстро двинулись вперед, но уже не под предводительством великого военачальника, которому и здесь были обязаны победой. По сдаче Дамаска, согласно повелению халифа, войска, с которыми Ха-лид совершил знаменитый свой поход через пустыню, поспешили назад в Ирак, где они же должны были закончить у Кадесии другой великий поход. Но там их знаменитому полководцу не было места возле Са'д Ибн Абу Ваккаса. Еще менее расположен был Омар вручить ему начальство в Сирии; здесь главная задача воина была покончена, на очереди стояло упорядочение администрации страны, а для такого дела независимый и дикий характер «меча божия» не оказывался удобным, хотя бы даже прежняя антипатия Омара к виновнику зверской расправы в Джазиме и Ярбу исчезла бесследно благодаря несравненным подвигам последних годов. Незадолго до или после взятия Дамаска прибыл в войско указ халифа, увольнявший Халида от его должности главнокомандующего и передававший ее малоэнергичному, но зато спокойному и кроткому Абу Убейде. Отставленный полководец не мог скрыть своего неудовольствия: «Омар, — произнес он не без горечи, — поставил меня главой Сирии, когда положение ее сильно его озабочивало, теперь же, когда Сирия успокоилась и течет млеком и медом, он находит нужным отставить меня и назначает другого наместника». Несмотря на это, он не отказывался до самой своей смерти, воспоследовавшей в Эмессе в 21 г. (642), продолжать служить под начальством людей, бывших доселе его подчиненными. Какая была этому причина — сказать трудно. Этот честолюбивый человек мог питать надежды на перемену прав- ления и выжидать только удобного момента, чтобы опять разыграть важную роль, а может быть, во время нахождения Омара в Палестине он успел помириться с ним, так как тот не мог отказать ему в признании его выдающихся военных заслуг. Последнее вероятнее всего, ибо перед смертью Халид назначил халифа своим наследником; следует во всяком случае быть чрезвычайно осторожным, дабы не умалить своеобразного величия обоих этих мужей, точно вылитых из стали или высеченных из гранита, предположениями сентиментального свойства. А в подобном величии нельзя отказать ужасному мечу ислама. Он принадлежал к тем натурам, у которых гений полководца заполняет всю духовную жизнь. Подобно Наполеону, он ничего кроме войны не признавал и не имел никакого понятия о более человечных чувствах. Зато, подобно величайшему солдату новейших времен, он обладал всеми военными добродетелями; подобно ему, он за всем следил сам, не разрешал себе ни минуты покоя и вечно поддерживал в своих подчиненных чувство полной уверенности. В настоящее время трудно даже понять подобную могучую воинскую натуру, тем не менее мы должны признать во всяком случае одно: хотя он был

велик только во главе своих бедуинов, но зато в этом деле недосягаем.

В следующие годы арабские полководцы могли почти беспрепятственно пожинать плоды своих побед. Старый военный герой Ираклий, конечно, не думал безропотно подчиниться приговору капризной богини счастья, которая почти в тот самый момент, когда ему удалось окончательно поразить исконного врага своего народа, отвернулась от него и обратила свою благосклонность на нового, до сих пор презираемого им врага, вырвав из его рук в пользу последнего втрое больше того, что он успел приобрести. Правда, император не скрывал от себя истинного положения вещей; покидая Сирию, он захватил с собой в Константинополь святой крест, так недавно перенесенный им в триумфальном шествии из Ктезифона в Иерусалим. Но хотя он ввиду своей болезненности в последние годы не мог думать о личном участии в новом походе, все же не мог допускать, чтоб одна из лучших его провинций и даже священнейшие места христианства остались в руках неверующих. По повелению его из Константинополя и Александрии были отправлены морем войска и перевезены в Антиохию. Отсюда под предводительством наследника трона Константина должны были они предпринять новое нападение на арабов (17 = 638). Но им удалось лишь на короткое время отнять у бессильного Абу Убейды только что покоренные округа Халеб и Киннесрин. Достаточно было устроить Омару с помощью иракских войск диверсию в Месопотамии, и приставшие вновь к грекам христианские арабы вынуждены были отступить, а вслед за сим потерпели поражение и императорские войска, принужденные после этого снова запереться в Антиохии. Отныне на долгое время не слышно более о дальнейших попытках византийцев против сирийских владений. Без особых затруднений арабы овладевают здесь тем, что не было еще покорено. После сдачи Дамаска армия мусульман снова распалась на четыре первоначальных отряда, которые и расположились теперь в отдельных областях. Сам Абу Убейда занял север, Амр осадил Иерусалим, Шурахбиль и Язид занялись покорением финикийских прибрежных городов. В главных чертах полководцы исполнили свои задачи еще в течение 16 (637), так что к концу этого года Омар уже мог предпринять путешествие в Сирию, где он хотел лично ввести новые порядки. В Джабии, там, где начались первые стычки перед решительным сражением у Гиеромак-са, халиф поселился в старинном замке гассанидских князей; здесь он диктовал ждавшим его повелений сирийцам те законы, которым отныне должны были повиноваться все народности, подчиненные халифату; здесь же были заключены договоры с христианскими арабскими племенами, что побудило некоторых принять ислам, других же — сделаться по крайней мере хорошими подданными. Меж тем осада Иерусалима деятельно продолжалась, и в 17 г. (635) город вынужден был наконец сдаться. Давно уже страстным желанием халифа было взглянуть телесными очами на святой град иудеев и христиан, на то место, где было дано так много откровений и проявлений милостей божьих, лишь не признаваемых либо искажаемых неблагодарными людьми, на то самое место, где пророк чудом и только раз мог совершить -духовно свою молитву. Въезд его совершился, как извещают мусульманские историки, с теми смирением и простотой, от которых старинный товарищ Мухаммеда никогда не хотел отступать, даже став властелином великого царства. В старом невзрачном плаще из верблюжьей шерсти, сидя верхом на верблюде, подобно тем оборванным бедуинам, которые толкались и прежде на сирийских ярмарках, вот в каком виде предстал новый повелитель перед изумленными жителями Иерусалима, которым до сих пор случалось видеть даже незначительного подпрефекта византийского, не говоря уже о высокочтимом патрикиосе или самом победоносном императоре Ираклии, проезжавших по улицам священного града спесиво и торжественно, в залитом золотом вооружении на богато убранном боевом коне. С гордостью указывают арабские историки на скромную простоту этого въезда, который пристыдил даже мусульман, отвыкших от подобного зрелища за время своего пребывания в покоренной стране. Но византийцам, конечно, событие этой показалось в ином виде он въезжал в священный град — сообщает позднейшая хроника — в одежде из верблюжьей шерсти, покрытый с головы до ног пылью, с выражением сатанинского лицемерия на лице. Он пожелал видеть храм иудеев, построенный Соломоном, чтобы превратить его в молельню, где бы он мог изрыгать свои богохульства. Софроний*, лишь только его увидел, воскликнул: поистине вот та мерзость запустения на криле святилища", которую предрек Даниил. И ревнитель веры заплакал горькими слезами об участи христианского народа. Когда Омар прибыл в город, патриарх предложил ему принять из его рук льняную одежду и рубаху, но тот отказался их надеть. С превеликим трудом удалось патриарху уговорить его облечься в них на время, пока его собственные одежды не будут вымыты; после чего Омар возвратил их Софронию и снова оделся в прежнее платье.

' Тогдашний патриарх Иерусалима. Он умер вскоре после сдачи города, в марте 633.

" Даниил, глава 9, стих 27, по переводу русскому.

Но за удовольствие видеть торжество истинной веры в самом средоточии идолопоклонства пришлось дорого заплатить. Вслед за войной в Палестине и Сирии появилась в 17г. (638) чума и разрослась до необычайных размеров в 18 (639). Более всего свирепствовала она в Эммаусе и его окрестностях, но и в других местностях страны жертв было немало. В числе 250000 павших от эпидемии унесла она и трех знаменитых полководцев арабских: Абу Убейду, Шу-рахбиля, а наконец и Язида, назначенного Омаром в преемники Абу Убейде. На место последнего возведен был халифом в наместники брат его Му"авия, служивший все время похода в качестве добровольца. Ему предстояло в течение 40 лет управлять провинцией и образовать из нее на долгое время надежнейшее ядро могущества семьи Омейи.

Будучи лет 40, пока еще ничем особенно не прославившийся, он был обязан, подобно Язиду, своим влиятельным положением одному личному желанию халифа, который пожелал этим задобрить светскую партию мекканцев и главу ее, Абу Суфьяна. Равным образом в угоду набожным, пожелал властитель иметь наместником своим в Персии, в Куфе, одного из старейших товарищей пророка, Са'да Ибн Абу Ваккаса. Как кажется, Му'авия не обладал в высокой степени воинскими дарованиями, зато впоследствии оказался одним из тончайших политиков своего времени. По-видимому, он проявил на первых же порах умение выбирать подходящих людей. Но даже и в военных предприятиях он отличался неутомимой выдержкой и бодростью духа, легко выносившего неудачи. Поэтому он стремился всю свою жизнь, зорко выслеживая удобный момент, продолжать по всем направлениям дальнейшие завоевания непокоренных еще стран.

К этому времени, после того как Антиохия в 17 г. (638) распахнула пред арабами свои врата, в Сирии оставалась невзятой лишь Цезарея. Задолго до нее, еще при Амре (18 = 639), а затем при Язиде, велась без перерыва осада этого важного пункта. Наконец 19 Шавваля (октябрь 640) удалось Му'авии овладеть сильною крепостью благодаря измене одного иудея. Так закончилось покорение всей Сирии. Между тем в 18 г. (639) Ияд, пробравшись из северной Си- рии через Евфрат, успел в 20 (641) и почти без сопротивления овладеть городами Месопотамии. Покорение в том же году Мосула иракской армией закрепило окончательно эти новые приобретения. С этих пор можно было беспрепятственно двигаться далее на север. Раздираемая внутренними волнениями Армения обещала нападающим легкую добычу. Эта несчастная страна исстари разделяла одну участь с соседней ей Месопотамией, служа вечно яблоком раздора между ближайшими могущественными государствами. Благодаря постоянным нападениям извне, совпадавшим с ужасающей правильностью с вечными внутренними раздорами, этот народ, несмотря на сохранившуюся и поныне резкую особенность национальных черт, никогда не мог выработать себе независимое государственное устройство. До самого последнего времени существования царства Сассанидов персы и византийцы боролись друг с другом за обладание Арменией; со времени великой победы Ираклия она стала подчиняться законам, шедшим из Константинополя, но при постоянных распрях вельмож, которых центральное управление по своей отдаленности не всегда могло обуздать, эта несчастная страна даже в последнее время еще не совсем успокоилась. Таким образом, арабы при своем вторжении встретили лишь слабое сопротивление. В 21 г. (642), под предводительством Хабиба Ибн Маслами, они вторгнулись в Армению через долину верхнего Евфрата, направляясь к озеру Ван. Арабы обогнули озеро с запада и с севера, минуя Арарат. Вступив в долину Аракса, взяли приступом тогдашнюю столицу страны, Двинь (6 октября 642 = 6 Зу'ль-ка'да 21), после чего повернули назад с богатой добычей и бесчисленным множеством пленных. В следующем году (22 = 643) они вторично наводнили страну, на этот раз тремя колоннами, проникшими до самой Грузии, производя повсюду на своем пути великие опустошения. Впрочем, один из этих отрядов потерпел от значительнейшего из вельмож Армении, того, которому император Констанций вверил начальство над войском, Феодора Решт у нийца, довольно чувствительное поражение. Такие же набеги продолжались и в следующие годы*, причем в них принимали участие и некоторые отряды иракских войск, занявшие в том же году Азербайджан, пока наконец в 29 г. (650) не было заключено между императором и арабами перемирие, доставившее стране спокойствие на несколько лет.

В то же самое время Му''авия попытался беспокоить византийцев и на море. Осторожный Омар и слышать не хотел, чтобы жизнь правоверных воинов подвергалась непостоянству морских волн. Но Осман посмотрел на дело иначе. На финикийском побережье было достаточно и корабельного материала, и матросов, поэтому Му'авии не стоило больших усилий снарядить флот в 27 или 28 (648 или 649), к которому было присоединено несколько кораблей, взятых у наместника Египта, Ибн Абу Сарха. Флот этот был отправлен против главного города острова Кипра, Констанций, древнего Саламиса; арабы взяли его штурмом и разорили дотла; часть населения уведена в плен, а оставшиеся обложены тяжкою податью. Теперь арабы могли также напасть на сильно укрепленный Арад, расположенный на одном островке близ сирийского берега и находившийся еще в руках греков. Вначале, правда, им не удалось пробить брешь в крепких стенах города, но в следующем году (29 = 650) арабы вернулись снова и принудили осажденных сдаться на капитуляцию. Затем начались постоянные набеги на Малую Азию; в особенности опустошены были Кили-кия и Исаврия. Теперь император Констанций стал опасаться даже за безопасность своей собственной столицы и решился вступить в соглашение с Му'авией, который обязался за известную плату соблюдать мир в течение трех лет.

Когда в 32 г. (653) истек срок перемирия, вся Армения находилась в страхе, ожидая повторения арабских хищнических набегов. Феодор Рештуниец поэтому предпочел отклонить угрожающую опасность добровольной сдачей. Он заключил с Му'авией договор на очень выгодных условиях для Армении; мусульманам предоставлялось лишь некоторого

* Подробности событий и здесь малоизвестны; греки, арабы и армяне на каждом шагу противоречат друг другу, а отчасти и самим себе.

рода главенство над ней. Но скоро преданная Византии партия возмутилась и стала сильно теснить Рештунийца при помощи греческих войск, так что Му''авия вынужден был снова вторгнуться в страну. Полчища мусульман под предводительством Хабиба Ибн Масламы перешли опять границу, прогнали византийцев и покорили всю страну вплоть до Кавказа. В то же время из Адербейджана выступил

С е л ь м а н И б н Р а б и'а, также по направлению к северу; ему удалось даже через проход Дербент, между горами и Каспийским морем, проникнуть в страну хазаров, но тут он погиб со всем своим войском, истребленный дотла этим воинственным народом. Лишь немногим, и то после неисчислимых бедствий, удалось перебраться назад за Кавказские горы. Не лучше был конец другого, более грандиозного предприятия, руководимого самим муавией. Последний вздумал предпринять поход на Константинополь с моря и суши*. После того как адмирал его А б ул ь-А'в а р снова покорил Кипр, возмутившийся по наущению византийцев, по окончании перемирия, арабы, правда, заняли Родос и достигли уже Халкедона, но здесь буря рассеяла их флот и потопила значительную часть военных кораблей, так что остальным пришлось вернуться назад без всякого успеха (32 = 653). Несмотря на эти неудачи, мусульмане продержались в Армении до тех пор, пока не возгорелась междоусобная война (36 = 657). Только тогда муавия, имея надобность во всех своих войсках, решился отказаться на время от этого ненадежного владения, а в 38 г. (658) даже вынужден был купить у императора за значительную подать многолетнее перемирие. Таким образом, и здесь на некоторое время благодаря внутренним распрям наступает застой.

В 18 г., после смерти АбуУбейды, когда наместником в Сирию назначен был Язид, Амр Ибн Аль Ас уже некоторое время осаждал Цезарею. По-видимому, ему сильно не понрави-

' По известиям византийцев, кроме покорения Родоса (653 или 654) было только одно морское сражение близ Ликийской возвышенности в 656 г., окончившееся победой арабов. Рассказ в тексте составлен по двум старинным восточным источникам.

лось, что прежний его подчиненный становится его начальником. По крайней мере, как передают, он сдал команду над большею частью осаждающих войск еще до прибытия Язида своему сыну, а сам во главе 3500 человек, не спрашивая согласия халифа, отправился к египетской границе. Но Омар не такой был человек, чтобы стерпеть неповиновение в какой бы то ни было форме; посланный вдогонку за своенравным полководцем вез повеление, чтоб он не двигался дальше, если не успел еще перейти границу. Но курьер догнал Амра только у А л ь-А р и ш а, уже на Египетской земле, и потому тот мог продолжать свой поход. Он предпринял его в той надежде, что ему удастся создать себе в стране фараонов то самостоятельное наместничество, которое он потерял в Сирии. И в самом деле завоевание Египта мусульманами казалось делом не менее легким, чем покорение Сирии. Правда, именно в Египте император Ираклий положил начало своему величию, только отсюда он мог вести свою энергичную борьбу с гнусным Фокой. Но прежние симпатии населения к императору исчезли благодаря религиозным эдиктам. Представитель церковного направления двора, патриарх Кир, был ненавидим в стране строгих монофизитов; вдобавок и здесь, как и в столице, офицеры и чиновники управления делились на две враждебные друг другу партии синих и зеленых, которые всячески подкапывались друг под друга и сходились лишь в одном: в стремлении сделать жизнь населения как можно более невыносимой. Неудивительно поэтому, что вторгнувшиеся мусульмане встретили здесь еще более слабое сопротивление и еще более очевидную готовность коптского населения броситься в объятия чужестранцев, чем в соседней провинции. И конечно, в данном случае нам приходится ограничиться общим впечатлением и несколькими скудными фактами, так как несвязные и часто противоречащие друг другу известия греков, коптов и арабов не дают возможности начертать ясную и более или менее верную действительности картину.

Даже о времени похода Амра известия весьма неопределенны. Арабы относят его начало к годам 18 или 19 (639— 640), к которым следует приблизительно приурочить его уже потому, что этот же полководец принимал участие в осаде Иерусалима, продолжавшейся до 17 (638)'. Но с другой стороны, если судить по дошедшим до нас лишь отрывками указаниям одного египетского современника, мы должны заключить, что нападение произошло годом раньше. Одно лишь несомненно, что в 19 г. (640) арабы под предводительством Амра уже сражались в Египте с греческими полководцами и что они прошли мимо малодоступной нильской Дельты в среднюю часть страны, где разграбили плодоносную равнину реки и Фаюм, находящийся в окрестностях древнего Меридова озера. Главный начальник греков, Иоанн, герцог Барки, пал в сражении, но все-таки Амру не удалось добиться решительных успехов, так как лица, стоявшие во главе военного и гражданского управления Египта, Феодосии и Анастасий, сдерживали слабые его силы с помощью значительных масс императорских войск, расположенных в Вавилоне, древнем Мемфисе". Арабский военачальник вынужден был поневоле обратиться к Омару за помощью, а так как тут дело шло о чести мусульманского оружия, то халиф тотчас же послал ему 4000 человек, под предводительством А з-З у б е и р а, одного из наиболее уважаемых товарищей пророка, который доселе находился в непосредственной близости к властителю в качестве доверенного лица. Почти в то же самое время прибыл в Египет и Феодор, новый главнокомандующий, посланный императором Ираклием взамен павшего Иоанна. Но Феодосии и Анастасий не были распо-

' Если даже не принимать в расчет Цезареи, которую во всяком случае следует иметь в виду.

" Селение Херау, переименованное ассирийскими пленными поселенцами, приведенными Рамзесом II, в Вавилон (близ Мемфиса)... В самом Каире нет остатков Древнего Египта, но то поселение, которое называется Фустат или Маср-аль-Атика и которое составляло первый, или старый, Каир, стоит, несомненно, на месте того древнего Вавилона, в котором были поселены Рамзесом II приведенные им из Азии пленные. Имя Вавилона сохранилось до сего дня в имени лежащего близ

старого Каира Коптского монастыря «Дейр-Бабилон» (История фараонов. Б р у г ш а, пер. Властова, СПб, 1880, стр. 21 и 748). Средневековые писатели-европейцы нередко называли султана египетского «султаном вавилонским». — *Примеч. ред.*

ложены делиться с ним властью и вздумали оттеснить его на задний план с помощью блестящей победы. Таким образом хитрому Амру удалось выманить их из Вавилона и разбить при Г е л и о п о л и с е, где арабский полководец встретил их лишь с третью войска, так как остальные две трети были посланы в обход и ударили в тыл византийцам. Поражение неосторожных начальников оказалось полнейшее; только с великим трудом удержана была цитадель Вавилона, самый же город попал в руки мусульман (20 = 641), которые таким образом получили возможность занять некоторые округа, лежащие вверх по Нилу, а также и Фаюм. Наступили затем два года ужаснейших смятений, в продолжение которых несчастная страна переносила тягчайшие страдания. Уже с самого начала вторжения копты-монофизиты во многих областях склонились на сторону чужестранцев, врагов ненавистных им греческих владык, но другие жители все-таки считали последних более сносными господами, чем чрезмерно жадных к добыче бедуинов; таким образом, сами египтяне стали взаимно истреблять друг друга. В Александрии, куда после взятия Вавилона бежало много войска и жителей, зеленые и синие продолжали бороться, как будто в Египте не было ни одного араба, а распущенная чернь столицы пользовалась удобным случаем для неистовства и грабежа; больших усилий стоило Феодору восстановить здесь наконец спокойствие. А тут вскоре чужестранцы стали целыми толпами появляться то в Дельте, то вверх по течению реки, и хотя города нижнего Египта, лежавшие между бесчисленными рукавами реки, могли легко защищаться и против более серьезного нападения, но опустошения и бедствия распространялись повсюду. Тем не менее мусульмане не могли еще двинуться вперед; во всяком случае они должны были убедиться, что обширные укрепления Александрии не боятся никакого приступа, хотя и византийцы, с своей стороны, еще менее могли рискнуть показаться в открытом поле.

В довершение несчастий, обрушившихся на византийскую империю, 11 февраля 641 г. закончилась исполненная треволнений жизнь императора Ираклия. Хотя в последние годы, можно сказать со времени сражения при Гиеромаксе, сломанный болезнями и несчастиями, он стал лишь тенью того могучего воинственного властителя, который не раз спасал государство и вновь укреплял его необычайными победами, все же его смерть еще более ухудшила положение империи, так как послужила поводом к усилению внутренних волнений, расшатавших последние силы государства. Первый преемник Ираклия, болезненный Константин III, правда, дал знать Феодору в Александрию, что вскоре ему будут посланы новые вспомогательные войска, но когда молодой император скончался уже в мае 641 и на трон вступил Ираклион, правительство, предчувствуя угрожавшую ему революцию, сочло более благоразумным покончить раз навсегда с Египтом, чем обнажить еще более от войск резиденцию и соседние с ней провинции. В Константинополе находился тогда Кир, патриарх александрийский. По-видимому, это был человек рассудительный и очень наблюдательный, так как он ничуть не обманывал себя насчет отношения коптов как к нему самому, так и к правительству. После первых же успехов арабов он послал Ираклию донесение, в котором прямо советовал вступить в соглашение с варварами, хотя бы ценою ежегодной подати. Говорят даже, что он сам, на свой страх, обратился к Амру, чтобы узнать об условиях, которые тот намерен поставить*. Ираклий, как говорят, страшно рассердился, когда узнал об этом, вызвал патриарха к себе в столицу и посадил его в заключение, осыпая жестокими упреками. Теперь же, в видах собственной безопасности, Ираклион принужден был отказаться от дальнейших военных предприятий в Египте; он вызвал прежде всего из Александрии Феодора. А когда и тот, подобно Киру, высказал мнение, что наличных средств недо-

' Подобное же сообщают и арабские историки об одном копте по имени А л ь-М у к а у к и с, которого они называют главою Египта. Здесь, по-видимому, смешивается факт предупредительности, оказанной коптами завоевателям, с переговорами с Киром, совершившимися по иным побудительным причинам, а наконец (как мы видели в истории с Дамаском) епископа с наместником. Имя же Аль-Мукаукис пока необъяснимо; вероятно, оно представляет собой какой-либо сильно исковерканный византийский титул или коптское слово.

статочно, чтобы удержать провинцию, оба посланы были в Египет с поручением заключить мир на возможно сносных условиях*. 17 сентября 641 (20) они снова вернулись в Александрию; но так как тем временем вспыхнуло восстание в Константинополе и Ираклион был свергнут с престола, они не сочли возможным начать переговоры, прежде чем станут известны намерения нового правительства. Но и последнее в данный момент ничего не в состоянии было сделать для Египта. Одиннадцатилетний Константин II окружен был со всех сторон опасностями в столице; к тому же в Италии шла война с лангобардами; итак, пришлось оставить восток на произвол судеб. Когда 25 марта 642 (17 Ра-би II 21) сдалась цитадель Вавилона, отчего усилилась опасность для других местностей, пока еще пощаженных, Кир завязал серьезные переговоры, и мир был заключен в октябре 642 (Зу'ль-Хиджжи 21). Византийцы обязывались тотчас же уплатить определенную дань, а по прошествии 11 месяцев вывести из страны все свои войска и никогда не посылать туда новых. За это арабы соглашались оставить христианам их церкви, равно как и их собственное управление, и ни в каком случае не вмешиваться в их дела".

Хотя для греческого правительства было действительно невозможно именно теперь послать в восточные провин-

' Связь между египетскими делами и происходившим в столице первый объяснил Ранке (Weltgeshichte, V. 1.148). Своим верным взглядом истинного историка он видит, что Ираклион и мать его Мартина должны были опасаться посылки в Египет враждебно настроенных против них войск, стоявших лагерем у Халкедона. В то же время они могли понять по представлению Кира, что было возможно поставить на время Амра правителем Египта, разумеется, с тем чтобы он вступил на службу императорскую. С этой точки зрения странное, на первый взгляд, полномочие, данное Киру для переговоров с Амром, кажется вполне понятным.

" Так как говорится здесь о соглашении, то нельзя сказать, чтобы условия бьши слишком мягки, тем более что они никоим образом не бьши исполняемы мусульманами добросовестно. В особенности налоги были вскоре значительно увеличены, явились и разные другие притеснения, так что бедным коптам новые их друзья показались вскоре хуже, чем господа, от которых они только что избавились. Сам Кир, как передают, напрасно хлопотал у Амра о точном исполнении пунктов договора и умер с горя, что навлек такое несчастие на свою страну, 10 апреля 643.

ции значительные военные силы, все же это было позором отдать по-прежнему богатый, сильно укрепленный город Александра Великого, не сделав ни одной попытки к защите его оружием. Жители пришли в ярость, когда узнали о предстоящей им участи, и готовы были разорвать Кира на клочки. Но, покинутые бессильной метрополией, они не могли и не хотели рискнуть жизнью и состоянием в неравной борьбе за свободу. Таким образом, пришлось покориться, когда 29 сентября 643 (9 Зуль-Ка'ды 22), по удалении из Александрии, согласно условию, византийских войск, в нее вступили арабские варвары и расположились здесь по-домашнему*. У кого были средства, тот переселился, следуя за императорскими чиновниками, в Константинополь, ведь все значение Александрии заключалось в ее торговом посредничестве между Европой и Востоком, теперь же нельзя было рассчитывать на продолжительность дружелюбных отношений с сарацинами". Следовательно, греческому купцу не было никакой выгоды сносить владычество язычников. Упадок этого некогда столь цветущего города завершился еще тем, что халиф не согласился на мысль Амра устроить здесь свою главную квартиру. Как и в Персии, Омар не хотел, чтобы большая река отделяла его резиденцию от местопребывания наместника. Он повелел поэтому заложить новое поселение на правом берегу Нила; согласно этому повелению Амр поселился близ развалин

' По арабским известиям, смешивающим мирное занятие Александрии с позднейшим завоеванием ее после восстания 25 г., мусульмане заняли город силой, а потому и распоряжались там сурово. Но это, как свидетельствуют некоторые современники, неверно. Точно так же совершенно несправедливо известное повествование о сожжении Александрийской библиотеки по повелению Омара. Ничего подобного нет ни у одного арабского или византийского старинного историка; известие это в первый раз встречается у одного писателя XIII столетия и к тому же во многих отношениях отличается бросающеюся в глаза неправдоподобностью. Александрийская библиотека была сожжена задолго до арабов епископом Феофилом при императоре Феодосии.

" Так назывались арабы и теперь, и до ислама у западных писателей; происхождение этого имени до сих пор не объяснено, а производство его от арабского Ш а р к и и — «восточный» во всяком случае не верно.

Вавилона, на том самом месте, где, как говорят, стояла его палатка во время осады. Новый город, названный им А л ь-Ф у с т а т (т. е. «шатер»), нынешний старый Каир. Этого было еще недостаточно для предусмотрительного халифа. Египет служил житницей для древнеримского и византийского мира; значение его для прокормления тощей и неплодоносной Аравии, в особенности для священных городов, было очевидно. Но караванный путь через полуостров Синайский и далее на юго-восток до Медины оказывался и долог, и неудобен. Поэтому, когда Омар прослышал, что некогда вблизи Вавилона существовал канал, соединявший Нил с заливом Суэцким, то приказал восстановить его: таким образом через Красное море без всяких затруднений можно было достигнуть гаваней западного арабского побережья, что значительно ускоряло как сообщения при помощи курьеров, так и доставку хлеба.

Данное египтянам обещание предоставить им самим управление страною мусульмане поняли лишь в том смысле, что стали угнетать бедный народ не сами, а через посредство греческих и коптских переметчиков, сумевших угодить им и приобрести значительное влияние в отдельных правительственных округах. «Люди эти, — жалуется современный хроникер, — любили язычников и ненавидели христиан. Они принуждали своих единоплеменников доставлять мусульманам корм для их животных и требовали от них молока, меду, плодов, луку и многого другого гораздо более, чем полагалось. Египтяне исполняли эти приказания, так как жили в постоянном страхе. Их заставили снова прорыть канал Траяна', уже давно обсыпавшийся, чтобы провести воду из Вавилона в Чермное море. Гнет, под которым они держали Египет, был еще более тяжкий, чем тот, который терпели израильтяне от Фараона, за что Бог посетил его справедливой карой и низвергнул вместе со всем войском в Чермное море, после того как сами египтяне наказаны были многи-

• Этот император возобновил проведенный уже древними египтянами Суэцский канал и приказал восстановить ветвь его в Вавилон, получившую теперь для арабов особенное значение.

ми казнями, поразившими людей и животных. Да постигнет Божья кара и этих измаильтян, да соделает Он над ними то же, что совершил над древним Фараоном! За грехи наши Он допускает, чтоб они так обходились с нами. Но Господь наш и Спаситель Иисус Христос в долготерпении своем воззрит на нас, и спасет нас, и истребит врагов креста, как это обещано в истинном писании». Эта молитва бедного

епископа Иоанна Никиуского, написанная им в конце VII столетия, не была услышана: за арабами появились турки; ныне, правда, там опять начинают хозяйничать христиане, но участь коптов остается и по сие время все той же — они продолжают по-прежнему платить подати и рыть каналы. Хотя все делалось по воле Омара, однако халиф был недоволен Амром. Халиф подозревал и, вероятно, не без основания, что не все деньги, забранные у египтян, доставляются аккуратно в Медину. Между строгим властителем и его умным наместником завязалась очень резкая переписка*. Напрасно последний старался приобрести себе друзей при помощи неправдой нажитого золота и даже пробовал подкупить чиновника, посланного халифом для ревизии в финансовом ведомстве. Человек этот оказался честным и отклонил подачку. Омар же послал к Амру помощника для Верхнего Египта, человека, нерасположенного к Амру, по имени Абдулла Ибн Абу Сарх. Окончательного смещения Амра халиф и не желал, так как Амр выказывал рвение и успешно распространял мусульманские завоевания все далее на запад. Вероятно, еще до занятия Александрии", сдача которой была ему обещана еще по договору в 642 (21), он занял без сопротивления Пентаполис, древнюю Киренаику с главным городом Баркой. В следующем году (22 или 23 =

' Подлинность ее, во всяком случае, не совершенно достоверна.

" По извесгиям арабов, в 21 г. (642), а по египетским источникам — в сентябре 643 (конец 22). Так как первые относят взятие Триполиса к 22 г., то трудно решить, следует ли и тут прибавить год или же допустить, что Амр тотчас же после заключения мирного договора (конец 642) двинулся на Пентаполис. Впрочем, и в арабских источниках, хотя менее достоверных, мы находим под годом 23 (644) указание на покорение Триполиса.

643 или 644) Укба Ибн Нафи' занял после нескольких незначительных стычек Триполис, предварительно принудив к сдаче Сабилу, в стране Фезан (Фенцан). Таким образом мусульмане достигли границ, которые временно предначертал себе Омар. При жизни последнего им прихо-; дилось остановиться на этом: халиф не терпел рискованных предприятий, пока не были окончательно умиротворены занятые земли. В правление же Османа у арабов снова оказалось много работы в самом Египте. Скоро после вступления своего на трон халиф сместил с наместничества Амра и поставил над Египтом своего молочного брата Ибн Абу Сарха. Но когда в 25 г. (646) послан был из Константинополя, где дела несколько поправились, византийский полководец Мануил, появившийся с большим флотом перед Александрией, и когда он, прогнав из нее мусульман благодаря вспыхнувшему восстанию, вступил в Дельту, пришлось снова вернуть полководца, одно имя которого внушало страх коптам и грекам и который превосходно знал положение страны. И действительно, Амр, приняв в руки правление, скоро ловко и успешно решил свою задачу. Жители Нижнего Египта, угнетаемые арабами, уже давно перестали восторгаться новым положением вещей, и многие из них даже радостно приветствовали возвращение императорских войск; но византийцы по глупости обошлись с ними, как с неприятелем, и начали страшно опустошать страну. После этого несчастным коптам не оставалось ничего более, как спасать свою шкуру. Некоторое время Амр спокойно смотрел, как греки и египтяне побивали друг друга, но затем, выждав тот момент, когда первые уже достаточно ослабели, без труда нанес им поражение. Преследуя по пятам бегущее войско, он вторгся одновременно с греками в Александрию. Византийцы, кто только мог, поспешно спаслись на кораблях; город же за отпадение поплатился беспощадным разорением. Когда же наконец убийства и поджоги были прекращены, Амр приказал срыть крепостные стены со стороны суши, чтобы уничтожать всякую возможность нового восстания. Даже через сотни лет город не мог оправиться от этого опустошения.

Едва успел Амр исполнить возложенную на него обязанность, как халиф снова уволил его; положим, он соглашался оставить его во главе войска, но управление финансами пожелал передать эмиру Ибн Абу Сарху. Но «честный» Амр не мог, конечно, удовольствоваться этим: «Ведь это значит, — воскликнул он, — что я буду держать корову за рога, в то время как эмир будет доить ее». Он отклонил это предложение, после чего халиф передал управление провинцией одному Сарху. Это было нечто худшее, чем неблагодарность, с его стороны это было громадной ошибкой, значительно содействовавшей впоследствии собственной его погибели и причинившей чувствительный ущерб всему делу ислама. Впрочем, пока новый наместник во всех отношениях казался на своем месте. Прежде всего он убедился, что без кораблей трудно будет арабам успешно отражать дальнейшие нападения византийцев. Подобно Му'авии в Сирии, он приложил все старания, чтобы обзавестись флотом, и уже в 28 г. (649) мог оказать ему на море сильную поддержку при завоевании Кипра. Но еще лучше вознаграждена была его предусмотрительность позднее", когда перед Александрией действительно появился новый греческий флот. Мусульмане выказали чудеса храбрости в непривычной им стихии и отразили неприятеля. Не менее заботился Ибн Абу Сарх о дальнейшем распространении ислама в Африке. После некоторых подготовительных набегов второстепенной важности он выступил в 27 г. (647/8) с войском, усиленным подкреплениями из Медины до 20 000 человек, через Барку и Триполис, в область Карфагена. Еще за год до этого последней управлял патриций Григорий в качестве наместника императора Констанция, но тут честолюбивый вельможа-правитель, пользуясь слабостью византийского правительства, от-

' Источники колеблются между годами 31—34 (651—655); если считать верным вышеупомянутое известие о том, что перемирие между Му'авием и императором состоялось 29—32 (650—653), то это морское сражение было, вероятно, в конце 32 = летом 653.

ложился и, вероятно, даже сам провозгласил себя императором. На него-то и напал Ибн Абу Сарх; вскоре дошло до сражения близ городка, называемого арабами А к у б а, и варвары снова одержали победу. Арабы бросились грабить страну, так что жители наконец решились откупиться, и за огромную сумму — по позднейшим, несколько баснословным известиям, — за 300 центнеров* золота и за ежегодную сверх того дань добились отступления мусульман. Находившийся при мединских вспомогательных войсках Абдулла, сын Аз-Зубейра, послан был к халифу с известием о победе. Рассказы его возбуждали всеобщее изумление; позднее он даже хвастался, что умертвил собственноручно Григория. Но справедливость этого уверения мы должны оставить под сомнением, ибо неизвестно, что сталось с этим патрицием. Если он и пережил свое поражение и, как передают некоторые, даже сам заключил мирный договор с мусульманами, во всяком случае все виды его на императорскую корону рушились навсегда: когда арабы позднее вернулись в эту страну, о нем не было уже и слуху. Впрочем, в течение некоторого времени мы вообще не имеем более никаких известий об этих местностях — внутренние смуты и здесь начинают задерживать победоносное шествие ислама.

ГЛАВА III

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

«Сражайся с теми, которые не веруют в Бога и в день Страшного суда, которые не считают запрещенным то, что Богом и его посланником возбраняется, которые не при-

• Около 38 млн. марок.

знают истинной религии и поклоняются своему писанию*, доколе они не станут платить поголовной подати, как покорные подданные», — так повелел Бог правоверным через пророка в суре «отпущения». Согласно этому повелению христианам Неджрана дарованы были жизнь и имущество за уплату значительной подати. Далее Мухаммед, при капитуляции Ибн Надира, установил правило, что области, перешедшие в руки мусульман не путем насильственного завоевания, а сдавшиеся добровольно, исключаются из всеобщего раздела добычи. С другой стороны и позднее, когда был взят штурмом Хейбар, иудейскому населению предоставлено было обрабатывать по-прежнему свои земли под условием, что известная часть дохода должна идти в пользу ислама. К этим доходам Мухаммеда, следовательно — государственной казны, присоединялась еще пятая часть добычи и подать с самих правоверных под названием «налога в пользу бедных».

Таковы были главные основания и прецеденты, которые Омар счел своей главной обязанностью применить к покоренным провинциям, когда явилась необходимость дать им окончательную организацию. За исключением некоторых незначительных округов, все новые области могли считаться покоренными силой. Поэтому Омару представлялось на выбор: или разделить между всеми правоверными земли и имущества Ирака, Сирии и Египта в виде добычи, или же по образцу того, как сделано было в Хейба-ре, образовать из них государственные имения и предоставить обработку их прежним собственникам под условием уплаты последними определенной части доходов. После некоторого колебания халиф решился на последнее, и мы должны сказать, что с его точки зрения это был единственно справедливый путь. В невероятно короткий срок арабы овладели массой земли, население которой превосходило

' Т. е. иудеи и христиане, наряду с которыми поставлены также персидские последователи Зороастра, по крайней мере по отношению к их гражданскому положению. Это было для Омара более удобно; и скоро нашелся даже кто-то, слышавший будто бы нечто подобное и от пророка.

их численностью по меньшей мере втрое. Для того чтобы обеспечить на более или менее продолжительный срок владычество меньшинства над все более и более увеличивающимся большинством, которое к тому же было рассеяно на обширном пространстве, необходимо стало отделить, насколько возможно, завоевателей от покоренных и сохранить в первых воинственный дух и чувство превосходства, равно как и подвижность, которая вообще только одна и дала исламу возможность одерживать такие великие победы. А этого можно было достигнуть лишь тогда, если ' араб останется тем же, чем был: человеком, не привязанным ни к какому клочку земли, чувствующим себя дома только в военном лагере и с полнейшим презрением взирающим на неверных, которым он предоставил все гражданские занятия и которые за это должны были кормить его, господина. Сообразно

с этим, Омар распорядился ввести следующие постановления, в виде прибавления к общему правилу, вытекающему из вышеизложенных прецедентов. В покоренных странах землевладельцы сохраняли за собой свое имущество, но за то обязаны были сверх общей поголовной подати, джизья, наложенной на всех неверных, и обыкновенного квартирного налога, вносить еще особую поземельную подать, харадж, сообразно пространству занимаемой ими земли. Мероприятия эти применены были прежде всего к Ираку, который после завоевания был измерен и подвергнут кадастру. В Сирии же по крайней мере христиане временно были избавлены от хараджа в награду за помощь, оказанную ими арабам при завоевании страны. Ввиду установляемого вновь государственного права собственности временно пользующиеся могли беспрепятственно продавать свои земельные участки, ибо первоначальная расценочная сумма налога оставалась установленной раз навсегда. Возможность изменения доходности не принималась в расчет, а потому государство не интересовала личность временного собственника. Выморочные же земли, так, например, ленное имущество в Сирии, ставшее свободным вследствие выселения греческих магнатов, отдавались в арендное содержание в пользу госу- дарственной казны. Сверх сего Омаром было предписано строго-настрого, в виде неизменного закона, что *ни один мусульманин вне Аравии не имеет права приобретать недвижимое имущество и заниматься земледелием.* Запрещение оказывалось вовсе не обременительно: государственные подати, как известно, состояли в сущности из налога и военной добычи, исключительно обращаемых в пользу мусульман, поэтому тем легче было правоверным ограничиваться имуществом и землею у себя на родине, так как обработка участков в покоренных странах благодаря высокой поземельной подати им же только и приносила пользу. Расходов государственных, как это понимается ныне, Медина почти не знала: ее дело было только заботиться о снаряжениях на войну; стоимость местных управлений в покоренных странах оплачивалась самими жителями, а все, что касалось общеполезных учреждений и образования народного, прямо-таки не признавалось; оставались, следовательно, одни необходимые издержки на различного рода военные цели, которые, впрочем, поглощали сравнительно весьма малую часть поступлений. А доходы были поистине громадные: из одного Ирака притекали ежегодно в Медину 100 млн. дирхемов. Само собой, все остатки делились между правоверными. Для внесения известного порядка в этот гигантский раздел, Омар учредил в 20 г. (641) целое финансовое управление по византийским образцам — Диван, верховную финансовую камеру, ведшую точный расчет прихода и наличности, равно и список по племенам и семьям всех мусульман соответственно участию их в войнах против неверующих, а затем и права каждого пользоваться известной долей накоплений. На основании этих данных вырабатывалась прочная система годового дохода, получаемого каждым мусульманином совместно с домочадцами. Доходы соразмерялись по степеням заслуг, оказанных каждым по мере его участия в деле распространения веры. Но предложение поставить себя самого во главе этого списка Омар скромно отклонил и предоставил это почетное место любимейшей жене пророка Айше. Она получала ежегодно 12000 дирхем. Остальным вдовам посланника Божия выплачивалось по 10000, столько же получали члены семьи Хашим, сражавшиеся с Мухаммедом у Бедра. Далее шли все остальные в нисходящем порядке, причем прежде всего соблюдалось — ставить выше тех, кто ранее примкнул к вере и принимал участие в главнейших событиях ислама.

То же самое стремление — воздвигнуть между победителями и побежденными непреоборимую преграду — особенно ярко выступает в большом числе дальнейших предписаний, которые Омар во время пребывания своего в Сирии успел включить в условия сдачи Иерусалима. Запрещалось отныне иноверцам перетолковывать смысл «книги Божией», осмеивать пророка, издеваться над мусульманским культом. Далее запрещалось прикасаться к мусульманской женщине, совращать с пути веры правоверного, а также покушаться на его имущество или жизнь. Наконец, возбранялось помогать неприятелям ислама и укрывать шпионов. Каждое нарушение этих предписаний давало право мусульманам упразднить договор, т. е. грозило ослушнику лишением всех прав. Более мелкие наказания налагались по нижеследующим пунктам: немусульманин обязуется отличаться от арабов одеждой; их жилища не могут быть построены выше домов правоверных; они не имеют права там, где поселились мусульмане, сильно бить в накус (било) или же читать вслух свое писание; запрещается им пить вино публично, выставлять назло мусульманам кресты или свиней. Они должны избегать торжественного совершения похорон и, наконец, не имеют права носить оружие и ездить верхом. Им дозволялось, впрочем, употребление лошаков и ослов. Под условием точного исполнения **всех** этих предписаний и уплаты поголовного земельного налога мусульмане ручались за их жизнь и имущество, оставляли за ними церкви и кресты, обещались воздерживаться от религиозного понуждения и других тому подобных оскорблений, а также брали на себя защиту от всякого нападения извне. Легко усмотреть, что правила эти по отношению к иноверцам преисполнены, для VII по крайней мере столетия, изумительной кротости. Притом не всегда и не везде одинаково пунктуально строго были они исполняемы. Случалось иногда, что предписание различия в одежде не соблюдалось в точности; бывало даже и так, что покровительствуемым гражданам, как обыкновенно называли немусульман, оказывалось более дружественное расположение, чем предписывалось законом. Но этим пользовались менее всего иудеи, которых мусульмане, следуя примеру своего пророка, особенно глубоко презирали; между тем как христиане в различные эпохи и во многих странах приобретали нередко влияние благодаря богатству и знаниям. Но чаще, по самому существу вещей, случалось и обратное. На первых же порах встречаем мы жалобу одного египетского епископа, в которой он сетует горько, что на его единоплеменников наложены невыносимые тягости сверх договорных пунктов. И чем далее, тем чаще приходится наблюдать беспощадное применение хараджных законов даже и в тех странах, которым по капитуляциям обещаны

были некоторые льготы. Особенно тяжело становилось т. н. покровительствуемым гражданам, когда они должны были испытывать на себе несправедливую жестокость, с какою взималась поголовная и поземельная подать, становившаяся особенно ненавистной по сравнению с незначительностью мусульманского налога на бедных. Вдобавок к этому ограниченная первоначально определенным образом тяжесть квартирного постоя, а также продовольствия мусульманских войск и путешественников на деле слишком часто становилась впоследствии невыносимой. Таким образом, повсюду начал постепенно ощущаться явный контраст между арабами-господами, сражавшимися и наслаждающимися, и их подданными, работающими и платящими; с каждым годом выступал он все резче и резче.

Совершенно в том же направлении, опираясь на предписания пророка, мудро примененные к возникшим новым отношениям, создана была Омаром система воинского устройства и управления. Всякий раз, когда Мухаммед поручал одному из своих начальство над известным отрядом правоверных, этот начальник становился по отношению к своим подчиненным на время исполнения порученного ему дела как бы наместником пророка; в силу дарованных полномочий все должны были повиноваться ему беспрекословно и он предстоял на всеобщей молитве. Так оставалось и при халифах с тем только различием, что отряды превращались в армии, а предводители их, рядом с военными задачами, должны были заботиться о своевременном поступлении налогов с данников. Являлось при этом, естественно, новое осложнение: сосредоточить все силы государства в Медине становилось невозможно, потребовалось, наоборот, в течение всей священной войны, воздвигнутой на неверующих, позаботиться об устройстве постоянных главных квартир в только что покоренных провинциях, дабы из этих ближайших пунктов направлять своевременно далее отдельные самостоятельные армии. И тут оказалось совершенно целесообразным содержать арабские войска вдали от туземцев. Таким образом, необходимость иметь всегда под рукой готовые к битве свежие силы заставляла сосредотачивать войска в постоянных больших лагерях, избегая, по возможности, разбрасывать их в виде отдельных мелких гарнизонов. Начальствующий в этом главном пункте, понятно, представлял собою по отношению к данникам соответствующего округа высшую власть. По сравнению с нашими новейшими учреждениями в его лице соединялась власть командующего генерала и гражданского начальника. В каждой из провинций учреждено было по одной такой главной квартире, которая одновременно была и средоточием гражданского управления, а именно: в Сирии — Дамаск, в Ираке (вместе с позднейшими завоеваниями на востоке) — Куфа, а в Египте — Фустат. Смотря по обстоятельствам, зависели от этих центров второстепенные округа, в главных городах которых стояли также постоянные войска. В первое время они располагались так: возле Куфы в Басре, возле Дамаска в Химсе (Эмесса), в Урдунне (т. е. провинции Иордана) в Тивериаде, в Филастине (Палестина) в Лудде (Лидда), а позднее также и в Рамле. Начальники войск этих округов второстепенного порядка находились, конечно, в подчинении у главнона- чальствующих соответствующими провинциями. Но они получали нередко прямые указания и от халифа, особенно во время сирийских и персидских войн, требовавших непосредственного руководительства прямо из Медины. Следует при этом заметить, что только в Сирии постоянные квартиры расположены были по древним главным городам или существовавшим издавна местам, и это потому, что сирийцы, видимо, споспешествовали арабским завоеваниям, так что не было надобности сторониться от жителей. Но в Ираке заложены были два совершенно новые поселения — Басра и Куфа, сначала как простые постоянные лагеря, впоследствии, конечно, быстро превратившиеся в большие города. Всюду, впрочем, как в тех, так и других местностях, получавших временный или постоянный гарнизон из главной квартиры, войска располагались особо и не имели никакого общения с населением, к чему, впрочем, не представлялось никакого повода вследствие из года в год повторявшихся постоянно военных походов и передвижений.

Ранее было уже упомянуто, что мусульмане почти не вмешивались, или вмешивались слишком мало в гражданское управление покоренных стран. Ничего подобного не практиковалось даже и в Аравии, поэтому арабам казалось оно излишним. Требовались лишь податные списки и кадастр, а это легко было сделать при помощи остававшихся в стране византийских и персидских чиновников. Определено было, более или менее произвольно, сколько следовало взимать в виде поземельной дани с каждого округа, с каждой местности: за правильность взноса отвечали не отдельные личности, а вся община сообща; предоставлялось на ее благоусмотрение, каким образом собирать деньги с оброчных. И пока налог уплачивался в точности, мусульмане не вмешивались ни в церковное, ни в общинное самоуправление. А если какой-нибудь деревенский староста или же епископ округа жаловался на строптивость своих подчиненных, правление арабское начинало действовать и почти постоянно склонялось на сторону светской либо духовной власти, ибо уважение к ним, по понятиям мусульман, лучше всего свидетельствовало о верноподданности подчиненных. Понятно, что все эти местные органы самоуправления подчинялись наблюдению и санкции мухам-меданских наместников, которым предоставлялось ставить в отдельных округах, если находили это целесообразным, даже христианских правителей, как, например, делал Амр в Египте. Встречалось и тут на практике немало произвола. В общем, наместники остерегались слишком самоуправничать в этом направлении, хотя бы потому даже, что никому из арабов не было вовсе охоты вдумываться в сложные комбинации внутреннего управления и брать на себя обузу копаться в делах совершенно непонятных. Там же, где нельзя было этого избегнуть и наступала настоятельная необходимость учредить особое ведомство, так, например, финансовое и чеканку монет, арабы старались, по возможности, оставить все по-прежнему, как было при образцово

вышколенной бюрократии византийской и персидской. Счетные книги, примером сказать, в Сирии и Персии велись по раз издавна заведенному порядку на тех же языках. Так же точно чеканились и монеты с греческими и персидскими надписями; оставлены были даже кресты и прежние изображения. Короче сказать, насколько было возможно, старинной государственной машине предоставили действовать по-прежнему. Об одном только заботились завоеватели, чтобы как можно более поступало денег в государственную казну, и это слишком понятно.

Если главноначальствующего в провинции, наместника, как можно его назвать совершенно подходящим по настоящим порядкам титулом, избавляли от забот по гражданскому управлению, то положение его требовало большего внимания во всех других отношениях. Приходится снова отметить, что наместник халифа в качестве наместника пророка, исполняющий все по полному авторитету последнего, касающемуся государственного и церковного ведения, считался не только военачальником, но также предстоящим на молитве и судией всех членов общины, подчиненных его главенству. Подобно владыке в Медине, он руководил самолично богослужением в пятницу, а в хут-бе возносил моления за главу государства — знак покорно- го подданства. Подобно тому, как и издавна, пред «Богом и его посланником», так и перед наместниками халифа разбираются все споры между правоверными. Легко поэтому понять, что в обширнейших наместнических округах, и без того заваленных разбирательствами правовых вопросов, возникавших беспрестанно между правоверными и данниками, понадобилось вскоре учреждение самостоятельных судебных инстанций, тем более что наместнику почти всегда приходилось отсутствовать в дальних походах. Со времени Омара появляются уже рядом с наместниками настоящие судьи (кадии). При постоянно увеличивающейся потребности в устройстве общественных отношений число их становится все многочисленнее, так что в позднейшие времена в каждом местечке появляется особый судья. Решения свои почерпает он, понятно, из Корана и тех преданий, в которых сохранились соответствующие случаи из жизни пророка. Подобное судопроизводство, в особенности вначале, должно было быть, само собой разумеется, во многих отношениях несовершенно, равно неуместна оказывалась и зависимость его от администрации. По-прежнему в руках наместника была верховная власть, ограничиваемая лишь личными повелениями халифа. Не связанный никакой установленной нерушимо законностью, наместник действовал довольно часто по своему произволу, в особенности по отношению к иноверцам. Мусульманина обидеть было трудно: он не стерпит несправедливого обхождения с ним и не побоится пожаловаться прямо халифу на невыносимого начальника, а если властелин мудр, то, конечно, он отнесется с уважением к свободолюбию, присущему арабам. Стремясь к той же цели — закрепить по возможности владычество ислама и мусульман над покоренными странами и выставить свое преобладание особенно ярко с внешней стороны, — появились и еще несколько отдельных мероприятий: это было изгнание иудеев и христиан из Аравии и введение собственного мухаммеданского календаря. Последнее случилось в 16 г. (637). Как говорят, Омар колебался сначала, с какого момента следует начать летосчисление — от года ли рождения или от призвания пророка, но по совету Алия эра должна была начинаться с бегства. Причину нового летосчисления следует искать в разнообразии календарей греческого, сирийского и персидского. Явилась потребность обозначения времени на бесчисленных, исходящих из Медины в различные провинции предписаниях. Весьма понятно, что вскоре везде последовали этому обычаю канцелярии столицы; почти не требовалось особого повеления халифа, чтоб закрепить окончательно подражания этому благому примеру. Но если новый род летосчисления кажется с первого же взгляда лишь последовательным расширением уже самим Мухаммедом введенного разделения времени года на лунные месяцы, то вышеупомянутое другое распоряжение казалось сразу противоречащим намерениям, высказанным самим пророком. Ведь он сам заключил и с христианами в Неджране, и с иудеями в Хейбаре договоры, по которым им предоставлялось за уплату дани или поземельной подати владеть имуществом и землей «до той поры, пока угодно это будет Богу». А тут внезапно издается повеление очистить Аравию сначала христианам, а вскоре затем (около 20 = 641) и иудеям и поселиться вблизи Куфы или, ежели кто пожелает, в Сирии. Омар взглянул на прежнее соглашение с той точки зрения, что договор Мухаммеда следует признавать лишь за предварительное соглашение, пока у мусульман не было в распоряжении ни одного клочка земли вне Аравии. Несомненно, халиф действовал в духе Мухаммеда, постановляя на будущее время правилом, что ни один иноверец не может быть терпим в коренной земле истинной веры. Он мнил соорудить особую твердыню ислама и арабского владычества, величайший и неисчерпаемый лагерь армий, наподобие того, что основано было везде среди порабощенных народностей.

Замечательно, что именно эти самые мероприятия, продержавшиеся сотни лет, проводимые в известном направлении неуклонно и по сие время, не привели к достижению задуманных мудрым халифом целей; сложилось множество различных причин, весьма впрочем однородных, географического и исторического свойства, ставших поперек дороги всем благим намерениям Омара. Между тем остальные, обнародованные этим же самым халифом, распоряжения, почти все продержавшиеся лишь короткое время неизменно в его духе, оказывали впоследствии, как раз наоборот, влияние неизгладимой устойчивости. Так что без особого преувеличения можно сказать: лишь остатки старинной организации Омара предохраняют от разрушения и поныне полуразваливающийся государственный строй турецкой империи. Причины этого, кажущегося на первый взгляд, противоречия легко объяснить.

Дабы обозначить направление, которое приняли главнейшие распоряжения Омара, можно их рассматривать как опыт устройства религиозно-военной общины, построенной на национальной основе. Но не Омар выдвинул общность имущественную, творцом ее был сам Мухаммед. Положенное пророком в основу системы равенство всех мусульман, конечно, есть не что иное, как новое, довольно счастливое выражение истинно демократического самочувствия, которое и по сие время лежит в крови свободного араба. Пророк позаботился, разумеется, выдвинуть на первый план право божие, т. е. свое собственное, и провел его не без некоторых противоречий, а также при всеобщем дележе добычи сумел оделить некоторые личности особенными подарками. Таким же образом и при Омаре установленный годовой доход распределяется по известным ступеням. Тем не менее остается неизменным основной закон: все государственные налоги составляют общую собственность всех мусульман и за вычетом расходов, необходимых для удовлетворения общественных потребностей, должны быть поделены между всеми членами общины — разве же это не чистый коммунизм, такой именно, какой был заведен и среди первых христиан. Конечно, там руководило воззрение идеального свойства, выраженное в следующем изречении: «никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее»*. Увы, в настоящее время у мусульман и в

* Деяния Апостолов, гл. 4, ст. 32.

этом исконном воззрении оказывается большая прореха. Право на участие в государственном доходе признавалось по теории за каждым приверженцем истинной веры. И Омар весьма настоятельно предписывал своим наместникам неоднократно, чтобы каждый новообращенный немедленно же получал право пользования годовым окладом. Во всяком случае этому основному положению нередко служило непреоборимым препятствием действующее другое предписание, на основании которого ни один правоверный не имел права владеть землею в покоренных провинциях. Поэтому одним только беднякам ввиду подобных условий приносило материальную выгоду принятие веры победителей; за кем же считалось недвижимое имущество, тот, несмотря на высокую поземельную подать, чувствовал себя вообще лучше, оставаясь верным вере своих отцов. Оттого попадаются, особенно между крупными владельцами земли в Персии, многие остававшиеся в течение целых столетий настоящими хранителями и сберегателями народной веры и народных нравов, находясь по отношению к исламу в более или менее скрытой вражде. Все же выгоды, представляемые вероотступничеством, особенно вначале, были весьма значительные: новообращенных принимали охотно на должности надзорщиков за взиманием податей, так как в этом деле необходимее всего было знание местных обстоятельств и языка страны, места же эти доставляли значительное влияние, не говоря уже о незаконных поборах, которые при этом часто практиковались. К этому следует прибавить, что древняя религия персов и восточное христианство именно в это самое время находились в сильнейшем упадке. Вот причина, почему в первые времена, до возрождения сильного национального чувства между персами, ислам имел изумительный успех в покоренных областях. Вначале делалось это очень просто: переходящий в мусульманство передавал свое недвижимое имущество пребывающим неизменно в вере отцов оседлым жителям в месте своего жительства, а те принимали на себя вместе обязательство обработки участка и продолжали выплачивать следуемый поземельный налог. Но с каждым новым обращением в государственную казну посту- пало все менее и менее, ибо пропадала соответствующая часть поголовной подати; между тем приходилось выдавать все более и более денег в качестве уплаты годового оклада новообращенным. Дошло постепенно до того, что равновесие государственных финансов начало заметно колебаться от продолжавшегося порядка вещей. И действительно, уже при Х а д ж ж а д ж е , наместнике халифа Абд-аль-Мелика в Ираке и Персии, пришлось в 81 г. (700) обнародовать постановление, что отныне все новообращенные обязаны будут платить поголовную подать. Уже не первый раз отменялись по необходимости главнейшие постановления Омара; вскоре после смерти халифа были так же точно нарушены другие два. Мы видели раньше, что Мухаммед, в своем стремлении «привлечь сердца», позаботился одарить значительными подарками влиятельных людей из числа прежних своих неприятелей; начало этому положено было тотчас после взятия Мекки. При Османе же (23—35 = 644—656) многие из тех, которых сам пророк приучил к особенным подачкам, вошли в силу. Они сумели настроить слабого властелина так, что он стал назначать то тому, то другому вместо следуемого ему простого годового оклада несравненно высший доход, к величайшему ущербу и унижению всех остальных правоверных. Рядом с явным нарушением правомерного равенства всех членов общины возникло впоследствии еще более печальное злоупотребление, ибо одновременно забыто было старинное запрещение владения правоверным землей. Уже и сам по себе араб всегда отличался перед всеми чрезмерною жадностью, а тут еще эту ненасытную натуру стали подгонять постановления ислама, как бы намеренно разжигая хищничество бедуина с целью распространения нового откровения. Вот причина, почему Омару приходилось вечно быть не в ладах со своими наместниками: почти ни один из них не желал доить корову исключительно на пользу государственной кассы. Но если этот честный и вместе неумолимый властитель доводил ревность наблюдения за основными своими законами до крайних пределов, так что запретил даже Амру и Са'ду строить для себя дома в главных их квартирах, то у Османа не оказалось ни авторитета, ни желания держать в ежовых рукавицах своих приближенных. Естественным следствием новых порядков было то, что вскоре при взимании податей даже сами наместники стали грабить, а вслед за тем все, кто только мог, начали захватывать, с согласия халифа и даже без спроса, государственные имущест-

ва. Ради приличия вносилась в казну самая низкая арендная плата, все же имеющие власть и их друзья обогащались на этом самым постыдным образом.

И в другом отношении демократически-коммунистическое управление, заведенное Омаром, оказалось лишь грезами: не раз эта идеальная равноправность всех мусульман уступала пред грубым напором действительности. Дело в том, что арабы, как и всякий юношески мощный народ, ощущали инстинктивное отвращение ко всем принадлежавшим к чуждой нации, и это нерасположение разрасталось у них кроме того по естественному чувству презрения победителя к побежденному. Новообращенные из персов и сирийцев поняли вскоре, что принятие арабской религии далеко еще не приравнивало их к арабам-покорителям. По древним арабским обычаям, дабы быть принятым в круг покорителей, надо было примкнуть к одному из племен; но такие переметчики инородного происхождения и в доисламское время никогда не считались совершенно равными с настоящими членами племени. В глазах гордых сынов пустыни, кичившихся истой своей арабской кровью, они почитались едва ли выше вольноотпущенных рабов; как и эти, они становились в положение клиентов и находились в известной зависимости от своих покровителей-господ, которые глядели на них сверху вниз и относились к ним полупрезрительно. Со временем, конечно, удавалось выдвигаться и им благодаря личным достоинствам, но подчиненное положение клиента, по крайней мере в более древнюю эпоху, никогда не забывалось совершенно; достаточно одного примера: даже Тарик, покоритель Испании, бывший когда-то рабом Мусы, должен был в качестве клиента терпеливо выносить побои от своего покровителя.

Как ни недолговременно просуществовала система Омара в полном ее объеме, но под давлением могучей энергической волны, направлявшей неуклонно и сглаживавшей взаимные противоречия религиозной основы и национальных побуждений, владычество ислама и арабов было обеспечено на целое столетие и закреплено над покоренными народами. Проведено было раз навсегда резкое отличие между приказывающим — правоверным, и повинующимся — неверующим, работающим для своего господина. В некоторых частностях форма могла изменяться, но содержание, дух государственного строя и поныне не изменились во всех истинно мухаммеданских странах. Конечно, этому много поспособствовало устройство войска, которое даже и по внешней форме очень долго не подвергалось никаким изменениям. Везде, где только существуют мусульманские воины, неверные не имеют права носить оружие; очень естественно поэтому, что мужественная гордость — принадлежность одних, а раболепство — других — укоренялись в течение целых поколений все прочнее и пропасть между обоими наслоениями населения становилась все шире. Наконец, когда под этим все возрастающим давлением подобных отношений большинство покоренных обращаются в ислам, силы арабской расы иссякают, а появляющиеся на историческом горизонте новые мощно-юношеские народы набрасывают и на победителей и на побежденных общее ярмо. И, в свою очередь, начинают они постепенно применять положения Омаровы к другим нациям — будь это в Индии, в Малой Азии или же на полуострове Балканском.

Но до наступления окончательного упадка еще долгое время предстояло арабам совершать необычайные успехи и покрыть свое имя неувядаемым блеском. Конечно, если взвесить последствия и влияние религиозного и политического владычества арабов, сообразуясь с полученными ныне результатами, можно, пожалуй, прийти к выводу, что возникновение ислама было несчастьем для человечества. Тем не менее при начертании системы Омар руководился в сущности чисто гуманными взглядами. Охотно отмечаем снова, что бездельная жестокость была чужда характеру араба; равным образом никогда не приходило ему в голову навязывать свою религию тем, кои по предопределению Божию настолько слепы, что не в состоянии познать всей возвышенности ее целей. Но эта презрительная терпимость к иноверцам, будь она в десять раз сноснее, чем страсть к насильственному обращению ревнителей Христовой веры, приводит к заключению, что существование покровительствуемых данников было обеспечено не чем иным, как желанием воспользоваться плодами их трудолюбия. Продолжая приведенное сравнение, арабы не были, конечно, настолько глупы, чтобы сразу зарезать курицу, несущую им золотые яйца; но они не были также в состоянии уравновесить свои притязания сообразно с экономическим положением покоренных земель. Настолько, однако, прозорливости хватало и у них, чтобы не заметить вскоре, что производство, зависящее прямо от известных методов культуры, какими велось сельское хозяйство в Ираке и Египте, не могло выносить ни произвольного вмешательства, ни полнейшего запущения. Не прошло и 50 лет после покорения, как победители предприняли меры к восстановлению полуразрушенных, по необходимости в военное время, а позже — по нерадению, водяных сооружений. Одного они не могли себе уяснить: ошибочности всей системы податной операции. Дело не столько в абсолютной высоте нормы податей, сколько в ошибочности самого правила, по которому вообще не обращалось никакого внимания на действительный доход; раз навсегда неизменно расценены были платы — поголовная и по пространству. Подобная система мало-помалу высасывала все соки из самых богатых провинций, по преимуществу в тех странах, где постоянные войны и без того разоряли население, подвергая его значительным потерям. А между тем все жители каждого округа обязаны были по закону круговой ответственностью по взимаемой с них подати. Разорение каждого отдельного лица падало таким образом одновременно и на его соседей; поэтому естественно, что с самого раннего периода стало замечаться постоянное уменьшение податных доходов. Но при этом потребности двора и чиновников нисколько не уменьшались, так что даже постепенное развитие торговли в широких размерах при

Аббасидах не могло уравновесить чрезвычайно быстро возрастающего обеднения поселян. Приходилось, понятно, всякому ждать со страхом конца, тем более что в позднейшее время владычества Аббасидов уже предвиделось распадение государства по другим многообразным причинам. И все-таки нельзя утверждать абсолютно, что мысль Омара — прокормить мусульман при помощи неверующих — была главною причиной окончательного опустения всей Передней Азии. Последний удар нанесен был нашествием монголов. Египет, которого они не коснулись, мог при более благоразумном хозяйстве и ныне обретаться в блестящем положении. Но что арабы с их хищническим замашками, положенными в основу податной системы, во всяком случае, споспешествовали этому упадку и в то же время вырыли могилу и собственному своему владычеству — это несомненно.

Однако арабы сделали нечто большее, чем просто прожить столетия два на счет своего ближнего. Уже не раз в течение нашего повествования мы указывали, в каком страшном состоянии упадка находились восточные провинции греческой империи и государство Сассанидов перед завоеванием их мусульманами. Там и здесь царило вышколенное, но одряхлевшее, никогда не заботившееся о потребностях народа, чиновничество; церковные порядки были просто невыносимы; самая цивилизация, доведенная до высшей степени утонченности, не была оживляема никакими высшими духовными стремлениями. Словно зигзагами молний пронесся над этими странами арабский народ, пышущий юностью и мощью. Не следует забывать, что эта эгоистическая и варварская, но умная и склонная к развитию раса, со всеми ее недостатками и преимуществами, была носительницею новой религии. При всей национальной ограниченности основных понятий богопочитания вероучение это положило предел неприличному двубожию среди христианских монофизитов, а персов освободило от всей невыносимой тяжести гнета иерархии государственной церкви. Вот что вдохнуло новую жизнь в одряхлевшие страны. Даже негодование, возбужденное по религиозным и национальным побуждениям ввиду насильственного вторжения, послужило к спасительному пробуждению; здоровая кровь естественно развивавшегося народа действовала освежающим образом на погруженные в дремоту остатки персов, арамейцев и коптов. Полигамия в соединении с постоянными военными походами в разнообразнейшие страны ускорила прирост арабов в покоренных странах в неслыханных доселе размерах, а правило степей, что законность происхождения зависит не от матери, а от отца, способствовало везде к возникновению смешанных рас. В некоторых местностях, как, например, в западной Персии, а впоследствии в Испании, это скрещивание дало счастливые результаты, и арабский основной элемент через примесь чуждой крови скорее развивался, чем вырождался. Конечно, и араб никогда не был в состоянии отрешиться от своей натуры; исконная семитическая узость религиозных и политических взглядов налагала не раз свою тяжкую руку на народы Средних веков. И ныне ислам, если не брать в расчет необразованные народы, для которых он более или менее еще пригоден, составляет непреоборимую препону для всякого прогресса, всякого возрождения. Было бы, однако, великим заблуждением считать самый факт существования Мухаммеда гибельным для дальнейшей судьбы Востока. Еще до появления арабов персы заняты были самоистреблением, а восточное христианство уже в течение целых столетий выказывало свою полную неспособность цивилизовать эти страны. Если даже смотреть на историю просто как на борьбу за существование, в которой прав всегда сильнейший, и в таком случае нельзя не признать, что для народностей Малой Азии становилось истинным благословением, когда арабы положили основание для новой, единственной существовавшей в Средние века цивилизации. Действовали они столь же благотворно, как и германцы, разбившие вдребезги древнюю Римскую империю. В обоих случаях, конечно, новые люди поступали довольно жестоко. В то же время как германизация Запада, нельзя же этого скрыть, привела покоренные народы к зимней, положим, очень здоровой, спячке, изворотливые, подвижные и хитрые семиты способствовали посеву блестящего, хотя и быстро промельк- нувшего, весеннего расцвета, доставившего тем не менее всему человечеству довольно прочные плоды. Чем обвинять ислам за быстроту его увядания, следует скорее быть ему признательным за то, что послужил могучим посредником для передачи греческих знаний и восточного образования в эпоху, когда отношения между королевством немецким и халифатом кордовским были приблизительно такие, какие существуют ныне между Россией и Францией.

В 23 г. (644) Омар не успел еще переступить границ зрелого возраста"; сильный по натуре, он переносил напряжения и заботы бурной жизни гораздо легче своих предшественников, Мухаммеда и Абу Бекра. И вдруг, в самый разгар великого дела распространения и укрепления ислама, насильственная смерть нежданно сразила повелителя. Только что вернулся он из паломничества в Мекку, которым ежегодно руководил. В столицу прибыли", по обыкновению, для личных переговоров с халифом некоторые из наместников. Между ними находился и А л ь-М у г и р а И б н Ш у'б а, недавно поставленный наместником в Куфе; это был энергический администратор, но бессовестный и алчный человек. Раз, когда халиф проходил через площадь, приблизился к нему христианин перс, по имени Ф и р у з, военнопленный раб, прибывший в Медину в свите наместника. Стал он так жаловаться на своего господина: «О повелитель правоверных, защити меня от Мугиры Ибн Шу"ба, который взимает с меня тяжкую подать». Повелитель спросил: «А сколько обязан ты выплачивать?» Раб ответил: «Два дирхема ежедневно». — «Чем же ты их зарабатываешь?» — «Я плотник, камен-

' По различным сведениям, возраст его определяют между 54 и 66 годами. Так как он примкнул к пророку, будучи еще

довольно молод, во всяком случае ему не могло быть более 60 лет.

" Раб Мугиры прибыл вместе со своим господином в столицу. Между ними установились оригинальные отношения: Мугира дозволял рабу своему брать работу с тем, чтобы он вносил известную сумму из получаемого заработка. Не следует при этом упускать из виду, что господа имели полное право распоряжаться своими рабами, как хотят, но обязаны были только обходиться с ними не жестоко. В данном случае дело шло не о поголовной подати, а о частном правовом вопросе.

щик и кузнец». — Халиф проронил: «Оброк невелик по сравнению с тем, что ты знаешь. Я что-то слышал, ты хвастался, говорят, что можешь и мельницу построить, мелющую при помощи ветра*». — «Да, могу», — отвечал раб. Халиф заговорил полушутя: «Так сделай мне такую мельницу». — «Если мне доведется остаться в живых, я тебе сострою такую мельницу, о которой станут все люди говорить на востоке и западе». Затем он повернул круто и исчез. Обратясь к сопровождавшим его, халиф промолвил спокойно: «Раб, кажется, вздумал мне грозить», — и направился домой. На следующее утро, когда халиф стоял в мечети на молитве, Фируз бросился вперед, яростно расталкивая толпы правоверных. Шесть раз сверкнул в воздухе кинжал о двух лезвиях с рукояткой посредине. Одна из ран, нанесенная в нижнюю часть живота, оказалась безусловно смертельной. Махая неистово кинжалом направо и налево, раб проложил себе дорогу чрез пришедшую в ужас толпу и исчез. Один из сыновей Омара, Убейдулла, наткнулся на убийцу несколько дней спустя; он умертвил его, как рассказывают, вместе с женой и дочерью, находившимися тут же при нем. Та же участь постигла и Хурмузана, подозреваемого, вероятно неосновательно, что знал раньше о покушении.

Меж тем, распростертый на смертном одре, Омар выносил самоотверженно, почти спокойно все мучения. Он знал, что смерть неизбежна, и возрадовался, когда услышал, что клинок, поразивший его, был направлен рукой неверного. Единственной заботой для него было положение, в котором очутится ислам по его кончине. Все зависело от выбора нового халифа, его способностей руководить государственными делами; трудности управления все росли и расширялись. Омар хорошо понимал те опасности, которые грозили в будущем общине. Его энергические отношения к своим наместникам постоянно это подтверждали. Он был глубоко

' При всех громадных успехах внешних Медина оставалась по-прежнему маленьким городком, так что прибытие искусного перса могло легко дать пищу разного рода толкам о ветряных мельницах, про существование которых арабы и не слыхивали. Даже ныне верхний подвижной жернов поворачивается у них рукою.

убежден, что одно только неуклонное следование преданиям, завещанным Мухаммедом и Абу Бекром, может устранить все эти опасности. Вот почему решился умирающий предоставить это высшее достоинство Абдуррахману' Ибн Ауфу, одному из старейших сподвижников пророка, у которого находил он высшее, по его мнению, достоинство — самоотречение. В войнах же, веденных при пророке, Абдуррахман выказывал постоянно необычайное мужество; об остальных его способностях ничего более неизвестно. Был он к тому же бескорыстным в высокой степени человеком, что и проявил немедленно. Устрашенный предложенной ему ответственностью, он отклонил решительно управление халифатом. Назначить же на его место другого Омар не решался". Он собрал вокруг своего одра, кроме Абдуррахмана, и других четырех наидовереннейших сподвижников Мухаммеда: Алия, Османа, Зубейра и Са'да Ибн Абу Ваккаса — и предложил им выбрать властелина в течение трех дней. В это время Тальха находился в отсутствии; предполагалось, если он успеет вернуться, и его присоединить к сонму избирателей. Затем халиф отдал последние распоряжения касательно семейных своих дел, взял слово с Айши, что она похоронит его в своем доме рядом с пророком и Абу Бекром, и мирно скончался, вверяя свой дух милосердию Господа, 26 Зу'ль-хиджжи 23 (3 ноября 644).

Из трех основателей ислама — вдохновенного религией Мухаммеда, детски верующего Абу Бекра и энергического Омара — последний, рассуждая по-человечески, был самым могучим из всех и наиболее выдающимся. С первого же момента присоединения к маленькой группе правоверных он сразу позаботился придать настоящий внешний вес исламу,

' Имя это значит «раб Всемилостивого», точно так, как Абдулла — «раб Божий», а Убейдулла — «нижайший раб Божий».

" А почему — неизвестно. Надо полагать, что обоих, имевших ближайшее право — Алия и Османа, — он считал неспособными. Между тем ему казалось несправедливостью, а если принять во внимание сложившееся мнение у правоверных — то и опасным обойти первенцев двух самых почитаемых семей; им более было это неудобно после неудачной попытки назначить Абдуррахмана, безразличного для обеих сторон.

выступив бесстрашно в виду целого народа с открытым исповеданием веры, и вызвал даже у противников уважение. Таким оставался и до самого конца — человеком дела, воплотившим за пределами Аравии мысли и поучения Мухаммеда. Было бы, конечно, несправедливо отнимать от пророка его (великой заслуги — живого проникновения религиозной идеей и счастливого применения ее к потребностям народа; но в той же мере нельзя также оспаривать, что без Омара ислам продержался бы успешно только в Аравии, и то, быть может, не особенно долго, но никогда не стал бы религией полумира и не послужил бы основой могущественного государственного устройства. Было уже неоднократно указываемо и раньше, что в качестве государственного организатора Омар мало внес творческих идей и черпал большею частью

материал свой из развития основных положений системы Мухаммеда. Но гениальная манера, с которой он принялся за окончательную отстройку государственного здания, выказала не только могущество необыкновенно сильной воли, но и верный инстинкт, пред которым раскрываются все потребности времени, ускользающие часто от исследователя с обширным образованием и способного к методическому размышлению. Этот инстинкт, собственно, и составляет неотъемлемую принадлежность истинно государственного человека. Ко всему этому обладал покойный халиф и другими редкими качествами, необходимыми каждому властителю: строгой и нелицеприятной справедливостью, прозорливостью в делах, необыкновенно счастливым умением выбирать себе помощников* и, наконец, весьма ценною способностью самоотречения там, где нужно было подчинить личное воззрение всеобщему благу. Наружному блеску

' Конечно, встречались между его офицерами и наместниками иногда весьма сомнительные личности, хотя бы только что упомянутый Мугира. Но в тяжелое военное время приходилось поневоле обращать внимание не на нравственность, а на годность. Даже Абу Бекр, выказавший в своем стремлении к справедливости еще более гуманный характер, считал, однако, невозможным обойтись без Халида, несмотря на всю его дикую жестокость. Насколько мы можем судить, лишь однажды, в 21 г., поступил Омар несправедливо, отставив Са'да.

и утехам жизни придавал он не более цены, как и Абу Бекр. Его торжественные выходы и обращение с правоверными неизменно отличались, как и при его предшественниках, необычайной патриархальностью. Это был прирожденный властелин. Энергия, неизбежная принадлежность подобных натур, доходила у него до крайних пределов беспощадности, проявлялась иногда даже некоторая склонность к жестокости. Всего более, конечно, ощущали ее данники; самая история его умерщвления может служить наиосязательнейшим примером холодного презрения, с которым привык он глядеть на все интересы этих неверных; но не следует забывать, что это было воззрение целого народа, можно сказать, целой эпохи; далее на Западе встречаются многочисленные примеры иногда еще с большей жестокостью проводимого грубого обращения с народом. Во всяком случае, если он нисколько не дорожил жизнью и благосостоянием правоверных, когда дело шло о достижении известной цели, зато никогда не доходило у него до проявлений полной бесчувственности, а тем паче радости при виде пролитой крови. Наоборот, в преданиях сохранилось множество рассказов, описывающих по преимуществу простоту образа его жизни; они затрагивают также многие симпатичные черты этого мощного властелина, умевшего, когда нужно, быть трогательно гуманным.

Одна история получила особенно широкую известность. Раз, сопровождаемый вольноотпущенником А с л а-м о м, вышел Омар вечерком, когда стемнело, на прогулку. В уединенном месте за городом наткнулись они на пылавший ярким пламенем костер. Подойдя ближе, халиф увидел у огня женщину, окруженную плачущими маленькими детьми. Сидя на корточках, наблюдала она за подвешенным над огнем котелком. «Мир вам, сидящим у огня», — произнес халиф. «Благодарствуй, да будет мир и с тобой>>, — ответила женщина. «Могу я подойти?» — «Садись, если не помышляешь обидеть, а не то оставь нас в покое». Халиф, присел и вопросил: «Что вы тут поделываете? — Нас задерживают здесь ночь и холод. — Отчего детки твои плачут? — Известно, голодают. — А что у тебя в котелке? — Ничего у меня нет, чем бы их успокоить. Вот и держу их возле я, они все думают, что я что-то варю, устанут наконец и р н у т . Между мной и Омаром пусть судит Бог». Слыша это, халиф промолвил: «Как же, добрая женщина, может знать Омар про вас?» «Да ведь услал же он моего мужа на войну, сам бедняга и погиб, а теперь и мне с моими малютками нечего есть. Сам посуди: оберегать нас вверено ему, а он и не 'думает». Тогда обернулся Омар ко мне, так рассказывал позднее Аслам. «Идем!» — промолвил повелитель. Торопливым шагом вернулись мы в город; Омар пошел прямо к амбару, самолично выбрал мешок муки, захватил тоже большой кусок жиру и сказал мне: «Взвали-ка мне на плечи». Я ; ему в ответ: «Дозволь мне, за тебя я готов снести хоть вдвое или втрое». Он же ответил: «Глупый, что же ты и в день воскресения мертвых думаешь нести мою тяготу?»*. — Тогда я взвалил ему мешок на плечи. Мы снова скоро зашагали, торопясь назад к покинутой нами женщине. Подошли наконец. Сбросил он с себя ношу, стал вынимать сначала муку, потом жир, а сам приговаривает: «Не беспокойся, я ведь понимаю, это моя обязанность, сделаю все по порядку». Стал усердно раздувать огонь под котелком, дым так и валит, застилает длинную его бороду, а он все по-прежнему суетится у очага. Снял он наконец котелок с огня, просит женщину подержать чашку и выливает в нее похлебку, а сам говорит: «Накорми сперва их. Я потом еще прибавлю». И так не отстал, пока не насытил всех. Что осталось провианту, вручил матери, затем встал, и я последовал его примеру. Женщина рассыпается в благодарностях, причитывает, призывает на него благословение божие, восхваляет его за то, что он не так поступает, как повелитель правоверных. А он кротко ей замечает: «Не сули ему ничего дурного; когда ты придешь к повелителю правоверных, и меня там найдешь». Затем стал в сторонку и долго любовался, ни слова не говоря. Детки немного времени посмеялись, порезвились, улег-

' «Не возможет единая (грехами) отягченная (душа) снести тяготу другой», - так говорится в Коране, сура 6, ст. 161. Это значит, что в день Страшного суда каждый отвечает за свои дела.

лись и спокойно заснули. Все он терпеливо выждал, и тогда только двинулся в обратный путь, вознося

благодарение-Создателю. А потом обратился ко мне: «Аслам, ведь голод не давал им заснуть, выжимал из глаз у них слезы. Как мог я уйти, пока не утешусь лицезрением их покоя».

Положим, благодарный народ в своих воспоминаниях всегда старается разукрашивать образ своего героя, но все же нельзя никоим образом отрицать, что в качестве руководителя мусульманской общины Омар исполнял свой долг в совершенстве. Налагалась тяжелая обязанность на его преемника, если только желал тот стать достойным усопшего; велика была ответственность тех пяти мужей', дабы заслужить неоспоримую признательность народа, выраженную почетом к выбранному ими властелину, достойному, по их личному разумению, быть преемником усопшего халифа. На деле же оказывалось, что, за исключением Абдуррахмана, каждый из избирателей стремился сам стать халифом. Первые два дня прошли в бесплодных переговорах и препирательствах. Наступил третий день. Надо было кончить. Поэтому Абдуррахман предложил, в качестве беспристрастного лица, чтобы предоставлено было ему окончательное решение, а переговоры с каждым брал на себя. Все четверо согласились: поняли, что иным путем им ничего не добиться. Стал Абдуррахман беседовать с каждым поодиночке. Оба зятя пророка, Алий и Осман, благодаря своему родству имевшие преимущества, пожелали подать голос друг за друга в случае личного неуспеха. Таким образом значительно суживался заблаговременно круг избирателей. Из остальных Зубейр пожелал безусловно Алия, а Са'д оставался в нерешимости, все же предпочитая скорее Алия, чем Османа. Казалось, дело последнего окончательно становилось потерянным. Но набожная добросовестность Абдуррахмана понуждала его поступить сколь возможно осторожнее. Он предложил каждому из двух, наедине, торжественный вопрос: станет ли он поступать, в случае выбора, со всеми мусульманами согласно

' Тальха вернулся в Медину действительно уже после *совершу* гося выбора.

Божией книге, поведению пророка и образцам жизни Абу Бекра и Омара. Осман обещал прямо без обиняков, а Алий сказал: «Я готов исполнить все, согласуясь с книгой Божьей и по примеру пророка, насколько буду в силах. А когда Абдуррахман снова стал настаивать — обязаться действовать по образцу Абу Бекра и Омара, вопрошенный промолвил: «Рядом с книгой божьей и образом действий пророка нет надобности ни в чьих других принципах*. Я вижу, ты хочешь меня отстранить». Тогда Абдуррахман отвел Османа в сторонку и снова потребовал от него повторения требуемого обязательства. Затем он присягнул по заведенному обычаю легким ударом руки. На следующий день объявлено было общине о выборе. Сам Алий признал нового властелина, так как обещал предварительно, вместе с прочими, покориться решению Абдуррахмана.

Из хода рассказа легко подметить, что из всех недостатков нового халифа его добродушная слабость грозила ему в будущем неисчислимыми бедствиями: и именно она служила основной чертой характера Османа. Становится почти непонятным, как мало обладал Абдуррахман уменьем распознавать людей, если мог считать Османа за человека рассудительного. В течение 30 лет зять пророка пребывал в непосредственном единении, вначале с Мухаммедом, а потом с его преемниками, и ни разу не представилось ему случая чем-либо выказаться, за исключением внешней благообразности. Но Абдуррахман был в истинном мусульманском значении набожен по вере, в нем жило убеждение, что всего важнее следовать неуклонно по стезе, по которой Аллах, видимо, благословляет процветание мусульманства. Одного этого в глазах его было достаточно, дабы заслужить благоволение божие и быть уверенным в дальнейших успехах ислама; с другой стороны, мнилось ему, следует опасаться наихудшего от гнева небесного, так что было слишком доста-

' Возможно, что это последнее изречение по крайней мере есть добавление к предыдущему, придуманное позднейшими приверженцами Алия. Во всяком случае достоверно, что отказ Алия следовать безусловно примеру его предшественников помешал его выбору.

точно оснований предпочесть Османа пред всеми прочими: в этом главном пункте он ведь дал такие торжественные обязательства. Недостаточность же собственных его умственных сил возместит, думалось ему, помощь свыше. Подобные принципы довольно часто проповедовал и Мухаммед в кругу своих приближенных, хотя он сам и его преемники избегали всякого решительного постороннего вмешательства в политические дела. На этом поприще, они понимали, серьезно проводить сказанное в откровениях не бьшо никакой возможности, ибо какая же здравая политика может руководствоваться основами теологических учений. Поэтому вовсе не отклонения от образа действий Абу Бекра и Омара — хотя, несомненно, Османа увлекали и по этому пути, - но полная неспособность направлять к общей цели взаимно противоречивые течения и личности, сталкивающиеся во внутренней жизни ислама, вот в чем была его главная вина. Это и послужило к его погибели и дурному повороту всех государственных отношений к концу его управления.

В первые годы владычества Османа, продолжавшегося от I Мухаррем 23 (7 ноября 644) до 18 Зу*ль-Хиджжа 35 (17 июня 656), вообще не замечалось скорого наступления быстрого насильственного внутреннего переворота. А внешние дела как раз в это самое время ознаменовались, наоборот, быстрыми

блестящими победами в восточной Персии и северной Африке. Но тихо, неприметно, все резче и резче выступали повсюду возникавшие постепенно разногласия. Особенно значительно усиливалась взаимная старинная рознь между партиями истинно набожных правоверных и людьми мирского направления мыслей. Началась она, правда, с того самого дня, когда Мухаммед вздумал «привлечь сердца» своих побежденных мекканских неприятелей, нанося одновременно ущерб своим верным при раздаче добычи. Абу Бекр и Омар благодаря строгому нелицеприятию успешно сдерживали рознь. Мудро распределяли они как набожным, так и мирянам, по возможности равномерно, должности военачальников и годовые оклады, неослабно проверяя исполнение этих должностей. Пощады не было никому. Ни Амр, ни Са'д не могли быть уверены, что не получат строгого выговора от Омара, а то и удалены немедленно с занимаемого ими поста. Чтобы удовлетворить всем требованиям халифа, приходилось работать усиленно, не бьшо ни времени, ни охоты затевать ссору либо обижать ближнего. Наконец, это бьшо почти невозможно. Лишь только доходило до слуха халифа, что какого-нибудь наместника обвиняют в присвоении, справедливо или несправедливо — безразлично, Омар не успокаивался до тех пор, пока не бьшо возвращено пострадавшим все до последнего дирхема. Он не допускал, чтобы какой-нибудь Халид или Амр могли делать незаконные приобретения. Тем не менее неприязнь и рознь не прекращались, а что это ощущалось, отчасти указывает одно замечательное признание, сорвавшееся с уст Халида. Когда он был смещен с поста главнокомандующего в Сирии и невольно выразил свое неудовольствие, один из присутствующих воскликнул: «Что ты говоришь, ведь это пахнет возмущением!» «Нет, — отвечал Халид, — этого не будет при жизни сына Хаттабы. Со временем же, действительно, одни станут по одну сторону, другие по другую». Халид умер прежде Омара, теперь наступал предвиденный им момент. Благодаря великим завоеваниям, произошли одновременно значительные перемены в образе жизни всей Аравии. Они-то и привели к возраставшим взаимно неудовольствиям обеих партий. Как бы идеально честно ни распределялись прежде сбор податей и раздел годовых окладов, но теперь, со времени завоевания Ирака, каждому мусульманину приходилось получать в год такую сумму, какой в давнишние времена не привык обладать даже зажиточнейший из жителей Мекки. С другой стороны, сыны пустыни быстро переняли у покоренного населения, обитавшего в средоточии самой изысканной цивилизации, множество излишеств, которые для большинства, понятно, стали вскоре насущною потребностью. С сожалением и неохотно в последние уже годы управления Омара замечали люди искренно набожные, с аскетическими наклонностями, что особенно в городах начали распространяться роскошь и пышность. Прививаясь же глубже, стали они вскоре, к величайшей их досаде, достоянием всех. Особенно отличалась своею роскошью Мекка, главный рассад- ник великих наместников, где по большей части проживали постоянно их родственники. Богатства росли, а с ними и распущенность нравов, позаимствованная из Персии. В этой именно местности почва давно уже была подготовлена благодаря мирским наклонностям всего населения. Стыд и негодование овладевали душами набожных, совершавшими паломничества, при виде того, как тут же, рядом со святыми воспоминаниями о деяниях и страданиях пророка, легкомысленность и порок с каждым годом все наглее свивали себе гнездо. Даже строгость Омара не могла надолго сдержать этого естественного развития; не помогли, конечно, благоразумные распоряжения Османа и личный пример его собственной простой и воздержаной жизни, веденной им неуклонно в подражание обоим своим предшественникам.

К партиям набожных и мирского направления пристроилась вскоре и третья. Самостоятельно выступила она несколько позже, но и первые проявления ее способствовали дальнейшей запутанности отношений в самой гибельной форме. Оба постоянные лагеря иракско-персидской провинции, Басра и Куфа, с первого же момента их основания, оказались местностями с беспокойным, своенравным и мятежным населением. Ядром жителей первого лагеря были старинные бедуины Халида, соплеменники Мусанны из отдела Бекр Ваиль, а также темимиты и некоторые другие, и наконец союзники из мединцев. В Куфе, главной квартире Са'да, поселились большею частью вспомогательные войска из южной Аравии, пришедшие после боя «у Моста», земляки Амр Ибн Ма'дикариба и Аш'аса Ибн Кайса. Многие из них были люди неукротимые. Уже при Кадесии, когда Са'д по болезни не мог лично участвовать в бое и решился руководить сражением издали, сложено было немало сатирических песенок насчет полководца, а после постройки Куфы они не переставали попрекать его то тем, то другим. Одни жаловались на несправедливости при разделе добычи, другие смеялись над его судейскими приговорами, третьи, наконец, смело порицали за то, что молится не так, как следует, — совсем невероятное нарекание на одного из старейших товарищей пророка, вместе с ним с самого начала ислама присутствовавшего на молитве. Точивший постоянно зубы на своих наместников, Омар позволил себя уговорить и сместил его в 21 г. (642); как раз в это время войскам мусульман предстояло быстро двинуться вперед по различным направлениям, и халифу не казался особенно важным пост распорядителя в Куфе. С другой стороны, в этой главной квартире оставались еще резервные войска, в которых ежеминутно могла оказаться надобность; вероятно, повелитель побоялся возбуждать в них серьезное неудовольствие. Во всяком случае он совершил положительную ошибку, уступая нескольким беспокойным головам и думая, что можно их чем-либо удовлетворить. Посланный заместителем Аммар Ибн Ясир был человек набожный и разумный, но не обладал, к сожалению, большой энергией. Не прошло и года, как жители Куфы стали снова жаловаться на наместника, говоря, что он слишком слаб и ничего не понимает в управлении. Вздохнул Омар: что стану делать с этими людьми Куфы; пошлешь им человека энергичного, кричат — негодяй! а мягкосердного в грош не ставят. Он спросил их самих, кого ж они желают. По их просьбе дал он им Абу

Мусу Аль-Аш'ария, управлявшего раньше в Басре (22 = 643). Но через год в глазах его подчиненных и за ним уже числилась целая куча преступлений. Приходилось поневоле и его сместить. Тут халиф дал им настоящего мошенника, Мугиру. Невзирая ни на какие жалобы, он продержался до самой смерти Омара. Как говорят, халиф убедился тем временем, что настоящим человеком на этом ответственном посту мог быть только Са'д; одна смерть помешала ему назначить его вновь. Намерение предшественника выполнил Осман. Са'ду поручено было вновь управление страной, им же завоеванной, но через год или два наступила снова смена. О ней речь будет впереди. Жители Басры в первое время не были, как кажется, такими необузданными, как куфийцы. Позже же и их стала обуревать подобная же склонность к переменам и непокорству. В этом, конечно, виною была горячая бедуинская кровь, но всего объяснить ею одною невозможно. Ведь и в Сирии большая часть гарнизонов состояла из бедуинов, между тем ничего подобного, по крайней мере вначале, там не происходило. Итак, следует искать других причин, и их нетрудно найти в различии среды, в которую попали завоеватели здесь и там. Население Сирии по преимуществу состояло из родственных арабам семитов, добродушных, несколько медлительных и тупых в духовном смысле арамейцев. Привыкшие издавна к спокойствию и порядку, они ни разу не давали повода новым завоевателям к неудовольствиям, но зато редко возбуждали в них новые понятия и воззрения; к тому же главные квартиры размещены были там по старым, существовавшим уже давно провинциальным городам. Вследствие выселения греческих крупных чиновников и других зажиточных людей города эти пришли в упадок и оживились несколько лишь после размещения там мусульманских гарнизонов. В Басре и Куфе дело происходило совсем иначе. Сначала между палатками, потом между мазанками, а наконец между строениями из кирпича, ставшими исключительною постройкой обоих молодых городов, сразу же закипела пестрая жизнь. Сюда стекались большими толпами персидские купцы и ремесленники, с каждым новым походом на восток приливала масса добычи: толпы рабов и рабынь, разнообразие новинок иноземных в виде сосудов, материй и всего прочего. В сношениях с плутоватым и скрытным, но часто умным и хитрым персом самый неотесанный степной араб ежедневно расширял кругозор своих понятий. Неудивительно поэтому, что вскоре он становился гораздо развитее остававшихся там, в Медине, а тем более проживавших в глубине страны. Понятно также, что персидские понятия и воззрения, вместе с рабами и рабынями, пролагали постепенно путь в дома новых властелинов и произвели глубокое влияние если не на настоящее, то на следующее поколение. Вероятность становилась тем более, когда матерями этого второго поколения бывали персиянки. Потомки рядом с необыкновенными способностями выказывали также и дурные качества, присущие некоторым смешанным расам, в особенности непостоянство и бесхарактерность в высокой степени. Едва ли можно было устранить эти последствия какими-либо политическими мерами; дурно направленная уступчивость Омара для успокоения прихотливых требований куфийцев повела к тому только, что жители обоих неимоверно быстро разрастающихся городов* возомнили еще более о своем значении и преимуществах. Самомнение их росло, мало-помалу они разучились повиноваться безмолвно. Положим, все эти неисчислимые грехи — результат непокорности и даже возникновения превратных идей, — приносившие не однажды великий ущерб государству и наконец приведшие их самих на край погибели, произвели, с другой стороны, много хорошего. Этот беспокойный элемент в то же время был самою подвижною духовною частью арабского населения во всем государстве халифа, начиная с его возникновения. В то время как в Сирии лишь в некоторых ограниченных кружках едва успели уйти немного дальше запаса идей древнеарабских, а в Медине все постоянные размышления набожных людей ограничивались исключительным стремлением как можно точнее собрать и передать потомкам то, что посланник Божий когда-либо в жизни своей сказал, не опуская ни одного его откашливания или плевка, в Куфе и Басре возникло под дальнейшим персидским влиянием становившееся все свободнее в духе народном арабско-мухам-меданское знание, вызванное потребностью взаимного обмена между победителями и побежденными, развившееся и доведенное до полного расцвета благодаря только внутренней подвижности этого, в наилучшем значении слова, любопытного и ненасытного поколения. Но если оба иракских города служили настоящими очагами духовной жизни для того времени, то их политическая несостоятельность, даже опасность выказались издавна: стоя пока в независимом положении между набожными и партией мирян, они были первые, благодаря легкомысленному мятежническому духу которых потрясено было послушание по отношению к наместнику посланника Божия.

Ввиду этих обстоятельств поведение 70-летнего халифа, продолжавшего беззаботно поступать с полным отсутстви-

* По умеренному исчислению, было в каждом из них в 50 г. (670) по крайней мере от 150000—200000 жителей.

ем политического понимания, трудно даже объяснить. В искренности его личной набожности не могло быть ни малейшего сомнения, но его религиозность была настолько ограниченного свойства, что не могла производить никакого глубокого влияния далее на обыкновенного человека, так как состояла в пунктуальном исполнении богослужебных церемоний и незапятнанной частной жизни. Он не имел никакого понятия о своей обязанности, как бы не сознавал необходимости заботливо сохранять справедливость по отношению к разнообразным направлениям, возникшим внутри общины. В особенности не умел он принимать к сведению с должным уважением мнения остальных приверженцев Мухаммеда, как единственных носителей духа его учения. И теперь он не мог забыть, что он — член первой

семьи Мекки, дома Омейи, и постоянно относился к народу, как аристократ к плебеям. Уже прежде, во времена Мухаммеда и Омара, обращение с народом на равной ноге было для его гордой натуры невыносимо тяжко. Мы видели раньше, что прежде всего пришлось пророку отбросить все старинные понятия о нерасторжимости уз семейных и племенных для того, чтобы дать своей проповеди открытый доступ среди всех арабов: правильность этого образа действий, вероятно, навсегда осталась непонятной для Османа. И действительно, тотчас же по своем возвышении, когда, понятно, все родные со стариком Абу Суфьяном во главе сгруппировались вокруг него и набросились с обычной жадностью на все, что возможно было присвоить, урвать, если не для себя, то для кумовьев и добрых приятелей, у слабого властелина не нашлось ни прозорливости, ни силы воли, чтобы ограничить хотя бы в благоразумной мере притязания своей семьи. Вместо того чтобы оставить им по-старому только то, чем они завладели во время наместничества Му'ав'ии в Сирии, принимая широкое участие в событиях внешней воины, Осман успел в какие-нибудь несколько лет раздать почти все военачальнические места членам семьи Омейи: в Куфе, куда он сам же в 24 г. (645) благоразумно назначил Са'да, он заместил его в 25 или 26 г. (646 или 647) Аль-Валидом-Иб н-У к б ой, в Басре же вместо Абу Мусы в 29 г. (649/50) поставил Ибн-Амира. Всего же безрассудней были смещения в Египте. Вскоре после своего вступления в управление халиф удалил Амр Ибн Аль-Аса; позднее (благодаря александрийскому восстанию) понадобилось снова послать его туда; но Осман тотчас же по отстранении опасности, недолго думая, опять сместил его для того, чтобы дать место Ибн Абу Сарху. Положим, назначения эти в сущности не были особенно дурны. За исключением одного только Аль-Валида, отозванного в 30 г. (650/51) и замещенного доблестным Са'ид Ибн Аль-Асом, тоже Омейядом, все новые наместники бьши люди сильные и умственно развитые: мы уже знаем заслуги Ибн Абу Сарха по устройству флота; Ибн Амир энергически продолжал завоевание Персии, а Му*авия был самым подходящим человеком на занимаемом им посту. Но неограниченное предпочтение своих собственных родственников все же волновало большинство. Что могли думать набожные, видя среди этих людей Ибн Абу Сарха, которого сам пророк подверг опале после взятия Мекки за одно уголовное преступление* и лишь позже и не без колебаний помиловал, или же Аль-Валида, сына того безбожного Укбы, которого следовало бы казнить после сражения при Бедре. Да и сам Аль-Валид был плохим мусульманином: раз даже он осмелился явиться в мечеть в пятницу на богослужение совсем пьяный. Положим, за это Осман его отставил и наложил на него тяжкое наказание, но преемником ему опять-таки назначен был Омейяд Са'ид. Эти люди по всем провинциям становятся все бесстыднее: они грабят государственную казну без зазрения совести, покровительствуют своим родственникам и приверженцам, раздают им должности, оделяют незаконными подар-

* Ибн Абу Сарх был одним из тех немногих мекканцев, которые умели писать; поэтому Мухаммед часто диктовал ему в Медине, когда требовалось, свои откровения. При этом Ибн Абу Сарх замечал иногда, что у пророка прорывались маленькие неточности, так, например, вместо продиктованного ему «слышащий всезнающий» он позволял себе писать «всезнающий мудрый». Из этого маловерный человек выводил заключение, что божеское вдохновение Мухаммеда не Бог весть что, и стал равнодушен к исламу.

ками. Вышеупомянутый Са'ид безбоязненно уверяет, что Савад, богатейшая провинция халифата, есть «сад курейши-тов>>'. Ко всему этому присоединились уклонения от предписаний Омара касательно владения землей и годового оклада; тут тоже давалось всегда предпочтение Омейядам и их приятелям; особенно терпели ближайшие родственники и старейшие сподвижники пророка. Одним словом, за исключением партии мекканских аристократов, все были недовольны; ненависть набожных возрастала с каждым днем. Так что вскоре хотя бы халиф объявлял и действительно целесообразное повеление, все начинали кричать и роптать. Прикажет ли он Ибн Абу Сарху строить флот — что за безбожное отступление от омаровских предписаний! — Осман задумал расширить постройки вокруг Ка'бы и вознести их более достойным образом, для чего понадобилось сломать соседние дома. Когда некоторые из владельцев стали не соглашаться на уступку зданий за назначенную цену и вследствие этого их отняли насильно ради государственной пользы, возник шум, все жаловались на самоуправство, так что Осман в припадке негодования воскликнул: «одна моя кротость придает вам смелости! Если бы то же самое сделал Омар, вы бы не пикнули!» Во время войн, веденных против Армении в 32 г. (653), сирийские и иракские войска действовали совместно. Тут в первый раз обнаружились различия текстов Корана, которыми руководствовались в обоих лагерях. Иначе и не могло быть, так как по большей части божий слова передавались устно, притом арабские письмена были еще несовершенны, поэтому-то мало-помалу, то там, то здесь, вкрадывались маленькие отступления. Сверх того между куфийцами и сирийцами не существовало никакого согласия; уже здесь, из-за этих мелких отступлений в чтении текстов, легко могла вспыхнуть кровавая резня. Осман взглянул совершенно правильно, он понял, что подобные столкновения легко могут повториться и повести за собой печальные последствия. Поэтому он отдал приказание составить собрание всех откровений, подвергнув их тщатель-

' Т. е. принадлежит именно Омейядам и их меккаиским друзьям.

ному просмотру, с тем чтобы новый свод один имел официальное значение. Вопрос этот возбуждался Омаром еще в управление халифатом Абу Бекра. Тогда уже являлось опасение в возможности исчезновения некоторых откровений, и чувствовалась необходимость начертания подобного сборника, так как в борьбе

с Мусейлимой пали многие лучшие знатоки Корана. Обязанность эта поручена была тогда Зейду Ибн Сабиту, благоразумному и надежному человеку, к тому же служившему некогда секретарем при самом Мухаммеде. Работа его послужила лишь для частного пользования халифа. Теперь же Осман повелел пересмотреть снова этот труд и предписал предпринять всевозможные меры предосторожности. Так и было сделано. Явился сборник, проверенный по самым достоверным устным и письменным свидетельствам, получивший действительно характер совершенной подлинности и надежности. С этого первоначального образца, остававшегося в Медине, снято было несколько точных списков; их разослали в главные города областей, и прежде всего в Дамаск, Куфу и Басру, с наставлением по возможности размножить их и распространить среди мусульман, а существующие доселе частные экземпляры отобрать и сжечь. Было их немного. Из арабов редко кто умел читать: истый правоверный старался выучить наизусть как можно более откровений и этим немало Кичился. К тому же у мирянина сабля часто заступала Священное писание. Во всяком случае мероприятия эти почти везде были приняты безропотно — лучшее доказательство, что Зейд добросовестно исполнил свое дело. В Коране Османа, легшем в основание всех позднейших редакций, действительно повторены слова Мухаммеда все равно как бы в их первоначальном виде. Но люди Куфы, само собой, должны были в этом обладать еще лучшими сведениями. Среди них находился Абдулла Ибн Мас'уд, один из старейших принявших в Мекке ислам. Его признавали постоянно за отличного знатока откровений, а сам он, понятно, считал себя за наилучшего изо всех; он озлоблен был к тому же, что работа вверена была более молодому Зейду, а не ему именно. Что же касается одобрения самого Омара, то это ровно ничего не значило для жителей Куфы. Свой человек в глазах тамошних жителей считался неоспоримо единственным знатоком. И вот они стали ревностно сеять обвинения, что текст Османа неправилен, что недостает некоторых откровений, которые в свое время появлялись против врагов Мухаммеда, между прочим и Омейядов, а теперь, из лицеприятия к семье халифа, они исключены. Толковали и про многое другое, тому подобное. Не подлежит никакому сомнению, что все эти обвинения лишены всякого основания. Старейшие и надежнейшие товарищи пророка, люди, подобные Алию, Тальхе, Зубейру, Са'ду и другим, дурно отзывавшиеся вообще о халифе, ни разу не возбуждали ни одного возражения против его Корана. Между тем, несколько иное чтение текстов Ибн Мас'удом касалось, насколько известно, мелочного разночтения отдельных букв. Позднее все правоверные мусульмане, не исключая куфийских, окончательно успокоились и приняли текст Османа; но в данную минуту поднялась жестокая перебранка и шум об искажении, будто бы, слова божия. Нападали на то самое, что для позднейшего мухаммеданского богословия раскрыло наилучшие горизонты. Мало-помалу недовольство халифом распространялось и вне Куфы, на другие местности.

В 31 г. (651/2) умер в Медине Абу Суфьян, доживший до глубокой старости, 88 лет. Он покидал этот мир с сознанием, во всяком случае для него самым утешительным, что успел в тяжкие времена благодаря предусмотрительности и мудрости своей поставить себя, своих родных и друзей так, что они выдвинулись гораздо более, чем прежде в Мекке, и заняли в огромном царстве халифа везде первые места, стали самыми богатыми людьми. Когда Осман сам лично произнес молитву по усопшим над телом дяди*, наступал момент, когда могуществу дома Омейи, более блестящему, чем прочному, угрожало, и не в одном только месте, сильное потрясение. Уже в 30 г. (650/1) возникло брожение среди набожных при виде ненавистного распространения роскоши и безнравственности, что дало повод одному сотоварищу Мухаммеда,

' Абу Суфьян приходился двоюродным братом отцу Османа Аффану.

высокопочитаемому за его строгую набожность, Абу Зарру, выступить официально в Дамаске против подобного нечестия. Он стал проповедовать возвращение к более благочестивому образу жизни и обращению приобретаемых мусульманами богатств на богоугодные цели вместо распространения греховной роскоши. В заключение он напал на самого наместника. Подобные шутки и тот, однако, не допускал. Повелено было схватить дерзновенного и отослать под конвоем в Медину. Но и там этот ревностный фанатик не угомонился, продолжал по-прежнему проповедовать свои аскетические принципы. Стоя у ворот мечети пророка, громил он безбожников, и всякий понимал, что эти гневные слова относились не к кому иному, как к Аль-Хакаму, дяде халифа. В наказание за свою неприязненность к исламу, еще при жизни пророка и позже, до самой смерти Омара, Аль-Хакам жил в изгнании в маленьком местечке, а теперь он кичился, снова осыпанный богатствами и почестями в свите халифа. Сын же его Мерван, самый доверенный советник властелина, имел особенно гибельное влияние на халифа. Вдобавок Абу Зарр стал возбуждать народ против самого Османа, требуя от общины «предоставления идти вперед тому, кто у Бога предстоял, и покинуть того, кто Богом покинут, а владычество и наследство стараться укрепить в семье пророка». Это значило поставить халифом Алия вместо Османа. Потеряв всяческое терпение, призвал халиф Абу Зарра и возвестил ему изгнание в близлежащее маленькое местечко, Рабаза. Обернувшись к присутствующему на аудиенции Мервану, властелин добавил: «Выведи его из города, смотри, чтобы никто с ним не разговаривал здесь!» Дальше рассказывают, что доверенное лицо посадило изгнанника вместе с его женой и дочерью на верблюда. Случайно проезжали они мимо Алия. С ним были двое его сыновей, Аль-Хаса и Аль-Хусенн, а также Аммар Ибн Ясир. Изгнанник поцеловал у встреченного руку и стал с ним беседовать. Алий охотно вступил в разговор. Мер-ван не вытерпел и сказал: «Повелитель правоверных воспретил говорить кому-либо с ним». Тогда Алий ударил кнутом по морде верблюда Мервана, так что животное отпрянуло, и крикнул вслед: «Убирайся ты, которого

Господь ввергнет в геенну!» Затем сам преспокойно проводил дальше Абу Зарра; прощание было продолжительное. Абу Зарр умер в Рабазе, но чувство возмущения против мирских воззрений господствующей партии, которое он первый высказал, не заглохло среди верующих. Взоры всех тех, которые серьезно испове-дывали религию, естественно, стали еще более обращаться на членов семьи пророка: не они ли так несправедливо отодвинуты были на задний план Омейядами, отцы которых когда-то, в мучительные времена пребывания наместника Божия в Мекке, немало терзали его.

Все более и более стало распространяться широкими кругами по Аравии мнение, что халифат по праву принадлежит Алию. В 32 г. (652/3) вдруг совершенно в другом пункте государства та же самая мысль была в высшей степени замечательным образом выражена в виде догмата веры, некто А б д у л л а И б н-С а б а, родом из южной Аравии, иудейского происхождения, но перешедший в ислам, не мог никак ужиться ни в Басре, ни в Куфе благодаря вечным своим поползновениям к религиозным спорам. Наконец он *вынырнул* в Египте и стал проповедовать там учение, имевшее некоторый наружный вид правоверия благодаря ссылке на один из стихов Корана'. Учение это гласило: подобно тому, как христиане говорят о Спасителе, так точно по всей справедливости и пророк Мухаммед вернется перед кончиной мира, а пока должен заступать его тот, кто был при жизни ему помощником — ибо каждый пророк имеет своего помощника". Кто же другой может быть им, как не Алий, у которого Абдуррахман отнял его право. Эти основы, в которых уже легло зерно позднейшего шиитства,

' Сура 28, ст. 85. «Тот, кто дал тебе Коран, приведет тебя к месту' возвращения», т. е. в Мекку, которая для прогнанного неверующими пророка обозначается как цель позднейшего возвращения. Но слово имеет два значения: место возвращения, а также воскресение мертвых, поэтому может вообще приниматься за всякого рода возвращение.

" Это воззрение древнейшее и основывается главным образом на отношениях, существовавших между Моисеем и Аароном, Иеремией и Варухом, Даниилом и его сотоварищами.

тем более находило отголосок среди египетских арабов, что там и без того царствовало всеобщее недовольство: Мухаммед, сын Абу Бекра, в той же мере ограниченный фанатик, насколько отец его был разумным и спокойным человеком, давно уже толковал о негодности наместника Ибн Абу Сарха, о его нечестивом замысле заставить правоверных ездить на кораблях по морям; другие ревностно помогали ему в распространении этих и тому подобных жалоб. Между тем брожение в Ираке все усиливалось. Здесь не требовалось для его поддержания никаких богословских тонкостей. Ничем не прикрытая жадность, с которой Омейя-ды и их клиенты совершали свои поборы, надменность, с которой позволяли они себе выступать перед победителями при Кадесии и Нихавенде, возмущали издавна до крайних пределов впечатлительную гордость арабов Куфы и Басры. С величайшим рвением ухватились они поэтому как за предлог, данный им Османом этим новым сборником Корана. Пользуясь удобным случаем, везде и открыто смеялись местные арабы над наместниками и их клевретами. Вскоре дошло даже до неприязненных действий. После дошедших в 33 г. (653/4) донесений к Осману повелено было схватить главных зачинщиков и отослать их в Сирию. Там, надеялся халиф, при твердом управлении Муавии, верности войск и малом сочувствии к иракцам туземцев, сумеют справиться с этими беспокойными головами. Так оно действительно и случилось, муавия засадил их под замок, обходился с ними с презрением и жестокосердно, так что они вскоре смирились и обещали исправиться. Их выпустили на волю, но пока оставались они еще в Сирии. Одному только, и самому опасному из них, М а л и к у А л ь А ш т а р у, удалось пробраться тайком сначала в Медину, а затем в Куфу. Там начал он снова разыгрывать свою печальную роль. Наместник Османа Са'ид Ибн-Аль-Ас не понимал всей опасности продолжавшегося брожения и отправился в Медину для личных переговоров с халифом; его отсутствием воспользовались Малик и некоторые другие. Как утверждает одно известие, Тальха и Зубейр помогали ему денежными суммами из Медины. Им удалось склонить на свою сторону войска, так что при первом известии о предстоящем возвращении Са'ида большинство воинов выступило за город. Когда приблизился наместник, окруженный небольшой свитой, ему объявлено было прямо, что наместником более его не признают и не впустят в город. Ничего более не оставалось ему делать, как вернуться в Медину. Небольшой запас энергии Османа окончательно иссяк; со страхом отклонил он предложение укротить непослушных силой оружия. Он согласился дать куфийцам другого наместника в лице ими же требуемого Абу Мусы Аль-Ашария, который начал свое управление, конечно, с того, что стал убеждать население оказать повиновение халифу; но заставить их не было у него ни склонности, ни силы.

Под большим, однако, сомнением остается, была ли какая возможность, даже при большей решимости, чем у этого 80-летнего властелина, восстановить повиновение властям. А теперь, когда сам Осман нашел нужным уступить, дух возмущения рос везде с необычайной быстротой. История с Абу Зарром показала уже, как неприязненно настроены были два года тому назад в самой Медине старинные сподвижники Мухаммеда по отношению к халифу; теперь они заняли угрожающее положение. Конечно, они имели право чувствовать себя отстраненными и обиженными, об этом было уже упоминаемо, но манера, с которой выражали свое неудовольствие, выказывала, что они имели в виду окончательно не дело веры, а эгоистические интересы на первом плане. При более спокойном, свободном от своекорыстных целей размышлении они должны были бы понять, что ввиду своевольства арабов, особенно в Куфе и Басре, а с другой стороны, принимая во внимание твердое положение Му'авии в Сирии, следовало прежде всего сохранить в неприкосновенности авторитет наместника Мухаммеда, единственный существующий во всем государстве, и что никто не был в состоянии заменить этот авторитет другим. Без

сомнения, люди как набожного, так и свободомысленного направления могли придти к тому убеждению, что власть, приобретенная, собственно говоря, благодаря свободному признанию со стороны общины, могла поколебать свое положение прегрешениями против слова божия; но только одному слепому могло показаться, что мирскую партию, имеющую в руках такие значительные средства, можно было устранить из занятого ею положения, не вступая с нею в жесточайшую борьбу. А с возникновением братоубийственной распри пришлось бы, может быть, навеки распроститься с возможностью единодушного на пользу ислама действия различных партий, существующих уже в общине. И кто бы в будущем осмелился в качестве халифа рассчитывать на повиновение подданных, если бы подан был пример тому, чтобы первая встречная толпа бунтовщиков могла предписывать законы наместнику Мухаммеда, к тому же еще его зятю. От фанатика, подобного Мухаммеду Ибн Абу Бекру, и неспокойной головы такой, как Малик, нельзя было, конечно, требовать разумных убеждений, но сподвижникам и ближайшим родственникам пророка: Алию, Тальхе, Зубейру — следовало бы, кажется, ясно понять все неблагоразумие их поведения, когда они протянули руку первому встречному мятежному движению. Им хорошо должно было быть известным, как участникам в кружке избирателей после смерти Омара, что их собственные притязания в случае нового избрания властелина, будут оспариваемы так же точно другими. И если, несмотря на все это, эти люди позволили себе незаконно увлечься бунтовщиками, потакали им, а может быть, и поддерживали их тайно, с тем чтобы потрясти трон халифа, то это возможно объяснить лишь надеждой поставить слабого Османа с помощью возмутившихся в такое критическое положение, что он будет вынужден искать у них поддержки и покинуть своих родных; таким образом думали они возвратить себе следуемое им по праву влияние. Насколько ошибочен был расчет, показали дальнейшие события. Ни набожные ревнители, ни личные неприятели Омейядов и не думали удовольствоваться полумерами. Так или иначе, уже в 34 г. (654—55) даже влиятельные личности Медины выступали прямо против халифа.

Раз явился к Осману Алий и стал жестоко упрекать своего свояка от имени всех правоверных, как он утверждал, за предпочтение, оказываемое им своим родственникам. Осман защищался как умел, а затем на пятничном богослужении произнес речь к собравшейся общине, в которой старался доказать, что он ведь ничего такого не делает, чего бы и Омар не считал для себя дозволительным. Но ему не удалось утишить недовольство. Не проходило дня, чтобы не долетали до его ушей, когда он шел по улицам, возмутительные возгласы, требовавшие смещения нечестивых наместников и удаления из его свиты Мервана. На это он не хотел, конечно, согласиться, но также не умел принять соответствующих мер для восстановления порядка: так, например, в конце 34 г. (в середине 655) халиф созвал в Медину наместников из различных провинций, желая с ними посоветоваться о положении государственных дел, но это не привело ни к чему; каждый из них предлагал разное, а Осман ввиду возрастающих трудностей становился все нерешительнее. Он отклонил предложение Муавии переселиться к нему, в безопасную и спокойную Сирию, или же позволить занять Медину большим отрядом надежных войск, верно оценивая, что то и другое должно было повести неминуемо к страшному взрыву. Бездеятельно присматривался он, как личные его враги, Амр Ибн Аль-Ас и почитаемая набожными за «мать правоверных», очень влиятельная Айша, обозленная на него главным образом за сокращение годового оклада, возбуждали все более и более народ против халифа.

И вот в начале второй половины 35г. (начало 656) внезапно пришло донесение Ибн Абу Сарха в Медину, что некоторые из недовольных в Египте намереваются под предлогом посещения святынь Мекки отправиться в Аравию, напасть там на халифа в его резиденции и принудить к отречению. Тотчас же наместник получил повеление помешать предприятию силой. Когда он бросился за заговорщиками, выступившими уже в числе 500 человек под предводительством Мухаммеда Ибн Абу Бекра, и не успел их нагнать, в тылу его вспыхнуло восстание, к которому вскоре примкнула большая часть египетских войск Ибн Абу Сарху невозможно было долее держаться на почве, подрываемой неприятелями Османа и приверженцами Абдуллы Ибн Сабы. Он принужден был удалиться в Сирию. В то же время как бунтовщики продолжали подвигаться беспрепятственно к Медине, толпа из нескольких сотен недовольных из Куфы и Басры двинулась вследствие предварительных переговоров также к резиденции халифа. Уже в Шавва-ле 35 г. (апрель 656) прибыли почти одновременно Мухаммед Ибн Абу Бекр с египтянами, Малик Аль Аштар с куфийцами и толпы Басры, всего в числе 1000 человек, и расположились в трех маленьких местечках, в нескольких милях от Медины. Посланы были доверенные лица в город: от египтян к Алию, от куфийцев к Зубейру, от басрийцев к Тальхе — с просьбами исходатайствовать им доступ в город. Они намеревались сделать халифу представления об образе его правления и потребовать смены некоторых наместников. Как ни склонны были эти три вышепоименованные лица к тому, чтобы друзья их наделали в провинциях как можно более шуму, дабы устрашенный халиф дался им в руки, но их намерения вовсе не простирались так далеко, чтобы допустить вторжение в столицу вооруженных полчищ бунтовщиков. Они хотели управлять самолично, не допуская близко людей, между которыми находилось немало отчаянных голов и фанатиков. Все население Медины призвано было к оружию — в первый раз после восстания арабов, по смерти пророка, — а просьба бунтовщиков отклонена. С другой стороны, теперь ввиду угрожавшей опасности Осман действительно обратился к сподвижникам пророка, а Алий оказался готовым к услугам и для прекращения дела предлагал свою помощь.

Следующие затем события передаются весьма противоречиво и часто как бы намеренно в извращенном

виде: старинные источники относятся ко времени Аббасидов, когда вообще Омейядов презирали, всему готовы были поверить, а кое-что подходящее даже придумано, лишь бы оклеветать врагов в сомнительных случаях. В известиях этих Осман рисуется в виде впавшего в детство и окончательно поглупевшего старца; он обещает все возможное под давлением страха перед бунтовщиками, а затем в ближайший момент снова все перерешает под влиянием злого своего гения, Мервана, так что даже ангельское терпение Алия лопается, и он вынужден предоставить все течению судьбы. Особенно непонятна история одного документа, которому приписывается в решительном ходе дел роковая роль. Официальное повествование гласит, что возмутившиеся успокоились и удалились после того, как Осман обещал им сместить наместников Омейядов и изменить всю политику образа правления; все были уверены, что опасность миновала. Но при самом начале отступления бунтовщиков, рассказывается далее, египтяне перехватили будто бы гонца к Ибн Абу Сарху, посланного с официальным письмом с печатью' халифа. В этом письме повелевалось переловить зачинщиков мятежа по их возвращении на родину и отрубить им всем руки и ноги. Возмущенные вероломством, мятежники повернули назад. Так как отныне, убедились они, невозможно более доверяться обещаниям халифа, бунтовщики потребовали немедленно его отречения. Осман отговаривался, что ничего не знает про эту записку, и действительно оказалось впоследствии, что она составлена была и отослана Мерваном без ведома властелина. При таком обороте дела бунтовщики вынуждены были продолжать настаивать на отречении правителя, слабостью которого можно было до такой степени злоупотреблять. Но Осман упорно отказывался сложить власть; решено было принудить его к этому силой. Кучка бессовестных злодеев умертвила зятя посланника божия, почтенного во всех отношениях человека, неприкосновенного властелина в глазах всякого верноподданного мусульманина.

Все подробности рассказа об этом мрачном событии клонятся к тому, чтобы выгородить население Медины от соучастия в цареубийстве и дать понять, почему старейшие сподвижники пророка и пальцем не шевельнули для спасения ближайшего своего родственника; но при беспристрастном рассмотрении случившегося можно убедиться, что они совершенно не достигли своей цели. Из рассказа мы

* И поныне на Востоке правительственные указы и тому подобные документы не подписываются; к ним прикладывается печать, носящая имя чиновника или присутственного места.

положительно приходим к убеждению, что Алий поверил уверению Османа, будто он ничего не знал о записке; в таком случае на его обязанности, конечно, лежало постараться спасти жизнь халифа. Отклонение от себя этой обязанности никоим образом нельзя оправдать, и как ни тяжело наказание, которое ниспослано было на него позже справедливым роком, он заслужил его вполне. Существует даже предположение, что он вовсе не считал Мервана автором этой записки. Во всяком случае вся эта история с запиской кажется нам в высшей степени сомнительной и подозрительной. Бунтовщики утверждали, что задержали гонца в трех днях пути от Медины, по дороге в Египет. А между тем вернулись к Медине не только египтяне, но тотчас же вслед за ними куфийцы и басрийцы. Без предварительных переговоров едва ли могло это случиться; то же можно сказать и о самой записке: ее могли подделать сами бунтовщики. Положим, многие утверждают весьма основательно, что едва ли когда-нибудь удастся разъяснить вполне это событие. Но нельзя отрицать действия разнообразнейших влияний, приведших к погибели несчастного халифа, в особенности озлобленного своекорыстия личностей, имевших влияние. Они как бы выжидали лишь подходящего случая для удовлетворения своего мелочного мщения. Достаточно привести одну историю, о которой сообщает писатель, вовсе не пристрастный к Осману. Во время переговоров между халифом и бунтовщиками Амр Ибн Аль-Ас находился в Медине. Осман попросил его, как рассказывает этот писатель, заменить его на кафедре и сказать речь к народу, в которой по возможности оправдал бы его правление. Что же сделал Амр? Он превознес превыше небес пророка и всех предшественников Османа, а о последнем ничего не нашел сказать иного, как то, что все его порицают, а он готов оправдываться. «Имейте же терпение, — заключил он, — кто мал, когда-нибудь станет великим, кто худ — потолстеет. Возможно, что отсрочка целесообразная действия лучше, чем торопливость». Это почти не маскированное оправдание бунта возбудило глубокое негодование в халифе. «Ты еще более возмущаешь людей против меня», — крикнул он это- му лукавому человеку. Тот ответил с спокойным бесстыдством: «Помилуй, я все сказал, что знал о тебе наилучшего». На это халиф с горечью заметил: «Знаю, знаю, с тех пор как я удалил тебя из Египта, ты не перестаешь злиться».

Наступило время, когда пришлось отвечать за каждую ошибку, которую когда-либо совершил этот добродушный, но слабый властелин; конец пришел не сразу, дело еще тянулось. В последней беседе между Османом и Алием, посредником глав восстания, халиф отклонил решительно требование отречения и произнес мужественно: «Не сниму одежд, которые сам Бог возложил на меня». Бунтовщики ушли, открыто грозя, что отныне пустят в ход силу. Несмотря на это, ни Алий, ни Тальха, ни Зубейр ничего не предпринимали, чтобы снова поставить город в оборонительное положение. Как кажется, на основании каких-то соображений они потеряли всякую надежду заставить Османа при помощи мирных переговоров на продолжительное время подчиниться их влиянию. Толпы взбунтовавшихся проникли теперь беспрепятственно в город и начали приводить в трепет большую часть жителей, вовсе не склонных к открытому восстанию. В сознании несомненных прав высокого своего поста и проникнутый

беззаветной преданностью к воле Господней, Осман с каждым днем выказывал все более и более нравственных сил, что было особенно поразительно видеть в этом достигшем глубокой старости человеке. Он не пропускал ни одного дня и ежедневно предстоял пред общиной на молитве в мечети, но благоговейное внимание, подобающее богослужению, было нарушаемо самым постыдным образом диким шумом чужеземных полчищ. Даже телесные оскорбления, которые этот старый человек должен был выносить, не в состоянии были отклонить его от исполнения им своих обязанностей. Дошло наконец до того, что бунтовщики разогнали молящихся, бросая в них камнями и нанося удары направо и налево, так что халиф вынужден был волей-неволей удалиться к себе в дом. Чтоб защитить жизнь повелителя от открытого нападения, вокруг него собралась маленькая кучка преданных людей, состоящая большею частью из родных и слуг; к ним примкнули некоторые из горожан. Алий, Тальха и Зубейр послали также каждый по одному из своих сыновей туда же, к этой горсточке оборонявших вход в дом Османа. Но это было одно недостойное лицемерие. Если бы они действительно пожелали защитить своего законного властелина, нетрудно бы было, кажется, этим почтенным товарищам пророка созвать мужественных воинов и положить конец всякого рода насилиям.

Предводителем возмутившихся явно считался Мухаммед Ибн Абу Бекр, но руководила, очевидно, другая рука. Началась настоящая блокада халифа в собственном его доме. Некоторое время осаждающие как бы страшились пролить кровь открыто, надеясь, что принудят голодом небольшой отряд, собравшийся вокруг Османа, к безусловной сдаче. Тщетно старый властелин обращался с крыши дома к народу с речью, тщетно пробовал он еще раз обратиться к Алию с просьбой освободить его нападением на осаждающих; ни у кого из тех, коих считали первыми между правоверными, не дрогнула совесть, никто и пальцем не пошевельнул, чтобы заставить осаждающих дать по крайней мере глоток воды тем, которые мучились жаждой в доме халифа под раскаленными лучами июньского солнца. Что бы там ни случилось, влиятельнейшие люди довольствовались только тем убеждением, что бунтовщикам без авторитета старейших товарищей Мухаммеда не добыть прочного успеха у всей общины мусульман; ослепляемые близоруким себялюбием, они позабыши окончательно об обете верности властелину правоверных. Мудро поступили только Айша и хитрый Амр. Первая примкнула к выступавшему в Мекку каравану пилигримов, прикрываясь настоятельною необходимостью посещения святых мест, а Амр удалился с обоими сыновьями в свое имение, находившееся в Палестине: они рассуждали совершенно основательно, что отсутствующие со временем могут действовать свободно. Прошло 10 недель с тех пор, как появились бунтовщики; наступило наконец 18 Зуль-хиджжи 35 г. (17 июня 656), день катастрофы. Давно уже отправлены были послы по областям для призыва наместников на защиту халифа. Абу Муса в Куфе не мог или не хотел ничего сделать, но Омейяды — Ибн Амир в Басре и Му'авия в Дамаске — немедленно выслали для освобождения повелителя отряды войск. Именно теперь дошла до Медины весть, что оба эти отряда находятся в нескольких милях от города. На Му"авию падает особенно обвинение в преднамеренной медлительности, обвинение, по-видимому, довольно правдоподобное, так как уже давно он мог предвидеть опасность. Если бы с своей обычной энергией вздумал он сам предупредить несчастие, а не ждать прямого приказания, то, вероятно, подоспел бы вовремя. И здесь, как и всегда, для холодного политика собственная выгода стояла выше всего. Ему казалось всего благоразумней насколько возможно менее действовать в пользу халифа, ставшего безнадежно непопулярным. В верной своей Сирии можно было выжидать спокойно тот момент, когда в скором будущем, при неизбежном наступлении междоусобицы, легко будет половить рыбку в мутной водице. Но позднейшее предание идет дальше. Оно прямо обвиняет Му'авию в том, будто он жаждал смерти Османа. Мы встречаемся тут опять с одной из обычных клевет, которые систематически придумывались и распространялись против Омейядов. Во всяком случае известие о прибытии сирийских и басрийских войск подало сигнал к гибели халифа. Со всех сторон набросились бунтовщики на дом. Главный вход был завален изнутри, но отдельные небольшие группы бунтарей успели проникнуть во двор, спрыгивая с крыш соседних домов, напали на защитников с тылу и быстрым натиском разогнали их. При этом Мерван был замертво опрокинут ударом меча по шее. Ворвавшиеся устремились неудержимым потоком в дом, проникли в комнату, где Осман с полной величия решимостью выжидал свою судьбу. Невозмутимо продолжал он, невзирая на бряцание оружия, читать дальше Коран, подкрепляясь бодро словом божьим: «Господь не допустит того, чтобы правоверный не был вознагражден... те, которые, когда им говорят: «Враги собрались против вас, опасайтесь их!», еще более укрепляются в вере и отвечают: «Бог защитит нас, он лучший из защитников» — *такие люди возвращаются осыпанные милостями Божьими, зло не касается их; они исполнили волю Божью}'.* Когда толпа убийц ворвалась, в первый момент никто не осмеливался дотронуться до седой главы халифа. Со спокойной кротостью отвечал он на град вопросов, упреков и обвинений, сыпавшихся на него со всех сторон, пока наконец грубый Мухаммед, этот выродок Абу Бекра, не ухватил старца за бороду и не крикнул яростно: «Гляди, тебя Бог покарал, старый дуралей»". Твердо ответствовал халиф: «Я не дурак, мое имя Осман, я повелитель правоверных. — Теперь никакой Му'авия и никто на свете не спасет тебя. — Сын брата моего! Отец твой никогда не решился бы вырывать из рук другого могущество. — Если бы мой отец, — возразил Мухаммед, — увидел твои поступки, он счел бы тебя недостойным правления. Но я от тебя хочу совсем другого, не правление только вырву от тебя». Тогда халиф воскликнул: «Господи, защити меня от него, молю Тебя, помоги!» Это были последние слова, произнесенные старцем. Хотя Мухаммед вышел из комнаты, но другие напали на безоружного. Его заслонила собой жена, Наила. Она старалась рукой отразить меч, и ей обрубили пальцы. Вслед затем брызнула фонтаном кровь зятя

пророка, его наместника, и залила страницы святой книги, которую умирающий крепко прижимал к груди. Когда оторопевшие защитники успели после первого нападения снова собраться и ринулись в дом, неся спасение, все уже было покончено.

Едва свершилось кровавое дело, задуманное и исполненное слепым фанатизмом и личною ненавистью, допущенное слабою ограниченностью и близоруким эгоизмом, как раскрылись с роковою ясностью для всех соучастников и попустителей неизбежные, тяжкие последствия. И в данном случае результаты случившегося факта оказались не таковыми, какие ожидались до его наступления. Теперь только сразу стало понятно, как Алию, так Тальхе и Зубейру, что по-

' Коран. III, 167—8. Слова в скобках добавлены для полноты смысла; в немецком тексте их нет. — *Примеч. ред.*
" Так обыкновенно звали Османа его враги.

дозрение в соучастии должно неминуемо пасть на того, кто примет халифат из рук убийц. Они даже и представить себе не могли, чтобы в общине нашелся такой смельчак, который решился бы попытаться завоевать власть. Только в таком случае, если бы первейшие люди Медины согласились добровольно и единогласно избрать кого-либо, казалось, возможно было, и то отчасти, восстановить уважение к высокому сану властелина, повергнутому во прах, залитому кровью. В таком только случае с таким злодейским легкомыслием порванные узы законности скрепились бы снова, хотя не вполне и кое-как. Увы, слишком скоро обнаружилась на деле вся трудность подобной попытки, но сделать ее было во всяком случае необходимо, и не таковы были эти люди, Малик с сыном Абу Бекра, чтобы отступиться от раз начатого ими предприятия. Египтяне, превышавшие других числом и страстностью, большею частью люди богатые, желали видеть во главе государства Алия, в то время как бас-рийцы поддерживали Тальху, а куфийцы — Зубейра. Все трое вначале отказывались стать у кормила правления. Тогда бунтовщики потребовали настойчиво от мединцев, обуреваемых отвращением и страхом к убийцам, произвести выборы, напирая на их неотложную необходимость. В то же время продолжались деятельные переговоры *с* Алием, из всех трех имевшем в качестве двоюродного брата и зятя пророка более прав, к тому же обладавшем наибольшим количеством личных приверженцев. Наконец он объявил, что готов принять власть, если Зубейр и Тальха согласятся его признать. Они же с своей стороны вовсе и не думали изъявлять это желание и уступили только тогда, когда куфийцы и басрийцы, так как надо же было на чем-либо порешить, перешли на сторону Алия. Таким образом, 3 дня спустя после смерти Османа (25 Зу'ль-хиджжи 35 г. = 24 июня 656), Алий признан был халифом, приняв по обычаю легкие похлопывания рук от мединцев и чужестранцев. Позднее Тальха и Зубейр утверждали, что они действовали под давлением принуждения — а именно угроз энергического Малика. В некоторых преданиях сообщается, например, что Малик подгонял Тальху к присяге мечом, как заупрямившегося верблюда. Очевидное преувеличение; одно только справедливо, что вся Медина трепетала от страха пред саблями цареубийц. Трудно действительно даже понять то жалкое положение, в которое поставлены были эти люди. Некогда в качестве ближайших помощников пророка они бодро вели войну со всей Аравией; хотя бы этот Тальха: своим собственным телом заслонил он посланника божия у Охода от целой толпы неприятелей. Легко догадаться, что и здесь, как и всегда, нечистая совесть обращает храбрейших в трусов. Итак, Алий избран был наконец халифом. Лишь немногие из мединцев отказали ему в ударе рукой, в числе их находился и Са'д Ибн Абу Ваккас, покоритель Персии. Ему все опротивело, может быть, брало и раскаяние в том, что он не решился помешать катастрофе. Он отправился в один отдаленный утолок Аравии, в свое имение, отказался от всякого участия в общественных делах, выжидая, когда вся община очутится снова под управлением единого имама. Позднее он не хотел признавать таковым и Му'авию; так он и умер в своем уединении, почти забытый, в 50 г. (670). Несколько личных друзей Османа и родственники его, Омей-яды, бежали тотчас же после совершения убийства. Между ними находился и Мерван, быстро очнувшийся от мнимой смерти, а также Н у'м а н И б н Ал ь-Б е ш и р, отвезший вещественные доказательства смерти Османа — пропитанную кровью рубашку и обрубленные пальцы Наилы — к М^авии в Сирию. На время в Медине наступило спокойствие; бунтовщики тоже потянулись в обратный путь. Но это было затишье перед грозой. Алий, номинальная продолжительность правления которого считается от 25 Зу'ль-хиджжи 35 г. (24 июня 656) до 17 Рамадана 40 г. (24 января 661), начал свое правление мерой настоятельной, но в то же время и бесцельной. Не считая возможным оставлять на прежних постах наместников из Омейядов, так как управление их послужило главным мотивом к нареканиям на Османа, халиф поспешил уведомить их о смещении. В то же время назначил новых главнокомандующих на место Ибн Амира, в Басре, О с м а н а И б н Х у н е й ф а, вместо Абу Мусы, в Куфе, А м м а р а И б н Ш и х а б а; К а й с И б н Са'д по- сылался в Египет, а У б е й д у л л а, сын Аббаса, дяди пророка, умершего в последние годы царствования Османа, — в южную Аравию. Там до этого времени управлял Я'л а И б н М у н ь я, родом темимит, раньше проживавший в Мекке в качестве клиента одной родственной хашимитам семьи; впоследствии же перешел он на сторону Омейядов. Ибн Амир, который не мог чувствовать себя в Басре в безопасности, уступил свой пост без спора Ибн Хунейфу. Я'ла тоже не дал отпора, но захватил с собою в Мекку туго набитую государственную кассу и там вскоре стал разыгрывать весьма неприятную для Алия роль. Кайс Ибн Са'д был временно принят египтянами также миролюбиво, за исключением некоторого числа личных приверженцев Османа, засевших в местечке

Харбита, неподалеку от Александрии; наместник оставил их пока в покое, ему и без того довольно трудно было держаться, ввиду недовольства крайней партии, предводимой Мухаммедом Ибн Абу Бекром, который рассчитывал сам стать наместником. Но Аммар оказался не по нутру куфийцам; им было так хорошо под начальством вечно уступчивого, остерегавшегося от всякого энергического воздействия Абу Мусы. Когда Аммар прибыл с грамотой Алия, его попросту попросили убираться подобру-поздорову. Менее всего, понятно, можно было ожидать готовности подчиниться от Му'авии; сирийские войска слепо верили в него. Лишь месяц спустя после получения извещения от Алия Му'авия послал с Кабисой, одним бедуином из племени Гатафан, письмо с лаконической надписью: от Му'ав'ии к Алию. Когда халиф разорвал конверт, там ничего не оказалось. Тогда обратился повелитель к послу с вопросом: «Что это значит?» Тот, в свою очередь, спросил: «А рискую ли я жизнью?» Он получил в ответ: «Посланников не убивают». Тогда бедуин стал объяснять. «В этом вот какой смысл: я оставил за собой людей, которых может удовлетворить одно мщение». «Как мщение? — спросил в изумлении Алий. — Кому же?» Бедуин воскликнул с пафосом: «Мозгу твоих позвонков. Там 60000 человек; все они рыдали над рубашкой Османа, выставленной всенародно; ею обтянута кафедра мечети Дамаска». Так оно и было действительно. Старый Амр Ибн-Аль-Ас принадлежал не к числу набожных. Все его вероучение заключалось, собственно, в одном изречении; зато же и привязался он к нему с неимоверной цепкостью. Гласило оно так: нет другого наместника для Египта, кроме Амра. Он считал эту страну своею собственностью, завоеванною для самого себя лично; вполне был бы счастлив, если бы дозволили ему снова продолжать собирать с терпеливых коптов выплачиваемые ими налоги. Но за эту дойную корову упрямо держатся еретики-халифы. Алий также вздумал обойти настоящего хозяина; и тот перешел к Му'авии. Со смертью Османа этот последний становился, несомненно, главою дома Омейи. Взоры наместника Сирии начали обращаться к более возвышенным целям. Для мирской партии старинной мекканской аристократии уступить Алию значило отдать в руки набожных мединцев занятое ими могущественное положение; об этом, конечно, не могло быть и речи. Борьба между этими взаимно противоположными партиями становилась неизбежной. Не такой был политик Му'авия, чтобы упустить очень важную поддержку, которую предоставляло ему общественное мнение в роли борца попранного права и мстителя за отвратительное преступление. Поэтому наместник тотчас же после умерщвления халифа хотя сам не делал никаких попыток для спасения главы своей семьи, поднял клич: отомстим за Османа! Это был удар, направленный прямо против Алия. Двусмысленное поведение его во время бунта хотя едва ли возбуждало серьезное подозрение в соучастии в уме Му'авии, который понимал хорошо людей, для менее проницательных могло казаться более или менее преступным. В Сирии принимались все меры, понятно, чтобы превратить это подозрение в уверенность, и вскоре народ поверил в справедливость обвинения. Тоже и Амр, несколько месяцев тому назад сам же раздувавший пламя недовольства, возбуждавший мединцев против халифа, оказался настолько нагл, что стал ревностно кричать с прочими об отомщении убийцам несчастного Османа. Ему, хитрейшему из хитрейших, пришел в голову сатанинский замысел выставить в Дамаске кровавую рубаху и об- рубленные пальцы Наилы, чтобы довести до крайних пределов общественное негодование, имеющее среди горячих арабов гораздо большее влияние, чем где бы то ни было.

И в то самое время, когда извне все складывалось так, чтобы усилить еще более могущество партии Омейядов, халифу внутри государства начинали отказывать в поддержке те, которые доселе считались основными столпами ислама. Как ни старался Алий по наружному по крайней мере виду выказать полнейшее равнодушие, заставляя себя упрашивать перед принятием всенародного почитания, он не мог, однако, скрасить *то* обстоятельство, что дело это в конце концов тесно связано с цареубийством. Нельзя было также никак устранить того неприятного впечатления, что он вел себя трусливо и вероломно. Вот что произвело среди всех набожных, за исключением фанатиков, недовольство новым властителем. Все старательно начали сторониться нового халифа. Хотя вначале мало нашлось таких, которые, следуя примеру Са'да, покидали город, зато призыв к борьбе с Му'авией, объявленный Алием вслед за бесстыдным вызовом первого, никем не был поддержан. За исключением личных приверженцев, которых халиф, положим, имел в достаточном количестве, высоко ценивших его храбрость, красноречие и поэтический дар, а также почитавших в нем двоюродного брата и зятя пророка, никто другой не выказал желания взяться за оружие, хотя всякий должен был понимать, что Омейяды не ограничатся одними угрозами. Меж тем у Алия при всех его разнообразных дарованиях недоставало именно того, что прежде всего необходимо было в его затруднительном положении: способности к быстрому решению. После назначения новых наместников проходили месяцы, а он буквально ничего не предпринимал, несмотря на то что по известным обстоятельствам происходившего в провинциях ему представлялось немало случаев к применению быстрых, решительных мер. По-прежнему продолжал он слишком терпеливо выжидать, не согласятся ли наконец мединцы добровольно принять участие в сирийском походе. Из состояния летаргии подняло его наконец потрясающее известие. Безучастность мединцев показала ясно, что дело Алия не пустило прочных корней в народе. У побежденных соперников, Тальхи и Зубейра, возродились поэтому новые надежды, что можно будет попытать вырвать владычество из его рук Свергнут же возмутившимися Осман, не крепче его и Алий! А верность и вера для этих людей давно уже стали пустым звуком. Оба направились в Мекку, чтобы там подготовить тайком возмущение, под покровительством безнаказанности, даруемой этими святыми местами. Здесь встретились они с Айшей. После катастрофы отсюда она не выезжала, соединившись с Я'лой, обладателем южноарабской казны. Этот последний, конечно,

охотно соглашался играть с ними заодно; что же касается «матери правоверных» — для нее не могло быть высшего наслаждения, как опозорить Алия, а тем паче составить заговор* против своего смертельного врага. Так поступала она и раньше по отношению к Осману. Ее набожность весьма легко мирилась с гибельною склонностью к интригам; теперь, понятно, стала она не менее Амра и Му"авии возмущаться этим ужасным, чудовищно совершенным преступлением. Всего оригинальнее было то, что большинство Омейядов с Мерваном во главе примкнуло также к этому движению. Вообще не выяснено, почему после умерщвления Османа, вместо того чтобы отправиться к М/авии, они удалились в Мекку. Может быть, Омейяды полагали найти более верную безопасность в самом святом граде, округ которого ограждался строго соблюдаемым правом неприкосновенности убежища, и предпочитали укрыться там, чем подвергаться риску встречи с бунтовщиками, рассеянными по дорогам в Сирию. Возможно также, что они задумали сначала собрать всех своих приверженцев в этом старинном местопребывании их семьи. Во всяком случае считали они полезным, когда Тальха и Зубейр в Мекке стали во главе недовольных, помогать пока всеми зависящими от них способами расширению возникшего раскола в недрах партии правоверных. Они по-

' «Ничего она не говорила о нем хорошего, даже и тогда, когда представлялась возможность промолчать», — говорит один современный свидетель.

нимали, что чем более сил истратит Алий в борьбе со своими противниками, тем вернее в конце концов достанется победа Муавии. И эти «прямодушные люди» склонялись по наружному виду признать справедливость взводимой клеветы, а потому соглашались отомстить Алию за пролитую кровь Османа. Когда же оба главные заговорщика вместе с Айшей потянулись в сопровождении 1000 человек в Ирак, чтобы там с помощью своих приверженцев перетянуть на свою сторону многочисленные войска этой провинции, во главе этой странной пестрой толпы очутились и Омейяды. Только один из них оказался вполне честным — это был бывший наместник Османа в Куфе, Са'ид Ибн Аль-Ас. Когда он увидел своих родственников, ехавших впереди Тальхи и Зубейра, то насмешливо окликнул их: «Куда вы идете? Взгляните, мщение позади вас, на спинах верблюдов», этим давал он ясно понять совиновность обоих ехавших позади с бунтовавшими против Османа. Лицемерие их он тоже удачно разоблачил. На вопрос его, кто же из вас после победы станет халифом, они ответили: «Тот, кого выберет община». Тогда он стал им доказывать, что если они действительно хотят мстить за кровь Османа, то обязаны вручить власть одному из сыновей покойного. Они ответили, разумеется, уклончиво. Вместе с некоторыми другими последовавшими его примеру Сайд так и не участвовал в общем предприятии. Да и участникам в заговоре было как-то не по себе; на это лучше всего указывает поведение Айши. Одно неприятное предзнаменование, случившееся во время похода, так встревожило нечистую ее совесть, что она чуть было не вернулась назад; едва ее уговорили. Раби' II 36 (октября 656) войско союзников достигло Басры; по дороге оно возросло с присоединившимися со всех сторон до 3000 человек. Здесь, как и в Куфе, мнения разделились. В обоих городах издавна были многие лично благожелательствующие Тальхе или Зубейру. Хотя большинство участвовавших в бунте против Османа, услышав дикие вопли о мщении за Османа, должны были волей-неволей держаться Алия, но, с другой стороны, прибытие Тальхи и Зубейра благодаря капризному непостоянству настроения населения быстро увеличило силы другой партии. Наместник Алия, Осман Ибн Хунейф, распорядился благоразумно: неуверенный в надежности своих людей, он не решился запретить противникам занять часть города. Когда же те стали публично обращаться с речами к народу на главной площади города, стараясь умножить число своих приверженцев, Ибн Хунейф стал с успехом и ревностно противодействовать им, причем нашел сильную поддержку у некоторых из более благоразумных. Союзникам приходилось в этих спорах услышать много неприятных истин: противники указывали на распоряжение пророка, по которому следовало «матери правоверных» сидеть у себя дома спокойно, а не таскаться по лагерям вместе с мужчинами. Талхее же и Зубейру, когда они стали неистово громить убийц Османа, сказали прямо в лицо, не желают ли они взглянуть на свои письма, в которых сами же подстрекали когда-то народ против несчастного халифа. Рядом с приверженцами союзников и людьми Алия образовалась в городе еще нейтральная партия, от которой, собственно, и зависел окончательный перевес. Эти последние потребовали представления достоверного доказательства, что Тальха и Зу-бейр, как они утверждали, присягнули действительно Алию по принуждению. Таким образом, на некоторое время настало затишье, но когда посланные в Медину вернулись с известием, что и там по этому поводу мнения не одинаковы, все осталось по-прежнему в выжидательном положении. Раз ночью напали союзники при помощи нескольких изменников на дом Ибн Хунейфа и взяли его в плен. Потеряв своего предводителя, друзья Алия все еще не сдавались, но после долгих бесцельных переговоров были наконец побеждены в открытом бою. Басра очутилась теперь в руках Тальхи и Зубейра. Чтобы заставить всех окончательно уверовать в искренность их стремления мстить за кровь Османа, совершен был ряд ужаснейших злодеяний. Принялись казнить приверженцев Алия всех поголовно как соучастников в цареубийстве, во всяком случае не более виновных, как и те, которые их умерщвляли. Отвратительная резня оказалась к тому же вскоре непростительной ошибкой, навлекшей на виновников ее справедливую кару. Между убитыми были люди всеми почитаемые, находившиеся в близких отношениях с наиболее влиятельными жителями Куфы. Поэтому, хотя до сих пор в этом последнем городе у Алия было не особенно много приверженцев, теперь мнение большинства окончательно склонялось в ущерб союзникам. Ка'ка', герой Кадесии, громко стал выражать свое негодование и вместе с другими наиболее влиятельными людьми начал противодействовать Абу Мусе Аль-Аш'арию, доселе почитаемому всеми. Этот последний,

понятно, был противником Алия за его попытку сместить его с должности. Когда почти одновременно прибыли послы Алия и басрийцев, наместник старался уговорить своих сограждан, чтобы они по крайней мере оставались нейтральными. И действительно, посланникам Алия, неоднократно прибывавшим, не удавалось добиться желаемой цели. Всех, которых посылал Алий: Мухаммеда Ибн Абу Бекра, Малика Ибн-Агатара и других, — Абу Мусе легко было дискредитировать как заведомых цареубийц. Наконец явился в Куфу сын Алия, Аль-Хасан. Был это довольно обыкновенный и бесхарактерный человек, но как внук пророка пользовался некоторым уважением; к тому же его сопровождал старый Аммар Ибн Ясир, изучивший хорошо местные обстоятельства еще со времени неудачного управления своего при Омаре. От имени Алия объявлялось во всеуслышание, что он избирает Куфу местом своей резиденции — в Медине ему становилось тесно, что уже выяснилось теперь окончательно. Это заявление, совместно с кипучею деятельностью Аммара и присутствием Хасана, возымело значительное действие. Ка'ка' с соумышленниками открыто принял сторону Алия, а Абу Муса был совершенно оттеснен. Вынужденный покинуть город, наместник удалился, озлобленный, готовый ежеминутно дать волю своему недовольству, но пока не находил еще удобного случая.

По-видимому, положение вещей сразу менялось. Тотчас же по полученному в Медине известии о движении Тальхи и Зубейра Алий собрал маленькую группу своих приверженцев — их было едва ли более 900. Предстояло поторопиться, насколько возможно, дабы предупредить союзников в Ираке. Дни за днями тянулись, а халиф все не мог выступить в поход, так что прежде чем он успел достигнуть границ Ирака, Басра уже пала. Когда он вступал в Зу-Кар, где когда-то происходило большое сражение между племенем Бену Бекр и войсками Хиры, перед ним предстал с печальной вестью Ибн Хунейф, прогнанный из Басры союзниками, с обрезанными волосами на бороде, бровях и ресницах. Итак, со своей маленькой толпой приверженцев Алий очутился сразу в виду вдесятеро сильнейшего неприятеля. Но вскоре прибыли в лагерь 900 куфийцев, сопровождавших Хасана, присоединилось также несколько тысяч басрийских беглецов; мало-помалу стали подходить все новые толпы вспомогательных войск, так что в небольшой армии его вскоре насчитывалось от 15 000 до 20 000 человек; более ни в каком случае не могло быть у союзников. Но халиф прежде всего рассчитывал на обаяние вверенной ему власти и все еще надеялся восстановить мир без пролития крови. Еще не покидая Зу-Кар, послал он Ка'ка' в Басру, и действительно, предложения его были выслушаны союзниками. Невзирая на ослепление личных самолюбий, трудно было скрыть даже от самих себя, что во всех отношениях — не только ввиду внешних врагов, но и общины — тяжкая ответственность падала на того, кто направит оружие мусульман друг против друга, вместо того чтобы соединенными силами защищаться и далее распространять веру в пределах Персии и Византийской империи. Весьма возможно, что Алий пытался указать путь и средства к совместному управлению. Так или иначе, Ка'ка' вернулся с известием, что союзники готовы вступить в переговоры, если Алий согласится удалить из своего войска всех подозреваемых в цареубийстве. Партии недовольных необходимо было поставить это условие, так как она же раструбила всюду, и с таким превеликим шумом, что мщение за смерть Османа — единственная цель всего похода. Тем не менее предложение было слишком дерзкое. Давно ли Мухаммед Ибн Абу Бекр вместе с Малик Аль-Аштаром усердно хлопотали, убеждая куфийцев перейти на сторону Алия; было бы грубой неблагодарностью отстранить их теперь от себя. Алий, однако, решился и на это. Неизменно верный и признательный доселе к своим приверженцам, в данном случае он жертвовал ради высших целей давно сложившимися убеждениями. Выступая из Зу-Кар к Басре, халиф послал наперед свое согласие на предложенное ему условие и одновременно отдал повеление всем участвовавшим в возмущении против Османа отделиться от войска и оставаться здесь на месте. Новый оборот дела не мог, разумеется, понравиться этим последним; ни на минуту не могли они сомневаться, что подвергнутся опасности быть пожертвованными ради восстановления всеобщего мира. По выступлении Алия с войсками далее они стали совещаться. Долго они спорили и наконец решились выискать случай и нечаянным нападением на союзников вызвать междоусобную войну. Втихомолку потянулась эта небольшая, но воодушевленная крайней решимостью толпа* вслед за войсками Алия. Когда халиф разместился в одном из предместий Басры, они укрылись в соседней Х у р е и б е. Несколько дней продолжались дружеские сношения между людьми Алия и союзниками; оба войска, видимо, старались сблизиться. Казалось, раздор постепенно утихал; Зубейр, как говорили, прямо обещал Алию не подымать против него оружия — носились слухи, что халифу удалось поссорить его с Тальхой и заманчивыми обещаниями перетянуть на свою сторону. Вдруг однажды, в утренних сумерках, в месяце Джумаде I 36 (ноябрь 656)", цареубийцы внезапно напали на отряды союзников, стоявших также в Хурейбе. Как они рассчитывали, так и случилось; с обеих сторон были убеждены, что перемирие прервано; оба войска бросились с остервенением друг на друга. Судя по тем спутанным известиям, которые дошли до нас об этом сражении, оказывается, что первая битва, в которой дрались мусульмане с

' По свидетельству одного предания, было их 2500—2600 человек. Так как, по достоверным известиям, число бунтовщиков, покушавшихся на жизнь Османа, не превышало 1000, следует предположить, что к цареубийцам примкнули их единомышленники и единоплеменники.

" Разнородные попытки определить день сражения не привели ни к каким результатам; одно только положительно верно, что многие встречаемые в предании прибавления, указывающие на Джумада II (декабрь 650), неосновательны.

мусульманами же, была жестока и упорна. Прочно установившееся религиозное единение до известной степени расторгло старинные племенные узы; многие члены одного и того же племени жили одни в Басре, другие в Куфе: вот и дерутся теперь Раби'а против Раби'а, Мудар против Му-дар*, сражаются равно друг против друга герои персидских войн и набожные начетчики Корана. Неохотно вступал в бой, конечно, один Зубейр, которому слишком много было обещано Алием во время веденных предварительно мирных переговоров; погнало его в сражение, как говорят, издевательство собственного сына Абдуллы. Вскоре оставил он, однако, поле сражения, когда успел поддержать старинную честь испытанной своей храбрости. Но невдалеке от сражающихся настигла его бесславная смерть от руки безвестного бедуина; коварно поразил этот воин стоявшего спокойно на молитве полководца, полагая заслужить этим благосклонность Алия. В пылу сражения Тальха был тоже тяжело ранен и изошел кровью прежде, чем успел достичь города. Его смерть и удаление Зубейра ослабили стойкость очутившегося без предводителей войска. Толпы бегущих мчались мимо верблюда, на котором в своем паланкине восседала Айша, «мать правоверных». Пронзительным, визгливым голосом взывала она к своим «сынам», приглашая их снова начать прерванную битву. Один из близ стоявших приверженцев ее высоко поднял святую книгу божию и ринулся очертя голову на напиравшего неприятеля, а Айша снова завыла: «Аллах! Аллах! Вспомните об Аллахе и об отчете ему». И снова заколыхались вокруг энергической вдовы пророка волны сражающихся; высоко воздымался над бойцами ее верблюжий паланкин. Наконец и он усеян был сплошь стрелами, словно еж иглами. Даже Малик, вступивший так храбро в бой с Абдуллой Ибн Зубейром и нанесший ему значительную рану, и тот принужден был отсту**пить** за невозможностью ухватиться за поводья верблюда

* Мудар и Раби'а — это два главные отдела измаильтянских (северных) арабов. Вместе с другими образовали они племена Бекр и Таг-либ. Южнее идут — Гатафан, Хавазин; Сулейм, Темим, Хузейль; Асад, Курейш и т. д.

Айши: кругом животного выросла живая стена; особенно храбро дрались люди из племени Д а б б а. Невольно подался Малик назад и наткнулся как раз на могучего Ка'ка'. На брошенный ему мимоходом укоризненный вопрос, уж не вздумал ли он бежать, храброму воину ничего не оставалось, как промолчать. За дело надо было иначе приняться. На стороне Алия оказался один из даббитов; он крикнул своим землякам, прося пропустить его к ним для переговоров. А сам между тем, не проронив ни словечка, быстрым ударом перерезал одно из коленных сухожилий у верблюда; животное закачалось и рухнуло. Живо подскочил Ка'ка' со своими, овладел паланкином с Айшей, и мужественным защитникам ничего не оставалось, как отступить. Всякое преследование, умерщвление раненых и грабеж города были строго воспрещены Алием. Сама Айша, взятая в плен, нисколько не смутилась от понесенной неудачи и гневно стала разносить брата своего, Мухаммеда Ибн Абу Бекра, а также и других, вымещая на них свою досаду. Ее, конечно, не тронули пальцем и отпустили с миром в Мекку; по окончании паломничества в том же году она вернулась в Медину. Смерть обоих соперников более, чем самая победа в «верблюжьем сражении», доставила Алию неоспоримое владычество над всем Ираком, население которого теперь без сопротивления признало его своим властелином. Так как в Аравии нельзя было предполагать возмущения, по крайней мере открытого, оставался один Му'авия, продолжавший оказывать явное неповиновение халифу. Между тем, как ни мала была по внешнему пространству сирийская провинция в сравнении с владениями Алия, Му'авия все-таки располагал средствами если не значительно большими, то далеко более надежными. Необходимо было прилагать постоянные усилия, чтобы держать в руках только что завоеванные страны к востоку от Тигра; поэтому в настоящее время эти области были скорее бременем, чем помощью для того, кто ими владел. С другой стороны, Египет имел вообще малую связь с остальными провинциями и при малейшем неуспехе легко мог перейти на сторону соседей Сирии. Таким образом, кроме беглецов и союзников пророка, притекавших многочисленными толпами для борьбы с безбожным Омейядом, Алию можно было рассчитывать собственно только на иракцев, но их быстро меняющееся настроение не обещало большой выдержки. Му'авия между тем не дремал. Лишь только дела Алия стали немного поправляться, он позаботился притянуть к себе все войска под благовидным предлогом держать в страхе ненадежные пограничные округа Армении. Хотя войско его не особенно превосходило численностью пестрые толпы Алия, но он мог во всяком случае уповать на сирийцев, как на самого себя. Издавна сумел он привязать их к себе мудро рассчитанной системой строгой дисциплины и личного вмешательства, а главное — искусным применением подчас широкого оделения щедротами. И все же, когда в середине 36 (в начале 657) Алий, перенесший свою резиденцию в Куфу, обратился к нему снова с требованием признать его халифом по примеру остальных товарищей пророка, наступил и для Му'авии трудный момент. Становилось слишком ясным, что новый отказ поведет к страшной междоусобной войне и ислам может быть потрясен в самых основаниях, грозя гибелью тем, которые осмелились пожертвовать делами веры ради удовлетворения личного честолюбия. Нельзя было также представителям мек-канской аристократии обманываться, что вся их кропотливая работа, при помощи которой унизительное поражение племени курейш Мухаммедом преобразилось в могущественную власть предводителей этого самого племени над возникшей новой мировой империей, обратится в прах, лишь только они согласятся подчиниться. Поэтому Му'авия вместе со старым Амром, ставшим отныне душой его политики, решили продолжать сопротивление, понятно, под благовидным предлогом все прежнего лозунга — мщения за Османа. Кто был поумнее, не более Му'авии верил в эту побудительную причину. В то же самое время написал наместник Сирии письмо к

Са'д Ибн Абу Ваккасу, в котором выражал упование, что те превосходные люди, которые когда-то участвовали в выборе Османа, из первых помогут отомстить за пролитую его кровь. Он напоминал, что так поступили Тальха, Зубейр и Айша; следовало бы, по его мнению, к ним примкнуть и Са'ду. Последний ответил сухо: упомянул, что Алий в числе избирателей Османа был из первых, что же касается Тальхи и Зубейра, они бы сделали гораздо лучше, если бы оставались дома, а «матери правоверных» — да простит Аллах. Так и не пожелал он выступить из своего уединения.

Му'авии зато лучше удался другой маневр. Именем Алия управлял Египтом энергический и притом рассудительный Кайс Ибн Са'д. Он был настолько благоразумен, что не трогал в Харбите поселившихся там противников халифа; с своей стороны и они нисколько не выказывали желания вступать в открытый бой. Человек этот для Му'авии был как бельмо на глазу. На одно письмо, в котором он было попытался отвлечь его от Алия, Кайс ответил прямо и не особенно вежливо: «Вижу, по-прежнему ты остался мекканским идолопоклонником, неохотно принял когда-то ислам, а теперь покинуть его хоть сейчас готов». Поэтому Му'авия с радостью обещал Амру наместничество в Египте; тому тоже страстно хотелось заполучить в руки все средства доходной страны; для этого необходимо было прежде всего устроить так, чтобы Алий послал вместо Кайса человека взбалмошного, дабы тот наделал побольше глупостей в наместничестве. Состряпано было от имени Кайса письмо, в нем постарались поместить как можно более выражений мнимой дружбы наместника к мстителям за Османа. Это подделанное послание быстро пошло по рукам, пока не достигло халифа. Дарования Алия, увы, не имели зачастую ничего общего с политикой, в которой он оказывался постоянно чистым ребенком. Ослепленный в свою очередь диким фанатизмом, Мухаммед Ибн Абу Бекр первый объявил ему про «измену» Кайса, и халиф пошел прямо на ловушку. Немедленно же на смену деловитого правителя послан был этот самый Мухаммед, успевший в самое непродолжительное время привести весь Египет в замешательство и породить смуту. Великодушный Кайс и не думал мстить своему повелителю за его глупость: он предложил ему даже свой меч в предстоящей войне с Му'авией, так как именно теперь войска Алия отдельными отрядами передвигались через Месопотамию к границам Сирии. Были это воины из всевозможных провинций, предводимые своими наместниками; тут находились А л ь-А ш'а с Ибн К а й с из Азербайджана, Д ж а р и р И б н А б д у л л а из Хамадана, А б д у л д а Ибн А б б а с из Басры. Ядро войска составляли более 1000 человек старинных сподвижников пророка; между ними оставалось еще 70, сражавшихся под Бедром; встречались также люди из Куфы, покорители Персии. Когда армия подошла к Евфрату в том месте, где река образует большую дугу к юго-востоку, командование авангардом было вверено храброму и беспощадному, но надежному Малику; он принудил непокорных жителей Р а к к и построить немедленно мост. Успевшие переправиться на южный берег вскоре ощутили наступление войск Му'авии. Полчища Алия перевалили наконец через мост. Но халиф отдал строгое приказание на первых порах лишь отражать делаемые неприятелем нападения: и здесь, как и перед «верблюжьим сражением», он не хотел упустить ни одного средства, могущего отклонить кровопролитие между мусульманами. Поэтому завязывались только форпостные стычки. Дрались горячо лишь раз. Оба войска разместились на полосе земли, называемой С и ф ф и н; это был, собственно говоря, южный берег Евфрата между его большой излучиной (там, где он поворачивает на восток) и Раккой; так называется эта местность и поныне. Предводителю авангарда Му'авии, А б у' л ь-А'в ару, удалось отвлечь противников от Евфрата, так что вскоре они стали ощущать недостаток в воде. Алий поневоле вынужден был разрешить нападение, и Малику удалось со своими всадниками, при поддержке пехоты Аш'аса Ибн Кайса, проложить себе дорогу к реке и оттеснить от нее войска Му'авии (начало Зу'ль-хиджжи 36 = конец мая 657). Но Алий все еще надеялся оттянуть время решительной встречи; для этого он повелел не препятствовать неприятельским войскам пользоваться водою реки. Одновременно халиф послал еще раз посольство к Му'авии, но, как и прежние, оно не имело никаких последствий, так как при этом Шабас Ибн Риб'ий бросил Омейяду прямо в лицо упрек, что его вечный лозунг мщения за Османа рассчитан, вероятно, на одних дураков. Эти слова произвели, понятно, такое же впечатление, как и все вообще неприятные истины. Между передовыми отрядами обеих армий снова завязались бесконечные стычки, и в этих незначительных столкновениях прошел весь последний месяц: как передавали позже, «обе армии — иракская и сирийская — избегали со страхом общей встречи, опасаясь полного самоуничтожения». И они имели полное основание опасаться этого. Вступить в борьбу собрались лучшие силы ислама, и цена победы легко могла оказаться для самого победителя слишком дорогой. Немудрено поэтому, что к началу 37 г. (середина июня 657) было заключено на месяц Мухаррем перемирие для возобновления дальнейших переговоров между обоими предводителями. И все же это было роковою ошибкой для Алия: потворствуя своей собственной нерешительности, охотно откладывая развязку, он причинял величайший вред своим действительным интересам. Это было новым доказательством его полнейшего непонимания людей. Как мог он вообразить, что и теперь в состоянии понудить Му'авию к уступчивости мерами кротости, как мог не заметить опасности этого продолжительного бездействия для некоторых элементов своего же войска, тем более ввиду дружественных переговоров с противником. Положим, в общем продолжала существовать резкая рознь между сирийцами и иракцами так же, как и непримиримая ненависть старых сподвижников Мухаммеда к мирской партии Омейядов. Но столь же известно было прихотливое и своенравное настроение куфийцев, замеченное уже несколько лет тому назад; вскоре действительно обнаружилось, что в рядах их не один изменник выжидал только время для того, чтобы повыгоднее продаться Му'авии. Конечно, при

характере Алия вовсе не удивительно, что он, который по одному доносу сменил преданного ему Кайса Ибн Са'да, бывшего далеко от него, теперь ни за что не поверил бы, что измена назревает тут же, на его глазах. Целый месяц разъезжали послы, направляясь от одного лагеря к другому, продолжали усердно толочь воду в ступе, по-видимому, изыскивая всевозможные ухищрения, чтобы добиться наконец решения, кто, собственно, виновен в умерщвлении Османа. Требования Му'авии выслать из войска убийц Османа Алий на этот раз, конечно, не исполнил: настолько-то его умудрил опыт со времени «верблюжьего сражения». Но он сам в течение четырех недель ничего не предпринимал, меж тем как Му'авия совместно с Амром не упускали ни единого подходящего случая: выведывали у каждого посланника все, что было им нужно, и сеяли в неприятельском лагере чрез своих послов щедрою рукою любезности и обещания.

Наступил последний день Мухаррема, перемирие истекало. Алий торжественно отринул все предложения сирийцев. Войска стали готовиться к бою. Но противники еще медлили: страшновато становилось обеим сторонам поставить все на карту; так проходили первые дни (1—7 Сафар 37 = 19—25 июля 657), завязывались отдельные стычки, случались по-старинному единоборства, но до общей свалки еще не доходило, ни та, ни другая сторона не одерживала значительного перевеса. Наконец вечером на седьмой день Алий решился развернуть все свои силы. При вечернем богослужении воспоследовало окончательное распоряжение, и ночью все приготовились. На другое утро (в среду *8 = 26* июля) все войско выступило против сирийцев, соединенные полчища которых стояли также в боевом строю. При расположении войск Алий старался, где только было возможно, заставить сражаться родственные племена друг против друга: аздов Басры против аздов сирийских, хат'амов куфийских против хат'амов сирийцев, и так повсюду, где только находились в обоих войсках части, принадлежавшие к одним и тем же племенам. В этих тактических передвижениях, как кажется, прошла большая часть времени, ибо до нас дошло вообще одно только, что в этот день сражались. Во всяком случае бой разгорелся с полной силой лишь на следующее утро (четверг 9 = 27 июля). Сам Алий, окруженный мединца-ми, стариннымн беглецами и союзниками пророка, командовал центром, правым крылом руководил Ибн Будейль, левым — Абдулла Ибн Аббас, конницей которого уп- равлял Малик Аль-Аштар. И на стороне противников полководец также находился в средине. Здесь Му"авия приказал разбить для себя большую палатку, оставленную под прикрытием конницы Дамаска, предводимой Амром Ибн Аль Асом. На левом крыле командовал Хабиб Ибн Маслама — покоритель Армении, правым — химьярит Ибн Зу"ль-Кела; авангард состоял по-прежнему под управлением Абу ль-А'вара, пехотой Дамаска в центре командовал Муслим Ибн Укба. Силы обеих армий почти были равные: против 70000 воинов Алия стояло никоим образом не более 30000 сирийцев. Как то, так и другое войско могло похвалиться особым отборным отрядом: тщательно подобранные люди торжественно поклялись Му'авии победить или умереть. Между куфийцами также нашлось порядочное количество ревностно набожных, которых прозвали за их непрестанное изучение Корана «чтецами»; они держались крепко друг за друга и теперь разделились на три отряда, предводимые Ибн Будейлем, Кайсом Ибн Са'дом и старым Аммаром Ибн Ясиром. Были это люди решительные, многие из них принимали участие в цареубийстве: отвращение свое к Осману они перенесли с удвоенной силой на муавию. Бой открыл Ибн Будейль, напирая с необыкновенной силой на левое крыло сирийцев. Ему удалось оттеснить Хабиба и при помощи своих «чтецов» проложить дорогу к центру неприятельского войска — чуть что не дошли они до палатки Му'авии, но тут встретили отпор: отряд присягнувших принудил их податься назад. Далее посланные к ним на подмогу Алием из центра мединцы, на этот раз, впрочем, действовавшие вяло, не могли восстановить перевеса. Между тем на левом крыле иракцев дело шло не совсем благополучно. Арабы юга, предводимые Ибн Зуль-Кела, одержали здесь перевес, так что это крыло держалось благодаря лишь особенной храбрости некоторых находившихся там из племени Раби'а. Сам Алий бросился к ним на выручку, удержал бегущих и возобновил бой, а на правое крыло послал Малика со всей его конницей. Малику также удалось остановить начавшееся было там бегство и проложить дорогу саблями к находившемуся в большой опасности со своими «чтецами» Ибн Будейлю. И снова началось наступление. При первом же движении вперед пал Ибн Будейль, врезавшийся со своими «подобно тарану»; Малик тотчас же принял начальство и успел далее самих «клятвенников» оттеснить снова до самой палатки Му'авии. Уже первые четыре ряда отчаянных храбрецов были смяты нападающими. Му'авия потребовал лошадь, приготовляясь сесть и ускакать. Но вдруг раздался старый мужественный голос, как бы случайно прокатившийся до него эхом и пробудивший в нем чувство чести, — и наместник не сдвинулся с места. Об этом постарался, как оказалось, Амр, спокойно крикнувший: сегодня — «танец смерти», наутро — «блеск владычества». «Клятвенники» стояли стеной. Раз еще удалось проникнуть сюда толпе «чтецов» под предводительством Аммара. «А, вот где ты, Амр, за Египет готов и совесть продать, так погибни же!» — крикнул он. Несмотря на свою глубокую старость, товарищ пророка, Аммар, сражался с неприятелем подобно льву, но даже принесенная им в жертву жизнь не могла доставить окончательной победы. Оба войска продолжали драться без передышки — казалось, не будет и конца бою. Тогда Алий, завидя издали Му'авию, крикнул своему противнику: «Зачем нам продолжать эту бойню людскую, выходи, вызываю тебя на суд божий. Кому из нас удастся положить на месте другого, пусть тот и властвует». Амр стал убеждать Му'авию принять вызов, но тот решительно отклонил предложение. «Разве ты не знаешь, — проговорил он, — что еще не было такого, который бы, сражаясь с ним, не был убит». Когда же Амр продолжал настаивать, доказывая, что не совсем прилично так принижаться, наместник с сердцем ответил: «Я вижу, тебе желательно стать властелином вместо меня». Всем

были действительно известны храбрость и искусство владеть оружием Алия, так что Му'авии нельзя было ждать благоприятного исхода единоборства. Трудно поэтому было его обвинять за то, что он отклонил такое рискованное решение боя. Даже ночь не в силах была развести бойцов: во многих местах на поле сражения борьба продолжалась вплоть до самого утра. Это была вторая «ночь грохота», подобная той, которую пережили когда-то победители при Кадесии. Наконец утром на третий день (10 Сафар = 28 июля 657), казалось, близилась развязка. Малик был окончательно назначен предводителем правого крыла; он собрал всю свою конницу и приготовился к последнему решительному удару; напирая с бешенством на сирийцев, он успел-таки загнать их в самый лагерь. Командовавший по-прежнему центром Алий, заметя победоносное наступление своего подчиненного полководца, бросился с пехотинцами центра на Му'авию. Наместнику предстояла великая опасность; нападение велось с двух сторон, так как левое его крыло было окончательно истреблено. Но «война — игра в обман», сам пророк так выражался. Может быть, уже заранее на всякий случай подготовлялась одна из самых недостойных комедий всемирной истории. Опять-таки за Амром остается заслуга изобретения ее: вдруг на копьях очутилось столько Коранов, сколько можно было их достать. Сирийские воины стали громко кричать иракцам: «Глядите, вот где, в книге Божией, следует искать правоверным разбор распрей, а не во взаимном истреблении. Прекратим бой, назначим третейский суд, пусть разберет он притязания Алия и М/авии, руководствуясь словом Наивысшего, и все уладится». Как ни смешно было подобное предложение, и в то именно мгновение, когда уже наступала решительная победа, и хотя легко было возразить, зачем же не было предложено это ранее, перед пролитием крови', тем не менее воззвание это произвело на обе воюющие стороны громадное впечатление. Столь велико было уважение, которое питали действительно набожные мусульмане к Священному писанию, что на них во всяком случае должна была произвести потрясающее действие та мысль, что следует почерпать решение из непреложного источника истины. К тому же «чтецы» были людьми не только набожными, но и пропитанными насквозь старинным арабским чувством безграничной независимости. Их демократическому

' Достоверных известий о числе павших в этих боях не существует. Но из всех описаний сражения вытекает, что потери с обеих сторон должны были быть значительные.

складу ума показалось в высшей степени лестным, в качестве лучших знатоков откровений, стать представителями общины в решении вопроса о халифате. Вот почему первыми перестали драться именно эти люди. Их примеру последовали очень многие, но по совершенно иного рода побудительным причинам: это были изменники, прислушивавшиеся во время перемирия к нашептываниям послов Муавии; очень может быть, что они именно приняли на себя роль, которую не постыдились теперь разыгрывать. Во главе их стоял все тот же Аль-Аш'ас Ибн Кайс, киндит, изменник своему собственному народу. Никогда не мог он простить набожной Медине за свое развенчанное южноарабское королевство и ухватился с горячностью за случай помочь выкрасть победу и утешить себя поздним мщением. Тотчас же стал он громко ораторствовать, убеждал Алия поскорее отозвать Аштара, продолжавшего сражаться на противоположном краю позиции, и предложил свои услуги отправиться к Му'авии, дабы условиться насчет предстоящего третейского суда. Тщетно халиф стал сгоряча упрекать «чтецов», как они не понимают, что от подобных людей, как Му'авия, Амр, Ибн Абу Сарх и всех прочих их сотоварищей, достаточно известных как исконных врагов веры и Корана, можно ждать лишь одного обмана.

Не помогло ничто: слепые фанатики и изменники напирали со всех сторон на повелителя, посыпались глухие угрозы, послышались громкие крики, что он готовит себе судьбу Османа, если станет медлить, — волей-неволей приходилось уступить и послать вестника к Малику. Смелый начальник кавалерии выходил просто из себя, сначала не хотел ничего и слышать; только тогда, когда ему объявили прямо, что Алия умертвят, если он не прервет немедленно сражения, с сокрушенным сердцем должен был этот храбрый воин остановить бой. Когда же он приблизился к «чтецам», то не выдержал и разразился жесточайшими ругательствами за совершенную ими глупость. Гневно кричал он им: «Ведь мы уж победили, дозвольте хоть на минуту вернуться к моим войскам. Я живо покончу с безбожником, который никогда в жизни не прибегал за советом к Корану».

Все было напрасно. Подкрепляемые в своем набожном упрямстве изменниками, «чтецы» настаивали на своем желании. Отрезанный от своих личных приверженцев, окруженный толпами отказывающихся повиноваться, Алий, невзирая на свое испытанное бесстрашие в бою, отступил в ужасе перед прямой угрозой положить его тут же на месте. Вечно неспособный на смелое решение, он позволил наконец вырвать согласие и послать Аш'аса к сирийцам, подготовляя этим самым проигрыш всего своего дела.

Если он воображал, быть может, что ему удастся добиться по крайней мере назначения беспристрастного третейского суда, то и в этом вскоре пришлось разочароваться. Аш'ас вернулся с известием, что там соглашаются назначить с каждой стороны по одному третейскому судье; по Корану должны они будут решить, кому подобает владычество: Алию или. Му'авии. Сирийцы избрали, конечно, Аира, мятежные же иракцы, все еще не выпускавшие Алия, потребовали, по наущению Аш'аса, чтобы он назначил Абу Мусу Аль-Аш'ария, того самого наместника Ирака, который потерял свое место при переходе куфийцев на сторону Алия. Правда, он объявил, что не примет никакого участия в войне, но на него падает подозрение, что был заодно с Му'ави-ей и Аш'асом, чего, конечно, набожные «чтецы», уважавшие в нем старейшего сподвижника пророка, и не подозревали. Так или иначе, человек этот

находился невдалеке: поджидал в маленьком местечке, несколько на юг от Сиффина, чем дело кончится. Алий знал, разумеется, что в этом человеке он не может встретить особенно теплого заступника своих интересов, но, с другой стороны, ясно понимал, что несогласие его ни к чему не послужит. Предложение его назначить Малика было отвергнуто с издевательством. Между тем подходили войска Малика, но нерешительный халиф опять испугался ответственности, в случае если подаст повод к вооруженному столкновению между своими собственными приверженцами, и стал снова приноравливаться к обстоятельствам, как умел, наперекор внутреннему своему убеждению. Абу Мусу разыскали, и дня два спустя был подписан договор: оба третейские судьи должны были отправиться в месяце Рамадане текущего года в Думат Аль-Джандаль, оазис сирийской пустыни, лежащий на середине пути между Сирией и Ираком, для постановления своего решения; а оба войска тем временем должны были отступить на места прежних своих стоянок*.

Подумать только, какое пагубное бессмысленное заблуждение: 70000 поседевших в боях воинов, огромное большинство которых обладало притом недюжинным умом, выступило в дальний поход, дабы подавить возмущение известной партии, отличавшейся далеко не религиозным направлением. А затем, в момент достижения победы, после неслыханных напряжений и жертв, эти воины преспокойно ворочаются домой, удовольствовавшись простым заявлением противников, что и они, собственно говоря, люди тоже весьма набожные. Но порыв дикого безумия прошел скоро: наступило покойное рассуждение, и в войске Алия возникло всеобщее недовольство. Тесный круг приближенных — Малик, Ибн Аббас и Кане, — хотя тоже сильно озлобленные вообще на ход дел, не отказываются служить по-прежнему своему властелину, но настроение людей из Куфы и Басры было весьма неблагоприятное. Преобладавшее чувство гордости свободного араба заставило многих взглянуть с презрением на действия наместника пророка, дозволившего себе уступить толпе мятежников потому только, что они угрожали ему смертью. Главные же виновники печального исхода похода, проявившие на-

* Так рассказан ход событий у большинства арабских историков. Но в только что открытой хронике Я к у б и я встречаются и иные подробности. Они тем более достойны внимания, что указывают на деятельное участие племенных счетов, имеющих обыкновенно место во время раздоров в общине, а также и потому, что представляют в менее ярком свете дальнейшее поведение «чтецов» Корана. По этому описанию последние не принимали выдающегося участия в событиях, по крайней мере до момента избрания третейских судей, а будто бы Аш'ас восстановил своих южноарабских земляков против находившихся в войске многочисленных северян, в особенности же против Малика. Между тем ввиду единогласия всех остальных преданий нельзя прямо принять это новое, во многом далеко отступающее повествование, пока не собран будет новый материал, способный разъяснить все темное, заключающееся в этом событии.

божность не по разуму, куфийские «чтецы», мало-помалу додумались наконец, что Абу Муса, хотя и сподвижник пророка, пристрастный судья, и что в конце концов Му"авия с Аш'асом ловко-таки их поднадули. Казалось, проще всего было сознаться в совершении большой глупости и стараться на будущее время лучше соблюдать дисциплину, а они дотолковались до того, что стали упрямо отвергать обоих третейских судей и потребовали от Алия нарушения договора. На это, конечно, он не мог согласиться. Тогда толпа в 12000 человек отделилась от него и продолжала обратное движение в Куфу отдельно от главного войска. Среди этих отщепенцев очутились самые разнообразные элементы: рядом со многими подозрительными личностями, которыми руководили инстинкт буйства и искание случая к грабежу и насилиям, были и многие ревностные приверженцы Алия, но ныне разочаровавшиеся в нем, когда он ради сохранения жизни вздумал уронить достоинство халифа; так, например, очутился между ними Шабас, один из отъявленных противников муавии. Далее попадалось здесь множество бедуинов, закаленных бойцов, участвовавших в персидских походах; прежде всего они желали, если уж это так нужно было, мощного властелина, а этого презирали за его малодушное поведение. Наконец, были здесь «чтецы», поддерживающие упорно фактически примененное против Османа старинное основное положение, что халиф теряет право на сан за нечестивый образ жизни либо за прегрешения против предписаний Св. писания. Вскоре они стали развивать свое вероучение как догмат, пока теоретически. Так как по самой природе вещей среди союзников по общему делу мало-помалу устанавливается известного рода уравнение взглядов, так как сверх того и «чтецам», и представителям свободолюбия, столь укорененного в среде бе-дуинства, равно присущи были одни и те же основные демократические воззрения, прямо противоположные притязаниям халифа на безусловное повиновение, то поэтому не удивительно, что все эти люди скоро выработали и признали обязательными некоторые ясно формулированные положения, которые и характеризировали их впоследствии как религиозно-политическую секту резко пуританского оттенка. «Владычество должно быть предметом совещания после победы. Богу одному подобает благоговение, предписывается совершать добро, запрещается несправедливость». Таковы были основные начала для этих последовательных приверженцев суверенитета общины. «Никакого решения вне Божеского»* — был их воинский клич. Пока же выжидали они, как поступит далее Алий по отношению к словам господним; он все еще был для них бесконечно ближе, чем этот безбожный мирянин Му'авия; быть может, думали они, халиф снова вступит на стезю Господню. Когда иракские войска приблизились к Куфе, недовольные расположились лагерем в Х а р у р а, соседней деревне. Придерживаясь слога Корана, они говорили, что пожелали отделиться от неверующих «выходом на божий путь», вот почему и назвали их х а р и д ж и т ы, «выходцы;»".

Если хариджитов следует считать за представителей арабо-исламского духа, так сказать, в самой чистой, абстрактной форме, то они были естественною противоположностью по отношению к личным

приверженцам Алия, когда и эта последняя партия твердо сложилась. Персидско-панте-истические взгляды последней выросли на только что завоеванной почве Ирака и восточной Персии и должны были подготовить совершенно новое религиозное и национальное развитие. «Партию Алия», Ши'ат-Алий, составляли просто те, которые требовали, чтобы владычество раз избранного халифа не подвергалось никакому надзору пуритан общины. К ним принадлежали прежде всего истинно верные, подобные Малику и Кайсу, затем находившиеся в родстве с Алием, как представителем семьи пророка, так, например, двоюродный брат его, Ибн Аббас, со своими приверженцами; далее — последователи учения Абдуллы, сына Сабы, которые сплотились вокруг халифа, питая особое по-

• Тем более никакого третейского суда, людей с мирскими наклонностями.
" Харидж по-арабски значит выходящий, выступающий, харид-жий — принадлежащий к выходцам.

чтение к самой личности Алия; наконец многие иракцы, примкнувшие из отвращения к сирийцам и к Муавию — его главному врагу. Весьма естественно, что эти ши'иты халифа изыскивали тоже всевозможные доказательства против тех, которые на каком бы то ни было основании ничего не хотели знать об Алии. С другой стороны, персы, в стране которых приходилось жить, если даже не принимать в расчет рабов и рабынь, во всяком случае составляли в этих провинциях большинство городских жителей*. Это население издавна привыкло, со времени еще своей независимости, подчиняться старинной и глубоко укоренившейся династии. Задолго до ислама, под давлением пантеистических идей, проникших из Индии, широко усвоено было убеждение, что Шахиншах, могущественный великий царь империи, есть воплощение божественного духа", который переходит от отца к сыну и одушевляет все поколение владык. Поэтому для каждого перса казалось какою-то бессмыслицей избрание главы государства; даже став мусульманином, он не мог себе представить надобности искать законного владыку вне потомков пророка. С первого же взгляда легко подметить, как сильно эти воззрения могли прийтись по нраву тем арабам, которые, в свою очередь, по другим, конечно, мотивам привязаны были к Алию, и как просто в данных обстоятельствах могло произойти слияние персидского элемента с ши'итами. Пока же существовала лишь посредственная связь между обоими элементами, так что члены «Ши'а», шииты, (пристрастные) были вначале не что иное, как именно принадлежавшие к партии Алия.

Разница между хариджитами и шиитами сперва была едва заметна: между первыми находились самые страстные некогда приверженцы Алия, и халиф не покидал еще надежды привлечь снова на свою сторону этих отщепенцев. Как кажется, он обещал им в самое короткое время — на успеш-

' Имеются положительные доказательства, что на ярмарках в Куфе, ко времени Алия, был во всеобщем употреблении персидский язык.
" Всем известно, какую великую роль играло учение о вочеловечении Бога в буддийской религии. И по сие время Лама, владыка Тибета, считается за воплощение Наивысшего.

ный исход третейского суда он, разумеется, давно уже не рассчитывал — нарушить договор и снова выступить в поход против Му'авии. Во всяком случае, несколько времени спустя они вернулись в Куфу в свои постоянные кварталы. Но тайные переговоры, веденные с ними, вероятно, благодаря несвоевременной откровенности самих же хариджи-тов, которые с каждым днем постепенно делались все более последовательными и все менее заботились о последствиях, стали известны большинству. Опасаясь возникновения крупных недоразумений в среде своих приближенных, Алий вынужден был открыто отвернуться от сектантов. Большинство нисколько этим не встревожилось, но настоящее ядро партии, так называемые честные фанатики, завзятые пуритане, окончательно порвали связь с недостойным, который в деле Господнем не в состоянии обойтись без нечестивых увертюк. Они покинули Куфу, потянулись по Месопотамии, переправились через Тигр и остановились в Нахраване, местечке, лежавшем несколько на север от позднейшего Багдада. Здесь фанатики избрали даже своего собственного халифа в лице Абдуллы Ибн Вахба (10 Шавваля 37 = 21 марта 658). Так как они пребывали там пока смирно, поджидавший в это самое время решения третейского суда халиф оставил их в покое. Согласно заключенному договору, Амр и Абу Муса прибыли в Думат аль Джандаль в Рамадане 37 (февраль 658) и открыли совещание в присутствии многих уважаемых личностей, как, например, Ибн Аббаса, Абдуллы, сына Омара, Абдуррахмана, сына Абу Бекра, и других. Некоторые из них, быть может, помышляли о возможности сыграть какую-нибудь роль в данном случае, приглядывались зорко, на чем дело станет, нельзя ли будет и для самих себя заполучить выгоду — были это такие представители мусульманской общины, свойства которых значительно отличались от старинного кружка мединцев: все они держались большею частью в сторонке, заметя основательно, что со смерти Османа на них не обращают никакого внимания. Беседа между Амром и Абу Мусой, надо полагать, происходила в несколько юмористическом тоне. Под благовидным предлогом соблюдения веж- ливости заговорил первый: «Ты старше меня, принадлежишь к ближайшим сподвижникам пророка, скажи же свое мнение», — понуждал хитрец своего менее коварного товарища, готовый ежеминутно поддеть его, лишь только тот обнаружит слабую свою сторону. Почти невероятно, чтобы Абу Муса, будто бы даже подкупленный Му'авией, сознательно шел в ловушку, подставленную ему Амром: этому прямо противоречит позднейший образ его действия. Конечно, он хотел прежде всего отблагодарить Алия за свое смещение с высокого поста, занимаемого им в Куфе, оттого так охотно и согласился разыгрывать роль третейского судьи. Тем не менее

было противно всем его убеждениям увидеть Му'авию полновластным властелином. Для старинного товарища пророка мирские нечестивые воззрения наместника Сирии были крайне несимпатичны. И стал он с Амром препираться вообще обо всех возможных и невозможных кандидатах, которых следовало бы выставить вместо обоих противников. О соглашении, конечно, Амр и не думал, но он успел наконец принудить старого болтуна высказать окончательное свое мнение: тот признавал Алия и Му'авию недостойными халифства и полагал предоставить общине выбор преемника. Вероятно, подстрекаемый чрезмерным тщеславием, он надеялся при этом снова воспользоваться своим влиянием. Но дело вышло совсем иначе. Воскуряя фимиам мудрости товарища Мухаммеда, Амр стал убедительно упрашивать его от имени третейского суда объявить о решении пред народным собранием. Так тот и сделал: произнес прекрасную речь о нуждах общины, а затем объявил, что по единогласному решению третейских судей следует признать притязания обоих претендентов недействительными, и заключил торжественно: «Итак, объявляю Алия и Му'авию потерявшими право на владычество. Вы же уполномочиваетесь избрать владыкою того, кого считаете достойнейшим». Затем вошел на кафедру Амр и сказал: «Вы слышали, что он сказал. Он объявил своего господина лишенным права на владычество. Я также согласен на это смещение, если уж он считает Алия недостойным, и предлагаю вручить высокий сан моему господину Му'авии, так как он ближайший родственник Османа, мститель за его кровь и достойнейший наследовать ему». Можно себе представить, каково было изумление слушателей, негодование друзей Алия, а в особенности ярость обманутого кругом Абу Мусы. Он разразился отборными ругательствами, громко укоряя Амра в коварстве, и бросил ему в лицо стих Корана (7.175): «Ты уподобился собаке, высунувшей язык, когда на нее нападают: высунут язык у ней и тогда, когда ее оставляют в покое»*. Но и Амр твердо знал свой Коран, хотя не заботился поступать согласно его предписаниям, и ответил, по своему обыкновению, не задумываясь (сура 62.5): «А ты все единственно что осел, несущий книги»". Увы, оба были правы. Абу Мусе чуть не пришлось плохо. Сирийцы решились забрать его с собой из опасения, как бы не распространилась дурная молва про весь третейский суд, если Абу Муса станет болтать о проделанном над ним обмане. Стоило ему больших усилий ускользнуть от преследователей и укрыться благополучно в Мекку. С ним было покончено раз навсегда, более уже он не появлялся публично.

Серьезно говоря, весь этот фарс в Думате, не принимая в расчет официальных заявлений сирийцев, в сущности ни к чему не привел. Одно разве, он послужил для населения Медины предлогом соблюдать по-прежнему нейтралитет. Меж тем Му'авия позаботился потребовать из всех местностей своей провинции признания себя халифом. Алию ничего более не оставалось, как снова двинуться походом в Сирию. Еще раз попытался он привлечь хариджитов; написал к ним, что третейские судьи исполнили свою обязанность не по слову божию; таким образом остается все по-прежнему, и он собирается двинуться против общего врага; они могут присоединиться и принять участие в войне. Но было уже поздно. Они избрали своего собственного халифа и ответили по своему

' Сравнение с человеком, погрязшим в неверии и мирском, которого откровения так же мало беспокоят, как и собаку все окружающее; от усталости и жажды свесился у ней язык на шею.

" Намек этот первоначально касался иудеев, имевших в книгах Моисея божеское откровение, но не заботившихся об истинном значении

разумению совершенно правильно: ревность Алия себялюбива, не имеет в виду дела божия. И если он сам лично не пожелает засвидетельствовать, что впал в неверие, что обещает полное раскаяние, им придется и на будущее время его отвергнуть. Вести дальнейшие переговоры становилось невозможно. Если бы далее Алий и пожелал согласиться на подобное унизительное признание, он не мог этого сделать ради своих же Ши'а. В их глазах он повредил бы себе гораздо более, чем могли принести ему пользу хариджиты. Халиф было порешил выступить в Сирию немедленно же, но его войска отказались следовать за ним; ему объяснили, что нельзя же так покидать страну, пока не истреблены бунтовщики; по выступлении войск они могут безнаказанно производить всякие бесчинства. Посредником при передаче этого мнения, как говорят, опять-таки был Аш'ас Ибн Кайс, поэтому и тут можно усматривать нечто фальшивое. Но все известия единогласно утверждают, что хариджиты действительно пытались распространиться в окрестностях Нахравана и затеяли серьезную пропаганду своего учения. Последовательные фанатики с первого же момента выказали готовность действовать насильственным путем: всех, кто им ни попадался, они принуждали торжественно отрекаться от Османа и Алия и проклинать их; если же кто отказывался — попросту убивали. Подобный образ действия, конечно, нельзя было долее терпеть. Уже готовое к выступлению в сирийский поход войско свернуло в сторону и вскоре раскинуло лагерь у Нахравана. Мирные переговоры, которые снова попытался завязать Алий, а еще более впечатление громадного превосходства сил заставило большинство рассеяться по ближайшим округам Персии и Ирака. Лишь 1800 самых упорных не захотели уступить. После короткой схватки они все до последнего человека были уничтожены (9 Сафар 38 = 17 июля 658).

Как ни ничтожно было событие с чисто военной точки зрения, но оно имело для Алия гибельные последствия. Тех из хариджитов, которые успели укрыться в соседние провинции, мученическая смерть фанатических товарищей подстрекала к новым усилиям пребывать неуклонно на «стезе божией». Роились они во мраке, в особенности среди сельского населения Хузистана и Фарса*. Жители этих провинций и без того были недовольны тягостью арабской системы налогов. Поэтому секта продолжала мало-

помалу развиваться. Целое столетие и более пришлось арабскому правительству неустанно преследовать ее, а зимой в 658/9 (38) стала тревожить она и Алия рядом маленьких восстаний в южном Ираке, Хузистане и Фарсе. Отдельным отрядам удавалось, правда, обращать везде бунтовщиков в бегство. З и я д же, сын Сумайи", наместник Фарса, с большим благоразумием умел поджигать различных предводителей одного против другого, частью улещал обещаниями и восстановил некоторое спокойствие относительно в короткий промежуток времени (39 = 659). Но все эти волнения сильно способствовали раздроблению сил халифа, сосредоточение которых потребно было более, чем когда-либо. Между тем, поход в Нахраван ознаменовался роковым эпилогом. Раздумывая о длинном походе от восточного Тигра в Сирию, куфийцы вдруг объявили, что с них на этот год совершенно достаточно. Никакие убеждения о необходимости совершить давно рассчитанное, необходимое неотложно предприятие не могли их заставить беспрекословно повиноваться. Может быть, и здесь играли роль изменнические происки; главная же побудительная причина неповиновения заключалась в глубоком потрясении авторитета Алия всеми предыдущими событиями. Столь мало развитые в политическом отношении, невзирая на их воинские способности, чему немало встречалось примеров и в войнах против пророка, едва ли понимали эти наивные и мало соображающие бедуины, что против подобного основательного неприятеля, как Муавия, необходимы быстрота и полное напряжение, дабы не упустить малейшего успеха, а повиноваться приказаниям халифа беспрекословно они были еще менее склонны, чем прежде. Таким образом, последнее средство, могшее еще спасти Алия, ускользало из его рук

' Фарс — это Персида, исконная родина Ахемепидов; Хузистан лежит между Фарсом и южным Ираком.
" О нем будет говорено более подробно далее.

Между тем, в то же время его постигла большая потеря, к несчастию, нарушавшая значительно равновесие внешних сил. При передаче управления Египтом (36 = 656) Кайс Ибн Са'д, предместник Мухаммеда Ибн Абу Бекра, предупреждал его о небезопасности вообще положения и о необходимости осторожного обхождения с недовольными, запершимися в Харбита. Не посмотрел на это храбрый и энергический, но ограниченный и упрямый человек, выслал против них отряд в несколько тысяч, который, однако, потерпел полное поражение. Эта первая неудача наместника Алия послужила как бы сигналом к открытому восстанию для всех тех, которые тайно держали в Египте руку Амра и Му'авии, и Мухаммед сразу очутился в самом критическом положении. Теперь халиф понял, что тот не сумеет выполнить задачи, и несколько времени спустя после сражения при Сиффине (37 = 657-8) послал в Египет лучшего из своих полководцев, Малика Аль-Аштара. К несчастью, проведал об этом М/авия. Он постарался через своих приверженцев в Египте подкупить сборщика податей в Кулзуме*, пообещав ему пожизненно все доходы с этого места сполна. Когда Малик прибыл сюда, изменник угостил его отравленным медом; так злополучно погиб храбрейший из храбрейших. Немедленно вторгнулся в страну из Сирии Амр. После поражения одного из подчиненных полководцев большинство приверженцев покинули Мухаммеда; его настигли бежавшего и умертвили (38 = 658), а Амр вступил победителем в Фустат. Старая лиса добилась наконец цели своей жизни. По предварительному условию с Му"авией, расположился он по-домашнему в излюбленной своей провинции и без особенных приключений управлял ею до конца жизни. Последние свои годы пожелал он прожить в спокойствии, поэтому и после того, когда везде был признан Муавия, он не предпринимал ни одного военного похода на запад. 1 Шавваля 43 (6 января 664) умер он, как передает предание, не совсем с спокойной совестью, мучимый сомнениями о том, что ждет его там, на том свете. Должное возмездие заслужил, конечно, вполне этот весьма дарови-

' Древний Клизма, нынешний Суэц.

тый, остроумный и бесконечно лукавый, к тому же в качестве полководца если не гениальный, то во всяком случае весьма искусный и счастливый человек Сверх того был он великий проныра и никогда не руководился иной целью, как только своими личными выгодами. История всей его жизни переполнена интереснейшими эпизодами; известно множество случаев, когда его лукавая сноровка против всякого вероятия сразу, по-видимому, меняла порядок вещей. Трудно не изумляться его поистине изобретательному уму, его основательному знанию человеческой натуры; тем не менее его глубоко цинический эгоизм, его полнейшая неспособность воспринимать что-либо благородное и истинное производят в высокой степени отталкивающее впечатление. При всем том это такой замечательный, в некотором роде классический образец истого араба, что лишь одному филистеру может прийти в голову смотреть на это создание как на отвратительное исчадие.

Потеря Египта была тяжким ударом для Алия. Не говоря уже про доходы из богатой страны, правое крыло Му'авии было обеспечено, и он мог сам предпринять наступательное движение. Вскоре действительно появляются летучие отряды сирийцев повсеместно: в Месопотамии, в Медине и Мекке. Даже в южную Аравию забрались войска непокорного наместника. В течение двух лет без перерыва (38—40 = 658—660) продолжалась борьба во всех провинциях. Мекка и Медина, жители которых равнодушно относились к обоим претендентам, не однажды переменяли своих властителей, более же всего страдали пограничные округа. Все-таки Алий выдерживал борьбу стойко. Всякий раз, когда можно было поставить на ноги куфийцев, он посылал неустанно все новые экспедиции и за последнее время пользовался

значительным успехом даже в Аравии. Как вдруг, раз в пятницу 15 Рамадана 40 (22 января 661) три хариджита* напали в Куфе на халифа,

* На основании высказанного в элегии, написанной одним из приверженцев Алия, в соединении с заметкой старинного сирийского хроникера Ранке (Weltgeschichte, V 1.170) подозревает — не Му'авия ли подослал убийц. Но это едва ли вероятно. Омейяды, понятно, возликовали совершенно открыто, узнав о происшедшем, и озлобленный поэт мог легко бросить намек на соучастие, которое, может быть, и сам только предполагал. Летописец же сириец жил вдалеке от совершившегося. Положим, Му'авия был способен на такое дело, но если бы это действительно произошло, как, например, тяготевшее на его совести умерщвление Аштара, в таком случае предание, приписывавшее наместнику все наихудшее, без сомнения, обвинило бы его и в этом. В данном случае указывается бесспорно на хариджита Ибн Мульджама, стало быть, виновник именно он. Далее в известиях прицеплена баснословная прикраса, что Ибн Мульджам поклялся вместе с двумя другими умертвить в один и тот же день злодеев; Алия, Му'авию и Амра, безмерное честолюбие которых потрясло исламскую общину, что только будто бы случайно избегли оба остальные той же участи.

следовавшего на богослужение по пути в мечеть. Один из них, Ибн Мульджам, нанес ему смертельную рану, рассекши череп. Два дня спустя, в воскресенье (17 Рамадана 40 = 24 января 661), Алий испустил дух, пав, как и оба его предшественника, искупительной жертвой власти повелителя.

Во всех отношениях Алий представляет собой прямую противоположность обоим своим противникам, Амру и Му''авии. Ревностный мусульманин, приверженец и непоколебимо верный друг пророка, честная и, как кажется, исполненная энтузиазма натура, даровитый поэт и оратор, воин непреклонной храбрости, халиф не мог похвастаться именно тем, что требовалось настоятельно его временем: могучим талантом правителя и политической проницательностью. Всего же хуже было то, что у этого отважного меча, подобно башне непоколебимого в сражении, недоставало во всем остальном ни капли решимости. Привыкши подчиняться, пока была в живых, влиянию супруги своей Фатимы, дочери пророка, он и позже не мог выработать никакой властной самостоятельности. Поэтому и пришлось нести горькое искупление за единственную роковую ошибку жизни, бросившую тень на все остальные вполне благородные побуждения, — за допущение умерщвления Османа. Отринув обязанность сохранения верности по отношению к несчастному своему свояку, правителю плохому, но все же по данной им присяге властелину законному, Алий устремился на нечистое, скользкое поле всемирной политики, на котором безыскусственной натуре поэта и солдата невозможно было выдержать борьбу с людьми такого закала, как Амр и Му'авия. Человек с половинной натурой и мог совершать лишь полудействия. Но судьбе угодно было, чтобы своим печальным концом он как бы смыл свою вину. Последующее развитие истории ислама привело к тому, что и поныне его образ для каждого мусульманина представляется озаренным солнечным блеском. Подобно тому, как некто в настоящее время не вспомянет о его некрасивой внешности*, давно забыто также участие его в печальной судьбе Османа. Во всех мусульманских странах известен он как герой, поэт и мудрец. Так как собственные его стихотворения и поговорки большей частью бесследно исчезли, то ему приписывают бесчисленное множество новых, пользующихся величайшею популярностью. Половина исламской общины почитает его чуть не более, чем самого пророка, видит в нем святого мученика незапятнанной чистоты и высшего благородства души. Словно сам народ пожелал сотворить себе кумира, воплотив в нем, так сказать, духовного носителя высших религиозных воззрений. Счастливый его соперник мудро и хитро отвоевал себе великую всемирную империю; с сознательным могуществом и превосходным пониманием обстоятельств, он сумел далеко лучше управлять ею, чем когда либо был в состоянии Алий. Между тем в глазах Персии, растоптанной арабами муавии, именно потому противник его и представляется наиблагороднейшим человеком, а имя Муавии стало синонимом проклятия. Таким образом, последний из легитимных халифов, которым заключилась патриархальная эпоха ислама, выступает в новейшем периоде на передний план, и лик его затмевает все. Он как бы предназначен был для дальнейшего поступательного в непредвиденной форме развития народа и религии арабов при взаимодействии внешних столкновений с чужеземцами, в особенности же с элементами персидскими и внутренними народными течениями. КОНЕЦ 1 ТОМА

* По странной случайности, подобно своему противнику Муавии, был он, несмотря на свою воинскую расторопность, до безобразия тучен.